

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
**Институт дополнительного образования «Дагестанский
государственный университет»**
Филиал Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
**Институт дополнительного образования «Дагестанский
государственный университет»**
Филиал Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте

МАТЕРИАЛЫ

V Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления
государства Российского»
08 декабря 2018 года

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Институт дополнительного образования «Дагестанский
государственный университет»
Филиал Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте

материалы

V Международной научно-практической

конференции

«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»

08 декабря 2018 года

Махачкала – 2018

РУКОВОДИТЕЛИ

V Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
08 декабря 2018 года

Профессор Касумов Рамазан Магомедович
Профессор Магомедов Магомед Баширович
Профессор Османов Махач Магомедович
Доцент Гашимов Рамис Рамазанович
Доцент Мусаев Мирза Мусаевич
Доцент Разаков Руслан Чупан-Магомедович
Доцент Сайбулаева Джамия Гаирхановна
Секретарь Гасанбекова Диана Гусеиновна

ОРГКОМИТЕТ И РЕДКОЛЛЕГИЯ:

1. Айбатов Магомеднаби Магомедмирзаевич – доктор юридических наук, профессор.
2. Гашимов Рамис Рамазанович – кандидат исторических наук, доцент.
3. Гитинова Мадина Махмудовна – кандидат юридических наук, доцент.
4. Касумов Рамазан Магомедович – доктор исторических наук, профессор.
5. Магомедов Магомед Баширович – доктор исторических наук, профессор (Ответственный редактор).
6. Мусаев Мирза Мусаевич – кандидат юридических наук, доцент.
7. Османов Махач Магомедович – доктор экономических наук, профессор.
8. Пирова Рена Низамиевна – кандидат исторических наук, доцент.
9. Разаков Руслан Чупан-Магомедович – кандидат исторических наук, доцент.
10. Рамазанов Ахмед Хидирович – доктор исторических наук, профессор.
11. Сайбулаева Джамия Гаирхановна – кандидат психологических наук, доцент.
12. Халифаева Анжела Курбановна – доктор юридических наук, профессор.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

V Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
08 декабря 2018 года

Руководитель: Магомедов М.Б.
Секретарь: Гасанбекова Д.Г.

Касумов Р.М. Процесс освещения вопроса историографии Дагестана в политике противоборствующих держав на Кавказе от Петербургского договора до Гюлистанского трактата (1723-1813)	7
Магомедов М.Б., Магомедов Б.М. Политика колонизации государства Российского глазами Матвея Кузьмича Любавского	13
Османов М.М. Экономический аспект правосубъектности в гражданском праве	16
Гашимов Р.Р. Вопросы совершенствования уголовно-правового противодействия коррупции, как составному элементу организованной преступности	20
Гитинова М.М. Некоторые вопросы о детерминантах преступности: проституции и алкоголизма женщин ..	22
Гогурчунов Б.И. Воздействие эволюции формы правления на построение системы органов государственной власти в субъектах Российской Федерации (на примере РД)	24
Мусаев М.М. Общесоциальные меры предупреждения и профилактики незаконного изготовления взрывных устройств	27
Пирова Р.Н. Характер проблемы борьбы горцев за независимость	31
Разаков Р.М., Насрудинов Н.Б. Новая Экономическая Политика в России 20-е годы XX века	33
Сайбулаева Д.Г. Психологическая модель обучения в начальной школе в настоящее время	34
Халифаева А.К. Гражданско-правовые проблемы: обычное право на Кавказе (дореволюционный период) ..	36

СЕКЦИЯ

V Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
08 декабря 2018 года

Руководитель: Магомедов М.Б.
Секретарь: Гасанбекова Д.Г.

Абдулаева С.Р. кызы Особенности проведения отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования	37
Абубакаров М.М. оглы Тактика производства отдельных следственных действий последующего этапа расследования	40
Амирбекова Г.Г. Практические проблемы компенсации морального вреда	43
Амирбекова Г.Г. Процессуальное положение несовершеннолетних и малолетних в уголовном судопроизводстве	45
Бабаев Н.А., Пирова Р.Н. Проблема коррупции и борьба с ней в Российском государстве	47
Гасанова Ш.Ш. кызы Преступление в сфере экономики по законодательству Азербайджана и Италии (сравнительно-правовой анализ)	48
Гашимов Р.Р. Законодательная деятельность Шамиля и правовое положение личности в Имамате	51
Гитинова М.М. Степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий преступление умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	56
Гогурчунов Б.И., Гогурчунова М.Б. Конституционные принципы организации и деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации	58
Гурбанов Р.И. оглы Законодательство об акционерных обществах: общая характеристика	60
Джалилова У.Ш., Пирова Р.Н. Способы защиты субъективных гражданских прав от посягательств: гражданско-правовой аспект	63
Лахитова П.М. Некоторые аспекты реализации военных реформ Имамата	65
Магомедов Б.М. Политико-правовые мероприятия Российской империи в отношении сельских обществ Северо-Восточного Кавказа	69
Магомедов Б.М. Освещение проблемы историографии «горской экспансии»	73
Магомедов Б.М. Политика официальных властей в отношении мусульманского духовенства	76
Магомедов М.Б., Мусаев М.М. Становление и развитие института адвокатуры государства Российского до начала XX века	80
Магомедов М.Б. Некоторые вопросы деятельности органов прокуратуры в период Великой Отечественной войны: специфика деятельности	82
Магомедов М.Б. Характер проблемы преподавания истории отечественного государства и права в высшей школе	87
Магомедов М.Б., Мусаев М.М. Зачатки формирования гражданского общества в Имамате	89
Магомедов М.Б., Мусаев М.М. Становления института прокуратуры государства Российского	92
Магомедов М.Б., Лахитова П.М., Магомедов Б.М. Дореволюционные и советские авторы о борьбе горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века	96

Махаев Я.М. оглы Услуги как самостоятельный объект гражданско-правовая категория.....	104
Махмудова А.М. кызы Покушение на преступление: ответственность за приготовление	108
Мусаев М.М. Некоторые вопросы изменений в законодательстве в области предпринимательства	113
Мусаев М.М. Проблемы преступления, связанные с незаконным оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств	114
Мусаев М.М. Характер и признаки обязательства из причинения вреда.....	117
Пирова Р.Н. Гостиные дворы азербайджанских купцов XIX в. в Астрахани.....	119
Пирова Р.Н. Проблемы в развитии современной адвокатуры в России.....	121
Пирова Р.Н. Торговля персидского купечества на восточном побережье Каспийского моря в первой половине XIX века и защита ее интересов.....	123
Пирова Р.Н. Социально-экономическая благотворительная деятельность азербайджанского купечества в Астрахани во второй половине XIX-начале XX вв.	125
Пирова Р.Н. Влияние коррупции на общественную жизнь в Российской Федерации	129
Разаков Р.М., Насрудинов Н.Б. К вопросу о принятии конституции СССР 1936 года.....	130
Разаков Р.М., Насрудинов Н.Б. Адаты в Дагестане	132
Сайбулаева Д.Г. Синдром «психического выгорания» педагогов.....	135
Сулейманзаде Т.Б. оглы, Лахитова П.М. Первоначальный этап планирования расследования преступлений.....	137
Халумова Х.Х. кызы Уклонение от ответственности за совершенное преступление.....	140
Сведения об участниках.....	142

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ
V Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
08 декабря 2018 года

Процесс освещения вопроса историографии Дагестана в политике противоборствующих держав на Кавказе от Петербургского договора до Гюлистанского трактата (1723-1813)

Р.М.Касумов

Историография темы обширна, представлена работами русских, кавказских, турецких, персидских и западноевропейских авторов. Ввиду многочисленности и разноязычности исследований для их конкретной оценки автором рассматриваются сначала труды отечественных, а затем зарубежных историков. Следует отметить работы С.М.Броневского, А.А.Неверовского, В.И.Лебедева, И.И.Березина, С.М.Соловьева, Г.В.Мельгунова, обратившим внимание на описание Дагестана, прикаспийских областей, Кавказа в целом, подготовку и проведение Каспийского похода Петра I, реакцию на это крупнейшее военно-политическое мероприятие правящих кругов Ирана, Турции, Англии, Франции и др. держав.¹ Наибольший вклад из них в освещение русско-иранских, русско-турецких, ирано-турецких переговоров и договоров, оценку позиций западных держав внес С.М.Соловьев, рассматривавший их в свете военных действий на Северном Кавказе, Дагестане, Закавказье, Ираке и др. местах до конца русско-турецкой войны 1768-1774 гг.²

Наличием фактического материала по теме отличаются работы историков XIX-начала XXв., охватившие широкий круг событий военного, политического и дипломатического характера: Д.П.Бутурлина, В.А.Ульяницкого, В.А.Потто, Н.Ф.Дубровина, В.И.Бакуниной, И.Радожницкого, А.И.Михайловского-Данилевского, В.Д.Смирнова, Н.Д.Чечулина, Н.Волконского, Е.Д.Фелицына, В.О.Ключевского, исследования по утверждению русского владычества на Кавказе³ и др. Однако, используя труды этих авторов, необходимо учитывать, что оценка ими кавказской политики царизма субъективна, обусловлена стремлением заглушать ее колониальный характер.

Некоторый вклад в изучение истории Дагестана и Ширвана по изучаемому периоду внесли кавказские историки XIXв. А.-К.Бакиханов, Г.-Э.Алкадари и Д.-М.Шихалиев. При этом, если Бакиханов и Алкадари уделили преимущественное внимание завоевательным походам Надир-шаха и противоборству России, Ирана и Турции в регионе⁴, то Шихалиев особенно отметил геополитическую роль Дагестана в этих событиях, взаимовлияние Юго-Восточной Европы и Передней Азии через Дербенский проход.⁵

Продолжая поэтапный обзор трудов отечественных авторов, отметим, что исследователи 20-х-80-х гг. XX века прошли эволюцию от крайне радикального отрицания какой-либо положительной роли кавказской политики России вплоть до чрезмерного восхваления, отвергающего ее колониальный, захватнический характер. К представителям первой точки зрения (20-е-30-е гг. XX века) можно отнести М.Н.Покровского, Г.А.Кокиева, Б.В.Скитского и др.⁶, акцентировавшим внимание на соперничестве Англии, Франции, России, Ирана и Турции в регионе, выявлении классовых корней их кавказской политики.

¹ [Броневский С.] Новейшая географическая и историческая известия о Кавказе, собранные и пополнены Семеном Броневским. – М., 1821. Ч.1.; Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1847; Лебедев В.И. Западный берег Каспийского моря при Петре Великом // Журнал министерства народного просвещения. 1848. – № 3; [Березин И.] Путешествия по Дагестану и Закавказью И. Березина. Казань, 1848; Соловьев С.М. Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник, 1874. Т.110.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1963. Кн. IX.Т.18. Кн. X.Т.19-20. Кн. XI.Т.22; 1964. Кн. XII.Т.23-24; 1965. Кн.XIII.Т.25. Кн.XIV.Т.28.

³ Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч.1.Т.2-3. Ч.2.Т.3-4; Его же. Картина войн России с Турциею в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. СПб., 1829; Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIIIв. – М., 1883; Его же. Русские консулы за границею в XVIIIв. – М., 1899. Ч. 1-2; Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях; Его же. Два века Терского казачества (1557-1801). Владикавказ, 1912. Т.1; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т.2; Его же. Закавказье от 1803 до 1806г. СПб., 1866; Его же. Поход графа Зубова в Персию в 1796г. // Военный сборник. СПб. 1874. – № 2-6; Бакунина. В. И. Персидский поход в 1796г. // Русская старина, 1877. Кн. 2; Радожницкий И. Историческое известие о походе русских войск в 1796г. в Дагестан и Персию // Отечественные записки. СПб., 1897. Ч.31. – № 87; Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны в царствование Александра I 1808-1812 гг. СПб., 1843; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии до присоединения к России // Записки императорского одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Одесса, 1889. Т. XV; Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762-1774). СПб., 1896; Волконский Н. Кавказ в 1787-1789 гг. // Кавказский сборник. Тифлис, 1890. Т.14, 1894. Т.15; Фелицын Е.Д. Материалы для истории Северного Кавказа 1787-1792 // Кавказский сборник. Тифлис, 1896. Т.17; Ключевский В.О. Сочинения. Курс новой истории. – М., 1989. Т.4. (1696-1762). Т.5 (1762-1861); Его же. Исторические портреты (Петр I, Елизавета Петровна, Екатерина II). – М., 1991; Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901. Т.1.

⁴ Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991; Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1994.

⁵ Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993.

⁶ Покровский М.Н. Дипломатия и войны России в XIX столетии. – М., 1923; Кокиев Г.А. Военно-колониционная политика царизма на Кавказе // Революция и горец. Ростов на Дону, 1923. – № 4-6; Его же. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Изв. ЮООНИИК. Сталинир, 1933. Вып.1; Скитский Б.В. Холодный вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739-1779 гг.) Владикавказ, 1930.

Среди исследователей 20-х-40-х гг. XX века непосредственно с темой созвучны идеи, содержащиеся в трудах В.В.Бартольда¹, Е.С.Зевакина,² М.А.Полиевктова³, В.Н.Левиатова⁴, П.И.Петрушевского⁵ и др., касающиеся геополитики Дагестана и прикаспийских областей, взаимосвязи западной и восточной политики России, русско-турецкого и ирано-турецкого противоборства, ирано-русского сотрудничества, политики Англии, Франции, Пруссии и Австрии с 20-х гг. XVIII в. до начала XIX в.

Анализ исследований отечественных авторов второй половины XX-начала XXI в. требует особого подхода ввиду того, что из-за распада СССР в 1991 г. закавказские и среднеазиатские историки оказались в числе зарубежных. Поэтому в рамках отечественной историографии следует рассматривать труды российских, дагестанских и северокавказских историков, выделив сначала исследования 50-х-80-х гг. XX века; затем работы 90-х гг. XX века – 2010 г.

Исходя из сказанного следует отметить, что существенный вклад в разработку истории Дагестана в интересующем нас плане первыми внесли известные историки Р.М.Магомедов, В.Г.Гаджиев, С.Ш.Гаджиева⁶. Особая заслуга этих исследователей в том, что они глубже вскрыли геополитическое положение Дагестана, его роль в российско-турецко-иранском противоборстве, развитие российско-дагестанских отношений от временного до окончательного присоединения Дагестана к России. Ряд вопросов по теме нашли отражение в исследованиях Н.А.Сотавова⁷, касающихся освещения роли Кавказа в международных отношениях XVIII века в зарубежной историографии. Некоторое освещение рассматриваемые вопросы нашли в монографии Г.А.Джахиева⁸, посвященной роли Дагестана в русско-иранских и русско-турецких отношениях в начале XIX в. В отличие от них, Х.Х.Рамазанов и А.Р.Шихсаидов осветили проблемы Южного Дагестана, обратив внимание на историческое значение разгрома Надир – шаха.⁹ Подобные же сюжеты фрагментарного характера имеются в статьях А.Н.Козловой.¹⁰ Роль союзов сельских общин в борьбе за независимость Дагестана, обратившая внимание соперничавших держав, отражена в публикации Б.Г.Алиева и М.-С.Умаханова.¹¹ Отдельные стороны изучаемой проблемы с акцентом на крах завоевательной политики Надир-шаха и развитие русско-дагестанских отношений в XVIII-начале XIX вв. представлены в исследованиях А.И.Тамая¹² и Ф.З.Феодаевой¹³.

Наряду с вышеуказанными исследованиями 50-х-80-х гг. XX века необходимые сведения по теме содержат совместные труды историков, написанные в виде очерков¹⁴ или истории Дагестана,¹⁵ истории народов Северного Кавказа¹⁶, сборника статей по взаимоотношениям народов Дагестана с Россией и с народами Востока¹⁷. Определенный интерес представляют содержащиеся в этих трудах сведения о политике соперничающих стран на Кавказе, взаимоотношениях народов региона между собой и с Россией, об единстве в борьбе с иноземными завоевателями.

В круг исследований 50-х-80-х гг. XX века входят также труды российских и северокавказских историков, среди которых наличием фактического материала и суждениями концептуального характера

¹ Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925; Его же. Дагестан // Работы по исторической географии. – М., 2002.

² Зевакин Е.С., Полиевктова М.А. К истории прикаспийского вопроса. Тифлис, 1933.

³ Полиевктова М.А. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа. Тбилиси, 1937.

⁴ Левиатов В.Н. Очерки истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948.

⁵ Петрушевский П.И. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-XIX вв. Л., 1949.

⁶ Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968; Его же. Россия и Дагестан. Страницы истории. Махачкала, 1987; Его же. История Дагестана. Очерки и документы. Махачкала, 2004; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965; Его же. Петербургский договор 1723 г. (история заключения и значение) // Русско-дагестанские отношения в XVI-начале XX в. Махачкала, 1988; Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. – М., 1961; Ее же. Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2000.

⁷ Сотавов Н.А. Кавказ в политике Ирана, России и Турции в XVIII в. (по материалам иранских и турецких авторов) // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. – М., 1984; Его же. Освободительная борьба народов Северного Кавказа в свете русско-иранских и русско-турецких отношений XVIII в. (в освещении зарубежной историографии) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986; Его же. Кавказская проблема русско-иранских и русско-турецких отношений в XVIII веке (зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. Ростов на Дону, 1998. – № 2.

⁸ Джахиев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIX в. Махачкала, 1985.

⁹ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1984.

¹⁰ Козлова А.Н. Страница освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. – М., 1976. Вып. 18; Ее же. «Намэ-ийи аламара-ийи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.

¹¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К. Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII-первой половине XIX в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1976.

¹² Тамая А.И. Провал захватнических планов шаха Надир в Дагестане. Дис... канд. ист. наук. – М., 1951; Его же. К вопросу о провале дагестанской компании шаха Надир (1741-1743 гг.) // Уч. зап. ИИЯЛ. Даг. ФАН СССР, 1958. Т. 5.

¹³ Феодаева Ф.З. Из истории русско-дагестанских политических взаимоотношений в 60-е-70-е гг. XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып. 1; Ее же. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII-начале XIX в. Дис... канд. ист. наук, Махачкала, 1971.

¹⁴ Очерки истории Дагестана. В 2-х т. Махачкала, 1957. Т. 1.

¹⁵ История Дагестана. В 4-х т. – М., 1967. Т. 1.

¹⁶ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988.

¹⁷ Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Востока // Сб. ст., Махачкала, 1982.

выделяются монографии В.П.Лысцова, Н.А.Смирнова, А.В.Фадеева, О.П.Марковой, совместные исследования М.Р.Аруновой и К.З.Ашрафян, Н.С.Киняпиной, М.М.Блиева и В.В.Дегоева.

В монографии В.П. Лысцова¹ представлена картина подготовки и осуществления похода Петра, заключения русско-иранского и русско-турецкого договоров 1723-1724 гг., меры Петербурга по укреплению своих позиций в обретенных областях, позиции Англии и Франции по этим вопросам. В работе Н.А.Смирнова выявлены механизмы осуществления кавказской политики России и ее соперников, причины и последствия русско-турецких войн 1735-1739, 1768-1774, 1787-1791 гг., в ходе которых «Россия твердо отстаивала Северный Кавказ от покушения со стороны Турции».²

А.В. Фадеев глубже определил причины эволюции кавказской политики России при приемниках Петра, выявил объективную взаимообусловленность российско-кавказских отношений в последующий период. Содержателен его вывод о том, что «политические события, происходившие в одной части Кавказа, неизбежно влияли на другие его области».³ В работе О.П.Марковой интересен конкретный вывод об объективном совпадении успешного хода освободительной борьбы народов Дагестана против владычества Ирана с кавказской политикой царизма, направленной на поддержку этой борьбы, ясно сознавая, что «с Ираном была бы война, если бы горцы не остановили персов».⁴

В исследовании М.Р.Аруновой и К.З.Ашрафян, насыщенном богатым источниково-историографическим материалом, убедителен вывод о том, что «в Дагестанском походе Надир терпел одно поражение за другим... Потеряв значительную часть войска,... Надир вынужден был в феврале 1743г. вернуться в Иран».⁵ Столь же значительным представляется вывод, содержащийся в совместной работе Н.С.Киняпиной, М.М.Блиева и В.В.Дегоева: «активизация политики России на Кавказе в XVIIIв. вызвала спор за обладание между Россией, Ираном и Турцией». В конце XVIII-начале XIXв. экспансионистские планы наполеоновской Франции, а затем и Англии на Востоке заставили Петербург усилить внимание к Кавказу».⁶

Заметный вклад в изучении роли Дагестана в международных отношениях Кавказского региона внесли исследователи постсоветского периода (1991-2010). Плотным соприкосновением с темой среди них отличаются труды Р.Г.Абдулатипова, Б.Г.Алиева, Я.З.Ахмадова, В.Бобровникова, В.Г.Гаджиева, Ш.А.Гапурова, Д.Б.Абдурахманова и И.М.Израилова, М.Р.Гасанова, Э.Г.Джахиевой, Е.И.Иноземцевой, Р.М.Касумова, Р.М.Магомедова, Н.А.Магомедова, Р.Г.Маршаева и Б.Б.Бутаева, А.И.Омарова, А.Х.Рамазанова, Н.А.Сотавова, Х.Н.Сотавова, М.-С.К.Умаханова, Ф.З.Феодаевой, А.В.Шишкова⁷ и др. Особое место в этом ряду заслуживает новейшее издание истории Дагестана учеными ИИАЭ ДНЦ РАН,⁸ содержащее конкретные данные по теме.

Важные вопросы по теме подняты в монографиях по Северному Кавказу, Прикаспийскому региону и Кавказу в целом, докторских диссертациях, специальных статьях и материалах докладов на научных

¹ Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722-1723 гг. – М., 1951.

² Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. – М., 1958. – С. 76.

³ Фадеев В.А. Россия и Кавказ в первой трети XIXв. – М., 1960. – С. 27.

⁴ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIIIв. – М., 1960. – С. 126.

⁵ Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. – М., 1958. – С. 159.

⁶ Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII-30-ег.г.-XIXв. – М., 1984. – С. 3.

⁷ Абдулатипов Р.Г. Кавказская политика России и российская ориентация Кавказа // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 1999. – № 3; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIIIв. – М., 2001; Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б. и Израилев И.М. Дагестан в кавказской политике России в первой трети XIXв. Нальчик, 2008; Маршаев Р.Г., Бутаев Б.Б. История лакцев. Махачкала, 1991; Бобровников В. Дагестан: между Россией и мусульманским Востоком // Вестник Евразии, 1995. – № 2; Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996; Касумов Р.М. Дагестан и Россия в первой четверти XVIIIв. Махачкала, 1997; Его же. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIIIв. Дис... канд. ист. наук, Махачкала, 1999; Касумов Р.М., Сотавов Н.А. Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра и Надир-шаха Афшара. Махачкала, 2008; Гасанов М.Р. Каспийский поход Петра I – важный этап в развитии русско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа. Ростов на Дону, 1995. – № 2. Его же. Дагестан в истории Кавказа и России. Махачкала, 2004; Джахиева Э.Г. Кумыкские феодальные владения в международных отношениях в конце XVIII – начале XIXв. (1774-1826 гг.). Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1998; Её же. ... Дис... д-ра наук... Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К. Историческая география Дагестана XVIII – начала XIXв. Махачкала, 1991. Кн.1, 2001. Кн.2; Алиев Б. Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. Махачкала, 2002; Сотавов Н.А. Крах «Грозы вселенной». Махачкала, 2000; Его же. Кавказская проблема в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIIIв. (Зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. Ростов на-Дону, 1998. №2; Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во второй половине XVIII-первой половине XIXв. Махачкала, 2000; Его же. Южный Дагестан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в XVIII - первой половине XIX в. Махачкала, 2005; Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII-первой половине XIXв. Махачкала, 2001; Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XXв. Махачкала, 2004; Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан в XIX-начале XX веков. Махачкала, 2003; Сотавов Х.Н. Дагестан в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIIIв. Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2002; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII- начале XIXв. – М., 2008; Шишков А.В. Схватка за Кавказ: XVI-XXвв. – М., 2005; Россия и Дагестан: история многовековых отношений и единения. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной окончательному присоединению Дагестана к России. Махачкала, 2010; Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007.

⁸ История Дагестана с древнейших времен до XXв., М., 2004. Т.1

конференциях. Количественно среди них преобладают материалы по Северному Кавказу¹, в меньшей степени – по Кавказу в целом²,

Прикаспийскому региону³ и Северо-Восточному Кавказу⁴.

Отдельные вопросы нашей темы непосредственно соприкасаются с тремя исследованиями, посвященными внешней политике России⁵ и образования многонационального Российского государства,⁶ в которых нашли освещение комплекс вопросов по различным аспектам исследования, включая кавказский регион от Каспийского похода Петра I (1723) до Ясского договора (1791).

Таким образом, отечественная историография XIX-начала XXI в. представляет определенный материал для выявления места и роли Дагестана в кавказской политике противоборствующих государств. Однако следует учитывать, что отдельные историки дореволюционного, советского и постсоветского периодов допускают неточности фактического, хронологического и концептуального характера, искажающие суть событий, в частности, колониальный, захватнический характер кавказской политики России. Первая из них касается искажений названий отдельных областей и международных соглашений (Астраханская вместо Архангельской области, Айналы-Кавказская – вместо Айналы Кавказской конвенции;⁷ вторая – утверждения о том, что Шемаха с уничтожением русских купцов была взята в 1712г. – вместо 1721г.;⁸ третья - попытки отрицания колониального характера кавказской политики царизма⁹, подвергшейся принципиальной критике и отвергнутой за субъективизм и антинаучные измышления ее импровизаторов.¹⁰

Необходимо отметить, что кроме отечественной историографии, по теме имеется обширная зарубежная историография, состоящая из трудов азербайджанских, армянских, грузинских, английских, французских, американских, австрийских, иранских и др. исследователей. Из исследования азербайджанских, армянских и грузинских историков XVIII-XIX вв. следует выделить работы Г.М.Молладзе Ганджеви, А.Ереванци, Е.Х.Джалаляна и А.А.Цагарели,¹¹ отразившие антииранские восстания в Дагестане и Ширване в 1707-1721 г.г., походы Надир-шаха 1734-1735гг., русско-кавказские отношения в XVIII- начале XIXвв., ставших составной частью международных отношений.

Однако по сравнению с указанными исследованиями труды азербайджанских, грузинских и армянских историков XX в. значительно преобладают над ними как в количественном, так и в качественном выражении. К таким исследованиям азербайджанских историков относятся труды А.А.Абдурахманова,

¹ Поляков Ю.А. Слово о Северном Кавказе // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской конференции. Москва – Ставрополь, 2001; Рахаев Ж.А. Геополитическое положение Северного Кавказа в системе международных отношений первой половины XVIIIв. // Там же. Раджабов О.Р., Скалькова В.П. Геополитическое положение на Северном Кавказе: некоторые аспекты // Там же. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIIIв., М.,1991; Джахияев Г.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII-первой трети XIXв. (от Георгиевского трактата до Андринопольского договора 1783-1829 гг.). Автореф. дис... д-ра ист. наук. Махачкала, Ташкент, 1994; Якубова И. И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII-первой половине XIX в. Автореф. дис... д-ра. ист. наук. Нальчик, 2004.

² Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001; Сотавов Н.А. Кавказская проблема в русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношениях XVIIIв. (Зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. Ростов на Дону, 1998. – № 2; Барышникова Н.В. Кавказская политика Петра I. Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1999; Hanco Д.А. Кавказ в системе геополитических отношений // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва – Ставрополь, 2001; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2003; Его же. Кавказ между тремя империями // Международная жизнь, 2003. – № 12; Магомедова Р.М. Кавказская проблема в восточной политике России, Англии и Франции в первой половине XVIIIв. Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2004; Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции. Владикавказ, 2005.

³ Жильцов С.С., Зон И.С., Ушаков А.М. Геополитика Прикаспийского региона. – М., 2003; Сотавов Н.А., Хадисова С.Р. Прикаспийские области в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2005. – № 2.

⁴ Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX-начале XXв. Махачкала, 2004.

⁵ Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. – М., 1990; История внешней политики России. XVIIIв. – М., 1998.

⁶ Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIXвв. – М., 1998.

⁷ История народов Северного Кавказа. – М., 1988.С.416,449.

⁸ Голиков И.И. Деяния Петра Великого...Т.6., изд-е 2-е. – С. 37,38; Комаров В.В. Персидская война 1722-1735гг...С.16; Саймонов Ф.И. Описание Каспийского моря...С. 31,100; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа...Ч.1. С.3,9,17 и др.

⁹ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность // История СССР, 1983. – № 2. С.57,59,61,74; Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вместе к великой цели. Грозный, 1983. С. 8,10,17; Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976-1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР, 1987. С.95-96.

¹⁰ Гамзатов Г.Г. Преодоление. Становление. Обновление. Махачкала, 1986. С. 37,38; Алиев Б.Г., Умаханов М.- С.К. Союзы сельских общин...С. 55; Ибрагимбеи Х.-М. Некоторые вопросы истории национально-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма и передовая Россия (20-е-50-е гг. XIXв.) // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Региональная и научная конференция. Махачкала, 1987.С. 9,10,11; Ортобаев Б.Х., Тотаев Ф.В. Еще раз о кавказской войне: ее социальных истоках и сущности // История СССР, 1988. – № 4. С. 80,87,98.

¹¹ Гаджи шейх Гасан Моллазаде Ганджеви. Зубдат –ал-таварих. Гянджа, 1912; Авраам Ереванци. История войн 1721-1736 г.г. Ереван, 1939; Е.Х. Джалалян. Краткая история станы Албанской (1702-1722 г.г.) Баку, 1989; Цагарели А.А. Сношения Кавказа с Россией XVI-XVIII вв. СПб., 1891. Тифлис, 1903.

Г.Б.Абдуллаева, Р.Ф.Бадирбейли, Ф.М.Алиева, Т.Т.Мустафазаде, Л.И.Юнусовой, Г.Н.Мамедовой, совместные исследования по истории Азербайджана и Грузии.¹ Среди имеющихся в указанных трудах достоверных сведений привлекает внимание не только оценки роли постоянно действующего «треугольника сил» (Россия, Иран, Турция), но и всей системы кавказской политики с участием западных держав, в которой Дагестан выступает в качестве непроходящего устойчивого фактора.

Необходимые сведения содержатся в работах грузинских историков середины 50-х-80-х гг. XX века: Г.Г.Пайчадзе, В.Г.Чочиева, Т.Д.Боцвадзе, В.Мачарадзе² и др., представляющие главные события XVIII в. в свете международных отношений на Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке. Сказанное относится и к работам армянских историков А.Р.Иониссяна, П.Т.Арутюняна, Тер-Мкртчяна, Д.К.Васкояна и Д.А.Дилояна, З.А.Арзуманяна, Ц.П.Агаяна, С.А.Тер-Авакимовой³ др., уделившим определенное внимание международным событиям, в орбиту которых были втянуты Дагестан с пограничными областями Азербайджана, Армении и Грузии.

И наконец, значительную группу зарубежной историографии составляют труды представителей наиболее активно участвовавших в кавказских событиях стран – турецких, иранских, английских, французских, австрийских и др. историков.

Турецкая историография XIX-начала XX вв. касательно нашей темы предпочтительно представлена трудами османских историков А.Джевет-паши и А.Расима, австрийского историка Д.Хаммера и румынского историка Н.Йорги. В работе А.Джевета содержатся сведения о гегемонистических устремлениях Порты на Кавказе в 30-х-70-х гг. XVIII в.,⁴ А.Расима – намерениях Петра I утвердиться на побережьях Каспия и черного моря.⁵ Хаммер обращает больше внимания набегам османских и крымских феодалов на Кабарду и Дагестан, русско-турецких войнам 1735-1739, 1768-1774 гг., подписанным по их итогам двусторонним соглашениям.⁶ В отличие от них, Йорга больше затронул русско-дагестанские отношения, значение освободительной борьбы народов Дагестана для корректировки кавказской политики России.⁷

Отдельные эпизоды русско-иранских и русско-турецких отношений XVIII в. нашли отражение в негативных позициях касательно оценки политики России в работах иранских историков 30-х-40-х гг. XX века. Сейна Нава, Мохаммад Хекмата, Реза Сардари, Аббаса Экбала, Неджефа Моэззи и др. В этом плане характерны работы М.А.Хекмата и Р.Сардари, в которых приводятся данные о политике России, Турции и Крыма на Кавказе, военных действиях между ними, дипломатических миссиях и подписанных договорах в 1723, 1724, 1732, 1735, 1774, 1792 гг. с интерпретацией их текстов в качестве приложений.⁸

За послевоенный период иранская, турецкая и западноевропейская историография пополнилась исследованиями по истории Ирана, Турции и России. Конкретные сведения о политике упомянутых стран на Кавказе, особенно о завоевательных походах Надир-шаха, отложились в работах иранских историков А.А.Бина, Г.Х.Мохтадара, М.Х.Годдуси, И.Доутлешахи, А.Т.Сардадвара и др. Наличием фактического материала и суждениями концептуального характера среди них отличаются работы Г.Х.Мохтадара и

¹ Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIII в. Баку, 1964; Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965; Бадирбейли Р.Ф. Отношение западноевропейских дипломатов к Персидскому походу Петра I // Изв. АН Азерб. ССР. Серия ист. филос. и права. Баку, 1974. – № 4; Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975; Его же. Азербайджано-русские отношения XV-XVIII вв. Баку, 1885; Мустафазаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. Баку, 1993; Его же. Mustafazade T.T. Ottoman – Russian Relations in the Caspian Region in 1723-1724 // The Caspian Sea. International Journal of Colled Academic Articles. Elista, 2001; Юнусова Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспийского моря в первой половине XVIII в. Баку, 1988; Ее же. Политика Англии в бассейне Каспийского моря в 30-х 40-х гг. XVIII в. в английской историографии // Историография Ирана нового и новейшего времени. – М., 1989; Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане (20-е-60-е гг. XVIII в.). Баку, 1989; Берендашвили Н., Джанашвили И., Джанашиа Ш. История Грузии с древнейших времен до XIX в. Тбилиси, 1950.

² Пайчадзе Г.Г. Поход русских войск на побережье Каспийского моря в 1722-1723 гг. и Грузия. Дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955; Его же. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIII в. Тбилиси, 1970; Его же. Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983; Чочиев В.Г. Международные отношения Ближнего Востока в XVI-XVIII вв. (В свете ирано-турецких мирных договоров). Автореф. Дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1972; Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических отношениях XVI-XVIII вв. Тбилиси, 1974; Мачарадзе В. Георгиевский трактат. Исследование. Документы. Фотокопии. Тбилиси, 1983.

³ Иониссян А.Р. Французское посольство в Иран 1796 г // Советское востоковедение, 1976. – № 1; Арутюнян П.Т. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х гг. XVIII в. за присоединение к России // Уч. зап. ИВ АН СССР, 1954. Т.3; Его же. Борьба народов Закавказья против иранской и турецкой агрессии в XVII-XVIII вв. Ереван, 1955; Тер-Мкртчян Л.Х. Армения под властью Надир-шаха. Ереван, 1963; Васкоян Д.К. и Дилоян Д.А. Политика России в Закавказье в 30-х гг. XVIII в. // Историко-филологический журнал. Ереван, 1964. – № 2; Арзуманян З.А. Персидский поход Петра I и подъем освободительного движения в Закавказье. Дис... канд. ист. наук. Ереван, 1975; Агаян Ц.П. Народы Закавказья в борьбе за присоединение к России // История СССР, 1979. – № 3; Тер-Акимова С.А. Армяно-русские отношения в период подготовки Персидского похода. Ереван, 1980.

⁴ Ahmet Cevdet Paşa. Tarih-i Cevdet. Istanbul, 1966. Cilt 1, bol.9.S.367.

⁵ Rasim Ahmet. Resemli ve haritali Osmanli tarihi. Istanbul, 1333 1335. S. 355-356.398.

⁶ Hammer for Joseph. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1830. Bd.4.s.202-208 1835. Bd.7.S. 442-447, 450-453.

⁷ Jorga Nikolai. Geschichte des Osmanischen Reiches. Nasch den Quellen darfets. Gotha, 1911. Bd. 4.S.405,453.

⁸ Hekmat M.A. Essaj sur I ' Histoire des relations politigues irano-ottomantp de 1722 a 17470 Paris 1947/ P.33; Sardari R. Les Traités entre l'Iran et la Russie depuis le XVI-e siècle jusqua 1917. Paris, 1941. P. 50.

А.Т.Сардадвара, признающим, что когда Англия и Франция активно поддерживали агрессивную политику Надир-шаха, освободительная борьба народов Дагестана при поддержке других народов Кавказа, ставшая одним из главных причин крушения военной мощи Ирана, находила поддержку со стороны России, старавшейся воспользоваться этим для решения кавказской проблемы в своих интересах.¹

Тенденцией к более подробному изложению событий второй половины XVIII-начала XX века отличаются работы П.Р.Тебризи, Х.Фазиза, Х.Эшги и М.Аткина. Проанализировав значительный фактический материал, Тебризи пришел к выводу о крайнем ослаблении Ирана к концу правления Надир-шаха, что вынудило Керим-хана Зенда подписать выгодный для Англии торговый договор в 1763 г.² В отличие от него, Х.Фазиз больше остановился на анализе русско-иранских и русско-кавказских отношений в конце XVIII в., особенно завоевательных походов Ага Мухаммед-шаха в Закавказье,³ в связи с чем усилилась ориентация местных народов на Россию, оказывавшей им свое покровительство.

Дальнейшим развитием этой темы явилась работа Э.Ханака, в которой с тех же позиций рассматривается политика России на Кавказе и одновременно раскрываются гегемонистические замыслы Турции, постоянно вмешивавшейся «во внутренние дела Северного Кавказа и Дагестана».⁴ Несколько шире русско-иранские отношения последней четверти XVIII-начала XIX вв. рассмотрел М.Аткин. Утверждая, что русская экспансия на Ближний и Средний Восток особенно активизируется со времени Петра I, он подчеркивает, что «колониализм становится доминирующим фактором во внешней политике Екатерины II».⁵

Среди работ турецких историков довоенного и послевоенного периодов по истории Турции, Дагестана, Кавказа и кавказской проблемы в целом разнообразием материала и своими оценками отличаются сочинения К.Кафлы, Э.З.Карала, И.Х.Узунчахшилы, Т.Унала, И.Беркока, Ш.Эрела, Д.Гекдже и др. К.Кафлы, например выделяя особо в русско-кавказских отношениях периоды правления Петра I и Екатерины II, безосновательно утверждает, что русско-иранский Петербургский договор 1723 г. был воспринят современниками «с горечью на душе», а русско-турецкий Константинопольский договор 1724 г., передавший Турции часть Кавказа и северо-западную часть Ирана, «открывал русским путь на малую Азию»; объявление Портой войны России в 1768 г. подняло дух мусульманского населения Кавказа⁶ и т.п. С аналогичных позиций, претендуя на освещение роли Кавказа во всемирной истории, выступил Беркок. Характерные утверждения этого автора: стремление Петра I к господству на Кавказе; тяга к единству между османами и суннитами Кавказа, чему мешали «русские, расположенные в Кизляре»; от Константинопольского договора 1700 г. до Георгиевского трактата 1783 г. русские вели «любовые атаки на Кавказе».⁷

Тенденция к критическому осмыслению влияния западных держав на внешнюю политику Турции проявилась в работах Т.Унала, Э.З.Карала и И.Х.Узунчаршылы, которые, однако не преминули выделить и агрессивные замыслы России против Турции и Крыма. Правильно подмечая корыстные цели Англии и Франции против Порты, Унал считает, что Россия искала «повод к войне с Турцией, чтобы разделить ее».⁸

Обозревая русско-турецкие отношения, карал утверждает, что Англия выступала за сохранение целостности Османской империи из-за боязни того, что «Россия будет угрожать ее интересам в Индии».⁹ Верно подмечая, что причиной похода русских войск в Прикаспье в 1722 г. стало «стремление турок захватить Дербент, Узунчаршылы повторяют ходячий на Западе тезис о намерении Екатерины II надеть на своего внука «венец крымского короля».¹⁰

Более резкие суждения в адрес российской политики на Кавказе высказаны в работах Эрела и К.Гекдже. Так, восхищаясь героизмом дагестанцев в борьбе против Надир-шаха, Эзел «сожалеет» о «жестокостях русских», которые «заставили» кабардинцев принять свое подданство.¹¹ По надуманному мнению Д.Гекдже, шамхал Адиль-Гирей, оказавший серьезные услуги Петру I во время его похода, «должен был капитулировать перед силой»; русские войска заняли уступленные шахом Хусейном территории, «сломив» сопротивление иранских войск; после смерти Надир-шаха иранский народ стал искать спасения от России «в Османской империи».¹²

Для полноты анализа зарубежной историографии к сказанному следует добавить работы западных историков, а также англоязычные издания восточных авторов. Среди них по названным критериям выделяются работы английского историка Л. Локкарта, в которых на уровне научных достижений своего времени дан анализ русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений в русле противоборства

¹ Мохтадар Г.Х. Набардохе бозорг-е Надер-шах. Техран, 1337. – С. 22,23,34,105,137; Сардадвар А.Т. Тарих-е незами ва сийаси-йе Афшар. Техран, 1354. – С. 346, 740, 748,760.

² Tebrisi P.R. Iran under Karim Han (1752-1779) Gottingen, 1970. S. 4,5,58,74,80.

³ Hasan Fasis. Historu of Persia under Gajar rule. New York fnd London, 1972. P. 65-67, 71-72, 78, 80.

⁴ Ханак Э. Сийаси-е незами-е Руссие дар Иран: 1790-1815. Техран, 1394. – С. 16, 21-24,25,27-29.

⁵ Atkin M. Russian and Iran: 1780-1828 / Minneapolis, 1980. P.4-6, 7, 162, 164.

⁶ Kafli K. Simali Kafkasya. Istanbul, 1942. S. 74, 75, 79, 89-90.

⁷ Berkok I. Tarichte Kafkasya. Istanbul, 1958. S. 353, 355, 361-363.

⁸ Unal T. 1700. den 1958-e kadar. Turk siyasi tarihi. Ankara, 1958.S. 24 35 101.

⁹ Karal E. Z. Osmanli tarihi. Ankara, 1954. Cilt 4. S.15-16.

¹⁰ Uzuncarsili I.H. Osmanli tarihi, 1956. Cilt.2.S. 187, 190, 461, 469.

¹¹ Erel Ş. Dagistanlilar. Istanbul, 1961. S. 101, 107, 114

¹² Gokçe C. Kafkasya ve Osmanli imperatorlugunun Kafkasya siaseti. Istanbul, 1979. S. 30-33.

соперничавших держав за решение кавказской проблемы от Каспийского похода Петра I до краха завоевательных походов Надир-шаха в Дагестане.¹

Имея в виду, что ряд материалов по исследуемой проблеме нашли отражение в англоязычной литературе, автор отмечает, что большинство исследований довоенной и современной западной историографии, касающиеся нашей проблемы, проникнуто мыслью о стремлении России поглотить не только Кавказ, но и Турцию, Иран, Индию и др. Написанные с таких позиций работы Ш.Люсиль, Л.Касселс, Р.Рамазани, Ф.Касемзаде, А.Летина, Р.Олсона и др. исходят из того, что наступление Турции на Кавказе и поддерживавших ее западных держав были вызваны «русской интервенцией, угрозой существования Османской империи со стороны России». Среди упомянутых авторов более последовательно такие идеи проводятся в работах Л.Касселс, А.Летина, Ф.Касемзаде.²

Некоторые вопросы о кавказской политике России в свете русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений подняты Д.Хурвитич, Р.Фрай, М.Раев, М.Андерсон. Так, по мнению Хурвитича, Петр I стремился «превратить Каспийское море в русское озеро»;³ по мнению Р.Фрая – «использовать Каспийское море как путь в Центральную Азию и Индию».⁴ По словам Раева, осуществив амбиции Петра I в отношении Крыма и Черного моря, Екатерина II «создала основы для дальнейшего продвижения на Кавказ».⁵ М.Андерсон считает, что «русские серьезно угрожали существованию Османской империи».⁶

Более ощутимо антирусские настроения проявились в совместной работе В.И.Перри, Х.Иналжика, А.Н.Курата и И.С.Бромлея, в которой, оценивая русско-иранский Петербургский договор 1723г., они утверждают, что «с тех пор турецкая внешняя политика...определялась угрозами русских на берегу Каспийского моря».⁷

С аналогичной русофобской начинкой кавказская политика России трактуется в работе Д.Шоу и Е.К.Шоу, в которой утверждается, что после взятия русскими войсками Дербента и Баку, «оттоманы боялись ...что Россия завоюет Иран так же, как и Кавказ». Вопреки историческим фактам, они утверждают, что русско-турецкая война 1768-1774гг. «была прямым результатом агрессивной империалистической политики, которой руководствовалась Екатерина II».⁸

Определенный интерес для темы представляют работы французского историка А.Бенигсена, в которой предпринята попытка выявления роли Кавказа в русско-турецких отношениях⁹ и немецкого историка К.Сидарко, посвященная свержению иранского владычества в Дагестане и Ширване,¹⁰ что обратило внимание не только России и Турции, но и западных держав – Англии, Франции, Дании и др.

Приведенные примеры подтверждают наличие значительного фактического материала по теме как в отечественной, так и зарубежной историографии, требующей однако, тщательного отбора и объективной оценки по вышеуказанным критериям.

Политика колонизации государства Российского глазами Матвея Кузьмича Любавского

М.Б.Магомедов

Б.М.Магомедов

«Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века» М.К.Любавского (академик АН СССР 1929) – это обширнейший труд по истории и права «территориальной экспансии русского народа и создания им его собственной территории», – впервые опубликована в 1996 году, когда уже не существует ни Российской империи, ни СССР, а распад имперской системы только-только начинает осмысляться. И в условиях еще полностью не осознанного катаклизма и его последствий появляется закономерный интерес к истории возникновения самой имперской системы, к тому, как именно происходило присоединение земель, как создавалась территория империи. Конечно, появление высокопрофессионального исследования, посвященного полностью этой теме, не может не обрадовать.

Капитальный труд представляет собой обзор колонизационных процессов, на территории Российской империи начиная с палеолитических стоянок первобытных людей на территории Восточной Европы и вплоть до освоения русскими поселенцами Кавказа, Предкавказья, Туркестана на рубеже XIX-XX веков. Необходимо отметить, что термин «колонизация», который употребляет М.К.Любавский, не имел того негативного оттенка, который был привнесен в научный оборот несколько позже, вместе с распространением марксистского термина «империалистическая» (грабительская, эксплуататорская) колонизация. Любавский употребляет термин «колонизация» в значении «расселение, освоение территорий», далее им выделяет и рассматривает историко-географические и, отчасти, социально-

¹ Lochart L. Nadir Shay. London 1938-idem: The Fall of the Safari Dunastu and Afghān Occpation of Persia. Cambridge 1958.

² Kassels L. The Struggle for the Ottoman Empire. London,1972. P. 78, 79, 98; Letin A. Russian in the Eingteenth Centuru. From Peter the Great to Catherine the Great. London. 1973. P. 93, 98; Casemzaden F. Russian Penetration of the Caucasus. // Russian imperialism from Iwan the Great to the Revolution. New Jersey, 1974. P. 243, 246, 253.

³ Hurewitez J.C. Diplomaci in the Neap and Midde East.

⁴ Erye R. N. Persia. London, 1968. P.76, 96.

⁵ Rafael M. Imperial Russia 1682-1825. The coming of the Age of Modern Russia: N V, 1971. P.4, 26.

⁶ Anderson M/S/ The Great Powers and the Near East: 1774-1923. New York, 1973. P.9.

⁷ Parru V. I. Inalcik H. Kurat A.N. and Bromlei I.S. A historu of the Ottoman Empire to 1730. Cambridge, 1976. P.176, 217.

⁸ St. J. Shaw, E.K. (Shaw). Historu of the ottoman Empire and Modern Turkeu. Cambridge, 1976. P. 223, 247, 250, 258.

⁹ Benigsen A. Peter the Great the Ottoman Empire ans Caucasus Canadian –American Slavic studes, 1974. P.13, 14, 15, 16.

¹⁰ Sidarko K. Kampf den ketzenischen Gisilbas. Die Revolte des Haggi Daud 1718-1728 // Caucasia betweenh the Ottoman Empire and Iran 1555-1914. Wesbaden, 2000.P. 137, 139, 141, 142, 143.

экономические стороны процесса освоения новых земель. По мнению М.К.Любавского колонизация – это процесс не завоевания, захвата новых земель, а процесс присоединения, хозяйственного освоения.

Так, например, А.Я.Дегтярев, Ю.Ф.Иванов, Д.В.Карев отмечают, что научный труд М.К.Любавского – наглядный пример исследования в рамках так называемой «государственной» школы в историографии государства Российского. Для исследователей классической школы характерен интерес не только к проблемам возникновения самого государства, но и к проблемам активного определяющего воздействия государства на социальные процессы. У М.К.Любавского мы действительно можем встретить положения о принципиально важной роли колонизации в истории государства. Но является ли государство иницирующей и направляющей силой в колонизационных процессах, или колонизация как автономный социальный процесс развивается по своей логике, независимо, а быть может, и вопреки государственным усилиям? Очевидно, что в колонизационных процессах, как в процессах социальных, государство не может не принимать участия, но все дело в том, что государство принимает участие на определенных этапах колонизации, выполняя функции фиксирования существующего положения дел. Если нам интересна роль государства в процессах колонизации, то мы должны обратить внимание на то, как именно государство фиксирует, конституирует колонизационный процесс.

Всю логику концепции М.К.Любавского относительно роли русской колонизации в формировании государственной территории можно представить как систему из трех уровней исследования, где каждый следующий уровень является конкретизацией предыдущего.

Первый уровень – это уровень историко-географического исследования процесса колонизации и создания государства.

Второй уровень – это уровень изучения социальных сторон колонизации и характера взаимоотношений социума и государственного аппарата по этому поводу.

Третий уровень – рассмотрение практики государственного конституирования колонизованных земель.

Так называемый географический фактор истории колонизации является обзором внешней колонизации, создававшей русскую государственную территорию. М.К.Любавский начинает анализ освоения пространства, понимая под самим пространством собственно географическое пространство. Это наиболее абстрактное пространство, и оно никоим образом не тождественно социальному пространству, анализ которого и является предметом исследования. Анализ географического фактора как исходной точки исследования вполне логичен для ученого того периода вообще, и для Любавского в частности, отстаивавшего принцип «влияния внешней природы на человека» и общество.

На характер расселения оказывало влияние уже то, что славянам приходилось обходить заболоченные местности и густые лесные дебри, не покидая лесных массивов из-за опасности со стороны Степи. Поэтому восточные славяне вынуждены были расселяться как бы островками и «группами островков среди моря лесов, болот и озер».

Изучая историю и право государства Российского, М.К.Любавский ищет объяснения исследователей территориальной экспансии русского народа в особенностях этноландшафтной системы Восточной Европы: чередование степных и лесных областей, обилие природных богатств, присутствие воинственных соседей. Наличие богатейших природных ресурсов при экстенсивном типе хозяйствования стимулировало освоение новых земель по мере оскудения прежних.

Таким образом, в условиях перманентной экстенсивной колонизации формирующаяся государственная власть должна была, по мысли М.К.Любавского, обладать особыми качествами. А именно – обладать способностью управления огромными территориями при чрезвычайно низкой плотности населения в напряженных условиях колонизации и постоянной угрозы со стороны Степи. И эволюция государственности в сторону формирования абсолютизма была, согласно такой позиции, закономерным явлением в условиях необходимости консолидации «разреженной, а потому податливой массы» народа перед лицом постоянного противостояния воинственным соседям.

М.К.Любавский выдвигает этноландшафтную систему государства Российского и трактует принцип сложившегося особенного типа государства – Империя (именно так он пишет это слово) и особый тип государственного управления – абсолютная монархия в имперской системе. То есть именно эти формы государственной организации и управления рассматриваются автором как наиболее адекватные для государства Российского в условиях постоянного освоения новых земель.

Колонизация как социальный процесс истории и права, по сколько, по его мнению, – «Русская история есть в сущности история непрерывно колонизирующей страны». Это постоянное освоение новых земель не было прерогативой государства, и у М.К.Любавского эта сторона вопроса очень подробно показана.

Автор обращает внимание на то, что осваивает землю крестьянин-земледелец, а сами процессы освоения земель иницируются различными социальными группами. Рассматривая освоение земель как автономный социальный процесс, историк выделяет следующие хронологически доминирующие типы колонизации: народная, княжеская, боярская, землевладельческая, монастырская, казацкая, вольная, государственная. Последняя стала доминировать лишь в конце XIX-начале XX века. Эти типы колонизационных потоков различаются автором не столько по типу колонизатора, а скорее по типу инициатора-организатора той или иной волны миграции и последующего собственника земли, что и отражено в названии самих типов колонизации. Так, рассказывая о колонизации земель после татарских

погромов в XIV веке, автор указывает, что «народная колонизация стала растекаться по тем руслам, которые открывали князья, бояре, монастыри и другие состоятельные люди».

В традиционном массовом сознании фигура колонизатора – это или фигура казака, или былинного богатыря-земледельца. Отметим, что М.К.Любавский выделяет и показывает отдельную, самостоятельную ветвь колонизации, сыгравшую большую организационную роль в освоении земель – монастырскую колонизацию. Монастыри, по его мнению, были оплотом колонизации – даже не столько потому, что могли предоставить защиту и укрытие, и не потому, что сохраняли земельные традиции и имели льготы от государства, хотя все эти факторы и оказывали свое влияние. Монастыри становились теми центрами, к которым тянулись не только русские земледельцы, но и люди самых разных национальностей для удовлетворения духовных потребностей. Монастыри, хотя в отношении них проводилась политика секуляризации, и все-таки, являлись не только своеобразными форпостами земледелия в море кочевников, но и выполняли функцию центров духовности.

Процесс освоения новых земель, по М.К.Любавского, инициировался потребностью в решении демографических проблем избыточного населения в условиях экстенсивного типа ведения хозяйственной деятельности. Значить по мере разработки земли и ее оскудения социально активная часть населения стремилась к освоению новых земель, благо что, существовавшее пространственно-географическое окружение это позволяло. В качестве примера можно привести историю вольной крестьянской колонизации правого берега Волги. Далее он, обращает внимание на то, что как только ослабел контроль над указанной территорией со стороны кочевников, крестьяне «перешли на правый берег, обязавшись нести службу станичных казаков». Сформировался даже особый социальный тип земледельца – земледельца «без корней», всегда готового переселиться на новые земли, как только это становится возможным. О причинах, формировавших в земледельце черты потенциального мигранта автор пишет весьма неопределенно, указывая на нужду, угнетение со стороны властей, «невозможность выполнить государственные и частные обязательства» и наконец – преступления. Исследователь более всего удовлетворяла отсылка к «известной страсти к перемене мест», иначе говоря, «привычка к бродяжничеству» и «житейский авантюризм», по мысли исследователя, могут объяснить, почему «территория русского народа в конце концов достигла колоссальных размеров». «Русскому человеку не сиделось на месте; все ему хотелось лучшего, все тянуло на новые места».

Социальный процесс колонизации, М.К.Любавский не обошел внимание. Для автора, очевидно, что не все территории Российской империи вошли в нее в результате колонизации – освоения земель. Он указывает на Эстляндию, Лифляндию – весь Прибалтийский край, Финляндию, Бессарабию, Закавказье, Среднеазиатские владения как на территории, связанные с Империей «только подчинением единой власти». Причину того, что эти земли не стали ареной колонизации, М.К.Любавский видит или в высокой плотности местного населения, или в неподходящих природных условиях. Уже в самой отсылке к природным условиям нам видна ограниченность методологического подхода автора: то, что устраивало в качестве объяснения ученого начала XX в., уже не может устроить исследователей конца XX в. – хотя бы по причине накопления фактологической базы о колонизационных потоках.

К примеру, в устье Терека, где непривычный климат не послужил преградой для поселения русских людей еще в XVI веке. Можно привести множество примеров успешной адаптации русских поселенцев в непривычных климатических условиях (Кубань, Закавказье, Казахстан, Киргизские степи и т.д.). Современными исследователями отмечено, что процессы колонизации в районах Закавказья проходили безболезненно для русских переселенцев до момента появления государственного чиновника. А если говорить о Финляндии, то и на сегодняшний день она не отличается высокой плотностью населения, а ее природные условия сходны с условиями северо-запада государства Российского, где русские поселенцы не только активно освоили земли, начиная еще с XIII века, но и потеснили, а затем практически ассимилировали местные племена финского происхождения. Что же касается Прибалтики, то и этот край был ареной колонизации русского народа задолго до его присоединения к Российской империи в XVIII веке.

Однако еще более существенно то, что историк-государственник по сути дела не обращает внимания на принцип включения новых земель в состав Российской Империи. То, что между колонизованной Сибирью и той же Финляндией существовало различие в способе управления, для него более чем очевидно, но он это объясняет отсутствием самого факта колонизации территории Финляндии. И в этом видна логико-методологическая натяжка, т.к. способ управления, применявшийся в Финляндии, впервые был введен на той территории, которая, по мнению автора, состоялась как территория русской колонизации, то есть на Украине.

Это не просто досадный промах, а именно ограниченность в методе. Либо необходимо признать проблематичность для факта колонизации той же Украины, либо объяснить, почему на ней Империя изменила свой принцип интериоризации колонизованных земель. С этой целью рассмотрим последний уровень изучения русской колонизации – уровень государственной практики.

Государственная практика, как колонизации территорий, М.К.Любавский, раскрывает в контексте отношения государства к колонизационным процессам и, указывает, что «могучее народное движение заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им».

Колонизацию как освоение земель, все же следует различать принципы присоединения территорий. Земли могут быть присоединены путем завоеваний и путем мирного освоения территорий. Для Российской империи военная экспансия как принцип присоединения территорий была не характерна. М.К.Любавский

указывает, что основная часть территории Российской империи была колонизована путем освоения земель крестьянами – земледельцами, методом «народной колонизации». Организаторами переселенческих потоков могли выступать самые различные социальные группы: от монастырей до различных типов землевладельцев и их поверенных. Государство идет вслед за первопроходцами, оказывая им защиту, помощь, предоставляя льготы и т.д. А после того, как первоначальное освоение земель произошло, государство, решая проблемы безопасности своих границ, продолжает начатую колонизацию, руководствуясь уже экономическими соображениями или политической целесообразностью. Исключение, по мнению М.К.Любавского, представляла лишь колонизация Амурского и Уссурийского регионов, организованная во второй половине XIX века по инициативе государства, обеспокоенного безопасностью границ.

Изложенный выше принцип колонизации, по мысли автора, является основополагающим для освоения земель в Российской империи. Но предложенная концепция не может объяснить различие в принципах управления присоединенными территориями: учреждение особого приказа по управлению делами на Украине – Малороссийского, и просто назначение высокопоставленного государственного чиновника – наместника Кавказа. Автор, как профессиональный историк, не может умолчать об этих фактах, но его объяснения нельзя признать убедительными.

На наш взгляд, представляется, что это происходит из-за того, что сам М.К.Любавский в анализируемой нами работе понимает процессы освоения как процессы расселения, то есть как некий эколого-демографический процесс. Автор не разводит, значит надо полагать, что понятия демографического расселения и социально-политического освоения новых территорий – это перспектива расселения пришлого избыточного населения на новых землях – это вопрос экологической адаптации. И сведение многомерного процесса колонизации к процессу расселения подобно плоской проекции объемной фигуры. Рассмотрение колонизационных процессов в данном ракурсе не может помочь нам ответить на вопрос о разных принципах управления присоединенными территориями. Чтобы ответить на этот вопрос, представляется необходимым рассмотреть процесс колонизации как процесс социальной адаптации. Под социальной адаптацией мы понимаем процесс приспособления уже существующих социальных институтов и структур к имперским структурам и институтам.

Присоединяя территории и осваивая их, русский народ адаптировал приобретенное социальное пространство как бы «под себя». Значит происходила адаптация существующих социальных институтов: перевод этих социальных институтов из разряда «этнокультурное» в разряд «государственное». Такой принцип колонизации условно назовем гомогенным, то есть создающим однородное имперское пространство. Но не все территории Российской империи были колонизованы именно таким способом. К примеру, та же Финляндия, Польша, Прибалтика были присоединены как особые территории, подчиненные имперскому принципу управления. Но еще раньше в истории Российской империи уже был случай подобного присоединения. Украина присоединялась не только как отдельная земля со своими географическими границами, но и как территория, обладающая собственным социально-политическим пространством. Такой тип колонизации, который имел место на Украине, можно назвать гетерогенным – создающим разнородное социальное пространство. Гетерогенное присоединение земель – это не столько колонизация, сколько подчинение имперскому управлению.

Таким образом, мы видим, что колонизация как расселение формирует государственную территорию Российской империи. А присоединение территорий методом подчинения имперскому управлению есть формирование территории власти (формальная колонизация). Учитывая вышесказанное, имеет смысл говорить о двух аспектах колонизации: экологическом и социально-политическом. На Украине состоялся только первый вариант колонизации – экологическая адаптация. «Географизм» Любавского или отсутствие должного понятийного и категориального аппарата не позволил «увидеть» Украину как пространство, не ставшее ареной социально-политической колонизации и давшее начало принципиально новому способу формирования государственного пространства, продублированного затем в Польше и Финляндии.

Но вышеуказанное критическое замечание о «географическом» подходе автора к многомерному процессу колонизации не умаляет значения издания, которым можно пользоваться как энциклопедическим справочником по истории освоения территориального пространства Российской империи. Этому способствуют подробнейшие и обширные указатели персоналий и указатели географических, этнических и этногеосоциальных названий, составленные Е.Л.Назаровой и В.В.Назаровым.

Экономический аспект правосубъектности в гражданском праве

М.М.Османов

Физическая и психическая зрелость человека наступает нескоро после рождения, и это обстоятельство не может не быть принято во внимание законом.

Человек в повседневной жизни часто вступает в те или иные отношения, урегулированные нормами права или же не урегулированные нормами права. Как нам известно, из курса гражданского права общественные отношения, урегулированные нормами гражданского права являются гражданскими правоотношениями. И тут возникает вопрос: Какими качествами должен обладать личность, чтобы стать активным участником гражданского права?

И отвечая на этот вопрос, мы отмечаем, что для участия в правоотношениях гражданин должен обладать определенными качествами – правоспособностью и дееспособностью.

Экономический характер правоспособности гражданина – это способность иметь гражданские права и нести гражданские обязанности. Правоспособность гражданина возникает с момента его рождения и

прекращается со смертью гражданина, зарегистрированной в установленном законом порядке. Гражданская правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Однако «это не означает, что объем конкретных субъективных прав каждого гражданина равен объему прав другого, но объем возможности иметь такие права являются равными независимо от конкретного объема прав и обязанностей конкретного лица. Поэтому, когда гражданин отчуждает принадлежащее ему имущество либо суд это имущество конфискует, не происходит никаких изменений в содержании правоспособности гражданина, ибо кроме оставшихся у него прав на то или иное имущество он в любой момент может приобрести новые. Таким образом, чтобы лишить гражданина иметь имущество на праве собственности как элемента содержания правоспособности, необходимо, чтобы он не мог иметь на праве собственности любое имущество, что исключено».¹

Содержанием правоспособности гражданина является то, что он может иметь:

- имущество на праве собственности;
- наследовать и завещать имущество;
- заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью;
- создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами;
- совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах;
- избирать место жительства; иметь права авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности;
- иметь иные имущественные и личные неимущественные права.

Правоспособность характеризуется своей неотчуждаемостью. Сделки, направленные на ограничение правоспособности, ничтожны. Гражданин может распоряжаться своими правами (подарить, продать свое имущество), но не может уменьшить свою правоспособность. Допускается ее ограничение в случаях, установленных законом. Так, в судебном порядке может быть запрещено гражданину заниматься определенной деятельностью, но это является ограничением лишь отдельных прав, а не лишением правоспособности.²

Правоспособность – это способность действительно иметь право,³ способность личности «быть субъектом гражданских прав и обязанностей, возможность иметь любое право или обязанность из предусмотренных или допускаемых законом».⁴ А дееспособность гражданина – это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, это способность быть активным участником гражданских правоотношений.

Обладать дееспособностью – значит иметь способность лично или через представителя совершать различные юридические действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, заключать договоры, дарить имущество), а также отвечать за причиненный имущественный вред (повреждение или уничтожение чужого имущества, повреждение здоровья), за неисполнение договорных и иных обязанностей.

Отсюда вытекает, что содержанием дееспособности является:

- способность гражданина своими действиями приобретать права и создавать обязанности;
- осуществлять права и исполнять обязанности;
- нести ответственность за свои гражданские правонарушения (деликтоспособность).

Исходя из вышеизложенного дееспособность включает в себя:

- сделкоспособность – способность к совершению сделок;
- деликтоспособность – способность нести ответственность за неправомерные действия на основании закона или договора.

Гражданский кодекс РФ предусматривает следующие разновидности дееспособности:

- дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 6 до 14 лет (ст.28 ГК РФ);
- дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет;
- полная дееспособность (в полном объеме).

По общему правилу дееспособность малолетних, то есть лиц не достигших четырнадцати лет предусматривает, что сделки от их имени могут совершать только их родители, усыновители или опекуны. По гражданскому законодательству малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет самостоятельно могут совершать:

- мелкие бытовые сделки;
- сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации;
- сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения.

¹ Гражданское право // Под ред. М.М.Рассолова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – С. 37.

² Гражданское право России: Учебник для ВУЗов // Под ред. Л.Ю.Грудцына, А.А.Спектор. – М.: ЮСТИЦИНФОРМ, 2008. – С. 47.

³ Гражданское право // Под ред. М.М.Рассолова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – С. 34.

⁴ Гражданское право // Отв. ред. Е.А.Суханов. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 138.

Однако имущественную ответственность по сделкам малолетнего, в том числе по сделкам, совершенным им самостоятельно, несут его родители, усыновители или опекуны, если не докажут, что обязательство было нарушено не по их вине. Эти лица в соответствии с законом также отвечают за вред, причиненный малолетним.

Дееспособность несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет предусматривает расширение правомочий несовершеннолетнего по сравнению с правомочиями малолетних в возрасте от шести до четырнадцати лет. Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет могут совершить сделки лишь с письменного согласия своих законных представителей – родителей, усыновителей или попечителя. Тем не менее сделка, совершенная таким несовершеннолетним, действительна также при ее последующем письменном одобрении его родителями, усыновителями или попечителем.

Расширяя правомочия несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет по сравнению с правомочиями малолетнего в возрасте от шести до четырнадцати лет гражданское законодательство дает ему право, самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и попечителя:

- 1) распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами;
- 2) осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности;
- 3) в соответствии с законом вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими;
- 4) совершать мелкие бытовые сделки и иные сделки правомочные малолетнему в возрасте от шести до четырнадцати лет

По достижении шестнадцати лет ему дается также право быть членами кооперативов в соответствии с законами о кооперативах.

Однако несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут имущественную ответственность по сделкам, совершенным ими и ответственность за причиненный ими вред, когда за вред причиненный малолетним и по его сделкам несут ответственность его родители, усыновители, опекуны.

В соответствии со ст. 60 Конституцией РФ гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет¹. Согласно гражданскому законодательству Российской Федерации гражданская дееспособность – способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Закон не зря устанавливает возникновение дееспособности с момента достижения определенного возраста, то есть совершеннолетия. Это связано с тем, что дееспособность является способностью человека к самостоятельным осознанным волевым действиям, что предполагает достижение определенного уровня психической зрелости.

Тем не менее, Гражданский кодекс РФ предусматривает ряд исключений, при которых полная дееспособность может наступить и до достижения 18 лет – это эмансипация и вступление в брак, когда законом допускается вступление в брак до достижения восемнадцати лет.

Рассмотрим подробнее данные обстоятельства позволяющие возникновению полной дееспособности до достижения восемнадцати лет.

Развитие гражданских правоотношений тесно связано с устойчивостью гражданского оборота и определенными гарантиями для участников гражданских правоотношений. На сегодняшний день многообразие прав собственности и закрепленные Конституцией РФ основные права и свободы гражданина дает возможность и несовершеннолетним в полном объеме реализовать свои интересы.

В связи с широким развитием предпринимательской деятельности, в том числе и среди лиц, не достигших совершеннолетия, а также с возникновением трудовых отношений с лицами, не достигших 18 лет, для реализации интересов несовершеннолетних, а также для придания устойчивости гражданского оборота, предполагающей создание определенных гарантий для кредиторов, появилась необходимость введения института эмансипации в гражданское законодательство.

Эмансипация (от лат. *emancipatio* — освобождение сына от отцовской власти) – объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным. Несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту, или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью.

Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) производится по решению органа опеки и попечительства – с согласия обоих родителей. При отсутствии такого согласия или хотя бы одного из них вопрос решается судом. В суд также может быть обжалован отказ органов опеки и попечительства в вынесении решения об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным.

Однако занятие предпринимательской деятельностью или работа по трудовому договору или по контракту не являются безусловными основаниями для эмансипации. Орган опеки и попечительства, а также суд в каждом конкретном случае при принятии соответствующего решения должны оценить

¹ Конституция РФ // СЗ РФ. – 26.01.2009. – № 4. – Ст. 445.

длительность и устойчивость трудовой или предпринимательской деятельности несовершеннолетнего, размер его заработка и других доходов, разумность его действий в сфере затрат и иные обстоятельства.

Следующим случаем, предусмотренным в ГК РФ, при котором возникает полная дееспособность до достижения 18 лет, является вступление в брак лицом, не достигшим восемнадцати лет, когда законом допускается вступление в брак до достижения совершеннолетия. Так согласно п. 2 ст. 21 ГК РФ в случае, когда законом допускается вступление в брак до достижения восемнадцати лет, гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак.

Согласно ст. 13 Семейного Кодекса РФ вступление в брак допускается с 16 лет при наличии уважительных причин. В этой же статье предусмотрено, что порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет, могут быть установлены законами субъектов Российской Федерации.¹ Данная формулировка Семейного кодекса РФ вызывает вопрос: Если участвуют «особые обстоятельства» у несовершеннолетних лиц, например достигших 13 лет, не станет ли оно основанием для разрешения несовершеннолетним в возрасте тринадцати лет вступление в брак и как следствие приобретение полной гражданской дееспособности?

Недоформулированность Семейного Кодекса РФ вызывает опасения возникновения полной гражданской дееспособности у несовершеннолетних, которые не только в полной мере понимают значение своих действий вследствие недостаточного жизненного опыта, но и не обладают даже частичной дееспособностью. Из этого следует необходимость установление минимального брачного возраста с четырнадцати лет. Такое мнение выдвигают и некоторые исследователи дееспособности несовершеннолетних. Так, М.В.Матвеева считает необходимым установление минимального возраста для вступления в брак.²

В связи с вышеизложенным ст. 13 Семейного Кодекса РФ необходимо изложить в следующем варианте:

Статья 13. Брачный возраст

1. Брачный возраст устанавливается в восемнадцать лет.

2. При наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста шестнадцати лет.

Порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет, могут быть установлены законами субъектов Российской Федерации. При этом минимальный возраст не может быть ниже четырнадцати лет.

В ст. 21 ГК РФ также предусмотрены последствия, касающиеся дееспособности супругов в случае прекращения брака до достижения восемнадцати лет. Однако последствия, касающиеся дееспособности супругов в случае прекращения брака до достижения совершеннолетия не одинаковы и зависят от того был ли брак расторгнут или признан судом недействительным. Так, приобретенная в результате заключения брака дееспособность в полном объеме сохраняется и в случае расторжения брака до достижения восемнадцати лет. При признании же брака недействительным суд может принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной дееспособности. В решении о признании брака недействительным суд может определить в случае необходимости и момент утраты полной дееспособности несовершеннолетнего супруга. В последнем случае несовершеннолетний лишается полной самостоятельности и наделяется теми же правами, что и несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет.

Лица, ставшие дееспособными вследствие вступления в брак или объявления их дееспособными в порядке эмансипации, имеют такие же права и такие же обязанности, что и лица, достигшие 18 лет. Они самостоятельно участвуют в гражданском обороте, приобретают, изменяют и прекращают гражданские права и обязанности, заключают любые сделки, отвечают по договорным обязательствам и по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда. Так п. 2 ст. 27 ГК РФ предусматривает, что родители, усыновители и попечитель не несут ответственности по обязательствам эмансипированного несовершеннолетнего, в частности по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда.

Выводы: Ценность дееспособности определяется тем, что дееспособность является юридическим средством позволяющим личности реализовать свои имущественные права, прежде всего права собственности, а также личные неимущественные права. активно участвовать в экономическом обороте, заниматься предпринимательской и иной деятельностью.

Содержание дееспособности граждан тесно связано с содержанием их правоспособности. Так, содержанием правоспособности составляет права и обязанности, которые физическое лицо может иметь, то содержание дееспособности характеризуется способностью лица эти права и обязанности приобретать и осуществлять собственными действиями. Поэтому, обобщая сказанное, можно сделать вывод, что

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1993 № 223-ФЗ (в ред. от 12.11.2012) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

² Матвеева М.В. Соотношение норм морали и нравственности с правовыми нормами: предложение о совершенствовании и развитии семейного законодательства // Сборник материалов юридической научно-практической интернет-конференции «Актуальные проблемы функционирования государства и тенденции защиты прав и свобод человека». – Киев, 2011. – 126.

дееспособность есть предоставленная гражданину законом возможность реализации своей правоспособности собственными действиями, а правоспособность – это, прежде всего, общая способность гражданина быть носителем гражданских прав и обязанностей,

Таким образом, возникновение дееспособности зависит от возраста и психического здоровья человека, а правоспособность – не зависит от возраста и состояния здоровья гражданина, а возникает с момента рождения и прекращается со смертью гражданина.

Экономический аспект правоспособности и дееспособности не являются естественным свойством человека, а являются юридическими категориями, так как предоставлены личности в силу закона. Вследствие этого, Гражданский кодекс РФ в отношении дееспособности и правоспособности устанавливает неотчуждаемость и невозможность ограничения ни по воле самого гражданина, ни по воле иных лиц, кроме как в случаях и в порядке, установленных законом.

Вопросы совершенствования уголовно-правового противодействия коррупции, как составному элементу организованной преступности

Р.Р.Гашимов

Проблема организованной преступности привлекала и привлекает особое внимание отечественных и зарубежных исследователей. Это связано с тем, что она представляет серьезную угрозу как экономике государства, так и национальной безопасности страны, в целом.

Организованную преступность можно определить как общественно-опасное социальное явление, выражающееся в создании устойчивой криминальной системы в целях совершения преступных деяний, направленных на установление контроля над разными областями жизни общества для извлечения доходов, полученных незаконным путем, и управления общественными процессами в собственных интересах (7, с.201). Рассматриваемый вид преступности представляет собой достаточно сложную систему организованных преступных формирований с их широкомасштабной преступной деятельностью и созданием для нее наиболее благоприятных условий. Она использует не только собственные криминальные структуры, но и государственные.

В современном понимании этого явления, организованная преступность начала складываться в СССР только в 60-х годах XX века и фактически была обусловлена неэффективными экономическими механизмами командно-административной системы. В стране появился и начал разрастаться теневой сектор экономики. И в этом плане, справедливым представляется утверждение В.В. Лунеева о том, что в Советском союзе основной формой организованной преступности являлась экономическая, которая фактически существовала параллельно с государственными образованиями и даже внутри них. Основная причина ее появления была связана с практиковавшейся в тот период практикой распределительных отношений.

Таким образом, можно констатировать, что организованная преступность в нашей стране появилась как результат социально-экономической политики государства. Она приводит к дестабилизации и негативным процессам в экономике, к увеличению количества преступлений, связанных с крупными хищениями и взяточничеством.

«Теневая экономика» становится базисом для формирования организованных преступных структур. Теневой финансовый капитал обладал мощной ресурсной базой и постепенно был подчинен преступными группами. Распространение коррупционных связей в бюрократическом аппарате приводит к появлению сплоченных организованных групп. Коррупцированные чиновники, так называемые «цеховики» и представители криминального мира фактически объединяются в организованную преступность (4, с.31).

Особенно быстрый рост организованной преступности в стране наблюдался в период перехода к рыночным отношениям. В 1990-е годы экономика России стала благодатной почвой для «выращивания» в ней организованной преступности. Об этом свидетельствуют статистические данные (4, с.42).

Кроме того, идет процесс объединения организованных преступных групп по специализации, сложности структуры и т.д. Результатом указанных процессов стало появление в стране крупных и устойчивых преступных сообществ (организаций).

Особенностью современной организованной преступности является сосредоточение в ее руках критической массы ресурсов, не только экономических, но и политических. Зачастую организованная преступность действует под прикрытием коррупционных связей в правоохранительных структурах и даже в верхних эшелонах власти. Это способствует обходу запретов и ограничений, установленных государством.

Проведя анализ предлагаемых позиций различных авторов, выделим наиболее значимые признаки организованной преступности.

Различают основные и дополнительные признаки организованной преступности. К основным признакам относятся: 1) четкая структура, наличие организатора, исполнителей, пособников; иерархичность построения, несовпадение организационных и исполнительских функций, строгая подчиненность и соблюдение конспирации; 2) постоянный либо относительно длительный характер преступной деятельности в целях извлечения прибыли, ее планирование; 3) специализация преимущественно на определенных видах корыстно-насильственной преступной деятельности; 4) масштабность характера деятельности (региональный, межрегиональный, международный); 5) прикрытия легальным видом деятельности, наличие бюджета преступного сообщества и отмывание преступных доходов; 6) наличие внутренних структур, обеспечивающих безопасность преступного формирования (охрана, группа разведки, технические средства безопасности).

К дополнительным признакам следует отнести: 1) наличие вооружения; 2) наличие коррумпированных связей в органах государственной власти; 3) стремление к проникновению организаторов и членов группировки в органы власти или местного самоуправления; 4) отмывание преступного капитала через легальные формы банковско-кредитной системы; 5) дерзко насильственные способы совершения преступлений; 6) проникновение в средства массовой информации; 7) наличие собственной «нормативной» основы и субкультуры.

Резюмируя, можно сказать, что на сегодняшний день существует многообразие дефиниций организованной преступности. Данное обстоятельство негативным образом влияет на возможности борьбы с данным явлением. В целом расширение трактовки обусловлено действием двух групп факторов: увеличением круга субъектов экономических субъектов и изменением списка преступлений, которые можно отнести к экономическим.

Как отмечалось, современная организованная преступность представляет серьезную угрозу национальной безопасности страны. Поэтому уголовная политика в сфере противодействия коррупции должна стать неотъемлемой частью противодействия организованной преступности.

Причем, она должна преследовать цель обеспечения неотвратимости ответственности в совершении преступных деяний коррупционного характера, достижения соответствия уголовно-правового регулирования степени и характеру общественной опасности коррупционных преступлений при их категоризации и квалификации (3, с.170).

Уголовная политика в сфере противодействия коррупционной преступности должна быть нацелена на предупреждение, выявление преступлений коррупционного характера, на привлечение к ответственности за содеянное виновных лиц. Вместе с тем эта политика не должна вступать в противоречие целям, обозначенным в антикоррупционном законодательстве, в частности, в Федеральном законе № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. (далее - ФЗ «О противодействии коррупции») (5).

В отечественной юриспруденции профессор Л.Д. Гаухман одним из первых дал достаточно точное толкование понятий «коррупционное преступление» и «коррупция в уголовно-правовом смысле». Под коррупцией он понимает предусмотренные уголовным законом общественно-опасные деяния, субъектом которых являются должностные лица, которые совершаются посредством использования должностных полномочий из корыстной заинтересованности и в целях личного обогащения (1, с.31).

Одной из причин произвольного определения круга преступлений коррупционной направленности является отсутствие четкой законодательной регламентации коррупционных преступлений. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее - УК РФ) отсутствует отдельная глава посвященная коррупционным преступлениям. В нем в коррупционную преступность включены фактически разные по своей уголовно-правовой сути природе деяния. Например, преступления, предусмотренные главами 23 и 30 УК РФ. Анализ включенных в УК РФ коррупционных преступлений показывает, что они, в основном, связаны со взяточничеством и злоупотреблением (например ст. 290, 291, 291.1 УК РФ), также с превышением должностными лицами своих полномочий в корыстных целях или с использованием своего служебного положения (ст. 184, 201, 202, 203, 204, 285, 286, 289, 292, 299, 300 УК РФ и др.).

Следует отметить, что, хотя отечественный законодатель не выработал понятие коррупционного преступления, все же нельзя говорить о том, что преступные деяния, предусмотренные УК РФ и т.п., не объединены общими признаками. В УК РФ ограничилось перечнем форм коррупционных деяний, выделив каждый из составов преступлений в самостоятельную уголовно-правовую норму. Законодатель признает общественно-опасным деянием уже сам факт получения лицом денег, ценностей и т.п.

На наш взгляд, эффективным инструментом уголовно-правового противодействия коррупции можно считать криминализацию общественно-опасных деяний. Результатом этого, является конструирование новых специальных составов преступлений. Можно также распространить коррупционные признаки и на другие смежные составы преступлений, которые при условии наличия определенных характерных элементов приобретают свойства преступления коррупционного характера

Серьезным позитивным шагом в деле повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с деяниями коррупционной направленности и формирования совершенного механизма уголовно-правового противодействия коррупционным деяниям явилось принятие Федерального закона № 97 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (См: 6) от 4 мая 2011 г. Его принятие способствовало определению ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) (непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере), а также введение уголовного наказания в виде кратного штрафа за совершение преступлений коррупционного характера (3, с.24).

Принятие данного Федерального закона ознаменовало собой новый подход отечественного законодателя в решении вопроса наказания за коррупционные преступления. В вопросе назначения наказания за указанное преступное деяние, законодатель сделал основной упор на материальное взыскание в виде штрафа, исчисляющегося в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки. Данная санкция в виде штрафа предусмотрена ст. 204, 290, 291, 291.1 УК РФ и на сегодняшний день достаточно часто применяется в судебной практике. Но, делать на этом основании долгосрочные выводы об эффективности этой меры пока представляется преждевременным.

На наш взгляд, важнейшей мерой повышения эффективности уголовно-правового противодействия коррупции, его предупреждения и пресечения преступлений коррупционной направленности может и должно стать восстановление в УК РФ конфискация имущества, как вида наказания за деяния коррупционной направленности.

С точки зрения повышения эффективности уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям абсолютно верным представляется мнение профессора Л.Д. Гаухмана о том, что минимизация уголовной ответственности за получение взятки (ст. 290 УК РФ) служат нормы, содержащиеся в ст. 304 УК РФ («Провокация взятки либо коммерческого подкупа») и ст. 575 ГК РФ («Запрещение дарения»), которые «в сочетании с общеизвестными трудностями доказывания взяточничества представляют собой прочную оболочку, защищающую должностных лиц от уголовной ответственности за получение взяток». В качестве основных, первоочередных и неотложных направлений повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с коррупционными преступлениями автор отмечает исключение ст. 304 из УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 575 из ГК РФ, а также включение в ст. 91, 98 и 122 Конституции РФ оговорки, согласно которой статус неприкосновенности неприменим в случаях совершения лицами, указанными в этих статьях, общественно опасных деяний, предусмотренных УК РФ (См.:1).

Подытоживая сказанное, можно сделать следующие выводы:

определить в целях повышения эффективности уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям необходимо:

1) в целях повышения эффективности уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям необходимо применить комплекс мер, способных воздействовать на причины и условия совершения коррупционных преступлений;

2) отечественный законодатель должен выработать единые подходы в определении коррупционного преступления и его признаков;

3) уголовная политика в сфере противодействия коррупции должна обеспечить неотвратимость и дифференциацию уголовной ответственности.

Литература

1. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2010.
2. Кашепов В.П., Кошаева Т.О. Криминализация - инструмент уголовно-правового воздействия на коррупционную преступность // Коррупция: природа, проявления, противодействие / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. М.: ИД «Юриспруденция», 2012.
3. Мусаелян М.Ф. Уголовно-правовое противодействие коррупционным преступлениям в Российской Федерации // Российский следователь. 2015. № 7.
4. Петров С.В. Преступное сообщество как форма соучастия: проблемы теории и практики. Н. Новгород, 2013.
5. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228
6. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2714.
7. Шегабудинов Р.Ш. Организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией. Состояние, тенденции и меры борьбы с ней. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

Некоторые вопросы о детерминантах преступности: проституции и алкоголизма женщин

М.М.Гитинова

Долгое время в нашем обществе о наличии проституции умалчивали или объявляли её ликвидированной (в эпоху развитого социализма). Многовековой опыт борьбы с проституцией, как и с преступностью, показывает, что она неустранима. Однако, общество и государство обязаны хотя бы ограничить размеры того зла, который причиняет порок, если они бессильны уничтожить его.

Проституция наносит огромный вред общественной нравственности, особенно воспитанию подрастающего поколения, поскольку основную массу проституток составляют молодые женщины. Проституция расшатывает многие социальные институты, в том числе семью. Она способствует насаждению цинизма, грубости, бесстыдства, расчета, делает ненужными любовь, преданность, верность, другие высшие чувства.

Проституция, хотя и не преступление, не уголовно-наказуемое деяние, но она тесно связана с преступностью. Нравственные ценности, накопленные человечеством вековым опытом, обесценились. Ослабление или разрушение семьи неизбежно ведет к тому, что женщина перестает исполнять обязанность, присущее исконно женщинам. Семья, своя или родительская, в определенной мере лишилась прежнего значения регулятора поведения и всего образа жизни, ослабились её контрольные функции. То есть женщины, которые перестают ощущать свою связь с ней, уже не ориентированы на традиционные ценности. Особенно, если иметь в виду, не просто совместное проживание, но и внутреннюю духовную связь между супругами. Отсутствие этой связи очень ярко проявляется в занятии замужними женщинами проституцией.

¹ Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. - М. - 1992. - С.-191.

Молодые женщины из необеспеченных семей не имеющие возможности приобретать модную одежду и другие престижные вещи, вынуждены совершать кражи, грабежи, разбои, заниматься проституцией: проявленные при этом жестокость, вандализм, агрессивность служат пределом психологических компенсаций за пережитые унижения.

Ю.М. Антонян отмечает, что достигаемый с помощью совершения преступлений и иных антиобщественных поступков уровень жизни вызывает одобрение и даже восхищение у окружающих. Главным становится не то, каким образом это богатство получено, а то, что оно есть, вытесняя все соображения нравственного порядка.

УК РФ содержит несколько статей, в которых указаны признаки преступлений, нарушающих принципы общественной нравственности, в частности, это статьи вовлечение в занятие проституцией (ст.240 УК РФ), организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ). Примыкает к названным видам преступлений и порнография - непременный спутник проституции. Объектом преступления в ст. 242 УК РФ «Незаконное распространение порнографических материалов или предметов» является общественная нравственность в сфере половой морали. Предметом преступления являются материалы и предметы порнографического характера: живописные, графические, литературные, музыкальные и иные произведения, основным содержанием которых является грубо натуралистическое детальное изображение анатомических или физиологических подробностей сексуальных отношений.

В этой связи следует отметить, что в последнее время получила распространение наиболее опасная форма порнографии: детская. В частности, статья 242.1 УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», предусматривает ответственность за изготовление, хранение, перемещение через Государственную границу РФ, распространение, публичную демонстрацию, рекламирование материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних.

В России порнография становится практически ненаказуемой, в том плане, что найти лицо, причастное к его изготовлению и распространению, практически невозможно (она распространяется через интернет, видеодиски).

Конечно, проституция существует и потому, что на неё есть спрос. Услугами проституток пользуются разные мужчины, в том числе и мужчины - преступники. Проблема заключается в том, что преступники - в значительной степени люди с разрушенными социально-полезными связями, без семей, и вообще – эмоционально глухих людей. Находясь на свободе, они ищут себе друзей и подруг, чаще всего которыми становятся проститутки. Преступники приобщают этих женщин к своему образу жизни, вкладывают в их сознание свое понимание того, «как нужно жить» и какие нравственные ценности, точнее аморальные критерии должны быть руководящими в жизни. Их клиенты, часто «развлекающиеся» богатые представители «руководящих» слоев населения, интеллигенции, имеющие жен и детей, не скрывающие от своих подруг-проституток, что деньги, которые они на них тратят, - шальные, нажитые на различных комбинациях по должности¹. А женщина идет на совершение преступления, когда зависит от мужчины, дорожит этой связью. Проститутки наводят воров, грабителей и убийц на богатых, любящих кутить в ресторанах мужчин, хорошо зная, кто из постоянных посетителей богат.

С проституцией тесно связано сутенерство, преступления с незаконным оборотом наркотиков также очень распространенные в последнее время на Северном Кавказе. Здесь в качестве исполнительниц выступают не всегда проститутки, хотя некоторая часть вербуетя именно из этой криминогенной среды. Это женщины, вышедшие из под социального контроля, который на Кавказе присутствует, в виде контроля отцов, братьев, мужей, старейшин рода над женщинами в силу разных причин.

Особенности темперамента женщин-преступниц в регионе, деформация индивидуальной и групповой психологии, обусловленные не только ухудшением материального положения, неравенством в распределении доходов, но и разрушением прежней системы нравственных ценностей, выделяют в структуре причинного комплекса, совершаемых женщинами преступлений.

В социальном плане, проституция влияет на прочность семейно-брачных отношений, зачастую конфликты в семьях заканчиваются насильственными преступлениями. И, как правило, женщины проститутки не могут быть матерями, поскольку дети их социально заброшены, идут с малолетства на панель или пополняют ряды наркоманов, воров, бандитов. «С точки зрения потребительской психологии, прикрывающей бездушность воинствующим цинизмом, торгующая своим телом нравственным падением не считается. Цель оправдывает средства»².

Все это приводит к растлению личности, не только самих проституток, но и большинства тех, кто контактирует с ними, включен в их бизнес: сутенеров, сводников, иных правонарушителей, многих клиентов, родственников, членов семьи, знающих об их промысле. Многие проститутки являются объектом жестокой, порой нещадной эксплуатации, находящиеся в угнетенном положении и закон, далеко не всегда, встает на их защиту. Можно сказать, что вокруг проституции и проституток складывается особая нравственно-психологическая среда, точнее дно.

Другой человеческий порок, который также тесно связан с проституцией – это женский алкоголизм.

«Особого внимания заслуживает тяжесть деградации личности женщин-алкоголичек». Черты деградации выявляются довольно рано, спустя несколько лет после начала злоупотребления спиртными

¹ Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность.- М., Российское право, 1992 г. – 407.

² Габани А.А. Цена любви. -М.- 1987 г.- С.64.

напитками: заметно снижается круг интересов, угасают прежние культурные запросы, проявляется склонность к асоциальному образу существования, утрачиваются этические нормы поведения, выявляется крайняя лживость и все большее расторможение низших влечений»¹.

Употребление алкоголя массами людей, особенно в виде «замены» радостей жизни, ибо их нет по тем или иным причинам, ведет к вымиранию целых групп населения, деградации людей. Дети, рожденные от пьяных родителей, генетически ущербны. Это трагедия человечества. В нашей стране, к сожалению, процент неполноценных детей, как следствие их зачатия матерью в нетрезвом виде либо от отца, находящегося в таком состоянии, растет. Особенно среди населения, находящегося в тяжелом экономическом положении².

В семейно-бытовой сфере одним из наиболее распространенных поводов, приводящих к совершению преступлений, является пьянство. И если 30-35 лет назад потребление спиртных напитков не носило системный характер, то в настоящий период женщины стали употреблять эти напитки во много раз чаще, и более одной четверти женщин-преступниц нарушали уголовно-правовой запрет в состоянии опьянения. В семейно-бытовой сфере при таких условиях нередко возникает конфликтная ситуация, которая разрешается путем преступления. Если мотивация женщин, совершающих корыстные преступления, оправдывалась деятельностью для блага семьи, то насильственные преступления чаще всего выступают в качестве способа освобождения от людей, которые еще недавно были близкими.

Статистика упорно свидетельствует: там, где выше уровень потребления спиртных напитков, там выше преступность, опаснее её характер, более тяжка она и по способам совершения преступлений, и по последствиям.

В борьбе с такими пороками общества, как проституция, алкоголизм, наркомания одни только меры уголовно-правового характера не слишком эффективны. Человечество не раз спотыкалось на политике запретительства и репрессий в этих областях, но ничего положительного не добились.

Думается, что борьба с этими явлениями лежит в сфере комплекса мер, где нравственное, духовное, религиозное воспитание человека играет не последнюю роль.

Список литературы:

1. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. - М. - 1992. – С. -191.
2. Габияни А.А. Цена любви. -М.- 1987 г.- С.64. ¹
3. Гузиков Б.М., Мейрон А.А. «Что нас губит», Лениниздат, 1990 г. – С. 55.
4. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. - М., Российское право, 1992 г. – С. 407.

Воздействие эволюции формы правления на построение системы органов государственной власти в субъектах Российской Федерации (на примере РД)

Б.И.Гогурчунов

Конституции РД форму правления: от парламентской до президентской и смешанной Республики. Очевидно, форма правления в РД может «эволюционировать в сторону любой из этих позиций, и политическая практика постоянно демонстрирует изменения ее конфигурации»³.

И здесь важным средством для нейтрализации любых нарушений принципа разделения властей является ст. 10 Конституции РФ (1993), ст. 7 Конституции РД 2003 года и решения любых споров об их компетенции, возникающих в ходе конституционного строительства органов государственной власти.

Вместе с тем принцип разделения властей, если реализовать его разумно, без того, чтобы все ветви власти были полностью самостоятельны в решении всех вопросов, имеет больше положительного значения, чем отрицательного. Способ реализации принципа разделения властей, основанный на «неполной самостоятельности» властей друг от друга более «способствует обеспечению законности, препятствует бесконтрольному осуществлению власти одним органом, сосредоточению всей власти в руках определенного органа»⁴.

Исходя из этого, можно заключить, что вышесказанное условие отвечает принципу законности, но не вполне точно положениям ст.10 Конституции РФ и ст.7 Конституции РД о самостоятельности всех ветвей власти. Свообразным регулятором взаимоотношений между органами государственной власти здесь и выступает система сдержек и противовесов. При этом в соответствии с принципом демократии и, по мнению именитых ученых (в частности Ж.-Ж. Руссо)⁵, законодательная власть в определенной мере выше других ветвей власти, т.к. имеет право формировать правительство или принимать участие в этом, контролировать его деятельность, устанавливать структуру (систему) исполнительных органов, а также проводить кадровую политику судебных и правоохранительных органов, адвокатуры, нотариата (например, в РД).

Фактором стабильности в федеративном государстве, как указывают и российские, и зарубежные исследователи, является императивный характер устанавливаемых норм для обеспечения «единства политического режима по всей вертикали федеративного государства, основанного на неукоснительном

¹ Гузиков Б.М., Мейрон А.А. «Что нас губит», Лениниздат, 1990 г. – С. 55.

² Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. - М.: Российское право, 1992. - С. 412.

³ Конституционно-правовая реформа в современной России: Материалы научно-практической конференции // Государство и право. – № 5. 2000. – 92.

⁴ Халилов А.М., Магомедов Ш.Б., Гамзатов Я.Б. Указ. соч. – С.51.

⁵ См.: История политических и правовых учений: Учебник. - М., 1998.-С. 276-277.

принципе разделения властей»¹. Известный американский правовед Л. Фридман, исследуя проблему взаимоотношений трех ветвей власти, подчеркивает, что задачей конституции федеративного государства является создание системы сдержек и противовесов, при которой все ветви власти «не только уравновешивали бы федеральное правительство, контролировали друг друга и следили друг за другом», но и «правительство штатов уравновешивали бы федеральное правительство; федеральное правительство контролировало бы правительство штатов»².

По мнению многих отечественных исследователей, серьезным источником дестабилизации российского федерализма как раз и является диверсификация политических режимов в субъектах федерации; полномочия представительной власти сведены к минимуму, тем самым разрушен принцип разделения власти. В других регионах – явная асимметрия в пользу местных ассамблей³. В. Гельман (Санкт-Петербург) выделяет на уровне субъектов федерации парламентский, президентско-парламентский, премьер-президентский типы институционализации политических режимов⁴.

Эти указанные особенности создают почву для центробежных тенденций. При этих условиях в Конституции РФ необходимо более четко закрепить нормы, устанавливающие систему органов государственной власти, а не так как это закреплено в ст. 77 Конституции РФ, в рекомендательной и отсылочной форме «в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации».

И в Конституции РФ этот принцип необходимо установить более четко, а также здесь установить и ответственность за нарушение этого принципа.

Для этой цели необходимо поддержать идею о необходимости принятия конституционного или органического закона, в императивной форме обеспечивающего принцип разделения властей в системе институтов управления субъектов Российской Федерации.

Классификация органов государственной власти в Республике Дагестан. По конституциям ДАССР 1921 и 1927 гг. высшая (высшая) власть в республике принадлежала Вседагестанскому съезду Советов, в период между съездами – Центральному исполнительному комитету Дагестана. По Конституции 1927 г. носителем высшей власти между сессиями ЦИКа являлся Президиум последнего. Органом общего управления делами Республики был Совет народных комиссаров ДАССР; руководство отдельными отраслями управления принадлежало народным комиссариатам. Республика имела свои судебные органы, они предусматривались не Конституциями, а законами РСФСР, СССР.

По конституциям ДАССР 1937 и 1978 гг. высшим органом государственной власти ДАССР являлся Верховный Совет ДАССР (в соответствии с внесенными поправками в 1989-1991 гг. – Съезд народных депутатов ДАССР). Некоторые функции высшего органа государственной власти ДАССР в период между сессиями Верховного Совета осуществлял Президиум Верховного Совета (это вытекало из Конституции 1937 г., прямо было предусмотрено Конституцией 1978 г.). Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти являлся Совет народных комиссаров, с 1946 г. – Совет министров ДАССР.

По Конституции 1937 г. отдельными отраслями государственного управления, входящими в компетенцию ДАССР, руководили наркомы (с 1946 г. – министры). По Конституции ДАССР 1978 г. отдельными отраслями управления руководили или осуществляли межотраслевое управление министерства, государственные комитеты и другие органы государственного управления.

Правосудие в ДАССР осуществляли судебные органы, в том числе Верховный суд ДАССР. Высший надзор за точным (по Конституции 1978 г. – за точным и единообразным) исполнением законов министерствами и другими учреждениями (кроме высших), общественными организациями, гражданами на территории ДАССР осуществлял Генеральный прокурор СССР непосредственно, а также через Прокурора РСФСР и через Прокурора ДАССР, по Конституции 1978 г. – Генеральный прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры РСФСР, ДАССР и нижестоящие прокуроры.

Система государственных органов – это совокупность всех органов государственной власти⁵. А орган государства – это часть государственного аппарата с присущими ей признаками⁶.

Деятельность государства реализуется через органы государственной власти, «необходимость которых вытекает уже из самого существования государства, как единого организованного союза. Государство без органов было бы неосуществимым на практике представлением, равнозначным анархии»⁷.

Совокупность органов государственной власти взаимосвязанных и взаимодействующих между собой образует систему. На ее устройство оказывают влияние принципы организации власти. Из всего многообразия их видов и сочетания используются те, которые predeterminedены конкретной исторической ситуацией и традициями, формой правления и государственного устройства, политическим режимом, диктуются конкретным назначением органа государственной власти. Исходя из перечисленных факторов

¹ Силинов П.М. О некоторых концепциях федерализма в зарубежной литературе // Государство и право. – № 5. 2000. – 87.

² Фридман Л. Введение в американское право. – М., 1993. – 114.

³ Силинов П.М. Указ. соч. – С. 114.

⁴ См.: Гельман В. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практика // Политические исследования. 1998. – № 1. – С. 101.

⁵ Халилов А.М., Магомедов Ш.Б. Государственное (конституционное) право Республики Дагестан. – Махачкала, 1998. – С. 231-232.

⁶ Халилов А.М., Магомедов Ш.Б., Гамзатов Я.Б. Конституция Республики Дагестан: Научно-практический и историко-правовой комментарий. – Махачкала, 2002. – С.292.

⁷ См.: Еллинек Г. Право современного государства. Общее учение о государстве. – СПб, 1903. – С.381.

система органов государственной власти конкретной страны строится на одной из двух основных моделей организации государственной власти, воспринятых законодательством и практикой соответствующего государства¹. Одна модель основана на идее абсолютизации или монополизации власти. Другая модель построена на идее разделения властей, при проведении которой четко определяются и уравниваются функции органов государственной власти, принадлежащих к той или иной ветви власти.

Построение системы органов государственной власти в субъектах Российской Федерации в правовом плане должно быть четко сориентировано на принцип разделения властей, сформулированный в Конституции, соответствовать упомянутому конституционному принципу².

Классификация органов государственной власти проводится по различным основаниям (группам) в зависимости от характера их полномочий, взаимоотношений с другими органами, порядка их образования, деятельности, места в общей системе государственных органов и т.д. Так: а) в зависимости от порядка их образования на выборные и назначаемые; б) в зависимости от осуществления функций государства – на органы общей компетенции и специальной компетенции; в) в зависимости от порядка их деятельности – на коллегиальные и единоличные; г) в зависимости от их места в общей системе органов – на высшие, центральные, местные (если имеются местные органы государственной власти).

В научной литературе советского периода вопрос государственного управления, организации и деятельности государственных учреждений исследовался широко³.

В советский период государственные органы в юридической науке признавались классификация по следующим группам:

- органы государственной власти – Советы;
- исполнительно-распорядительные органы – Советы министров (в отдельные периоды – Советы народных комиссаров), министерства (наркоматы), ведомства, исполкомы местных Советов, отделы управления исполкомов местных Советов;
- органы правосудия – суды: Верховные, краевые, областные, автономных областей, окружные, народные суды, трибуналы;
- органы государственного, народного контроля, прокуратуры.

Однако современная конструкция исполнительной власти в России, точно так же и в ее субъектах, кардинально отличается от советской системы, что связано с различными изменениями государственной и общественной жизни страны.

После принятия новых конституций Российской Федерации (1993) и Республики Дагестан (1994 и 2003 гг.), органы государственной власти, как в Российской Федерации, так и в Республике Дагестан, классифицируются (подразделяются) на группы: 1) органы законодательной власти; 2) органы исполнительной власти; 3) органы судебной власти.

В соответствии с компетенцией Республики Дагестан в Республике Дагестан Народное Собрание РД является одновременно законодательной и представительной властью, Правительство – исполнительно-распорядительной властью, а судебную власть осуществляют суды Республики Дагестан.

По Конституции 1994 года Государственный Совет РД занимает особое положение. Во-первых, он возглавляет исполнительный орган, во-вторых, это орган, обеспечивающий взаимодействие органов государственной власти Дагестана.

Особым статусом по этой Конституции РД наделено и Конституционное Собрание. С одной стороны, это орган законодательной власти, поскольку принимает Конституцию Республики Дагестан. С другой стороны, это орган исполнительной власти, так как формирует Государственный Совет Республики Дагестан, отрешает от должности Председателя Госсовета, освобождает от должности членов Госсовета.

Главу государства (республики) – Председателя Госсовета Республики Дагестан нельзя отнести только к одной ветви власти. Он руководит Госсоветом, возглавляющим исполнительную власть, участвует в осуществлении законодательной власти, подписывая и обнародуя законы, обладая правом вето на законы, принятые Народным Собранием Республики Дагестан.

В соответствии с Конституцией РД от 10 (26) июля 2003 г. постоянно действующим законодательным (представительным) органом государственной власти Республики Дагестан является Народное Собрание (ст. 59).

Высшим должностным лицом, возглавляющим исполнительную власть, является Президент Республики Дагестан (ст. 75), который по аналогии «является главой государства», т.е. Республики Дагестан в составе Российской Федерации.

¹ См.: Конституционное право. Общая часть: Учебное пособие. – Ч.1. – М., 1994. – С.53.

² См.: Кухтик С.Н. Конституционно-правовые основы системы органов государственной власти в субъектах Российской Федерации: Дис. канд.юрид.наук. – М., 1998. – С.66-67.

³ Смирнова Т.М. Государственный учреждения СССР в условиях развития социализма. Фондообразователи центральных государственных архивов СССР. – М., 1977; Смирнова Т.М. Государственные учреждения СССР в условиях развитого социализма. – М., 1982; Цикулин В.А. История государственных учреждений СССР. 1936-1965. – М., 1966; Коржихина Т.П. История и современная организация государственных учреждений СССР. 1917-1972. – М., 1974; Златопольский Д.Л. Государственное устройство СССР. – М., 1960; Габричидзе Б.Н. Конституционный статус органов советского государства. – М., 1982; Васильев П.Т. Советы народных депутатов. Организация и деятельность. – М., 1983 и др.

Согласно ст. 84 Конституции РД (2003) Правительство Республики Дагестан является постоянно действующим исполнительным органом государственной власти Республики Дагестан, который выполняет функции исполнительно-распорядительного характера.

Правосудие в Республике Дагестан в соответствии со ст. 92 действующей Конституции РД (2003) осуществляется федеральными судами и судами Республики Дагестан.

Компетенция Конституционного Собрания сузилась на Конституции РД 2003 г. и сводится только пересмотру глав 1, 2 и 10 Конституции РД, в случае которого могут решить вопрос разработки и принятия новой Конституции РД. Таким образом, согласно Конституции РД 2003 года Конституционное Собрание РД является только законодательным (представительным) органом государственной власти РД.

В Конституции Республики Дагестан, как и в Конституции РФ, не названы министерства Республики Дагестан в числе органов государственной власти, которые фактически являются и относятся к органам исполнительной власти, а именно исполнительно-распорядительными органами государственной власти Республики Дагестан, осуществляющими руководство отдельными отраслями государственного управления или осуществляющими межотраслевое управление.

Судебную власть в Республике Дагестан осуществляют Конституционный Суд, Верховный Суд, Арбитражный Суд, районные (городские) суды, мировые судьи. Особенности организации судебной власти Республики Дагестан является то, что Верховный Суд, Арбитражный Суд, районный (городские) суды относятся к федеральным судам. Вместе с тем к числу органов государственной власти относится и Прокуратура РД, хотя в Конституции она не названа в числе этих органов.

Исследование данной проблемы, ее теоретико-правовых аспектов, позволяет сделать следующие выводы:

Конституционные принципы организации и деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации не полностью разрешают существующие проблемы, специфику регионов, в том числе и Республики Дагестан. Здесь необходимо учитывать особенности российского федерализма.

Федеральный законодатель не совсем удачно объединил в общие принципы организации и деятельности различных органов государственной власти, различных ветвей власти. На наш взгляд, необходимо принять Федеральный закон «Об общих принципах организации представительных (значительных) органов государственной власти субъектов РФ» и Федеральный закон «Об общих принципах организации исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» отдельно. Здесь необходимо более детально определить требования к этим органам государственной власти.

Исходя из того, что Российская Федерация устанавливает Основы законодательства субъектов России, в т. ч. и Республики Дагестан, необходимо принять собственные законы, уточняющие и развивающие данные законы Федерации с учетом специфики региона.

Необходимо более четко, детально предусмотреть в рассматриваемой триаде властей место и роль судебных органов субъектов, в том числе и Республики Дагестан.

Довольно искусственным выглядят выводы законодателя и позиции ряда ученых и практических работников только лишь об обязательном избрании главы исполнительной власти субъекта РФ непосредственно населением на основании положения ст.3 Конституции РФ и ст. 18 Федерального закона об общих принципах организации органов государственной власти субъектов РФ о том, что народ осуществляет свою власть непосредственно. Таким образом, установлено единообразие для всех субъектов

Общесоциальные меры предупреждения и профилактики незаконного изготовления взрывных устройств

М.М.Мусаев

Главным направлением борьбы с преступностью вообще с точки зрения обеспечения спокойствия, безопасности, стабильности общества, прав, свобод и законных интересов граждан является ее предупреждение.

В криминологической литературе и нормативных актах используются различные термины: «предупреждение», «профилактика», «превенция», «предотвращение». Некоторые авторы пытаются разграничить значение указанных терминов, связывая их с различными уровнями, этапами, направлениями и видами предупредительной деятельности¹.

Традиционный подход к раскрытию данной проблемы обычно основывался на понятии «предупреждение преступлений», которое рассматривается как в широком (общесоциальном), так и узком (частном) аспектах¹.

Профилактика не тождественна предупреждению преступности. Профилактика составляет одну из частей предупреждения, которая по остроте и глубине упреждающего воздействия, способности влиять на истоки, корневую систему преступности является наиболее важной и эффективной².

Не углубляясь в полемику по этому вопросу, заметим, что предупреждение преступности и профилактика преступлений представляют собой главный составляющий элемент борьбы с преступностью.

В авторском понимании предупреждение и профилактика незаконного изготовления взрывных устройств - системное воздействие на незаконное изготовление взрывных устройств, заключающееся в

¹ Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория опыт, проблемы. – М., 2011. – С. 12.

² Петров Э.И. Криминология и организация предупреждения преступлений. – М., 2015. – С. 122.

целенаправленной деятельности определенных субъектов по нейтрализации и устранению вызывающих его криминогенных факторов и пресечению совершаемых преступлений, осуществляемое в определенных законом формах.

Предупреждение преступности в сфере незаконного оборота оружия и взрывных устройств в том числе незаконного изготовления взрывных устройств имеет свои особенности, что является следствием специфического своеобразия причин и условий, порождающих искомые преступления и способствующих им.

Предупреждение незаконного изготовления взрывных устройств охватывает меры общесоциального и специально-криминологического уровня.

Общесоциальные меры предупреждения и профилактики – это комплекс разнообразных мер, направленных на решение крупных экономических, социальных, политических и нравственно-правовых проблем, актуальных для современного общества.

Среди мер общесоциальной предупредительно-профилактической деятельности незаконного изготовления взрывных устройств первостепенное значение имеют меры экономического, политического и организационного характера, в большей мере, чем социальные меры.

Достижение стабильности в новых экономических отношениях является, надо полагать, важнейшим антикриминальным фактором общесоциального характера. Устранение причин экономического характера является одним из условий стабилизации преступности в целом, в том числе и ее отдельных проявлений – незаконного изготовления взрывных устройств.

Учитывая крайне тяжелое экономическое положение Северо-Кавказского региона, включая и экономику Дагестана, приоритеты государственной политики России в данном регионе должны быть направлены на повышение его экономического благосостояния. Принимая во внимание тот факт, что почти две трети лиц, занимающихся незаконным изготовлением взрывных устройств, нигде не работают, и безработица относится к числу основных факторов нагнетания социальной напряженности в республике, в рамках общесоциальных мер профилактики незаконного изготовления взрывных устройств определяющее значение приобретает борьба с безработицей. В этой связи назрела необходимость принять комплекс мер, направленных на улучшение ситуации на рынке труда уже в ближайшей перспективе. К числу таких мер относится развитие отраслей экономики, направленных на удовлетворение первоочередных нужд местного населения и повышение качества жизни, развитие малого и среднего предпринимательства и, прежде всего, в сельской местности, поскольку по численности сельских жителей Северный Кавказ занимает первое место среди экономических регионов Российской Федерации.

С известной долей условности вклад в предупреждение незаконного изготовления взрывных устройств вносит борьба с религиозным экстремизмом. В последние годы на состояние нравственности в Дагестане серьезное влияние оказала активная пропаганда экстремистского религиозного направления - ваххабизма, прежде всего, среди молодежи. Открывались «ваххабитские» мечети, издавалась и бесплатно распространялась, по сути, реакционная литература. Далее шло скрытое создание незаконных вооруженных формирований под видом «защитников» исламских ценностей. Ваххабиты, прикрываясь религией, вербовали в свои ряды лиц, конфликтующих с законом, находящихся в розыске за совершение преступлений, а также религиозных фанатиков.

В этой связи нам представляется, что средства массовой информации Дагестана должны вести планомерную работу по разъяснению сущности и опасности ваххабизма и иных проявлений религиозного, политического, национального и т.п. экстремизма. Тема обеспечения безопасности республики, противодействия экстремизму должна стать главной темой в программах местного телевидения с участием интеллигенции, мусульман республики, которые должны осуществлять контрпропаганду идеям экстремизма, особенно среди молодежи.

Вопросы, связанные с противодействием экстремистской деятельности и борьбы с терроризмом, неоднократно рассматривались на координационных заседаниях правоохранительных органов республики, оперативных совещаниях при руководстве МВД РД.

В этой связи общая организация борьбы с терроризмом и экстремизмом в Дагестане в целом направлена и на предупреждение незаконного изготовления взрывных устройств. С этой целью в рамках проводимого оперативно-профилактического мероприятия «Вихрь-антитеррор», сотрудники правоохранительных органов осуществляют проверки на заводах, предприятиях и других местах, где возможно изготовление вооружения и деталей к нему, а также проверки обеспечения сохранности взрывчатых материалов гражданского назначения, проводят комплексные обследования и инвентаризации мест хранения оружия и взрывчатых веществ.

Меры специально-криминологической профилактики охватывают осуществление профилактического воздействия на конкретные социальные группы (микросреду), в которой складываются конфликтные ситуации и намечаются отрицательные явления. Если общесоциальные меры действуют в основном на стратегическом уровне, то уровень действия специальных мер в основном тактический, обусловленный ближайшими причинами и условиями преступлений.

Исходя из причин и условий, способствующих совершению рассматриваемых преступлений, предупредительные меры незаконного изготовления оружия на специальном уровне направлены на достижение следующих целей:

1) снижение спроса на незаконно изготовленное оружие и взрывных устройств у социально-благонадежной части населения;

2) перекрытие каналов поступления незаконно изготовленного оружия и взрывных устройств в преступный оборот;

3) изъятие незаконно изготовленного оружия и взрывных устройств из оборота.

Результативность достижения этих целей во многом будет зависеть от теоретической обоснованности превентивных мер с учетом реальных возможностей, в том числе и материальных, органов власти, от проведения всех профилактических мероприятий в комплексе и организовано, с участием всех структур государственной власти и их тесного взаимодействия.

Предупреждение незаконного изготовления взрывных устройств в органах внутренних дел осуществляют различные оперативные службы в соответствии с их компетенцией.

Важным субъектом профилактики незаконного изготовления оружия и взрывных устройств является уголовный розыск и его подразделения. Основные задачи подразделений уголовного розыска по предупреждению и пресечению незаконного оборота оружия и взрывных устройств, включая незаконное изготовление оружия, сводятся к следующему:

предупреждение и раскрытие криминальных взрывов;

предупреждение и раскрытие контрабанды огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;

предупреждение и раскрытие хищений огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;

предупреждение и раскрытие преступлений, связанных с раскопками на местах бывших боев и восстановлением оружия;

предупреждение и раскрытие фактов изготовления самодельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Непосредственная работа по предупреждению незаконного изготовления взрывных устройств возложена на отделение по борьбе с незаконным оборотом оружия, созданное в системе органов УУР МВД РД. В его функции входит осуществление ряда мер организационного и практического характера, направленных на активизацию борьбы с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Основное внимание уголовного розыска и других взаимодействующих служб и подразделений нацелено на установление и перекрытие каналов поставки и изготовления огнестрельного оружия, избличение преступных группировок, заинтересованных в приобретении оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств, для достижения своих корыстных целей.

Между тем, как показывает анализ деятельности УУР МВД РД, меры по предупреждению незаконного изготовления оружия, предпринимаемые ими, сводятся к изъятию самодельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Недостаточно используются меры по перекрытию каналов сбыта незаконно изготовленного оружия, не выявляются источники приобретения оружия, слабо ведется работа по целевой вербовке агентуры, в целях получения оперативно-значимой информации по незаконному обороту огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ.

Определенный вклад в предупреждение незаконного изготовления оружия вносят следственные органы. Следователи обязаны объективно, полно, всесторонне расследовать, выявлять причины и условия, способствующие совершению преступлений в сфере незаконного оборота оружия, принимать меры к их устранению. Между тем, для многих дел характерны неполнота следствия, поверхностное выявление причин и условий совершения преступлений, следователи часто не проявляют активность в установлении источника поступления предметов вооружения. В целом следственная и судебная профилактика остается одним из слабых звеньев в уголовном судопроизводстве. Эффективная борьба с рассматриваемыми преступлениями предполагает аналитическую работу следователей с последующей подготовкой обобщающих представлений о причинах и условиях этих преступлений и мерах по их устранению.

В известной степени способствуют предупреждению незаконного изготовления взрывных устройств отделы по борьбе с организованной преступностью. В ходе пресечения деятельности организованных групп и преступных сообществ сотрудниками ЦПЭ выявляются и изымаются значительное число взрывчатых веществ, которое используется ими для изготовления самодельных взрывных устройств. Кроме того, сотрудниками ЦПЭ принимаются меры непосредственно направленные на пресечение деятельности организованных групп, занятых криминальным оружейным бизнесом.

Значительная нагрузка по предупреждению незаконного изготовления оружия возложена на лицензионно-разрешительную систему. Ее деятельность охватывает три направления: а) совершенствование государственного контроля за предметами вооружения; б) предотвращение фактов изготовления самодельного оружия; в) уничтожение всего изымаемого у населения оружия, в том числе самодельного.

Работники подразделений разрешительной системы, уголовного розыска, ЦПЭ, участковые уполномоченные полиции обязаны выявлять лиц, незаконно владеющих оружием, проводить работу по добровольной сдаче оружия в ОВД, в установленных случаях привлекать виновных к уголовной ответственности. При этом надо обращать внимание на лиц, склонных к нарушению общественного порядка, алкоголиков, наркоманов, судимых. Значительным резервом совершенствования борьбы с данным видом преступности является профилактическую работу с ранее судимыми.

В настоящее время по инициативе МВД России принято решение о создании федеральной автоматизированной системы учета гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового оружия, имеющегося у организаций и граждан¹.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21 июня 2010 г. – № 868.

Автоматизированная система учета оружия позволяет контролировать порядок постановки на учет приобретенного оружия и выявлять лиц, нарушающих установленные законодательством сроки регистрации оружия; оперативно устанавливать владельца оружия, его место жительства по маркам, сериям, номерам, году выпуска оружия, по юридическим и физическим лицам, которым оружие принадлежало ранее; контролировать объекты разрешительной системы обеспечивать сверку оружия, имеющегося на объекте с учетами лицензионно-разрешительных подразделений, выявлять недостатки и излишки оружия.

Программа позволяет вести учет выдаваемых органом внутренних дел лицензий и разрешений на право приобретения и хранения гражданского и служебного оружия, вести учет предприятий и организаций, использующих в своей деятельности оружие и одновременно всех сотрудников этих предприятий, имеющих допуск к оружию, и все оружие, находящееся в пользовании.

В повседневной деятельности подразделений лицензионно-разрешительной системы использование данной программы позволяет вести работу в следующих направлениях:

- принимать соответствующие меры реагирования к физическим и юридическим лицам, не поставившим в установленные сроки приобретенное оружие на учет в органах внутренних дел;
- выявлять факты приобретения оружия магазинами с нарушениями установленных правил; а также оружие, реализованное с нарушениями установленных правил;
- устанавливать сведения об оружии ввезенном из-за границы, приобретенном в других регионах, а также сведения о заводах-изготовителях, иных предприятиях, реализующих оружие, о накладных документах, по которым реализовано или продано оружие,
- систематизировать сведения о приобретенном или реализованном оружии, не прошедшем сертификацию, сведения о количестве приобретенного для реализации, реализованного оружия, об остатках оружия на предприятиях торговли, о выданных и неиспользованных лицензиях, о приобретенном оружии по конкретным лицензиям и др.

В процессе проведения профилактических и специальных мероприятий органами внутренних дел изымается значительное количество самодельного оружия. Уничтожению подлежит все самодельное огнестрельное оружие, а оружие заводского изготовления конфисковывается и реализуется или передается государственным военизированным организациям. Однако, существующая практика решения судьбы оружия как вещественного доказательства не исключает возможность повторного поступления в преступный оборот однажды изъятого оружия.

Совершенствование организации борьбы с незаконным изготовлением оружия, в частности наиболее распространенным его видом – газовое оружие перестреленное под боевое, нам видится в следующих направлениях:

- внесение изменений в технические характеристики газового оружия чтобы воспрепятствовать возможности их переделки в огнестрельное оружие, также охотничьих ружей, которые могут переделываться под стрельбу боевыми патронами;
- выделение на эти мероприятия специально средств и улучшение экономического положения предприятий-изготовителей;
- контроль за порядком реализации газового оружия через магазины;
- выборка разрешительными отделениями МВД в торговых точках города лиц, скупивших по открытым лицензиям большие партии газовых пистолетов ввиду возможности их переделки в огнестрельное оружие.

Значительная роль в пресечении незаконного изготовления оружия отводится трудовым коллективам производственных предприятий, заводов, главным образом предприятий-изготовителей оружия. Именно трудовые коллективы имеют объективные возможности пресекать незаконное изготовление оружия на стадии приготовления к совершению преступлений, когда лицо, приислав нужные материалы, начинает изготавливать на своем рабочем месте предметы вооружения. В частности, по нашим исследованиям, на рабочем месте изготавливалось и ремонтировалось - 39% огнестрельного оружия и 44% - холодного оружия. К. В домашних условиях было изготовлено всего 5% огнестрельного оружия и 19% холодного оружия, 66% боевых припасов.

С целью исключения возможности выноса из предприятий-изготовителей деталей для сборки оружия необходимо организовать замкнутый цикл производства оружия, предполагающего изготовление точно определенного количества деталей оружия строго соответствующего количеству произведенной готовой продукции.

Среди мер борьбы с незаконным оборотом оружия в целом, в том числе с незаконным его изготовлением, заслуживает особого внимания организация органами внутренних дел добровольной сдачи населением на возмездной основе незаконно хранящихся данных предметов.

На территории России в ряде регионов страны (Москва, Тульская, Воронежская, Костромская, Ростовская области, Краснодарский, Красноярский и Ставропольский края, Республика Татарстан) проводятся регулярные профилактические мероприятия по добровольной сдаче незаконно хранящегося у граждан оружия и взрывчатых веществ на возмездной (платной) основе. К сожалению, приходится констатировать, что отсутствие реальных финансовых возможностей у органов внутренних дел на местах

для выплаты гражданам вознаграждения за добровольную сдачу незаконно хранящегося у них оружия зачастую снижает действенность в целом положительно зарекомендовавших себя мероприятий¹.

В основном, оружие сдают малоимущие граждане, так как лица, не нуждающиеся в мизерной компенсации (как правило, из криминальной сферы) и не желающие лишней раз контактировать с правоохранительными органами, в данных акциях не участвуют.

Принятые меры по снижению уровня вооруженности населения, поиска криминальных арсеналов преступной среды в определенной мере способствуют противодействию незаконному обороту оружия. Однако у населения на руках продолжает находиться большое количество огнестрельного оружия, в том числе и самодельно изготовленного. Очевидно для решения вопроса разоружения требуются новые подходы, активизация усилий всех органов власти и управления, всей правоохранительной системы.

Правоохранительным органом необходимо более эффективно проводить меры, направленные на предупреждение и пресечение незаконного изготовления оружия. Следует активнее использовать комплекс агентурно-оперативных и розыскных мероприятий по выявлению лиц, замеченных в занятии криминальным оружейным бизнесом. Важное значение в этом направлении отводится качественному расследованию дел данной категории с целью доказывания вины подозреваемых обвиняемых лиц и справедливого осуждения их в суде. А для этого МВД, прокуратура, ФСБ и другие силовые структуры должны быть укомплектованы квалифицированными и профессиональными кадрами, которые в дефиците в обществе

Разумеется, меры предупреждения незаконного изготовления оружия чрезвычайно разнообразны и должны приниматься в комплексе. Вместе с тем, предлагаемые нами отдельные мероприятия могут внести существенный вклад в пресечение незаконного оружейного промысла.

Характер проблемы борьбы горцев за независимость

Р.Н.Пирова

Дореволюционная историография исследуемой темы имела единство, которое обеспечивалось той идеологической основой, что не без оснований называют «социальным заказом». В основе этой традиции лежит утверждение о том, что России на Кавказ привели геополитическая необходимость, и цивилизаторская миссия империи в этом регионе².

На формирование отечественной историографии Кавказской войны в 30-70-е гг. XX века большое влияние оказали высказывания о ней революционных демократов, для которых завоевание Кавказа являлось не столько научной, сколько политико-идеологической и нравственной проблемой.

Утверждение классово-партийного подхода к изучению истории для борьбы горцев обернулось в 30-70-е годы XX века расстановкой «антифеодального» и «антиколониального» акцентов, что толкало на поиск классовых конфликтов и проблем подъема уровня развития и социального устройства горцев.

Заметное влияние на историографию Кавказской войны оказал воинствующий атеизм 20-30-х годов XX века, следствием чего стал тезис о реакционной сущности мюридизма, смягченный указанием на его роль в мобилизации народных масс на борьбу с угнетателями.

К 40-м годам XX века происходят существенные изменения в оценке народно-освободительных движений угнетенных народов царской России³. Это было связано с тем, что к этому времени в стране окончательно оформился культ личности И.В.Сталина, который бесцеремонно вмешивается в историческую науку. На смену теории «абсолютного зла» приходит диаметрально противоположная теория – теория «наименьшего зла», согласно которой упор делался на изучение положительной роли России в судьбах национальных окраин.

Логическим продолжением этого стала сфабрикованная в 1950 году М.Д.Багировым с ведома Сталина, Маленкова и других высокопоставленных чиновников фальсификация рассматриваемой проблемы, основанная на прямой подтасовке и искажении фактов, травля на ученых-историков, в трудах которых борьба горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х гг. XIX века оценивалась как прогрессивная антиколониальная и антифеодальная борьба. Эта борьба стала трактоваться как реакционная, националистическая, инспирированная английскими колонизаторами и турецким султаном⁴.

В период «хрущевской оттепели» отечественной исторической науке удалось преодолеть такую авторитарную, фальсификаторскую оценку борьбы горцев и восстановить ее объективную характеристику как прогрессивной народно-освободительной и антифеодальной борьбы. Особая заслуга в этом принадлежала научным дискуссиям 1956 года, проходившим в Москве и Махачкале⁵.

Другим примером того, что главным критерием в оценке борьбы горцев являлась не объективная истина, а запросы партийной идеологии и конъюнктуры является отношение к ней в годы так называемого застоя, когда прокатившаяся по региону серия юбилеев «добровольных вхождений» народов Северного Кавказа в состав Российской империи привела к тому, что интересующая нас проблема вначале

¹ Шелковникова Е.Д. Проблемы усиления борьбы с незаконным оборотом оружия // Государство и право, № 9, 2013, С. 364.

² Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. – Тифлис, 1860.

³ Покровский Н.И. Мюридизм у власти. // Историк-марксист. – 1934. – № 2 и др.

⁴ Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // Большевик. – 1950. – № 13; Даниялов А.Д. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля. // ВИ. – 1950. – № 9 и др.

⁵ К дискуссии о характере движения горцев под руководством Шамиля. // ВИ. – 1957. – № 1; О движении горцев под руководством Шамиля: Материалы сессии Дагестанского ФАН СССР 4-7 октября 1956 г. – Махачкала, 1957. (Далее. – «О движении горцев»).

оказалась в числе запрещенных, а потом – извращенных. В этой связи следует отметить, что среди северокавказских республик по сути развернулось настоящее соревнование по вопросу, кто раньше присоединился к России. К сожалению, приходится констатировать тот факт, что в эту «гонку» включились и некоторые научные и общественные деятели Дагестана. Х.Х.Рамазанов, свидетель этих событий, подчеркивает, что «...исходя из конъюнктурных соображений был поднят вопрос о проведении 350-летнего юбилея добровольного вхождения Дагестана в состав русского государства. Лишь категорический протест отдельных ученых исторического факультета Даггосуниверситета предотвратил это мероприятие»¹.

Следует заметить, что, обращаясь к истории, мы, как справедливо пишет С. Баруздин, «...должны отказаться от лозунгового постулата, что все народы и народности истинно добровольно присоединились к России»². Однако эти празднества привели к тому, что, благодаря «стараниям» М.М. Блиева, В.Б. Виноградова, С.Ц. Умарова и других³, были выдвинуты концепции «горской экспансии» и «набегового хозяйства» горцев, не имеющие ничего общего с исторической действительностью. По сути, были восстановлены взгляды представителей великодержавной буржуазно-дворянской историографии на борьбу горцев, т.е. опять стали утверждать, что горцы боролись за сохранение набегового хозяйства, а царизму ничего не оставалось, кроме как навести здесь порядок.

Одной из ярких иллюстраций существовавшего в советский период положения в области изучения Кавказской войны является судьба монографии Н.И. Покровского «Кавказские войны и имамат Шамиля». По его мнению, российские власти не только сами эксплуатировали горцев, но и способствовали увеличению гнета со стороны местных феодалов, что вызвало крестьянское восстание 1840-1843 гг.⁴

Первым в этом плане явился доклад В.Г. Гаджиева «Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе», сделанный на научной сессии Дагестанского ФАН СССР в 1956 г. и в том же году вышедший отдельной брошюрой⁵, в которой рассматриваются вопросы освещения борьбы горцев в советской исторической литературе, опубликованной до середины 50-х гг. Особой критике подвергается указанная статья М.Д. Багирова. Но особый упор делается на дореволюционную историографию проблемы.

Вопросы историографии борьбы горцев рассматриваются и в некоторых монографических исследованиях, посвященных борьбе горцев в целом или же отдельным ее вопросам, вышедших в период с конца 80-х годов XX века. В этом плане особо следует выделить работы А.М. Халилова, Х.Х. и А.Х. Рамазановых и М.Б. Магомедова⁶. Последний во вводной части своей работы дал краткий, но очень содержательный анализ причин и сути фальсификаций этой проблемы, материалов по их преодолению и т.д.

До начала 1980-х годов изучение Кавказской войны находилось в состоянии глубокого кризиса, основным проявлением которого был догматический подход к интерпретации исторических источников. Процесс вхождения Кавказа в состав Российской империи оказался одним из наименее изученных исторических феноменов.

Несмотря на решение участников Всесоюзной научной конференции 1989 г., проходившей в Махачкале, издать обобщающую работу, посвященную историографии рассматриваемой борьбы, все же до сих пор такая работа не издана, т.е. до сих пор нет единого монографического исследования или обобщающей работы, целиком посвященной данной проблеме.

Борьба горцев оказалась настолько сложной для официальной историографии, что за период полувека исследования не появилось даже фактологической истории этой эпопеи, где в хронологическом порядке были бы представлены наиболее важные военные события, охарактеризованы наиболее влиятельные фигуры и т.д.

Период перестройки внес позитивные коррективы в освещение народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х гг. XIX века. На Всесоюзной научной конференции, посвященной этой борьбе, проходившей в Махачкале 20-22 июня 1989 г., был положен конец искаженной трактовке борьбы горцев и восстановлена ее объективная оценка. Вместе с тем конференция выявила, что ряд вопросов данной темы требует углубленного изучения, в том числе и проблема освещения борьбы горцев в отечественной и зарубежной историографии.

Список литературы:

1. Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля. // Большевик. - 1950. - № 13;
2. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность. // История СССР. - 1983. - № 2; Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вместе – к великой цели. – Грозный, 1983 и др.

¹ Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Шамиль. Исторический портрет. – Махачкала, 1990. – С.88.

² Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. – Махачкала, 1991. – С.38.

³ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность. // История СССР. – 1983. – № 2; Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вместе – к великой цели. – Грозный, 1983 и др.

⁴ Покровский Н.И. «Кавказские войны и имамат Шамиля». – М., 2004.

⁵ Гаджиев В.Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. // О движении горцев...; Его же. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. – Махачкала, 1956.

⁶ Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. – Махачкала, 1991; Его же. Шамиль и Кавказская война. – Махачкала, 1998; Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Указ. соч.; Магомедов М.Б. Историко-правовые аспекты Кавказской войны 20-50-х годов XIX века. – М.: Изд-во МГУ, 2000;

3. Гаджиев В.Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. // О движении горцев...; Его же. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. – Махачкала, 1956.
4. Даниялов А.Д. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля. // ВИ. - 1950. - № 9 и др.
5. К дискуссии о характере движения горцев под руководством Шамиля. // ВИ. – 1957. - № 1; О движении горцев под руководством Шамиля: Материалы сессии Дагестанского ФАН СССР 4-7 октября 1956 г. – Махачкала, 1957. (Далее. – «О движении горцев»).
6. Покровский Н.И. «Кавказские войны и имамат Шамиля». – М., 2004.
7. Покровский Н.И. Мюридизм у власти. // Историк-марксист. – 1934. - № 2. и др.
8. Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Шамиль. Исторический портрет. – Махачкала, 1990. – С.88.
9. Магомедов М.Б. Историко-правовые аспекты Кавказской войны 20-50-х годов XIX века. – М.: Изд-во МГУ, 2000;
10. Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. – Махачкала, 1991. – С.38.
11. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. – Тифлис, 1860.

Новая Экономическая Политика в России 20-е годы XX века

Р.М.Разаков, Н.Б.Насрудинов

Усиление вмешательства государства в развитие экономики в начале XX в. было характерно для большинства продвинутых в хозяйственном отношении стран мира. Концентрация производства, внедрение плановых начал в организацию производственных процессов в рамках трестов, концернов и т.д. происходили параллельно с частичной национализацией; усиление роли финансового капитала сопровождалось его сращиванием с государственными органами.

Тенденция к усилению государственно-монополистического регулирования, особенно крупной промышленности, выросла в объективную необходимость в годы первой мировой войны, в которую была втянута и Россия. Непосредственными предшественниками созданных после Октября 1917 г. органов управления экономикой были, как известно, органы Временного правительства - Экономический совет, Министерство торговли и промышленности.

Разгром партии эсеров (каторные выступали за то, чтобы ввести на предприятиях самоуправление рабочих), преследование меньшевистских организаций, уничтожение «Рабочей оппозиции» - эта политика большевиков привела к сужению демократических начал в управлении промышленным производством, лишению работников государственной промышленности боевых профсоюзных организаций, отстаивающих их интересы (подчинение профсоюзов партийно-государственному руководству и т. д.). «Оппозиционные» идеи о самоуправлении рабочих, политической демократии и свободной организации трудящихся преследовались на протяжении 20-х гг. в деятельности профсоюзов, пытавшихся отстоять свою независимость (разгром независимых профсоюзов и рабочих забастовок и т. д.)¹.

Осуществление мероприятий новой экономической политики было по-разному встречено различными течениями в руководстве страны и политическими партиями и группами русской эмиграции.

Лидеры эмиграции обнаружили, однако, редкостное единство взглядов на нэп как на «перерождение» диктатуры большевиков, эволюцию ее в сторону капитализма. Н. В. Устрялов, П. Н. Милуков, В. М. Чернов и Ф. Дан, К. Каутский и др., несмотря на различия политических взглядов, сошлись в оценке экономической и социальной эволюции России, радостно заявив, что переход на рельсы капитализма ставит вопрос и о ликвидации большевистской диктатуры.

Аналогичные взгляды на нэп (при различии политических выводов и оценок) появились в советском руководстве, в партии. Еще в 1922 г. оживилось «левое» течение в оппозиции во главе с Ю. Лариным, которое требовало возврата к военно-коммунистическим методам.

«Левые» оппозиции трактовали поворот к нэпу как капитализм. При дальнейшем развитии и оформлении этих течений и дискуссий происходили различные перегруппировки сил и участников политической борьбы в руководстве страны.

К середине 20-х гг. оформились две основные линии в оценке нэпа – как «государственный капитализм в пролетарском государстве» (Г. Е. Зиновьев) или как социализм (Н. И. Бухарин и др.). Не вдаваясь в подробности этих дискуссий, можно отметить, что они явились, на наш взгляд, даже в большей степени отражением закулисной борьбы за власть в верхах партии, чем сложного социального противостояния в обществе (хотя этот фактор нельзя сбрасывать со счетов)².

Характерной чертой многих партийных и хозяйственных руководителей была их неспособность выйти за рамки карательного-административного психологии. Еще большей притягательностью обладала плановая идея, вера в ее непогрешимость, несмотря на все бесконечные провалы и срывы планов. Типичным было стремление объяснить эти неудачи недостатками, неправильностями планирования.

Новый толчок ужесточению административно-плановых методов управления экономикой, форсированию разработки пятилетнего плана дал состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б), поразивший своим единомыслием и отсутствием реальной оппозиции официальному партийному курсу. В

¹ Быстрова И.В. Государство и экономика в 20-е годы: борьба идей и реальность. //Отечественная история. 1993. – № 3, С. 22.

² Верг Н.История советского государства и права. – М., 2003. – С. 184.

отчетном докладе Сталин, отразив об успехах социалистической промышленности и о «достижениях» в деле вытеснения частного капитала, сформулировал задачу достижения невиданных темпов развития государственной промышленности (увеличение промышленной продукции к 1931/32 г. вдвое против довоенного уровня).

Психологическая модель обучения в начальной школе в настоящее время

Д.Г.Сайбулаева

Одним из признаков современности следует считать проникновение идей гуманизма во все сферы общественного сознания. О гуманизации сегодня пишут ученые и учителя, министры и политики, писатели и студенты. Вместе с тем включение в лексикон нового для постсоветского пространства понятия вовсе не означает понимание его сущностных признаков, его осознания, принятия и осмысления.

Особенно большое количество отмечается публикаций, исследований, посвященных гуманизации образования. Однако анализ многих из них показывает, что в психолого-педагогическом контексте термин «гуманизация» используется, в основном, в двух значениях. Во-первых, под гуманизацией многие авторы понимают гуманитаризацию содержания образования в результате увеличения удельного веса гуманитарных дисциплин с целью развития гуманитарного сознания учащихся и учителей;

Во-вторых, под гуманизацией образования понимается дифференциация и индивидуализация содержания учебного материала, преподавание этого материала в различных диалоговых формах и т.д.;

В-третьих, термин «гуманизация» используется как для обозначения либерализации и демократизации педагогической деятельности, когда на смену авторитарно-командным отношениям педагогов к учащимся приходят более мягкие формы обращения.

Признавая полезность и значимость гуманизации образования, понимаемую подобным образом, следует отметить, что такое понимание не отражает его сущности. Действительная гуманизация образования не может быть сведена к изменениям содержания учебных предметов и стиля педагогического общения. В наиболее обобщенном виде *гуманизацию образования* можно определить, следуя Э.Д.Днепрову, как преодоление основного порока традиционной школы – ее обезличенности, поворот школы к ребенку, уважение его личности, достоинства, доверие к нему, принятие его личностных целей, запросов и интересов. Это – создание максимально благоприятных условий для раскрытия и развития способностей и дарований ребенка, для его самоопределения. Это – учет психофизиологической самобытности каждого возрастного этапа, особенностей социального и культурного контекста жизни ребенка, сложности и неоднозначности его внутреннего мира.

Гуманизация – ключевой момент нового педагогического мышления, которая требует пересмотра, переоценки всех компонентов педагогического процесса в свете их человекообразующей функции. Основным смыслом педагогического процесса становится развитие *личности* ученика. Мера этого развития выступает как мера качества работы учителя, школы, всей системы образования.

Подлинный смысл гуманизации образования – это конструктивное самоизменение людей, гармонизация личности каждого учащегося и педагога, это, по сути – формирование совершенно иного по своему содержанию типа мировоззрения, который становится ведущим и неперенным условием развивающего взаимодействия участников образовательного процесса.

В современной педагогике большинство исследователей выделяют две парадигмы образования: когнитивную (рационалистскую) и личностную (гуманистическую). В соответствии с первой образование рассматривается по аналогии с познанием, а его процесс (постановка целей, отбор содержания, выбор форм, методов и средств обучения) осуществляется как исследовательская деятельность. Личностные аспекты обучения сводятся к формированию познавательных мотивов и способностей, а также к накоплению опыта смысловых, ценностных и эмоциональных оценок поведения других людей и своего собственного. Цель обучения отражает социальный заказ на качество знаний, умений и навыков. Учебный предмет рассматривается как своеобразная проекция науки, учебный материал – как дидактически препарированные научные знания.

Гуманитарная или личностно-ориентированная парадигма предполагает ориентацию педагогического процесса на личность ребенка как высшую ценность; изменение мировоззрения всех участников этого процесса на основе идей гуманизации, развитие их гуманитарной культуры; создание условий для полноценного развития ребенка, сохранения и укрепления его здоровья; ценностно-смысловое равенство взрослого и ребенка, субъект-субъектный тип взаимодействия, обеспечивающий психологическую защищенность ребенка, развитие личностей воспитуемых и воспитателей как субъектов самопознания, деятельности и общения.

Основоположником гуманистической (недирективной) модели обучения является выдающийся американский ученый Карл Роджерс. Обосновывая необходимость перестройки традиционного (формирующего) обучения и воспитания, К.Роджерс указывал на следующие его особенности: осуществление единой предписанной свыше для учителей и учащихся учебной программы, направленность на усвоение суммы знаний, оцениваемых извне, авторитарный стиль обучения, преувеличение роли преподавания (и преподавателя) и преуменьшение роли осмысленного учения. В результате происходит снижение любознательности учащихся, их познавательной мотивации и, как следствие, нарастающая бессмысленность учебных занятий.

К.Роджерс показал, что альтернативой этой практике обучения является лишь ориентированная на учащихся гуманистическая практика.

Реформирование традиционной модели обучения и воспитания в рамках гуманистического подхода осуществляется по следующим основным направлениям: создание психологического климата доверия между учителями и учащимися; обеспечение сотрудничества в принятии решений между всеми участниками учебно-воспитательного процесса; актуализация мотивационных ресурсов учения; развитие у учителей особых личностных установок, наиболее адекватных гуманистическому обучению; помощь учителям и учащимся в личностном развитии. Учение как приоритетная сторона обучения становится при этом подходе осмысленным, личностно-вовлеченным, оцениваемым самим учащимся, свободно и самостоятельно иницилируемым, направленным на усвоение смыслов на основе личного опыта. Основная задача учителя – стимулирование и инициирование (фасилитация) учения. Такое учение кардинально отличается от традиционного учения, которое является принудительным, безличностным, интеллектуализированным, направленным на усвоение значений.

С точки зрения К.Роджерса, весь континуум школьного обучения лежит между двумя крайними полюсами – традиционное авторитарное обучение, с первых которого ребенок узнает, что нужно подчиняться правилам, нельзя делать ошибки, спрашивать что-либо, перечить учителю, что учебники скучны, а списывать опасно, но не зазорно, что оценки наиболее важны в обучении и школа в целом – довольно неприятное место и т.д. Другой полюс – человекоцентрированное, гуманистическое или свободное обучение, при котором ребенок также с самых первых дней пребывания в школе узнает, что его любознательность признается и поощряется, что учитель дружелюбен и заботлив, что можно изучать то, что хочется и нравится, что процесс учения доставляет удовольствие, а учителя вызывают чувства уважения и любви.

В основе перестройки системы традиционного обучения находится, с точки зрения гуманистической психологии, самоизменение личности учителя, предполагающее специфическое гуманистически направленное мировоззрение, включающее в себя, прежде всего ряда личностных установок, реализующихся в процессе взаимодействия с учащимися. Среди них К.Роджерс подчеркивает три основные установки учителя-фасилитатора.

Первая установка в способности быть искренним, открытым, аутентичным по отношению к собственным мыслям и переживаниям и умении их выражать в общении с учащимися. Эта установка рассматривается как альтернатива типичной для учителя установке на ролевое поведение.

Вторая установка – «безусловное позитивное принятие» личности учащегося, основанное на доверии к нему, его возможностям и способностям.

Третья установка – «эмпатическое понимание», предполагающее видение учителем внутреннего мира и поведения каждого учащегося с его внутренней позиции, как бы его глазами.

Таким образом, учитель, понимающий и принимающий внутренний мир своих учащихся в безоценочной манере, ведущий себя естественно в соответствии со своими внутренними переживаниями и доброжелательно относящийся к учащимся, создает все необходимые условия для осмысленного учения и личностного развития. Если же, напротив, учитель не понимает и не принимает внутреннего мира своих учащихся, если он ведет себя неискренне, стремясь спрятаться за разного рода «фасадом», если он проявляет неуважение и холодность по отношению к учащимся, то такой учитель оказывает пагубное влияние на их личностное развитие.

Анализируя конкретный опыт гуманистического обучения, педагогический опыт учителей, К.Роджерс приходит к выводу о том, что фасилитирующее обучение – это не некий единый метод, не некая педагогическая технология, а совокупность ценностей, особая «педагогическая философия», неразрывно связанная с личностным способом бытия человека. Эту систему ценностей составляют убеждения в личностном достоинстве каждого человека, в значимости для каждой личности способности к свободному выбору и ответственности за его последствия, в радости учения как творчества.

Для оценки эффективности гуманистического обучения К.Роджерсом и его сотрудниками были проведены многочисленные сопоставительные исследования, которые показывают, что по всем девяти показателям, диагностировавшимся у учащихся – академические достижения, Я-концепция, отношение к школе, креативность, комфортность, любознательность, тревожность, локализация контроля, сотрудничество – гуманистическое обучение оказалось более успешным и эффективным, чем традиционное.

Анализ поведения учащихся при фасилитирующем обучении показывает, что они больше говорят с учителем и между собой; задают больше вопросов, больше времени заняты решением учебных задач; больше времени затрачивают на мыслительные операции и меньше – на механическое запоминание, чаще смотрят в глаза учителю, чаще улыбаются. Было показано, что они реже пропускают занятия, демонстрируют более высокие академические достижения, обнаруживают более высокую самооценку, более высокий самоконтроль; совершают меньше актов вандализма по отношению к школьному имуществу; стабильно повышают показатели коэффициента интеллектуальности и креативности.

Анализ работы учителей показал, что чем выше их способности к фасилитации учения, тем более индивидуализированным, дифференцированным и творческим является их подход к учащимся, тем больше внимания они уделяют переживаниям учащихся, чаще вступают в диалоги с ними; чаще улыбаются; предоставляют самостоятельность и ответственную свободу при составлении учебной программы, оценивании результатов учебной работы.

Несмотря на очевидную эффективность гуманистической модели обучения, она не находит широкого применения, более того встречает непонимание, неприятие и даже агрессию со стороны адептов традиционного обучения. Причины сопротивления гуманистическим инновациям К.Роджерс видел в

следующем: во-первых, в отсутствии обратной связи о подлинных результатах работы школы со стороны общества; во-вторых, потребность общества в авторитарных лидерах и подчиненных-комформистах; в-третьих, нежелание многих функционеров огромной системы образования (от рядового учителя до верхних «коридоров власти») расставаться со своим статусом, со своей властью, с привычной иерархией отношений.

Кроме того, сопротивление гуманистическому обучению исходит из страхов педагогов и родителей, связанных с отказом от власти и контроля, а также непривычностью нового типа межличностного взаимодействия, и страхов учащихся, связанных с необходимостью учиться в условиях личной свободы и ответственности. К этому можно добавить, что, пожалуй, среди ведущих трудностей реализации гуманистической модели обучения является отсутствие личного опыта подобного межличностного взаимодействия у современных учителей, обучавшихся и воспитывавшихся в рамках традиционной авторитарной модели.

К.Роджерс отмечал, что подлинная демократизация системы образования представляют собой реальную угрозу современному общественному устройству, поскольку они альтернативны его пирамиде власти, его авторитарному способу бытия. Любая атака на старое общество будет либо беспощадно опрокинута, либо, как уже не раз было в истории, обернется пирровой победой. Поэтому единственной надеждой для гуманистических педагогических инноваций проникновение идей демократии во все сферы общества и, прежде всего, в верхние эшелоны власти. В своей последней книге, обращаясь к учителям и родителям, отмечая трудности утверждения гуманистических идей, К.Роджерс писал: «Нелегко стать глубоко человеческим, доверять людям, сочетать свободу с ответственностью. Путь, представленный нами, – это вызов. Он предполагает изменение нашего мышления, нашего способа бытия, наших отношений с учащимися. Он предполагает непростое принятие на себя демократического идеала. Все это в конечном счете сводится к вопросу, который мы должны задать каждый по отдельности и все вместе: *«осмелимся ли мы?»*».

Литература

1. Днепров Э.Д. Четвертая школьная реформа в России. – М., 1994.
2. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики. – М., 2002.

Гражданско-правовые проблемы: обычное право на Кавказе (дореволюционный период)

А.К.Халифаева

Адаты по гражданским делам имеют место рядом с адатами по воровству и поджогам. «Воровство, грабеж, потравы, поджоги, умышленные и неумышленные, и вообще всякая порча имущества, – писал А.В. Комаров, – адатом подводятся под одну категорию»¹.

В гражданском праве необходимо отметить, прежде всего, что мусульманские законоведы не проводят различия между обязательственным и вещным правом². В обычном праве хорошо были разработаны отдельные институты вещного и обязательного права. Нормы этих институтов регулировали имущественные отношения в аулах. Существовала определенная система договоров, связанных с недвижимым и движимым имуществом. Договоры заключались в устной и письменной форме. В устной форме договаривались, например, об условиях найма личного или общественного пастуха. В аулах практиковалась передача во временное пользование одной или нескольких дойных коров тем, кто отправлялся на высокогорные пастбища в весенне-летний период. Должник был обязан возратить скот с приплодом и определенным устным договором количеством масла и сыра.

В дагестанских адатах имеются целые главы, посвященные гражданским делам. Знакомясь с нормами этих глав, мы обнаруживаем, что некоторые из них аналогично с современным гражданским законодательством регулируют рассматриваемые отношения (§ 47, 49, 50 и т.д.). Так, например, и в адатах Кюринского округа (§ 50), и в нормах действующего Гражданского кодекса РФ преимущественное право на приобретение, покупку недвижимости имеют сособственники.

За всякую потраву и порчу имущества, умышленную или неумышленную, владелец его получает полное вознаграждение от виновного, по оценке, производимой, как правило, почетными людьми (§ 78. Частные адаты обществ Андалалского наибства. Адаты Гунибского округа; § 57. Гл. III. Адаты Кюринского округа; § 1. Гл. VII. Адаты Самурского округа; § 236. Общие адаты. Адаты Даргинского округа).

Были выработаны обычно-правовые нормы, направленные на охрану общинных земель и лесов. Косить сено на общинных землях сельчанам запрещалось без согласия схода, иначе виновный подвергался штрафу. В Дидойском обществе с виновного брали мерку хлеба в пользу аула. Намного строже был адат, существовавший у андийцев. За самовольное действие виновный должен был дать быка или 6 мер хлеба в пользу аула. В Ухнадальском обществе с того, кто срубил во владении другого большое дерево, взыскивали одну овцу. С того, кто срубил молодое дерево, брали три овцы, верх дерева – одну овцу, ореховое дерево – одну корову в пользу аула.

Для сбережения общественных полей от потрав от общества назначались сторожа (курухчи), которые, найдя чей-либо скот на общественных полях, брали в свою пользу одного барана или стоимость его с хозяина скота, найденного на полях (§ 68. Гл. I. Адаты Кайтаго-Табасаранского округа; § 3. Гл. VII. Адаты Самурского округа; § 236. Общие адаты. Адаты Даргинского округа).

¹ Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. С. 56.

² Караулов Н.А. Основы мусульманского права. С. 32–33.

«Если кто-нибудь употребляет пригульную скотину на свои работы, без ведома старшины, то, при возникновении жалобы со стороны хозяина скотины, виновный подвергается ответственности, как за присвоение себе чужой собственности» (Ст. 61. Гл. VI. Очерк третий. Очерки народных обычаев Кумыков; § 58. Гл. III. Адааты Кюринского округа). В силу этого адата никто не мог оправдаться при продаже чужой скотины тем, что она была им найдена.

К системе отношений, связанных с обязательствами и договорами, можно отнести ишкиль. Ишкиль (барамта) – это право истца, потерявшего надежду на добровольное удовлетворение со стороны ответчика. Речь идет о захвате имущества для принуждения ответчика к удовлетворению имущественных претензий. В литературе ишкиль определяется как обычай, по которому кредитор имел право задержать любого человека из местности, откуда происходил должник, и наложить арест на его имущество до тех пор, пока не добьется уплаты долга от должника или общества, к которому принадлежит должник¹. По мнению М.А. Агларова, ишкиль, как и кровная месть, был санкционирован обществом и дозволен адатом². В обществе действовал принцип – пусть джамаат пострадавшего от применения ишкиля вынудит подлинного виновника к возвращению долга. О широком распространении ишкиля в Дагестане свидетельствует сохранившаяся обширная переписка XIX в. между «вольными обществами», ханами и мусульманскими юристами о прецедентах ишкиля³. Шариат, кстати, к ишкилю относился отрицательно. Следует отметить, что ишкиль во многом совпадает с залогом, который был разработан еще в римском частном праве. Ишкиль, как и залог, есть ответственность «вещи»: контрагент при заключении сделок всегда проверял имущество, при помощи которого можно удовлетворить в будущем то или иное обязательство⁴.

В адатах существовали нормы, регулирующие общественное поведение и быт горцев. Этим объясняется во многом сохранение правопорядка в аулах. Внутри аула был своего рода «кодекс чести», нарушение которого приводило к презрению со стороны окружающих. Горцы высоко ценили общественное мнение. К неисправимым правонарушителям общепризнанных порядков применялись такие меры, как запрет участвовать на свадьбах, похоронах, лишение права погребения по шариату. В аулах поддерживали такие традиции, как уважение к старшим, милосердие к слабым, больным. Воля родителей для детей была священным делом. Горский намус (совесть) требовал от мужчин уважения к хранительнице очага, матери детей, непременно держать данное слово, не говорить с людьми грубо, быть совестливым и честным. Горский адат говорил: «Хочешь быть уважаемым, уважай сам». Н. Данилевский, современник изучаемого нами времени, подтверждал, что «кавказские горцы имеют в обращении нравственную сторону: они любят вежливость, скромность, чинопочтение; всякое ругательное слово имеет последствием строгость замечания, угрозу» и даже поединок⁵.

Итак, нормы по гражданским делам позволяют отметить справедливое отношение адата к имущественным преступлениям и «гражданской неисправности».

Немаловажно также отметить, что повсеместно, согласно обычному праву Дагестана, дееспособность гражданина наступала с 15 лет. Именно с этого возраста горцы способны были своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Подтверждением этого служат следующие нормы адатов. В кумыкских народных обычаях пятнадцатилетний возраст в норме по похищениям указывается как основание для ответственности правонарушителя (Ст. 4. Гл. I. Очерк третий. Очерки народных обычаев Кумыков), кумыкская девушка правоспособна вступить в брак по достижении ею пятнадцатилетнего возраста (Гл. I. Очерк второй. Очерки народных обычаев Кумыков); по Даргинским адатам «к присяге требуются ближайшие родственники присягающего с отцовской стороны – мужчины, достигшие 15 лет» (Ст. 59. Общие адаты. Адаты Даргинского округа). Аналогичные примеры можно привести и по остальным источникам права.

СЕКЦИЯ

V Международной научно-практической конференции «Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского» 08 декабря 2018 года

Руководитель: Магомедов М.Б.

Секретарь: Гасанбекова Д.Г.

Особенности проведения отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования

С.Р. кызы Абдулаева

Роль первоначальных следственных действий в методике расследования обусловлена их функциональными обязанностями, той ключевой позицией, которую они занимают в раскрытии преступлений. Основная направленность первоначального этапа заключается в интенсивном поиске, обнаружении и закреплении доказательств о событии преступления, его отдельных обстоятельствах и лицах,

¹ Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. С. 277.

² Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – нач. XIX вв. С. 101–102.

³ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1260–1310.

⁴ Сулейманов Б.Б. Административно-политическое управление Дагестана во второй половине XIX в. С. 105–106.

⁵ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. С. 181–182.

совершивших это общественно опасное деяние, а также в розыске и задержании подозреваемых. Действия следователя на этом этапе характеризуются максимальной оперативностью и неотложностью.

Наиболее распространенными поводами к возбуждению уголовного дела о разбойных нападениях являются заявление потерпевших; лиц, в ведении или под охраной которых находится имущество; должностных лиц общественных или государственных организаций, откуда было похищено имущество; очевидцев преступления; сообщения работников медицинских учреждений, которые оказали помощь лицам, пострадавшим от нападения.

Начальный этап расследования разбойных нападений, определяется различной совокупностью и последовательностью проведения следственных действий, к которым относятся следующие: опрос заявителя, осмотр места происшествия, допросы потерпевших и их освидетельствование, допросы очевидцев (свидетелей), задержание подозреваемого и его личный обыск, допрос подозреваемого.

Одним из основных следственных на первоначальном этапе действий является осмотр места происшествия, который представляет собой неотложное следственное действие, состоящее в исследовании следователем места происшествия путем непосредственного личного его восприятия в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, при проведении данного следственного действия следователь не только наблюдает материальную обстановку, но и анализирует обнаруженные факты, сопоставляет их между собой и выдвигает версии¹. При осмотре места происшествия необходимо принять меры к обнаружению и изъятию следов, оставленных на месте происшествия и прилегающей к нему территории; различных предметов и их частей, принадлежащих преступнику; к установлению иных вещественных доказательств, свидетельствующих о факте пребывания преступника на месте происшествия, следов, оставшихся на нем самом, его одежде, орудиях преступления и на использовавшихся им транспортных средствах; к выявлению обстоятельств, подтверждающих (или опровергающих) объяснения заявителя, разбойного нападения либо для его инсценировки (отсутствие следов нескольких лиц, следов борьбы).

Осмотр места происшествия проводится по общим правилам. Некоторые особенности обуславливаются конкретным местом и способом посягательства.

Так, на открытой местности должны быть осмотрены пути прихода и ухода преступника с места происшествия. Поскольку разбойные нападения на открытой местности часто совершаются из засады, необходимо тщательно осмотреть те места, где преступник мог укрываться перед нападением на потерпевшего. Находясь в засаде, преступники ведут себя менее осторожно и оставляют различные следы и некоторые предметы.²

При расследовании дел о разбойных нападениях на водителей такси целесообразно осмотреть не только машину, но и места, где преступники сели в такси и где они бросили автомобиль. Это может способствовать выяснению данных о местожительстве преступников, их привычных маршрутах.

По делам о разбойных нападениях в жилищах граждан осмотр места происшествия, как правило, начинается с жилого дома с целью изучения пути и способа проникновения преступников в квартиру, где было совершено нападение.

Важно обращать внимание на следы передвижения, переноса каких – либо тяжелых предметов, которые невозможно передвинуть или перенести одному человеку без помощи другого, на значительный вес или объем похищенного имущества и следы использования автотранспорта. Все это, как правило, служит подтверждением факта разбоя группой лиц.

Зачастую, скрываясь с места происшествия, нападавшие бросают на прилегающей к нему местности орудия нападения или похищенные, но не представляющие для них ценности предметы, а также личные документы потерпевшего. В отдельных случаях они прячут награбленное вблизи места нападения, предполагая забрать его по истечении определенного времени, в более удобный момент (например, с наступлением ночи). При обнаружении подобных тайников необходимо организовать засаду с целью задержания преступников с поличным.

Важной особенностью осмотра места происшествия по делам о разбоях является то, что к участию в этом следственном действии целесообразно привлечь потерпевшего³.

Большое значение для успешного расследования данных преступлений имеет допрос потерпевшего, подозреваемого и свидетеля, заключающийся в получении и фиксации показаний данных лиц, имеющих значение для расследования преступления.

Непосредственно общаясь с преступником, потерпевший имеет возможность запомнить не только событие преступления, но и внешность нападавшего. Он располагает информацией о времени, месте, обстановке совершения преступления, особенностях имущества, которым завладел преступник. Определение очередности проведения допроса потерпевшего или осмотра места происшествия зависит от конкретных обстоятельств, от времени поступления сообщения о совершенном преступлении в органы милиции. Тактические особенности допроса потерпевшего определяются рядом факторов, к которым, прежде всего, относятся: конкретная следственная ситуация, наличие у потерпевшего данных о преступнике, наличие или отсутствие виктимного поведения потерпевшего⁴.

¹ Дворкин А.И. Осмотр места происшествия: Практическое пособие. – М., 2013. – С. 66.

² Долинин В.Н., Рачева Н.В. Особенности расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых на открытой местности: Учебно-методическое пособие. – Казань, 2013. – С. 23.

³ Дворкин А.И. Осмотр места происшествия: Практическое пособие. – М., 2013. – С. 76.

⁴ Поташкин Д.П. Криминалистическая тактика: Учебное пособие. – М., 2013. – С. 36.

Своевременность проведения данного следственного действия очень важна, т.к. иногда даже незначительное промедление с производством допроса отрицательно сказывается на результатах расследования (например, на потерпевшего в этот момент может быть оказано воздействие со стороны подозреваемых).

При допросе потерпевшего необходимо выяснить следующий круг вопросов:

- 1) где, когда и при каких обстоятельствах совершен разбой;
- 2) когда и в связи с чем оказался потерпевший на месте события;
- 3) обстоятельства, предшествовавшие разбою;
- 4) кто еще находился в это время на месте происшествия;
- 5) количество нападавших и максимально подробное описание внешних признаков каждого из них;
- 6) характер и последовательность насильственных действий или угроз со стороны каждого из преступников;
- 7) наличие оружия, его характеристика и обстоятельства применения;
- 8) способы общения нападавших между собой до совершения преступления;
- 9) способ проникновения преступников к месту происшествия и направление отхода;
- 10) наличие и характеристика транспортных средств, использованных преступниками или находившихся в непосредственной близости от места совершения преступления и др.

При определении тактики допроса потерпевшего необходимо учитывать его психическое состояние и степень тяжести причиненных ему телесных повреждений. Когда потерпевший в тяжелом состоянии находится в лечебном учреждении, то следователю необходимо его допросить, предварительно получив согласие лечащего врача. Если состояние здоровья потерпевшего не позволяет произвести его допрос, то следователь должен с ним побеседовать и допросить медицинских работников и тех лиц, которые доставили его в лечебное учреждение¹. Когда потерпевший после совершения преступного посягательства находится в подавленном состоянии, то следователь должен помочь ему выйти из этого состояния, создав обстановку спокойствия и уверенности в наказании виновных. Если потерпевший находится в возбужденном состоянии, то следователю целесообразно провести с ним беседу на отвлекающую тему для того, чтобы он мог успокоиться.

Допрос свидетелей, занимает важное место при расследовании разбойных нападений. Свидетельские показания являются самым распространенным источником доказательств, с помощью которых устанавливаются различные обстоятельства расследуемого преступного события. В качестве свидетелей допрашивается широкий круг лиц, имеющих различную степень осведомленности об обстоятельствах, которые подлежат установлению по делу, а именно: 1) очевидцы и иные свидетели событий, связанные с совершением преступления (граждане, проживающие или находившиеся на месте совершения нападения, поблизости от него, сотрудники милиции, задержавшие преступника с поличным и т.д.); 2) лица, дающие показания о потерпевшем (родственники, друзья, знакомые, сослуживцы и др.); 3) лица, дающие показания о подозреваемом (обвиняемом).

Свидетелей можно разделить на две большие группы: лица, дающие правдивые показания и лица, дающие ложные показания (лжесвидетели).

К первой группе относятся не заинтересованные в исходе дела свидетели преступления; граждане или сотрудники милиции, задержавшие преступника; работники медицинских учреждений, куда был доставлен потерпевший; сослуживцы или сокурсники потерпевшего; лица, чья работа или обычное времяпрепровождение связаны с пребыванием в районе проживания или на пути движения преступников: пенсионеры и домохозяйки, проводящие много времени во дворе с детьми, либо с собаками, продавцы расположенных вблизи киосков, а также покупатели похищенного имущества: работники торговли, автосервиса, при допросе которых нередко удастся получить ценные сведения о количестве и приметах преступников и о том, почему свидетель подозревал их в причастности к совершенному нападению².

Ко второй группе свидетелей относятся: родственники, друзья подозреваемого, не заинтересованные в установлении истины по делу, а также близкие потерпевших, отличающихся виктимным поведением³.

Тактические особенности допроса свидетелей первой группы практически не отличаются от допроса добросовестных потерпевших и большой трудности не представляют.

Тактика допроса свидетелей второй группы имеет свою специфику. Прежде всего, следователь должен выяснить мотивы ложных показаний. Ими могут быть: боязнь мести со стороны преступников и иных лиц, стремление скрыть неблагоприятные поступки потерпевшего, стремление выгородить подозреваемого, нежелание выступать в качестве свидетеля. Следователь в подобных ситуациях применяет ряд тактических приемов. Наиболее эффективными из них являются: воздействие на положительные стороны личности допрашиваемого, разъяснение вредных последствий дачи ложных показаний, использование противоречий между интересами допрашиваемого и другими участниками уголовного процесса, предъявление доказательств, опровергающих показания свидетеля.

Изобличение лиц, принадлежащих ко второй группе, может происходить в ходе производства таких следственных действий, как: очные ставки; назначение судебно-медицинских, криминалистических и других экспертиз; следственные эксперименты; проверки показаний на месте.

¹ Пахомов С.Н. Психология допроса потерпевших // Юридическая психология. – 2008. – № 1. – С. 11.

² Иванов А.А. Некоторые практические вопросы по тактике допроса // Российский следователь. – 2009. – № 6. – С. 13.

³ Там же. – С. 14.

Тактические особенности допроса лица совершившего разбойное нападение зависят от сложившейся ситуации, которая может быть либо бесконфликтной, либо конфликтной.

Бесконфликтные ситуации возникают в тех случаях, когда разбойник задержан на месте происшествия или сразу же после совершения преступления, имеются доказательства его вины, и он дает правдивые показания об обстоятельствах расследуемого события. В условиях бесконфликтной ситуации следователь применяет те же тактические приемы, что и при допросе подозреваемых по другим категориям уголовных дел. Тактические приемы в данном случае направлены на получение достаточно полных и достоверных показаний обо всех обстоятельствах совершенного преступления: где, когда и при каких условиях произошло нападение, что похищено, что способствовало совершению преступления и т.д. После допроса показания подозреваемого необходимо тщательно проверить путем допроса свидетелей, проведения очных ставок, проверки показаний на месте и т.д.

Конфликтные ситуации по исследуемой категории дел при допросе возникают в тех случаях, когда подозреваемый не знаком потерпевшему, задержан спустя некоторое время после совершения преступления, и имеется недостаточно доказательств его вины. Эти лица категорически отрицают свою причастность разбою, дают умышленно ложные показания, заявляют о наличии у них алиби или вообще отказываются от дачи показаний. Обычно мотивами являются: желание избежать уголовной ответственности за совершенное преступление, стремление переложить вину на соучастников, смягчить наказание и др.¹

Для преодоления таких ситуаций следователь в процессе допроса должен применять тактические приемы, которые целесообразно разделить на две группы: 1) психологического воздействия на допрашиваемого; 2) тактические приемы логического воздействия².

К первой группе тактических приемов можно отнести: разъяснение допрашиваемому содержания ст. 61, 63 УК РФ об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих ответственность; обращение следвателя к положительным свойствам личности подозреваемого; создание у него преувеличенного представления о степени осведомленности следвателя о преступном событии, отдельных эпизодах или соучастниках; внезапность постановки вопросов допрашиваемому и наблюдение за его реакцией; использование антипатий подозреваемого к кому-либо из соучастников преступления и др.

Ко второй группе тактических приемов относятся: детализация показаний подозреваемого, в процессе которой следователь выясняет подробности действий преступника до, во время и после совершения преступления; логический анализ противоречий в показаниях допрашиваемого; использование противоречий в показаниях подозреваемого и других участников преступления путем частичного или полного ознакомления с показаниями последних; предъявление доказательств, имеющихся в распоряжении следвателя и др.

При допросе подозреваемого в совершении разбойного нападения в любом случае необходимо получить следующие сведения:

- 1) когда с кем и в связи, с чем он оказался на месте происшествия;
- 2) кто может подтвердить его показания по поводу вышеизложенных обстоятельств;
- 3) пути подхода и отхода подозреваемого с места происшествия;
- 4) где, когда, по чьей инициативе и при каких обстоятельствах были совершены преступные действия по данному эпизоду;
- 5) количество лиц, находившихся в момент совершения преступления, установочные данные и максимально подробные сведения об одежде, внешних признаках и приметах;
- 6) последовательность и характер насильственных действий или угроз со стороны подозреваемых в отношении каждого из потерпевших;
- 7) наличие оружия, применявшегося при совершении преступления, обстоятельства его применения, индивидуальные признаки, места приобретения, изготовления, хранения до совершения преступления и последующего укрытия;
- 8) способы общения преступников между собой до совершения преступления, при совершении преступных действий и после них;
- 9) характеристика транспортных средств, использовавшихся подозреваемыми до и после совершения разбоя и др.

Одним из типичными неотложными следственными действиями для первоначального этапа расследования преступления «по горячим следам» является задержание подозреваемого, данное следственное действие следует проводить по специально разработанному совместно с оперативными подразделениями плану, соблюдая максимум осторожности и предусмотрительности, так как у преступников может быть огнестрельное, холодное оружие и даже взрывные устройства, а также аэрозоли с газом отравляющего или нервно - паралитического действия. Поэтому действовать в момент задержания нужно внезапно и решительно, парализуя тем самым возможность оказания сопротивления со стороны задерживаемых³.

В ситуации, когда лица совершившие преступление выявлены, следует незамедлительно решить вопрос о их задержании, так как промедление при задержании может привести к утрате важных для дела

¹ Звирбуль А.К., Смыслов В.И. Расследование краж, грабежей и разбойных нападений. – М., 2007. – С. 323.

² Комисаров В.И. Тактика следственных действий: Учебное пособие. – Саратов, 2013. – С. 139.

³ Головин А.Ю. Расследование вооруженных разбоев и бандитизма: Научное издание. – М., 2014. – С. 127.

доказательств, которые могут находиться на теле, одежде или в жилище преступника, либо когда оставление его на свободе представляет большую опасность для окружающих.

Если задержанию преступной группы предшествовала погоня, то надо внимательно осмотреть местность, по которой передвигались преступники. Это обусловлено тем, что в момент задержания они могли попытаться избавиться от предметов, изобличающих их в преступной деятельности (оружия, похищенные вещи, чужие документы). Поэтому такой осмотр целесообразно вести от места задержания в обратную сторону по пути преследования.

Вслед за задержанием подозреваемых, тут же на месте захвата безотлагательно производится их личный обыск, в процессе которого особое внимание уделяется обнаружению, фиксации и изъятию у задержанных оружия и боеприпасов, личных документов, а также вещей и предметов, которые могут уличить их в совершении преступления.

Таким образом, следственные действия первоначального этапа расследования разбойных нападений представляют собой необходимую основу процесса расследования разбойного нападения, вследствие того, что именно с помощью них следователь получает исходную информацию имеющую значение для дела, на основании которой будут выдвигаться и проверяться различные версии, а также будет определяться ход и направление дальнейшего расследования. Отказ от проведения хотя бы одного из указанных следственных действий первоначального этапа расследования разбойных нападений может повлечь утерю важной информации и существенно осложнить процесс расследования.

Тактика производства отдельных следственных действий последующего этапа расследования

М.М. оглы Абубакаров

Этап дальнейшего расследования преступления в зависимости от степени решения задач начального периода предполагает работу следователя по сбору и закреплению доказательств причастности конкретного лица или лиц к нападению либо – в случае неустановления или незадержания преступников – продолжение розыскной деятельности.

К основным следственным действиям последующего этапа расследования разбойных нападений относятся: 1) предъявление для опознания; 2) проверка показаний на месте; 3) обыск по месту жительства, работы или учебы подозреваемого; 4) очная ставка; 5) назначение и проведение экспертиз.

Далее следует подробнее рассмотреть данные следственные действия и тактику их проведения.

Предъявление для опознания – это следственное действие проводится во всех случаях, когда потерпевший или очевидцы могут опознать подозреваемого. Опознание подозреваемых в совершении разбойного нападения чаще всего проводится по отдельным признакам внешности и общему облику (образу)¹. В некоторых случаях преступники могут быть опознаны по их динамическим свойствам: особенностям голоса, походки, речи. В процессе предъявления, для опознания подозреваемого целесообразно использовать следующие приемы:

- предварительное ознакомление потерпевшего или очевидца с ранее данными ими показаниями с целью «оживления» в их памяти всех обстоятельств происшедшего события. Особенно это целесообразно делать, когда с момента совершения преступления до производства этого следственного действия прошло много времени;

- исключение психологического воздействия подозреваемого в совершении разбойного нападения на потерпевшего путем устранения возможности их бесконтрольного общения. Этот тактический прием целесообразно применять в тех случаях, когда опознающий чувствует неуверенность, страх, боится наглого и агрессивного преступника;

- привлечение к производству этого следственного действия оперативного работника или участкового инспектора милиции для наблюдения за реакцией и поведением опознаваемого, а также специалиста – криминалиста для оказания содействия в фиксации хода и результатов, предъявленных для опознания.

Распространенным видом данного следственного действия является предъявление для опознания похищенного имущества, используемого и изъятого у преступников огнестрельного или холодного оружия, а также иных орудий преступления, средств транспортировки похищенного имущества, после совершения разбойного нападения. Данный вид опознания проводится по тем же правилам, как и по другим категориям уголовных дел.

Закон требует, чтобы предъявляемые для опознания объекты были, по возможности сходными. Это выражается в том, что «опознаваемый по возрасту, росту телосложению, полноте, форме лица должен быть похож на тех лиц, среди которых он будет предъявляться». Кроме того, при подборе этих лиц следует учитывать их расовые и национальные принадлежности, вид и характер одежды.

Эффективность опознания лица совершившего разбой значительно повышается, если оно будет проведено в условиях, соответствующих тем, в которых опознающий ранее наблюдал опознаваемое лицо.

Подбор предметов, предъявляемых для опознания, зависит от особенностей признаков, перечисленных при допросе опознающим. Если указаны признаки, по которым можно индивидуализировать предмет, то подбираются объекты одного вида, но имеющие различные частные признаки, например однотипные ножи, сумки одной модели.

¹ Павлов А.А. Справочник следователя. – Ростов-на-Дону, 2015. – С. 77.

Проверка показаний на месте – это очень сложное и трудоемкое следственное действие, которое требует тщательной подготовки. В подготовку к данному следственному действию обычно входят: допрос лица, с которым предстоит выход на место совершения разбойного нападения; установление времени выхода на место; определение исходной и конечной точек движения, а также опорных точек этого следственного действия; комплектование группы, в которую целесообразно включить кроме следователя оперативных работников, специалиста-криминалиста, а также конвой, если обвиняемый содержится под стражей.

В процессе подготовки следователь должен помнить, что обвиняемый, давая согласие на производство данного действия, может иметь свою, противоречащую интересам дела цель, например совершение побега, затягивание следствия и направление его по ложному пути и т.д.¹

Эффективным приемом этого следственного действия является предоставление достаточной, но контролируемой инициативы проверяемому лицу, которому предоставляется право свободного выбора маршрута движения без подсказок членов следственно - оперативной группы. Другим тактическим приемом проверки показаний на месте является обязательное сочетание показа с рассказом лица совершившего разбойное нападение в так называемых опорных точках (как проник в жилище, откуда похитил деньги, вещи и т.д.).

В случае совершения разбойного нападения группой лиц, а задержаны не все участники, то целесообразно будет отложить данное следственное действие, до задержания всех членов преступной группы, и только после их поимки проводить выход на место совершения преступления с каждым в отдельности².

Обыск – это следственное действие, состоящее в принудительном обследовании помещений, иных мест, лица с целью отыскания и изъятия вещественных доказательств, документов и ценностей, имеющих значение для дела, обнаружения разыскиваемых лиц и трупов и отражения полученных результатов в протоколе³.

Своевременность проведения данного следственного действия при расследовании разбойных нападений имеет большое значение для отыскания похищенного имущества, добытого по средствам совершения разбоя, оружия, орудий преступления, также важным является обнаружение предметов, которые могли бы помочь в поисках. К числу их относятся письма, записки, адреса, фотографии и т.д.

Если разбойное нападение совершено с использованием огнестрельного или холодного оружия, то при обыске необходимо в первую очередь искать эти предметы и иные, специально приготовленные для совершения новых аналогичных преступлений. Типичными объектами поиска и изъятия по данной категории преступлений являются: похищенные вещи, ценности, другие предметы и документы или их части; одежда, обувь и головные уборы, в которых находился преступник во время совершения разбойного нападения; записи, документы, характеризующие связи подозреваемого. При обыске нельзя ограничиваться только отысканием вышеперечисленных объектов. В квартире обыскиваемого или в иных помещениях могут находиться вещи и предметы, похищенные при совершении им или его сообщниками других, еще не известных следствию преступлений. Поэтому каждая вещь, принадлежность которой у следователя вызывает сомнение, должна обязательно изыматься в целях последующего предъявления для опознания или проведения оперативной и следственной проверки. Например, наличие женских украшений в квартире холостого обвиняемого вызывают вполне обоснованные подозрения.

Эффективность обыска возрастает: 1) при участии в обыске специалиста – криминалиста и применении научно-технических средств; 2) при привлечении к производству обыска потерпевшего;

3) в некоторых случаях, когда подозреваемый отсутствует во время производства обыска, целесообразно использовать его информационную неосведомленность о результатах неудачного производства обыска и, создав, во время последующего его допроса впечатление о якобы обнаруженном искомом, получить от него необходимые сведения о месте нахождения последнего.

К числу следственных действий, направленных на проверку собранных и получение новых доказательств по делу о разбойном нападении относится очная ставка – одновременный (поочередный) допрос двух лиц в присутствии друг друга, в показаниях, которых имеются существенные противоречия.

По делам о разбойных нападениях очная ставка проводится между подозреваемыми (обвиняемыми), а также между подозреваемыми и потерпевшими, или подозреваемыми и свидетелями. При подготовке к проведению этого следственного действия необходимо уяснить противоречия, мешающие установлению истины, заранее сформулировать вопросы по фактам подлежащим проверке⁴.

Приняв решение о проведении очной ставки, следователь должен в первую очередь предупредить об это подозреваемого, избобличающего того, кто дает ложные показания. Это обусловлено тем, что не всегда те сведения, которые совершает следователю наедине подозреваемый, он подтверждает на очной ставке, особенно, если предстоит избобличить в совершении нападения организатора преступной группы и других соучастников. В складывающейся ситуации следователю необходимо решить вопрос о проведении очных

¹ Рыжаков А.П. Очная ставка. Предъявление для опознания. Проверка показаний на месте: основания и порядок проведения: Научно-практическое руководство. – М., 2013. – С. 139.

² Белоусов В.И., Натура А.И. Проверка показаний на месте в ходе предварительного расследования. – М., 2006. – С. 88.

³ Комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Отв. ред. И.Л.Петрухин. – М., 2013. – С. 390.

⁴ Криминалистика: Учебник // Под ред. Н.П.Яблокова. – М., 2013. – С. 470.

ставок между участниками разбойного нападения, играющими второстепенную роль, а затем – между ними и организаторами или лидерами группы¹.

Одним из важнейших следственных действий при расследовании разбойных нападений является назначение и проведение экспертиз, которые представляют собой в проведении исследования предметов и веществ на основе специальных познаний в науке, технике, искусстве или ремесле и даче сведущим лицом заключения органам предварительного расследования или суду.²

На последующем этапе расследования разбоев назначаются различные экспертизы, в зависимости от того, какие вещественные доказательства и какая информация получена к этому периоду и какие специальные вопросы требуется разрешить.

По уголовным делам о разбойных нападениях, назначаются следующие виды судебных экспертиз: 1) судебно-медицинская – дает заключения по вопросам медицинского и биологического характера, она обязательно назначается, если потерпевшему был нанесен вред здоровью для определения тяжести телесных повреждений имеющихся на теле потерпевшего от разбойного нападения. Так по факту разбойного нападения следует провести судебно-медицинскую экспертизу и, если обнаружена закрытая черепно-мозговая травма в виде субарахноидального кровоизлияния в верхнее – наружных и внутренних отделах обеих теменных долей, множественные кровоподтеки и ушибы мягких тканей головы, ссадины верхнего века слева. Данная травма могла образоваться от воздействия твердых тупых предметов в область головы и причинила тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни³; 2) судебно-психиатрическая – назначается для установления наличия и формы психического расстройства, она служит основанием для решения вопроса о способности обвиняемого в совершении разбойного нападения осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или руководить ими в процессе совершения преступления; 3) трасологическая – устанавливает тождество человека по оставленным им следам пальцев рук и ладоней (дактилоскопическая, пороскопическая), по следам его зубов; тождество орудий и инструментов взлома или нападения по оставленным ими следам; тождество обуви по следам на полу помещения, на грунте (например, в месте ожидания). В рамках трасологической экспертизы исследуются также следы транспортных средств, устанавливается целое по его частям; 4) баллистическая экспертиза исследует вопросы, связанные с применением в ходе преступления огнестрельного оружия. Объектами ее изучения являются оружие, гильзы, пули, а также следы выстрела, оставленные, в том числе в виде отложений копоти на руках, манжетах или рукавах одежды подозреваемого в совершении разбойного нападения. Экспертиза холодного оружия проводится для установления его типа, относимости к тому или иному виду; 5) экспертиза веществ, материалов и изделий из них. Объектами ее исследования являются обрывки одежды, пуговицы, содержимое карманов одежды подозреваемого в совершении разбоя, микросреда которого может отразиться, к примеру, на орудии нападения, хранившемся в кармане, а затем, после совершения преступления, выброшенном подозреваемым и обнаруженном на месте происшествия. В случае если имела место борьба между нападавшим и пострадавшим, то для установления факта взаимного контактирования объектом изучения является их одежда; 6) широкое распространение получают комплексные экспертизы. Так, следы на ноже, применявшемся преступником при разбойном нападении и обнаруженном на месте происшествия, исследуются комплексной криминалистической и судебно-медицинской экспертизой вещественных доказательств. К следам объектам изучения и идентификации относятся следы пальцев рук преступника; микросреда кармана куртки, в котором хранился нож; микросреда в зазубринах, под ручкой ножа (кровь, кусочки кожи, внутренних органов потерпевшего, волокна ткани одежды потерпевшего)⁴.

Таким образом, указанные следственные действия рассматриваются как наиболее распространенными на последующем этапе расследования разбойных нападений, но помимо данных следственных действий могут проводиться и другие, например следственный эксперимент, а так же различные оперативно-розыскные мероприятия.

Практические проблемы компенсации морального вреда.

Амирбекова Г.Г.

Возмещение вреда, причиненного личности в судопроизводстве по уголовным делам незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, определено в рамках гражданского и уголовного законодательства, содержащие положения, согласно которым реабилитированный, а в случае смерти - его наследники, близкие родственники, родственники или иждивенцы, а также лица, незаконно подвергнутые мерам процессуального принуждения, имеют право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Однако несовершенство норм, регламентирующих порядок возмещения вреда пострадавшим от незаконных или необоснованных действий (бездействий) и решений должностных лиц, пробелы в законодательстве, отсутствие уверенности у лиц, наделенных правом на возмещение рассматриваемого вреда в действенности соответствующих норм института реабилитации, а иногда и неисполнение

¹ Клименко И.И. Проблемы теории и практики расследования разбойных нападений. – Саратов, 2013. – С. 125.

² Гагушкин В.В. Пособие для следователя: расследование преступлений повышенной общественной опасности. – М., 2008. – С. 248.

³ Там же.

⁴ Васильев В.Л. Тактика отдельных следственных действий. – М., 2011. – С. 99.

должностными лицами компетентных органов требований норм гражданско-процессуального и уголовно-процессуального законодательства, касающихся разъяснения порядка возмещения данного вреда, способствуют снижению уровня реализации на практике положений о возмещении материального, морального и иного вида вреда.

Практика показывает, что исковые заявления о возмещении морального, материального или иного вида вреда не были рассмотрены в полном объеме судом в пользу истца. В процентном соотношении это примерно половина поданных исковых заявлений (в 2016г.-56 исковых заявлений, в 2017 г.- 43)

Примерно 20 % из общего числа практических работников доводят до сведения лиц, подлежащих реабилитации положение ст. 137 УПК РФ, предусматривающей возможность обжалования решений судьи, прокурора, следователя, дознавателя о производстве выплат, возврате имущества в порядке, установленном главой 16 УПК РФ, а также разъясняют сам порядок.

Такое положение вещей обуславливает необходимость рассмотрения некоторых вопросов, связанных с порядком возмещения морального и материального вреда, причиненного незаконными или необоснованными действиями и решениями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Уровень развития норм о компенсации морального вреда характеризует степень гуманизации общества в целом, поскольку сущность института компенсации морального вреда включает охрану нематериальных благ человека, которые, в свою очередь, являются неотъемлемыми естественными правами человека, присущими ему от рождения. В гражданском судопроизводстве компенсация морального вреда позволяет восстановить гражданина в личных неимущественных правах, если только доказано, что моральный вред в конкретной ситуации был причинен¹.

Термин моральный вред в российском праве впервые был использован в нормах, регулирующих уголовное судопроизводство, где речь шла о потерпевшем. А именно, ранее в уголовно-процессуальном кодексе предусматривалось - наряду с физическим и имущественным вредом, моральный вред указывается в качестве основания для признания лица потерпевшим от преступления. Попытки дать толкование этому термину предпринимались только учеными-процессуалистами. Существуют различные точки зрения по вопросу о том, что следует признавать моральным вредом. Одни ученые считают, что моральный вред – это все те неблагоприятные последствия, наступившие в результате незаконного осуждения и незаконного привлечения к уголовной ответственности, которые не охватываются понятием имущественного вреда². Ряд других, связывают содержание этого понятия с изменением морально-политической оценки личности гражданина со стороны общества, наступившей в связи с производством по делу³.

С точки зрения Б.Т. Безлепкина - моральный вред, причиненный личности незаконными действиями правоохранительных органов определяется как «бесчестье», урон, наносимый положительной общественной оценке моральных качеств гражданина, мы оказываемся, решая вопрос, имеется ли «бесчестье», в зависимости от того круга лиц, который узнал порочащие гражданина сведения. Данное определение морального вреда наталкивает нас на другие проблемы.

Например, о привлечении к уголовной ответственности лица было известно определенному кругу людей, допустим, коллегам по работе. Один из них на момент оправдания данного лица сменил место жительства и уехал в неизвестном направлении. Или, например, в газете было опубликовано сообщение о факте осуждения лица, которое впоследствии надлено правом на реабилитацию. Это лицо, чтобы возместить моральный вред, причиненный ему фактом указанной публикации, требует опровержения распространенных сведений, газета же по каким-то причинам прекратила свое существование. Как быть в этом случае? Когда можно считать моральный вред возмещенным? Следуя логике Б.Т. Безлепкина, тогда лишь, тогда, когда все лица будут также извещены о его реабилитации, а это не всегда возможно. Поэтому согласиться с такой трактовкой понятия морального вреда нельзя, так как данное понятие представляется слишком узким.

Моральный вред, причиненный личности в уголовном судопроизводстве совсем иной, поскольку незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, приводят к изменениям социально-нравственного статуса человека, его психического состояния, претерпевание им незаслуженных нравственных и физических страданий и ряд др.

Социально-нравственный статус гражданина понимается в широком смысле. Это может быть доброе имя, уважение, почет, репутация. Это и те моральные, нравственные, духовные, умственные и другие качества, по которым оценивается человек со стороны окружающих или которыми оценивает себя он сам⁴.

Следует согласиться с мнением Н.С. Маленина, который считает, что моральный вред выражается в нарушении психического благополучия, душевного равновесия личности потерпевшего⁵. В результате совершенных в отношении гражданина незаконных действий он испытывает (претерпевает, переживает)

¹ Веретенникова Е. компенсация морального вреда, причиненного незаконными деяниями сотрудников правоохранительных органов // Законность. 2003. – № 11. – С. 38.

² Шило Н.Я. Судебная защита чести и достоинства советских граждан. Ашхабад, 1981. – С. 27.

³ Никишкин К.С. Возмещение морального ущерба реабилитированному гражданину в советском уголовном процессе: Дис... канд. юрид. наук. – М., 1991. – С. 26; Гришин С.П. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовно-процессуальном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983. – С. 8.

⁴ Цанава М.А. Уголовная ответственность за преступления против чести и достоинства граждан по советскому уголовному праву: Автор. дис. ... канд. юр. наук. – М., 1990. С. 5.

⁵ Маленин Н.С. О моральном вреде // Государство и право. 1993. – № 3. – С. 33-34.

унижение, раздражение, гнев, стыд, отчаяние, физическую боль, ущербность, дискомфортное состояние. Это может быть связано с возможным или уже наступившим ухудшением отношений на работе, в предпринимательской деятельности, в семье, с ограничением выбора профессии, крушением карьеры, психическими переживаниями, которые иногда приводят к нервным заболеваниям и даже к суициду, расстройство же нервной системы может явиться причиной сердечно-сосудистых и иных заболеваний (хотя установить здесь причинную связь весьма проблематично). Эти негативные явления могут выражаться самым различным образом в зависимости от индивидуальных особенностей пострадавшего, социальной и моральной ценности для него объекта посягательства, иных факторов.

Изменения в гражданском законодательстве не нашли достаточного отклика и у специалистов, занимающихся уголовным судопроизводством. Многие из них продолжали связывать с моральным вредом только нравственные страдания. В частности, В.Я. Понарин пишет: «Моральный вред – это нравственные страдания лица, вызванные преступным посягательством на его честь, достоинство, а также на иные блага, охраняемые как законом, так и нормами морали»¹. Более того, физические страдания они относят к другому типу вреда – физическому².

Из содержания ч. 1 ст. 151 ГК РФ и руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ явствует, что под моральным вредом следует понимать нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающим на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага либо нарушающими его личные неимущественные права или имущественные права. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой близких родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20.12.94 г.³). Одинаковое понимание термина «моральный вред» в гражданском, уголовном и уголовно-процессуальном праве представляется очень важным.

Во-первых, эффективное использование уголовно-процессуальной терминологии возможно только тогда, когда употребляемые термины имеют предельно четкое, адекватное материально-правовое значение. Во-вторых, если судьи при рассмотрении уголовных дел примут решение о компенсации пострадавшим морального вреда, имея ввиду только страдания нравственного характера, исключая физические страдания, то размер денежной компенсации будет меньше. В свою очередь, при возмещении вреда здоровью, без компенсации останутся физические страдания, поскольку в этом случае их компенсация законом просто не предусмотрена. Неправильная трактовка понятия «моральный вред» может служить причиной явного ущемления прав потерпевших на максимально полное возмещение вреда, причиненного преступлением⁴. Также она может послужить и причиной ущемления прав лиц, подлежащих реабилитации в уголовном процессе.

Вышеуказанное позволяет сделать вывод о том, что моральный вред есть претерпевание нравственных (обида, страх, возмущение, горе, чувство утраты и т.п.) и физических страданий (боль, удушье, головокружение, тошнота, зуд, жжение и т.п.), унижения, стеснения свободы личности. С точки зрения автора, было бы неправильным и весьма неразумным решать вопросы о денежной компенсации причиненного морального вреда на досудебных стадиях в рамках уголовного судопроизводства, так как это повлекло бы либо обвальный поток жалоб, либо, наоборот, неоправданные траты бюджетных средств в связи с неправильным определением органами расследования размера компенсации. Ведь с учетом известной специфики и сложности, определение размера компенсации за такой вред органами предварительного следствия и прокуратуры не будет основано на законе, так как войдет в противоречие, в частности, со ст. 151, 1101 ГК РФ, в соответствии с которыми только суд может возложить обязанность денежной компенсации морального вреда и определить ее размер. В связи с этим заслуживает поддержки позиция законодателя в плане того, что в действующем законодательстве предусмотрена в рамках уголовного процесса лишь возможность устранения последствий морального вреда, иски же о компенсации в денежном выражении за причиненный незаконным или необоснованным уголовным преследованием моральный вред должны предъявляться в порядке гражданского судопроизводства.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ, 2002 г. (с изм. и доп. по состоянию на 2 октября 2017 г).
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ,
3. Цанава М.А. Уголовная ответственность за преступления против чести и достоинства граждан по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990.
4. Малейн Н.С. О моральном вреде // Государство и право. 1993. № 3.
5. Нарижний С.В. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве России. М. – СПб. 2001.
6. Левинов Т.А. Возмещение морального вреда лицам, незаконно привлеченным к уголовной ответственности // Российская юстиция. 2004. № 9.

Процессуальное положение несовершеннолетних и малолетних в уголовном судопроизводстве

¹ Понарин В.Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе России. Воронеж, 1994. – С. 79.

² Уголовный процесс. Общая часть // Под ред. В.П. Божьева. – М., 1997. – С. 96; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. П.А. Лупинской. – М., 1997. – С. 78.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. – № 3.

⁴ Нарижний С.В. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве России. – М.–СПб. 2001. – С. 39-40.

Лица несовершеннолетнего возраста представляют с собой особую категорию в уголовном процессе, защита прав которых требует особого подхода. Уголовное законодательство включает ряд норм, регулирующих участие несовершеннолетних обвиняемых в уголовном процессе.

Принято считать, что судопроизводство с участием несовершеннолетних и малолетних является особым производством.

Так, например, на первоначальном этапе производства по делу, а именно в досудебной стадии уголовного процесса видны характерные особенности такого участия. А именно, речь идет, о порядке проведения допроса, обязательно должен присутствовать адвокат или один из законных представителей несовершеннолетнего или малолетнего (родители, опекуны, попечители). Отсутствие указанных лиц влечет строгое нарушение предписаний уголовно-процессуального кодекса.

Судебная стадия уголовного процесса так же не исключена своими характерными особенностями. Рассмотрение дела в суде по просьбе подсудимого или его законных представителей может проходить в закрытом судебном заседании, то есть, никто кроме потерпевшего и подсудимого не будет присутствовать в зале. Такое положение рассмотрения дела в суде обеспечивает защиту несовершеннолетнего или малолетнего от разглашения сведений, порочащих его честь, достоинство, морально-нравственные, этические, душевные стороны и т.п. Несовершеннолетнему подсудимому предоставляются перерывы для отдыха, если ему это необходимо, суд обязан ему их предоставить.

Судом или следователем в обязательном порядке предоставляется адвокат для несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего. Услуги адвоката в таком случае оплачиваются из средств федерального бюджета. Появление защитника в процессе не является поводом неучастия законных представителей несовершеннолетнего или малолетнего. Они также вместе с государственным защитником могут отстаивать права своего ребенка. Законные представители допускаются в процесс наряду со всеми участниками, так как основной целью такого участия является защита своего ребенка. Родители вправе знать, в чем обвиняют их ребенка, подавать ходатайства, приносить жалобы, одним словом, они наделены всеми полномочиями защитника в уголовном процессе. Однако на практике имеют место случаи, когда грубо нарушаются нормы уголовно-процессуального кодекса. Такого рода нарушения связаны с не допуском на первоначальном этапе расследования не только законных представителей, но и самого защитника!

Наказания, которые могут быть назначены несовершеннолетнему, так же отличаются от тех, которые получают взрослые люди. Закон не преследует целей лишить свободы, а наоборот, старается не лишать несовершеннолетних детей свободы и потому суд всегда прибегает к альтернативному решению. Практика показывает, что чаще всего им назначают условные сроки или исправительные работы. Многие судьи, вынося окончательное решение, полагают, что принудительные работы – это самое лучшее наказание. Оно не только повлияет на исправление несовершеннолетнего, но и приучит его к труду. По мнению судей, наказание в виде лишения свободы назначают несовершеннолетним лишь в исключительных случаях – по делам об убийствах, совершенных с особой жестокостью, по делам об изнасиловании, или когда ранее осужденный несовершеннолетний, не исправился и снова совершил преступление.

Особый подход к производству с участием несовершеннолетних призван помочь им встать на путь истинный и не совершать других преступлений. Можно отметить, что законодатели взяли во внимание все особенности несовершеннолетнего и разработали нормы, максимально им отвечающие.

Практика показывает, что территориальные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, хотя и участвуют в уголовном судопроизводстве по делам в отношении несовершеннолетних, однако право, предоставленное им законом, не реализуется в полном объеме.

До сих пор не выработан четкий алгоритм действий комиссий по делам несовершеннолетних по защите их прав, и не всегда руководители этих органов уделяют должное внимание проблемам потерпевших, не достигших совершеннолетнего возраста. Зачастую, став жертвой преступления, несовершеннолетний ребенок, безусловно, нуждается в психологической и социальной помощи и реабилитации, причем как непосредственно после совершения преступления, так и на протяжении всего уголовного судопроизводства. Практика показывает, что комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав не проводят должным образом свою работу с несовершеннолетними лицами, как потерпевшими от преступления, так обвиняемыми в совершении противоправных деяний.

Подобная ситуация, как нам представляется, является последствием недостаточно конкретизированных формулировок положений Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ, касающихся индивидуальной профилактической работы именно с детьми, ставшими жертвами преступлений, из которых следует, что такая работа может проводиться для оказания социальной помощи и (или) реабилитации несовершеннолетних с согласия руководителя органа или учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ установлено, что органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в пределах своей компетенции обязаны обеспечивать соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних, осуществлять их защиту от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, выявлять несовершеннолетних и семьи, находящиеся в социально опасном положении.

УПК РФ предусматривает обязательное участие педагога или психолога при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии.

При проведении перечисленных выше следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно. При этом, обязательным условием такого участия состоит в том, что первоочередной задачей педагога, психолога при производстве следственных действий является, помимо соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего, также оказание ему психологической помощи в целях его реабилитации.

В ряде случаев, когда речь идет о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних и малолетних детей, - потерпевший нуждается в постоянном психологическом сопровождении на всех стадиях уголовного судопроизводства.

В Российской Федерации перечень учреждений и организаций, в обязанности которых входит оказание такой помощи несовершеннолетним и малолетним потерпевшим, не закреплен в законодательстве, не определен и порядок действий, направленных на социально-психологическую реабилитацию детей, пострадавших от преступных посягательств, что позволяет как комиссиям по делам несовершеннолетних, так и иным органам системы профилактики и безнадзорности несовершеннолетних не проявлять достаточной активности в этом направлении.

На отдельных территориях такого рода центры функционируют, но бездействуют. Центров психологической помощи, оказывающих бесплатные услуги по реабилитации детей, ставших жертвами преступлений, не значительное количество, а в отдаленных от областного центра районах специалисты, владеющие методиками реабилитации именно потерпевших, вовсе отсутствуют. И соответственно говорить и утверждать, что данные центры проводят глобальную, масштабную работу, мы не можем.

Следовательно, можно смело говорить о том, что ряд вопросов, связанных с защитой и восстановлением прав несовершеннолетних и малолетних, остается открытым. Вносимые в отдельные законодательные акты изменения и дополнения, направленные на обеспечение прав несовершеннолетних и малолетних в уголовном судопроизводстве, явно недостаточны. Применяя нормы национального права в работе с несовершеннолетними потерпевшими, суды, как и прежде, вынуждены прибегать к ссылкам на международное законодательство.

Список использованной литературы:

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология: Учебное пособие для студентов вузов / Г.С. Абрамова. М.: Издательский центр «Академия», 2003.
2. Дмитриенко С.А. Обеспечение прав несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование). Волгоград, 2005.
3. Семьянова И.С. Проблемы совершенствования расследования преступлений несовершеннолетних (организационно-правовой аспект). Омск, 2004.
4. Скичко О.Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии. М., 2004.
5. Снегирева Н. И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования. Воронеж, 2001.

Проблема коррупции и борьба с ней в Российском государстве

**Н.А.Бабаев
Р.Н.Пирова**

Коррупция в России достигла в настоящее время колоссальных масштабов.

Долгое время об это молчали в стране, стараясь привыкать к этому, как к норме жизни. А между тем в стране усиливалась кризисная ситуация, пагубно влияла коррупция на перспективы экономического, социального и политического развития страны.

Всё это привело к тому, что и руководство Российской Федерации, и общество осознали, что необходимо преодолеть эту, особо острую проблему, в деле противодействия коррупции – проблему коррупциогенности, или взяточёмкости нормативных, правовых актов представительных и исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» коррупция характеризуется как: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Проблема коррупции зародилась не сегодня, не сейчас. Она медленно и скрытно вошла во все сферы жизнедеятельности человека и в настоящее время достигла пика своего развития.

Нет сегодня в стране таких институтов, которые могли бы правильно оценить принимаемые правительством законодательные акты, применить их на практике и правильно откорректировать их.

А ведь приняв какой-нибудь новый законодательный акт, обязательно следуют поправки к нему, иногда даже напрямую создающие лазейки для коррупционеров.

По какому бы вопросу мы не обращались в разные инстанции, везде ждут взятки. Поступив в ДГУНХ, стало понятно, что это может быть единственный в стране ВУЗ, где не берут взятки и вопрос о коррупции, вообще, исключён, чего не скажешь о других ВУЗах, где к сессии студенты готовятся с широким карманом.

Сейчас в Дагестане идёт мощная «чистка» на всех уровнях, начиная с Правительства, заканчивая руководителями органов местного самоуправления, директоров школ, главных врачей и т.д. Всё это хорошо, что хоть и поздно, но взялись за коррупционеров. По моему мнению, чистку нужно начать с верхов, то есть с тех, кто сидит в Правительстве Российской Федерации и создают питательную почву для массовой коррупции. Свидетельством тому является то, что в законах, подзаконных, правовых актах имеются положения, обеспечивающие коррупционные деяния, подготавливающие их действия, создающие саму возможность их совершения.

Для создания более прочной основы и для прозрачности в экономике 21 июля 2005 года был издан Федеральный закон № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг для государственных и муниципальных нужд». Но, к сожалению, на практике, не все участники бюджетного процесса соблюдают этот закон. В итоге страдает общество. И так, по моему мнению, как я говорил выше, антикоррупционная деятельность должна быть проведена:

1) начать «чистку» верхов. Провести анализ и дать оценку деятельности руководителей Государства и членов Правительства. Дать оценку работе каждого из них, поднять тем самым авторитет органов государственной власти.

2) создать антикоррупционный комитет для проверки деятельности руководителей на всех уровнях власти.

3) провести мониторинг и массовые исследования во всех сферах жизни.

4) доработать те нормативно-правовые акты, которые не оправдали себя на практике, создав тем самым пути к коррупции. А ведь коррупция является слабостью государства.

5) каждый государственный служащий должен начать с самого себя:

– вовремя приходить на работу и добросовестно относиться к своим обязанностям;

– не злоупотреблять служебным положением;

– не требовать взятки, забывая о том, что он выполняет свой долг, и государство за это даёт ему заработную плату.

Если каждый государственный служащий, сидя на своём рабочем месте, будет работать по законам, изданным Государством и Правительством, то не будет в стране ни взяток, ни коррупции в целом.

Конечно, устранить полностью коррупцию будет очень сложно, да это, практически, невозможно на данном этапе развития нашей страны.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» /сб. материалов о противодействии коррупции. Под редакцией Воробьёва Ю.Л., Тарло Е.Г. 2009 г.
2. Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, для государственных и муниципальных нужд».

Преступление в сфере экономики по законодательству Азербайджана и Италии (сравнительно-правовой анализ)

Ш.Ш. кызы Гасанова

Изучению зарубежного уголовного законодательства в плане сравнительного правоведения уделяется все большее внимание в азербайджанской юридической науке. В этой связи исследование уголовного права Италии, отличающегося определенной спецификой, имеющего богатые традиции, представляет в современных условиях значительный интерес.

Следует выделять как минимум два значения понятия «преступность в сфере экономики». В первом «узком» значении рассматриваемого понятия к преступлениям в сфере экономики могут быть отнесены лишь такие общественно опасные деяния, которые непосредственно посягают именно на экономические, а не какие-либо иные отношения, то есть отношения собственности и отношения экономической деятельности (хозяйственные отношения). Во втором «широком» значении рассматриваемого понятия к преступлениям в сфере экономики достаточно обоснованно могут быть отнесены деяния, обязательным дополнительным объектом которых являются отношения в сфере экономики.

По мнению В.Е.Мельниковой экономическая преступность – это вся совокупность преступлений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие и регулирующие правильное функционирование экономической системы в современных условиях (2, с.155). Н.Ф.Кузнецова полагает, что экономическая преступность складывается из посягательств на собственность и из предпринимательских преступлений, тесно связанных с коррупцией и должностными преступлениями (3, с.12).

Э.М.Петров, Р.Н.Марченко, Л.В.Барина считают, что «экономическую преступность следует рассматривать как совокупность корыстных преступлений, совершаемых в сфере экономики лицами в процессе их профессиональной деятельности, в связи с этой деятельностью и посягающих на собственность

и другие интересы потребителей, партнеров, конкурентов и государства, а также на порядок управления экономикой в различных отраслях хозяйства» (4, с.12).

Н.А.Лопашенко определяет экономические преступления, исходя из мотивации совершенного преступления «как преступление, при совершении которого субъект преследует незаконные экономические интересы, в том числе интересы корыстные либо стремится причинить вред законным экономическим интересам государства, общества, хозяйствующим субъектам или частным лицам» (5, с.40-49).

Современные исследователи зарубежного уголовного законодательства относят к экономическим такие преступления, которые имеют большой размах, затрагивают большие общественные ценности или наносят ущерб группам людей (6, с.1). Е.Дементьева, изучавшая проблему экономической преступности по зарубежным источникам, дает ей следующее определение: «Это противоправная деятельность, посягающая на интересы экономики государства в целом, а также на частнопредпринимательскую деятельность и на интересы отдельных групп граждан, постоянно и систематически осуществляемая с целью извлечения наживы в рамках и под прикрытием законной экономической деятельности как физическим, так и юридическим лицом» (7, с.13).

Исходя из изложенного, в правовой литературе предложено ввести в научный оборот еще один вид объекта, занимающего промежуточное место между общим и родовым. Л.Л.Кругликов называет такой объект межродовым, указывая, что по его признакам происходит выделение разделов в Особой части УК РФ (8, с.12-13). Ю.И.Ляпунов говорит о надродовом объекте и утверждает, что им выступает «экономическая система в целом, основанная на рыночных производственных общественных отношениях» (9, с.159). Л.Д.Гаухман считает, что типовым объектом экономических преступлений являются «общественные отношения, обеспечивающие законные права и интересы различных субъектов в сфере экономики» (10, с.384). Типовой объект он определяет как «группу однотипных общественных отношений, на которые посягают преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями, включенными в один и тот же раздел Особой части УК» (10, с.93).

С.И.Улезько полагает, что в основе выделения всех разделов Особой части УК РФ, в том числе и раздела VIII, лежит интегрированный объект, то есть такой, который «представляет собой систему близких (но не всегда однородных) и взаимосвязанных общественных отношений, которым причиняется или может быть причинен вред преступлением» (11, с.245). По мнению С.Ф.Мазура, сложный объект преступления, состоящий из двух или более родовых объектов преступления, следует назвать комплексным объектом преступления (12, с.31). В.И.Тюнин пишет о типовом или сложном объекте (13, с.21). Представляется, что термин «видовой объект» и вытекающее из него понятие наиболее точно отражают специфику нового системного образования.

Исходя из названия главы 24 УК Азербайджанской Республики, все включенные в нее преступные посяательства совершаются в сфере экономической деятельности. Очевидно, что последняя - это деятельность в экономике, которая может носить различный характер: быть деятельностью по созданию материальных благ или оказанию услуг, координации различных отраслей экономики, обеспечению нормального функционирования экономических субъектов и т.д. Преступления, входящие в главу 24 УК, признаны законодателем экономическими в силу:

– совершения их внутри легитимной экономики хозяйствующим субъектом, который действует в своих экономических интересах, противоречащих действующему законодательству (незаконное предпринимательство, незаконное получение кредита и т.п.);

– нарушения (в результате их совершения) экономических интересов государства с одновременным преследованием собственных незаконных экономических интересов (например, налоговые преступления);

– нарушения законных экономических интересов субъектов экономической деятельности со стороны должностных и частных лиц (например, воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности или принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения);

– совершения их вне связи с легитимной экономикой, под влиянием корыстно-экономической, собственнической мотивации, с нарушением безусловных уголовно-правовых запретов на подобное экономическое поведение (например, легализация преступных доходов или фальшивомонетничество).

Таким образом, можно определить преступление в сфере экономической деятельности как деяние, при совершении которого его субъект преследует незаконные экономические интересы, в том числе интересы корыстные, либо стремится причинить вред законным экономическим интересам государства, общества, хозяйствующим субъектам или частным лицам. Иными словами данную мотивацию можно определить как экономическую. Она означает, что такое преступление в подавляющем большинстве случаев экономически выгодно субъекту; последний получает от преступления имущественную (в виде незаконного увеличения собственного имущества) или иную материальную выгоду (например, в виде получения льготных кредитов, заключения выгодных контрактов, привлечения инвестиций). В отдельных случаях экономической мотивация не связана с получением материальной выгоды, но определяется сферой совершения преступления – экономической деятельностью и сознательным нарушением законных экономических интересов государства, общества, хозяйствующих субъектов, частных лиц. Все преступления в сфере экономики УК Азербайджана делит на две большие группы: преступления против собственности (глава 23) и преступления в сфере экономической деятельности (глава 24).

Аналогичное подразделение преступлений в сфере экономики наблюдается и в итальянском уголовном законодательстве. В Уголовном Кодексе Италии преступлениям против собственности посвящен раздел XIII. Глава первая этого раздела называется «О преступлениях против собственности, совершенных

путем насилия над вещами и людьми». В этой главе предусматриваются различные виды корыстных преступлений против собственности, связанных с завладением чужим имуществом (таких как кража, ограбление, вымогательство, мошенничество, присвоение), а также уничтожение и повреждение чужого имущества. В отличие от азербайджанского уголовного законодательства, выделяющего кражу, грабеж и разбой, итальянское уголовное законодательство не различает грабеж и разбой: основными составами преступного завладения чужим имуществом являются кража, ограбление, мошенничество, вымогательство. Ответственность за кражу предусмотрена ст. 624 УК, которая гласит: «Каждый, кто завладеет чужой движимой вещью, похищая ее у того, кто ей владеет, с целью извлечь выгоду для себя или других лиц, наказывается лишением свободы на срок до трех лет и штрафом».

Согласно уголовному праву Италии предметом кражи могут быть также электрическая энергия и любая другая энергия, обладающая экономической ценностью, дикие животные и рыбы, находящиеся на частных территориях. Как известно, уголовное законодательство Азербайджана расценивает указанные преступления в качестве самостоятельных составов, не относящихся к хищениям.

Представляет интерес содержание ст. 627 УК Италии, предусматривающей ответственность за похищение общего имущества: «Совладелец компании или сонаследник, который с целью извлечения выгоды для себя или для других лиц присваивает общее имущество, похищаемое у владельца, наказывается по заявлению потерпевшего лишением свободы на срок до двух лет и штрафом. Как видно из текста итальянского закона, под кражей понимается как тайное, так и открытое изъятие чужого имущества из чужого владения, но без применения насилия или угрозы к человеку».

Ограбление предусмотрено ст. 628 УК Италии, в которой говорится: «Каждый, кто с целью извлечения для себя или других лиц незаконной выгоды завладевает посредством насилия или угроз чужим движимым имуществом, похищая его у владельца, наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет и штрафом. Такому же наказанию подлежит тот, кто использует насилие или угрозы сразу же после похищения для обеспечения себе или другим лицам обладания похищенными вещами, либо для обеспечения себе или другим ненаказуемости». В последнем случае имеет место перерастание кражи в ограбление. Аналогично оценивает подобные случаи и судебная практика, однако уголовное законодательство Азербайджана подобной нормы не содержит.

По УК Италии вымогательство (ст. 629) заключается в принуждении кого-либо путем насилия или угроз сделать что-либо или совершить нарушение для извлечения прибыли вымогателем или третьими лицами. Вымогательство наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет и штрафом в размере от 1 миллиона до 4 миллионов лир. При наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных в ст. 628 (ограбление) санкция увеличивается и предусматривает лишение свободы от четырех с половиной лет до двадцати лет (14, с.137).

Отличие ограбления от вымогательства заключается не только в том, что при ограблении преступник сам завладевает чужим имуществом, а при вымогательстве потерпевший вынужден под угрозой или насилием передать имущество, но и в том, насколько у потерпевшего имеется возможность выбирать между осуществлением угрозы и передачей имущества. При ограблении завладение имуществом осуществляется немедленно после применения насилия или угрозы, при вымогательстве насилие или угроза являются средством принуждения потерпевшего совершить определенные действия (например, передать определенную сумму денег) либо бездействие (например, отказаться от требования возврата долга вымогателем). В отличие от ограбления, предметом которого может быть только движимое имущество, вымогательство может совершаться с целью завладения как движимым, так и недвижимым имуществом.

Статья 630 УК Италии предусматривает насильственное похищение лица с целью вымогательства. Учитывая корыстную направленность деяния, итальянский законодатель похищение человека с целью получения выкупа относит не к преступлениям против личности, как УК Азербайджана, а к преступлениям против собственности. Текст данной статьи сформулирован следующим образом: «Каждый, кто похищает человека с целью получения для себя или для других лиц незаконной прибыли, являющейся ценой освобождения, наказывается лишением свободы на срок от двадцати пяти до тридцати лет. Если результатом похищения является смерть похищенного как последствие, не входившее в преступный замысел, то обвиняемый наказывается лишением свободы на срок до тридцати лет. Если обвиняемый убивает похищенного, то применяется пожизненное лишение свободы» (14, с.137).

Похищение людей с целью выкупа имеет в Италии значительное распространение, чем объясняются суровые санкции за это преступление, даже в случаях, когда соучастник похищения, отделившись от остальных, прилагал усилия к тому, чтобы похищенный обрел свободу, он не освобождается от ответственности, но несет более легкое наказание.

Присвоение чужого недвижимого имущества предусмотрено ст. 631 УК. Согласно этой статье «Каждый, кто присваивает себе, полностью или частично, чужое недвижимое имущество, ликвидирует его или ухудшает его состояние, наказывается по иску потерпевшего лишением свободы до трех лет и штрафом».

Представляет интерес позиция итальянского УК, который дифференцирует ответственность за присвоение движимого и недвижимого имущества. Присвоение движимого имущества предусмотрено в главе II «О преступлениях против собственности» раздела XIII УК Италии, совершенных путем мошенничества» (14, с.138). Так, в соответствии со ст. 646 незаконное присвоение совершает «каждый, кто с целью извлечения для себя или для других лиц незаконной выгоды, присваивает себе чужие деньги или

движимое имущество, которым по какому-либо праву владеет, наказывается по иску потерпевшего лишением свободы до трех лет и штрафом.

Если действие совершено по отношению к имуществу, оставленному по необходимости на хранение, то наказание увеличивается». Присвоение потерянных вещей, клада, или других вещей, доставшихся по ошибке или в результате непредвиденного случая, наказывается по иску потерпевшего лишением свободы до одного года или штрафом.

Ответственность за мошенничество предусмотрена ст. 640 УК Италии, в которой говорится: «Каждый, кто уловками или хитростью вводя кого-либо в заблуждение, получает незаконную выгоду для себя или для других, нанося кому-либо ущерб, наказывается лишением свободы от шести месяцев до трех лет и штрафом».

Квалифицирующими обстоятельствами являются: 1) совершение действия в ущерб государству или какому-либо государственному учреждению, либо под предлогом освобождения кого-либо от военной службы; 2) совершение действия путем внушения пострадавшему страха перед воображаемой опасностью, либо ложным внушением убежденности, что данное лицо должно выполнять предписание органов власти. В этих случаях деяние карается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет и штрафом.

Полагаем, что заслуживает одобрения позиция итальянского УК, который устанавливает специальную ответственность за обман недееспособных лиц (ст. 643). Статья предусматривает извлечение выгоды для себя или другого лица, путем злоупотребления нуждами, пристрастиями или неопытностью несовершеннолетнего, либо злоупотребления болезненным состоянием или психической неполноценностью человека, даже если он и не отдан под опеку, посредством побуждения его к совершению действия, имеющего для данного лица какие-то юридические последствия, либо представляющего опасность для других. Это деяние влечет наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет и штрафа.

В указанной главе предусматривается также ответственность за ростовщичество (ст. 644), вторжение на чужую территорию или в здание с целью извлечения выгоды (ст. 633), отвод течения вод и изменение состояния местности (ст. 632).

Уничтожение или повреждение полностью или частично чужого движимого и недвижимого имущества, влечет ответственность до трех лет лишения свободы (ст. 635).

Таким образом, характеризуя ответственность за преступления против собственности в уголовном законодательстве Италии в целом, следует отметить детализацию составов имущественных преступлений и достаточное суровые санкции, особенно за преступления, совершаемые с применением насилия.

Использованная литература

1. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. Баку. Изд-во «Юридическая литература». 2012.
2. Мельникова В.Е. Хозяйственно-должностные преступления: проблемы криминализации и декриминализации. Докт. Дисс. М. 1993.
3. Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник МГУ. Серия 11. М. 1993. № 4.
4. Петров Э.М., Марченко Р.Н., Баранова Л.В. Криминологическая характеристика и предупреждение экономических преступлений. М. 1995.
5. Лопашенко Н.А. Экономическая преступность: понятие, социальная опасность, некоторые проблемы борьбы и путей их решения. Организованная преступность и коррупция // Исследования, обзоры, информация. Социально-правовой альманах. М. 2000. № 2.
6. Экономические преступления в США: понятие, виды, масштабы распространения. Обзорная информация. Зарубежный опыт. Вып.11. М. 1989.
7. Дементьева Е.Е. Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой (на материалах США и Германии). М. 1992. С.13.
8. Кругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Экономические преступления (Вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания). Ярославль. 2001.
9. Уголовное право: Особенная часть / Под ред. проф. В.Н. Петрашева. М., 1999.
10. Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. проф. Л.Д. Гаухмана, проф. Л.М. Колодкина и проф. С.В. Максимова. М. 1999.
11. Улезько С.И. Классификация объектов преступлений по вертикали // Пять лет действия УК РФ: Итоги и перспективы. М. 2003.
12. Мазур С.Ф. Уголовно-правовая охрана экономической деятельности. М. 1998.
13. Тюнин В.И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. СПб. 2001.
14. Игнатова М.А. Уголовное право Италии: основные институты. Дисс.канд.юрид.наук. М. 2002.

Законодательная деятельность Шамиля и правовое положение личности в Имамате

Р.Р.Гашимов

Опыт первых лет восстания горцев показал руководителям борьбы необходимость искоренения адатов из общественной жизни горцев как препятствующих в их антифеодальной и антиколониальной борьбе и консолидации освободительных сил, как не соответствующих раскрепощению и охране прав и интересов личности.

На смену адатам предводители борьбы вводили в обиход горцев новые нормы шариата. Надо полагать, что имам настаивал не просто на внешнем их применении, а на искреннем следовании нормам

высшего человеческого поведения и в решении дел «... по истинному шариату...» [8, с.142]. Успехи Шамиля на военной и государственно-правовой ниве объясняются настойчивостью, с которой он распространял шариат и утверждал его среди горцев на прочных основаниях. Так, например, по мнению Нейгардта, человека, которого вряд ли можно подозревать в симпатии к горцам, мы узнаем, что «со времени разделения Чечни на участки, Шамилем введено там правильное законодательство. Адат, как обычай, потворствующий слабостию своих постановлений страстям полудикого народа, уничтожен; вместо него введен шариат; и для разбирательства дел по шариату при каждом наибо находится ныне постоянно по одному кадию; в настоящее время в Чечне убийства, воровство, насилие и другого рода преступления сильно преследуются, и Шамилем приняты самые строгие меры к искоренению из нравов чеченцев зверского обычая кровомщения» [1, с.403].

Восстановление шариата было первой целью сторонников имама, к утверждению основ которого среди горцев Шамиль относился творчески. Преследуя с такой настойчивостью адат, он осознавал, что в учении шариата заключается также много всякого рода противоречий, способных обратиться в источник зла, чуть ли не сильнее в сравнении с тем, какое может породить адат. Дело здесь в том, что почти каждое постановление шариата имеет свои собственные толкования. Некоторые из этих постановлений, написанные более 1000 лет назад, не вполне соответствовали быту горцев и переживаемым ими историческим условиям. В процессе восстановления шариата Шамиль предполагал следующие обстоятельства, а именно, что шариат принадлежал к фундаменталистскому толкованию накшбандийского тариката, далее – в этом же Шамиль рассматривал противоположность и для искоренения адатов и, наконец, он иногда предопределял мусульманский образ жизни. Шариат, по мнению самого имама, имел свои пробелы и неясные или спорные выдержки, которые требовали интерполяции, интерпретации и соответственно выбора между конфликтующими точками зрения.

Понимая все это, Шамиль ясно видел, что при механическом перенесении шариата на регулирование общественных отношений среди горцев эффективность его применения представляется очень сомнительной. С одной стороны, при сохранении нескольких толкований положений шариата мусульманское духовенство будет блуждать, не находя наиболее верного. С другой, характер горцев давал право ожидать всяких злоупотреблений при малейшем послаблении закона, при намеке на самоуправство или насилие, а такие тенденции в шариате встречаются нередко. С учетом всего этого Шамиль дополнил и изменил некоторые положения шариата, сообразно действительных, как ему казалось, потребностей страны [4, с.67].

Все, что таким образом было составлено, в горах называли «низамом», применяя этот термин к реформам Шамиля по всем отраслям управления. Поэтому низамы «регламентировали всю административную, военную и быденную жизнь горцев» [11, с.170]. Сам Шамиль утверждал, что низам – это собрание различных правительственных мер, касающихся только безопасности страны, благополучия народонаселения и усиления средств к сопротивлению внешним врагам. Эти правила не имеют ничего общего с шариатом, которому они служат лишь дополнением. Однако в состав низамов вошли еще и другие правительственные меры, касающиеся не только судебной части и общественной жизни горцев, но и их домашнего быта, а потому стоит только вникнуть в смысл этих закономерностей, чтобы удостовериться, против каких именно положений шариата они направлены.

Исследуя сущность изданных Шамилем низамов, следует отметить их антиэксплуатационный характер. Возмущенный злодеяниями на местах, он утвердил комиссию для расследования этих злоупотреблений и на основе выводов комиссии сделал обращение к народу, где в частности, шестым пунктом имам «запретил наibaм заставлять людей собирать и таскать для личного пользования дрова, сено, а также вводить по очереди повинность, выставлять лично для наiba и лошадей и ослов, налагать на население то, что является для него тяжким», а седьмым - запрещает горцам «служить им также, как это делали ханы» [2, с.399].

Характерным принципом всей государственно-правовой политики Шамиля являлась гласность. В своей деятельности он опирался на поддержку широких слоев населения и поэтому его политика объективно не могла быть оторванной от интересов народа и скрытой от них. Шамиль не боялся разоблачения перед народом порочной практики управления им же назначенных наibов. Принцип гласности был характерен для процесса судопроизводства, введенного Шамилем. Судебное производство исполняли при всем народе. Тут же приводились в исполнение решения и приговоры суда. Гласность в судопроизводстве исключала волокитство дел в судах и вносила большой воспитательный заряд в правовое воспитание населения.

Военная, административная и духовная власть Шамиля была ограничена главным советом и съездом наibов и алимов, которые не всегда беспрекословно и целиком соглашались с указаниями имама. Если можно назвать Имамат монархией, то эта монархия была чрезвычайно своеобразна, где основные политические вопросы решались съездом, а законодательство и управление – Диван-Ханой. Общее развитие правовой системы Имамата усматривается из перечня законопроектов и других вопросов, обсуждавшихся и утвержденных на съезде народных правителей в 1847 году в Андии: «... 6. Чтобы нам не выходить из пути людей добродетельных; 7. Чтобы оставить взаимную зависть, притеснения, и быть рукою (помощью) один другому; 8. Чтобы второй не повторил того, что сделал первый и чтобы приемник был с предшественником в тех же отношениях, в коих был до смены его; 9. Чтобы взвешивать все дабы еще более не сбиться с прежнего пути как в сей, так и в будущей жизни» [5, с.15].

В своих низамах Шамиль старался претворить на практике провозглашенный им лозунг равенства всех членов общества перед Аллахом и законом. Низамы наделили членов общества равными правами и возложили на них одинаковые обязанности.

Как отмечалось выше, абсолютного равенства между членами общества в классовом государстве объективно быть не может. Хотя все три имама ориентировались на социальные приоритеты на подвластной им территории, но отклонения определенного порядка появились и в правотворческой деятельности Шамиля. Так, при общей прогрессивной политике в отношении женщин, в судопроизводстве показания двух женщин-видетельниц приравнивалось к одному мужскому. Род потомков пророка Мухаммеда – корейшитов в Дагестане сохранил все свои привилегии, установленные шариатом в виде доли от военной добычи, хотя род этот в военных действиях участия не принимал. Неравное отношение закона к различным категориям населения продемонстрировал низам Шамиля «О наказаниях, коимъ подвераются сотенные начальники, десятские и рядовые», принятый в 1847 году на съезде в Анди. В этом низаме определены различные наказания для наивов, низших начальников и рядовых за одни и те же проступки и преступления. Данный низам знает только три вида наказания: понижение в должности, арест до 21 дня и наказание ударами палок до 39 раз.

Перечисленные виды наказания могли применяться как в отдельности, так и вместе в соответствии с указаниями низама при определенных составах преступления. При определении видов наказания за различные преступления законодатель руководствовался принципами гуманизации наказания и эффективности его для перевоспитания преступника [4, с.112]. Так, например, низамы не предусматривают наказание членовредительства по шариату за воровство и заменяет его арестом и штрафом в доход казны за каждую ночь ареста. Аресту и штрафу подвергались также за уклонение от воинской повинности и умышленное прикосновение к женщине. При определении наказания низамы предусматривали также характеристику личности преступника. При отрицательной характеристике и при совершении повторного воровства преступника казнили, а при положительной – другие виды наказания, а казнили только после совершения третьего воровства. Более того, при квалификации вида преступления учитывались такие признаки преступления, как повторность, соучастие и умысел. При отмене членовредительства и введении штрафа как вида наказания законодатель руководствуется намерениями сократить число калек в государстве и пополнить казну поступлениями от штрафов [1, с.404-405].

Низамы предусматривали при определении наказания и отягчающие обстоятельства. Например, за ослушание и неповиновение старшему в походе назначалась смертная казнь, а в мирных обстоятельствах – тюремное заключение или телесное наказание.

Наказания могли назначать наиб и его командиры сотен, за исключением назначения смертной казни, определение которой законодатель отводит исключительно за имамом, что и служило дополнительной гарантией справедливости наказания. Смертная казнь, кроме как неисправимым преступникам, назначалась еще и за совершение особо тяжких государственных преступлений: измены, шпионажа, прелюбодеяния и других. Смертная казнь в Имамате была предусмотрена двух видов: 1. «почетная» когда виновный становился на колени, молился, потом сам раскрывал рубашку и после молитвы наклонял голову, которую ударом секиры палач отсекал; 2. «постыдная», когда голова снималась на плахе. Относительно смертной казни в Имамате Шамиль отмечал, что «хотя и привыкли горцы к зрелищу смерти, идя навстречу ей в сражениях или встречая ее каждый день неожиданным образом в своих беспрестанных ссорах, где иногда косою взгляд порождает смерть; но собственно казнь производит на них впечатление тяжелое, а вид отрубленной головы знакомого или незнакомого человека, воображение ожидания последней минуты, не оставляющей уже никаких надежд, и мысленное приближение этого состояния лично к себе, все это представляет единственное и самое верное средство для образумления горцев».

Много усилий Шамиль приложил для искоренения обычая кровной мести – настоящего «стихийного» бедствия в общественной жизни горцев, из-за которого веками продолжалась кровная вражда между родами, уносившая много жизней. Для искоренения обычая кровомщения Шамиль определил наказывать за оскорбление арестом и денежным штрафом вместо самосуда и убийства оскорбителя, в связи, с чем и вспыхивала кровная вражда. Законодатель уравнивает шансы всех категорий населения в защиту своей чести и достоинства. С этой целью «... судебные власти предпринимали меры для розыска преступника», совершившего убийство. Хотя адаты и предполагали, что «если до 40-ка дней родственники похищенной убитой похитителя, то убийство не преследуется...» [7, с.16], дополнительно к этому и низамы всячески старались регулировать это обстоятельство, но практика показывала обратное.

Положения низама о запрете кровомщения тому, кто, защищая свою семью или имущество, а также честь и достоинство, нанес увечье или смерть другому лицу, в качестве альтернативы определяли денежное возмещение родственникам убитого. В случае мести виновный подвергался преследованию государством и наказанию, а потерпевший получал защиту со стороны государства. Низам о запрете кровомщения ставил вне закона практиковавшиеся до этого случаи самосуда среди горцев в конфликтных ситуациях, что становилось причиной возникновения кровной вражды между родами.

За менее опасные преступления и проступки также подвергали наказаниям. Шамиль впоследствии признавался, что за многие преступления он применил бы ссылку, но в условиях Имамата некуда было ссылать.

Издав низамы, Шамиль наказал населению неукоснительно следовать им: «Я долженъ привести этотъ низамъ въ исполненіе безъ всякаго послабленія и лени, - и нетъ по сему низаму пощады, заступничества и состраданія для техъ, кои впадутъ въ пучину этихъ наказаній». «Мы согласны, - ответили наивы, по ССКГ, -

во всем и все написанное обязываемся приводить въ исполнение... Да поможет намъ аллахъ привести въ действіе шариат и предписанія. Касающіяся религіи...» [7, с.14].

Многих современников событий на Кавказе восхищала та ревностная последовательность и решительность, с которой Шамиль боролся за искоренение преступности в горах. Убийцы, грабители и другие, общественно опасные лица всенародно подвергались смертной казни.

Несмотря на то, что сам Шамиль порой допускал некоторые отклонения от шариата для облегчения народу исполнения его постановлений и стремился к уничтожению суда по адатам, который жестоко, в основном смертью наказывал провинившихся, однако конечной цели он не достиг. И все же кратковременное «... господство достаточно было шариату для того, чтобы существенно повлиять на юридические воззрения дагестанских горцев» [3, с.234].

Правовые нововведения Шамиля повлияли на правовое положение личности в Имамате. Во-первых, он значительно уравнивал в правовом отношении привилегированные слои и крестьян-горцев. Во-вторых, как уже говорилось выше, в ходе освободительной борьбы он старался переложить все экономические тяготы на плечи более состоятельных членов горского общества, взимая с них дифференцированный, в зависимости от уровня состояния, налог, а беднейшим слоям населения оказывал помощь из фондов байтулмала. В-третьих, при издании своих низапов Шамиль в полной мере учитывал волю и чаяния народа, стремился к прогрессу в правовом положении личности и улучшению бытовых условий горцев, «вникая во все нужды горцев и делая все, чтобы облегчить их положение» [6, с.105].

Забываясь о материальном обеспечении не способных к самостоятельному проживанию горцев и претворяя в практику демократический принцип ответственности личности только за свои поступки, Шамиль запретил конфискацию имущества казненных преступников, если после них остались сироты. Имам лично особую помощь оказывал «... беспомощным сиротам...» [8, с.124].

Идеями о социальном равенстве всех членов общества пронизан и низап «О наследстве». До образования Имамата в этом вопросе была путаница из-за социального неравенства граждан и практиковавшего среди горцев многоженства. Законодатель уравнивал права на наследство абсолютно всех детей мужского пола. Те, кто получал наследство, должны были обеспечивать детей женского пола до совершеннолетия, затем выдать их замуж, а если они оставались на их иждивении – заботиться об их благополучии. Завещания, составленные в противоречии с этими положениями, признавались недействительными.

Много внимания Шамиль уделял и вопросам улучшения положения женщин в обществе. Особенно тяжелым было положение пленницы, которая становилась рабыней владельца в предшествовавший Имамату период. Даже если владелец вступал с ней в брак, она не получала прав, равных с другими женами. Для нее вообще не существовало развода. Муж – владелец мог продать, подарить и даже убить свою жену, если от нее не было детей. Дети пленницы также были лишены тех прав, которые имели другие дети. После смерти мужа – владельца положение пленницы еще более усугублялось. Если муж перед смертью не дал ей свободу или не оставил завещание на этот счет, пленница поступала в полное распоряжение его родственников, которые могли продать ее как простую рабыню. Видя это социальное неравенство, Шамиль внес некоторые коррективы в этой области. Учитывая, что женщины по своему общественному положению не имели собственности, Шамиль запретил взимать с них какие бы то ни было денежные штрафы. Но более детальному регулированию он подверг брачные и бракоразводные отношения, издав «...правила, защищающие имущественные права разведенной женщины» [9, с.3], имевшие большое значение в правовом положении женщины в обществе. Эта проблема привлекла столь пристальное внимание Шамиля, потому что женщина в горском обществе играла весьма заметную роль, как в общественной жизни, так и в освободительной борьбе, вместе с мужчинами принимая участие в защите родного края. Беспокойство Шамиля вызывали также и социальные вопросы в Имамате: обеспечение крепкой семьи – основы духовного здоровья общества, регулирование нормального прироста народонаселения Имамата и т.д.

В Имамате, особенно в чеченских наместах, остро стояла проблема бракосочетания из-за высокого выкупа за женщин – калыма. Люди до старости лет не могли создать семью, молодые убегали из дома, порождая кровную вражду между родами. Поэтому Шамиль ввел твердый размер калыма в пределах 10 – 20 рублей, а по соглашению сторон ее можно было сокращать бесконечно [10, с.101]. При нарушении низапа сумма выкупа сверх установленной нормы изымалась в доход казны. Запрещались также побег из дома молодых, а муллам заключать браки между беглыми под страхом строгих наказаний. В лучшем случае эти муллы могли рассчитывать на тюремное заключение. Заботясь о нравственном здоровье общества, Шамиль предписывал поскорее выдавать замуж веселых девиц «во избежание блудства», а также обязывал родителей выдавать замуж своих дочерей по указанию наибов, в случае отказа они подлежали аресту и заключению в тюрьму.

По свидетельству современников Шамиль был настолько «ожесточен против женщины», что именно в ней видел причину частых разводов в Дагестане. По мнению Шамиля, характер горской женщины вследствие «фактических и моральных ее несовершенств сложился так дурно, что очень часто делает ее неспособной угодить своему мужу». Объясняя причины того, почему в Дагестане женщин не учили писать, Шамиль подчеркивал, что умение писать способствовало бы росту женского распутства. Запретив им учиться письму, Шамиль, по его мнению, «отнял у женщин возможности нарушать целомудрие» [См.: 8].

В делах, которые могли бы пойти на пользу обществу, Шамиль проявлял решительность и пренебрежение к догмам и стереотипам общественного мнения. Так, когда в Имамате из – за больших потерь мужчин в боях, увеличилось число вдов, Шамиль, усматривая вредные последствия в социальном

плане, ввел в практику собирать время от времени в одно помещение мужчин, которых можно было женить. Имам и его сторонники вынуждены были немного отступить от исламских догм в брачно – семейных отношениях. Низам допускал браки между лицами разной национальности и вероисповедания при формальном принятии ислама. Поощрялось многоженство, запрещалось умыкание девушек, муллам запрещалось оформлять брак похитителям похищенной. Низамы закрепляли положение горянки в Имамате. Вдов обязывали выбирать себе мужей, причем выбранные мужчины обязательно должны были жениться на вдовах, которые их выбрали. Более того, в этих случаях были и моменты, когда по приказу Шамиля в качестве поощрения «... мужу ... в момент заключения брака (выплачивали) ... двадцать туманов» [8, с.86].

Так же детально имам отрегулировал и бракоразводные дела, для того чтобы укрепить положение женщины в обществе и семейные устои. Инициатива при заключении брака и разводе в горах принадлежала в основном мужчинам, которые зачастую обращались с этим правом очень легкомысленно. В противовес этому Шамиль обязал горцев при разводе возвращать женам их калым и все то, что они принесли с собой из дома. Положение Шамиля гласило, что муж, пробывший наедине с женой несколько минут, обязан выдать ей при разводе весь калым сполна. А если с женой были дети или она была в положении, - то муж обязан был давать содержание детям до их совершеннолетия, а жене – до выхода замуж или до окончания беременности.

При отсутствии наследников, а также в тех случаях, когда к имеющимся родственникам переходила лишь часть наследства, имущество становилось выморочным.

В отношении тех женщин, которые вели себя непристойно, имам предписывал к «... позорному наказанию: провести ее по всему селению, посадив верхом на осла и вымазав ей лицо сажей, ... бить ... без пощады ногами, а затем... (прогнать) из села как подлую собаку – без всякого снисхождения» [1, с.652].

Интересны в законотворческой деятельности Шамиля положения низамов, в которых вводятся всякого рода запреты и предписываются правила здорового образа жизни и поведения в быту. Запреты вводились на продажу винограда производителям вина, на употребление алкоголя и курение. Запрещались танцы и другие увеселительные мероприятия. Наказания за нарушение запретов низама были установлены весьма внушительные, вплоть до применения смертной казни.

Хотя освободительная борьба горцев проходила не в эпоху средневековья, но и социально-экономическое развитие обществ нагорного Дагестана первой половины XIX века, в общем, совпало с уровнем развития феодальных обществ средневековья. И характеристику восстаний средневековья с религиозной окраской вполне можно применить для объяснения строгих правовых мер Шамиля к нарушителям низама об искоренении вредных привычек и увеселительных мероприятий из бытовой жизни горцев. До известной степени ислам охраняет мерами принуждения почти все предписания религии и в то же время рассматривает каждое нарушение норм права как грех.

Необходимо отметить, что Шамиль личным поведением, своей обыденной жизнью и соблюдением им же введенных низамов подавал пример остальному населению. Он сам придерживался установленных им правил поведения потому, что понимал, насколько трудно населению Имамата жить в таких напряженных и суровых условиях осажденной противником страны. Но поскольку жесточайшая война с царизмом вынуждала горцев стоять насмерть за свою свободу, надо было поддерживать в них общественный тонус, держать их в напряжении, хотя и строгими, но необходимыми мерами. Впоследствии Шамиль признался в этом, отметив: «Правду сказать, я употреблял против горцев жестокие меры... но я бил их не за преданность русским, они ее не высказывали, а за их скверную натуру, склонность к грабежу и разбоям. Потому я не стыжусь своих дел и не боюсь дать за них ответ Аллаху...» [7, с.385].

Основной целью реформ Шамиля было: создать в Имамате максимум возможностей для успешной дальнейшей борьбы горцев Дагестана и Чечни против местных феодалов, за социальную и национальную независимость. Сочетая проведение преобразований с успешной борьбой с царскими войсками, Шамиль на практике убедился в их своевременности и правомерности в тех конкретных исторических условиях. Выход имама за рамки шариатских норм был вынужденным, продиктованным тогдашними условиями и традициями регулирования взаимоотношений между горцами.

Литература

1. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в.: Сборник документов. – Махачкала, 1959.
2. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60 гг. XIX в. - Махачкала, 2006
3. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе.-Т.1.-М., 1890
4. Магомедов М.Б. Историко-правовые аспекты Кавказской войны 20-50 гг. XIX в. – М.,2000
5. Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып.3. – Тифлис, 1870
6. Магомедов Р.М. Два столетия с Шамилем. – Махачкала, 1996.
7. Руновский А.И. Кодекс Шамиля // ВС.-Т.ХХIII.-1862
8. 100 писем Шамиля / Сост., перевод с арабского на русский язык и комментарии Х.А. Омарова. – Махачкала, 1997
9. Халилов А.М. Восстанавливая правду истории: Круглый стол // Дагестанская правда.-1988.-6 ноября
10. Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа под предводительством Шамиля.-Махачкала, 1991
11. Шарифудинов Р.Ш. Еще один низам Шамиля // Письменные памятники Востока / Ежегодник.-1975.

Степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий преступление умышленное причинение тяжкого вреда здоровью

М.М.Гитинова

Здоровье - это достояние не только каждого человека, но и всего общества. Здоровье помогает нам выполнять наши планы, успешно решать жизненные основные задачи, преодолевать трудности, а если придется, то и переносить значительные перегрузки. Доброе здоровье, разумно сохраняемое и укрепляемое самим человеком, обеспечивает ему долгую и активную жизнь.

Право на охрану жизни и здоровья закреплено и гарантировано Конституцией РФ. Уголовный кодекс РФ ориентирован на максимальное обеспечение безопасности личности, всемерную охрану жизни, здоровья, чести и достоинства человека, его физической свободы и психической деятельности. Физическое и психическое благополучие граждан является важнейшим достоянием нашего государства, выступает существенным условием обеспечения нормальной жизнедеятельности общества.

С уголовно-правовой точки зрения здоровье можно рассматривать в том случае, когда оно становится объектом посягательства, поскольку особое место среди преступлений против здоровья занимает умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ). Рассматриваемое преступление относится к категории тяжких преступлений, а при наличии отягчающих обстоятельств - к особо тяжким преступлениям.

Доля умышленного причинения тяжкого вреда здоровью составляет примерно одну четвертую часть среди преступлений против здоровья. Кроме того, на протяжении, ряда лет, несмотря на некоторые колебания, количество зарегистрированных преступлений данной категории остается стабильно высоким, составляя в 2010 г.- 39 745, в 2011 г. – 38 512, в 2012г. - 37 091 преступления (удельный вес в общей структуре преступности в среднем составляет 1,5%)¹.

В период декабрь - январь 2013 года было зарегистрировано 34786 преступлений по статье 111 УК РФ, а в период январь – март 2014 г. -8883 преступлений².

Основная масса лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, была осуждена за указанное преступление без отягчающих обстоятельств (56%) и за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (39%)³.

Среди насильственных преступлений наиболее устойчивую и значительную часть составляют умышленные убийства (около 15%), умышленные причинения тяжкого вреда здоровью (свыше 27%), изнасилования (около 4%), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (около 37%), умышленные причинения средней тяжести вреда здоровью (свыше 16%). Состояние и динамика совершения преимущественно этих преступлений и характеризуют насильственную преступность в целом.

Таблица

Состояние и динамика преступления умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в период 2008-2013 гг.

	2009	2010	2011	2012	2013
Количество зарегистрированных преступлений по ст. 111 УК РФ	43 112	39 745	38 512	37 091	34786
Удельный вес в общей структуре преступности	1,4 %	1,5%	1,6%	1,6%	1,6%

По степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий преступление умышленное причинение тяжкого вреда здоровью во многом превосходят другие криминальные проявления и наносят огромный ущерб обществу. Потерпевшими от них ежегодно выступают огромное число людей. Эти преступления, составляющие 1,4% - 1,6 % в среднем в общем объеме преступности, наносят ущерб наиболее важным в цивилизованном обществе ценностям - жизни, здоровью, неприкосновенности человека, и поэтому они наиболее опасны с точки зрения права и общечеловеческой морали.

Как следует из таблицы, криминологической особенностью насильственного преступления умышленное причинение тяжкого вреда здоровью является их определенная стабильность, сопровождаемая некоторым спадом.

В целом, динамика причинений тяжкого вреда здоровью идет на убыль в сравнении с 2002 г., когда было зарегистрировано 58469 преступлений, а в 2012 году, как следует из таблицы- 37091 преступлений. Хотя указанный вид преступлений совершается в условиях очевидности, для него характерна латентность, объясняемая характером совершаемых деяний, их трудно скрываемыми последствиями.

К сожалению, физическое насилие, становится привычным способом решения экономических, политических, личных и даже межличностных проблем. Ежегодно в России совершается около сотен тысяч побоев и драк, и как свидетельствует статистика, высокий процент занимают преступлений умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Особенно распространен данный вид преступлений в мегаполисах, в

¹ Состояние преступности. <http://mvd.ru/presscenter/statistics>. 08.04.2014.

² Состояние преступности. <http://mvd.ru/presscenter/statistics>10.05.2014.

³ Думан С.И. Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: Автореф. Дис. канд. юрид. наук. -М., <http://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-umyshlennoe-prichinenie-tyazhкого-vreda-zdorovyu-0#ixzz2PtRBE1A1>. 13.04.2014.

крупных городах. Так в 2012 г. по ч. 1 ст. 111 УК РФ было осуждено 21 445 человек, ч. 2 -4 ст. 111 УК РФ - 9 434 человек. Из них 64 человека использовали оружие.

В 2013 г. было осуждено по рассматриваемой статье 30213 человек, из которых: 3 518 - женщины, 809- несовершеннолетние, 6 043- в возрасте 25-29 лет, 13 801- 3-49 лет, 802- 50 лет и старше. Таким образом, наиболее криминальной является возрастная группа 25-29 лет¹.

Исследования показывают, что значительная часть насильственных преступлений против личности также совершается в нерабочие дни, часто во время ссор, возникших при употреблении спиртных напитков. Близки данные и о месте совершения насильственных преступлений и хулиганства, которые зачастую заканчиваются групповыми драками.

При общей негативной динамике совершения этих преступлений в городах (на улицах, в парках, скверах, квартирах, на пляжах) наблюдается также увеличение числа насильственных преступлений и хулиганства в сельской местности. Последнее объясняется более высоким уровнем безработицы в сельской местности; более значительной для сельского населения дифференциацией общества; скоплением в сельской местности беженцев и вынужденных переселенцев; сужением миграционных возможностей сельского населения.

Распределение насильственных преступлений между городами и сельской местностью в целом же соответствует распределению численности городского и сельского населения.

По данным исследований, как правило, возрастает удельный вес насильственных преступлений, совершенных в группе и тем больше, чем моложе преступники. Численность групп обычно не превышает трех-четырех человек, и они чаще всего складываются случайно, для совместного времяпрепровождения.

Состояние, структура и динамика насильственной преступности не позволяют, однако, однозначно ответить на вопрос о причинах эскалации криминального насилия в стране. Для более глубокого понимания природы этих преступлений и способов их предупреждения значение имеет анализ личностной характеристики насильственного преступника, в частности преступника, совершающего умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Таким образом, важнейшей самостоятельной характеристикой криминальной ситуации на территории России является характеристика лиц, совершивших преступления.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном суде РФ свидетельствует, что по ст. 111 УК РФ осуждено 30 213 лиц, что составляет 24,5 % в структуре преступлений против жизни и здоровья. Удельный вес женщин - преступниц, осужденных по данной статье составляет 4,5% в структуре преступности против жизни и здоровья, несовершеннолетних в возрастной группе 14-17 лет - 0,6 % , 18-24 лет - 4,9 % , 25-29 лет- 4,5 % , 30-49 лет- 11,2 % , 50 лет и старше- 3,3 % , мужчины пенсионного возраста старше 60 лет- 0,6 % , женщины пенсионного возраста- 0,3 % . Совершенно очевидно, что наиболее криминогенны лица в возрасте 30-49 лет (11,2 %).

Также криминальная активность свойственна лицам с невысоким образовательным уровнем: образование высшее и неоконченное высшее - 1,2 % , среднее специальное – 7,4%, среднее общее – 9,1%, неполное среднее, начальное или нет образования- 6,7 %.

При криминологической характеристике лиц, совершивших умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, имеет значение и род занятий на момент совершения преступления. Так, совершили преступление по ст. 111 УК РФ: рабочие – 6,0 % , работники сельского хозяйства – 0,1%, государственные и муниципальные служащие – 0,04%, служащие коммерческой организации – 0,6%, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность – 0,2%, учащиеся и студенты – 0,7 % , трудоспособные без определенных занятий – 15,3 % , безработные – 0,1 %.

Таким образом, наиболее криминогенной представляются трудоспособные лица без определенных занятий- 15,3 %.

Вместе с тем, изучение судебной практики по делам указанной категории показывает, что особенностями рассмотрения уголовных дел названной категории являются: 1) сложность выявления причинной связи между установленными действиями подсудимых и наступившими последствиями; 2) при групповом применении насилия необходимость установления причинной связи между наступлением вредных последствий и действиями каждого из обвиняемых; 3) необходимость оценки доводов о причастности иных лиц к смерти либо к причинению вреда здоровью; 4) необходимость оценки защитной версии подсудимых, сводящейся, как правило, к утверждениям о противоправном либо аморальном поведении потерпевших.

Думается, справедливым будет отнесение данных проблем и к уголовным делам о преступлениях, направленных против здоровья.

Примером приговора с выяснением вышеуказанных вопросов может служить Приговор Советского районного городского суда по Делу № 1-156/2012 г. Махачкала.

Между Магомедовым Р.К. и его матерью Алипхановой З.А. с одной стороны и их соседями Кадирбековым Г.Г. и его супругой Исмаиловой Р.М., с другой, стороны возникла ссора, в ходе которой Магомедов Р.К., умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью Кадирбекова Г.Г., нанес ему один удар куском арматуры в область живота, в результате чего Кадирбеков Г.Г. получил тяжкий вред здоровью опасный для жизни. В тот же день, Кадирбеков Г.Г. был госпитализирован в реанимационное

¹ Статистические данные судебного департамента при Верховном суде РФ, 2013 г. . <http://www.cdep.ru/>(дата обращения 12.05.2014).

отделение Республиканской клинической больницы, где в последующем скончался. Эти действия подсудимого Магомедова Р.К. органами следствия квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Однако, подсудимый Магомедов Р.К. виновным себя в предъявленном обвинении не признал и показал, что вечером его соседи Кадирбеков Г.Г. и Исмаилова Р.М. разожгли перед его домом костер. Примерно в 23 часа 00 минут его мать Алипханова З.А. подошла к костру и стала его тушить с использованием подключенного к воде шланга. В это время Кадирбеков Г.Г. внезапно подошел к его матери и стал вырывать из ее рук шланг, видя, что она не отпускает его и продолжает тушить костер Кадирбеков Г.Г. ударил ее ногой в область живота, от чего она упала. После его вмешательства Кадирбеков Г.Г., будучи в нетрезвом состоянии подобрал с земли большую доску и погнался за ним, не желая с ним связываться и во избежание скандала он убежал в сторону. В это же время он увидел, как Кадирбеков Г.Г., выражаясь нецензурной бранью и угрожая расправой, бежит на него с куском арматуры в руках, размахиваясь им. Испугавшись, что потерпевший может осуществить свои угрозы, он в целях защиты с расстояния 3-х метров кинул в него первым попавшимся под руку предметом и убежал из дома. В последующем, со слов работников полиции он узнал о том, что кинул в него кусок арматуры и попал в область брюшной полости от чего он попал в больницу, где спустя некоторое время умер. Эти действия с его стороны были вынужденными, т.к. он защищался от потерпевшего и действовал в рамках необходимой обороны, т.к. были опасения за свою жизнь.

По утверждению Магомедова Р.К. у него не было умысла на убийство Кадирбекова Г.Г., не хотел он причинить ему и тяжкий вред здоровья, а всего лишь защищал себя, что могут подтвердить свидетели, которые видели, как он гнался за ним с арматурой в руках и хотел им ударить его.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы. Это имеет важное значение для квалификации деяния по ч.4 ст. 111 УК РФ. При наличии прямого умысла на совершение убийства его действия были бы квалифицированы по ст. 105 УК РФ.

Рассмотрев тему «Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», можно сделать вывод о том, что тяжкий вред здоровью – это наиболее тяжкое и наиболее распространенное преступление против здоровья.

Конституционные принципы организации и деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации

**Б.И.Гогурчунов
М.Б.Гогурчунова**

Организация и деятельность органов государственной власти субъектов Российской Федерации регулируются, в первую очередь, Конституцией Российской Федерации и конституциями (уставами) субъектов Федерации, федеральными законами и законами субъектов Федерации.

В федеральной Конституции установлен ряд принципов, составляющих основу федеративного устройства России (ст. 5 ч. 3).

Среди них принцип единства системы органов государственной власти, согласно которому органы власти субъектов РФ должны формироваться и действовать в соответствии с теми основными положениями, которые закреплены в Конституции России (ст. 1 ч. 1, ст. 3 ч. 2, ст. 10). Но в ряде субъектов РФ принцип избрания главы государства имеет свои особенности. Например, Глава Республики Дагестан (Председатель Госсовета) по Конституции РД 1994г. избирается не народом, а Конституционным Собранием. Оно также принимает решение об отрешении его от должности (ст. 94, 100 Конституции Дагестана 1994 г.).

Но при отсутствии какого-либо закона необходимо руководствоваться федеральной Конституцией, согласно которой федеративное устройство РФ основано «на разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами власти субъектов РФ» (ст. 5 ч. 3), а государственную власть в субъектах РФ осуществляют образуемые ими органы государственной власти (ст. 11 ч. 2).

Важную, определяющую роль в формировании органов государственной власти субъектов, как и в Федерации, играют проводимые по этим вопросам референдумы среди населения субъекта, которые имеют высшую юридическую силу.

Важным законом, устанавливающим принципы организации органов государственной власти субъектов, явился Федеральный закон от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹, который развивает ч.3 ст.5 Конституции Российской Федерации.

А в соответствии с данным Федеральным законом (ч. 1 ст. 1) выделяются, в первую очередь, следующие принципы осуществления деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации, в том числе и Республики Дагестан:

- а) государственная и территориальная целостность Российской Федерации;
- б) распространение суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию;

¹ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 1999 г. // СЗ РФ. 1999. – № 42. Ст. 5005. (с изм. и доп.)

в) верховенство Конституции Российской Федерации и федеральных законов на всей территории Российской Федерации;

г) единство системы государственной власти;

д) разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную в целях обеспечения сбалансированности полномочий и исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица;

е) разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

ж) самостоятельное осуществление органами государственной власти субъектов Российской Федерации принадлежащих им полномочий.

Система органов предполагает определенную связь их по вертикали и обозначает усиление централизации во взаимоотношениях органов исполнительной власти (подведомственность различных объектов управления соответствующему центру, министерствам, госкомитетам, ведомствам). Таким образом, с одной стороны – самостоятельность, а с другой – единство и системность, что предполагает определенную иерархию уровней, а также сочетание принципов централизации и децентрализации.¹

Из п. 2 ст. 77 Конституции Российской Федерации следует, что все органы исполнительной власти субъекта включаются в единую систему, что позволяет иметь принципиальную возможность именно для федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации на договорной основе передавать свои полномочия друг другу при необходимости, с целью определенной разгрузки и эффективности их решения.

Здесь необходимо учесть, что «нельзя проблему единства в организации государственной власти сводить к вопросу о государственной целостности, обуславливающей его»².

Новым элементом в отношении Федерации и ее субъектов все чаще становится принцип ее субсидиарности, условия применения которой более или менее определены лишь в отношении ветвей государственной власти, как отмечает В.И. Чиркин, «...да и то не всех. Считается, что если у той или иной ветви государственной власти недостает полномочий для выполнения ее функций, другая ветвь может оказать содействие первой, если первая не возражает и этому не препятствуют конституционные положения. В отношении Федерации и ее субъектов предпосылки применения принципа субсидиарности еще не разработаны, но это придется делать»³. Думаем, что с этим стоит согласиться.

В ст. 1 (ч.2, 3, 4, 5, 6), которая закрепляет принципы деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации, закреплены также и другие нижеследующие принципы:

органы государственной власти субъекта Российской Федерации обеспечивают реализацию прав граждан на участие в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей, в том числе путем законодательного закрепления гарантий своевременного назначения даты выборов в органы государственной власти субъекта РФ и органы местного самоуправления и гарантий периодического проведения указанных выборов (ч.2 ст. 1).

органы государственной власти субъекта Российской Федерации содействуют развитию местного самоуправления на территории субъекта Российской Федерации (ч.3 ст.1).

полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации устанавливаются Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституцией (уставом) и законами субъекта Российской Федерации и могут быть изменены только путем внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации и (или) пересмотра ее положений путем принятия новых федеральных законов, конституции (устава) и законов субъекта Российской Федерации либо путем внесения соответствующих изменений и (или) дополнений в указанные действующие акты) (ч.4 ст.1).

разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется Конституцией Российской Федерации, Федеративным договором и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий, заключенными в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами (ч.5 ст.1).

в соответствии с Конституцией Российской Федерации федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации могут по взаимному соглашению передавать друг другу осуществление части своих полномочий, если это не противоречит Конституции Российской Федерации и федеральным законам (ч.6 ст.1).

Данный федеральный закон также устанавливает систему органов государственной власти субъекта Российской Федерации, которую составляет:

законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ;

высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации;

иные органы государственной власти субъекта Российской Федерации, образуемые в соответствии с конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации (ч.1 ст.2);

¹ Журавлев А.Л., Комарова В.В., Полянский И.А. Структура исполнительной власти Российской Федерации в современном период // Конституционное и муниципальное право. – № 1. 2001. – 6.

² Журавлев А.Л., Комарова В.В., Правовые аспекты деятельности органов исполнительной власти области – субъекта Федерации // Конституционное и муниципальное право. – № 2. 2001. – 6.

³ В.И. Чиркин Предметы ведения Федерации и ее субъектов: разграничения, сотрудничество, субсидиарность // Государство и право. – № 5. 2002. – 11.

конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации может быть установлена должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (ч.1 ст.2).

Как видим, органы судебной власти здесь, в этом Законе не перечисляются и не включены в систему органов государственной власти, хотя в п. «д» ч.1 ст.1 данного Федерального закона к принципам осуществления государственной власти субъектов Российской Федерации, как отмечалось выше, относится «разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную».

Принципы организации и деятельности государственных органов (органов государственной власти) следует рассматривать через слияние этих принципов с принципами федеративного устройства и к ним относятся: 1) участие народа в организации и деятельности государственных органов; 2) национальное равноправие и учет национальных интересов; 3) законность; 4) демократический централизм. Это соответствует и Конституции РД 1994 года, и Конституции РД 2003г. Надо заметить, что эти принципы в Конституции Республики Дагестан следуют из всего текста, и не установлены более или менее четко, как в Конституции Российской Федерации (ч.3 ст.5). Но вместе с тем более ясно установлены в ст.5 Конституции Республики Дагестан 2003 года (в свое время и в ст.2 Конституции РД 1994 г.) и другие принципы осуществления государственной власти, которые выражаются через принципы федеративного устройства; они основаны:

- на единстве равноправных народов Дагестана;
- на единой и неделимой для всех дагестанцев Родине (Республика Дагестан);
- на признании антиконституционными действий, нарушающих мирную совместную жизнь народов Дагестана.

В действительности, реализация принципов организации и деятельности государственных органов невозможна без влияния, учета специфики, принципов организации, основ федеративного устройства.

Исследование положений текста Конституции Республики Дагестан показывает, что деятельность органов государственной власти Республики Дагестан осуществляется в соответствии со следующими и другими важными принципами. Они основаны:

- а) на распространении суверенитета Российской Федерации на всю территорию Республики Дагестан;
- б) на верховенстве Конституции Российской Федерации и федеральных законов на всей территории Российской Федерации;
- в) на верховенстве Конституции Республики Дагестан, республиканских законов и решений, принятых референдумом на всей ее территории в системе других правовых актов Республики Дагестан;
- г) на разделении государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную в целях сбалансированности полномочий и исключения сосредоточения всех полномочий или большей их части в ведении одного органа государственной власти либо должностного лица;
- д) на разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Республики Дагестан и органами государственной власти Российской Федерации;
- е) на самостоятельном осуществлении органами государственной власти Республики Дагестан принадлежащих им полномочий;
- ж) на самостоятельном осуществлении своих полномочий в решении вопросов местного значения органами местного самоуправления;
- з) на государственной и территориальной целостности Республики Дагестан;
- и) на определенной (неполной, частичной) суверенности Республики Дагестан в составе Российской Федерации;
- к) на полновласти Республики Дагестан в пределах своих полномочий, вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и Республики Дагестан;
- л) на приоритете нормативных правовых актов Республики Дагестан над федеральными законами в случае противоречия между ними, если федеральный закон издан вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и Республики Дагестан и т.д. в соответствии ч.2, 3, 4, 5, 6, ст.1 вышеуказанного Федерального закона.

Законодательство об акционерных обществах: общая характеристика

Р.И. оглы Гурбанов

Характеризуя законодательство РФ об акционерных обществах, прежде всего, необходимо отметить некоторые важнейшие его особенности:

сравнительно небольшой временной период формирования системы нормативных актов (немногим менее 20 лет);

наличие нескольких «особых» групп акционерных обществ, специфика создания правового положения которых регулируется специальными нормативными актами (пп. 3,4,5 ст. 1 Федерального закона «Об акционерных обществах», Федеральным законом «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)», Федеральным законом «Об инвестиционных фондах»);

значительное количество внутренних системных противоречий законодательных актов, регулирующих соответствующую сферу общественных отношений.

Ученый, М.Г. Ионцев придерживается классических взглядов на систему источников права, в соответствии с которой все законодательство об акционерных обществах, можно систематизировать следующим образом по степени уменьшения юридической силы:

Конституция РФ. Многие называют ее в качестве элемента законодательства об акционерных обществах, однако детальное изучение работ различных авторов так и не дало ответа на вопрос о том какова роль Конституции РФ в системе законодательства об акционерных обществах.

Роль Конституции РФ в регулировании акционерных отношений состоит в следующем:

– во-первых, ст. 30 Конституции РФ гарантирует право каждого на объединение, а акционерное общество представляет собой именно объединение лиц и их капиталов для достижения общих целей;

– во-вторых, ст. 35 Конституции РФ гарантирует в России право частной собственности. Форма собственности акционерного общества – частная;

– в-третьих, Конституция РФ провозглашает целый ряд установлений общего характера, которые во многих ситуациях могут служить надежной гарантией для обеспечения прав акционерного общества как субъекта права.

Статья 46 Конституции РФ гарантирует защиту прав и свобод, позволяет обжаловать действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц. На практике встречаются необоснованные отказы в государственной регистрации акционерных обществ, выпусков ценных бумаг, которые впоследствии успешно обжалуются в суде.

Итак, Конституция РФ, хотя и не является источником специальных правовых норм, регулирующих акционерные отношения, закладывает необходимые предпосылки для создания и функционирования акционерного общества, а также для эффективной защиты его прав как полноправного субъекта предпринимательской деятельности.

Общепризнанные нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в соответствии со ст. 15 Конституции РФ и ст. 7 Гражданского кодекса РФ являются составной частью правовой системы РФ. Нормы международного права содержатся в уставе ООН, декларациях и рекомендациях Генеральной Ассамблеи ООН и других документах. Нормы международного права обычно применяются к акционерным обществам с участием иностранных инвестиций. Общепризнанные нормы международного права и международные договоры имеют приоритет перед законодательством РФ в случае коллизии.

Международные договоры, заключенные бывшим СССР, сохраняют юридическую силу (поскольку РФ является правопреемницей СССР) до тех пор, пока одной из сторон не будет объявлено о его денонсации, т.е. не будет проведен надлежащим образом оформленный отказ от заключения между государствами международного договора.

Применение норм международного права к акционерным отношениям является очень большой редкостью.

Отдельно необходимо упомянуть прецеденты Европейского суда по правам человека. Данные акты имеют прямое действие на территории РФ, что подтверждается разъяснениями высших судебных инстанций. В силу указанного упомянутые прецеденты могут служить источниками права. В частности, они с успехом применяются судами по некоторым категориям налоговых споров.

Федеральные законы являются основным элементом законодательства РФ об акционерных обществах. К их числу относятся:

– Гражданский кодекс РФ, в котором особое значение имеет гл. 4 «Юридические лица»;

– Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ;

– Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ;

– Федеральный закон «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)» от 19 июля 1998 года № 115-ФЗ;

– Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» от 5 марта 1999 года № 46-ФЗ;

– Федеральный закон «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации» от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ, а также некоторые иные законы, содержащие отдельные нормы, относящиеся к акционерным обществам.¹

К отношениям, возникшим до введения в действие соответствующего закона, он применяется лишь к тем правам и обязанностям, которые возникли после вступления его в силу, однако если в принятом законе прямо указано, что его действие распространяется на отношения, возникшее ранее, то считается, что такому закону придана обратная сила. Обратная сила может быть придана закону в порядке исключения.

Обычно приоритет имеет закон с более поздней датой введения в действие.

При конкуренции общего и специального закона приоритет имеет специальный закон.

В пример можно привести, позицию Конституционного Суда РФ, которая является крайне важной, выраженная в определении от 18 июня 2004 года № 263-О. Конституционный Суд РФ вполне определенно установил, что Федеральный закон «Об акционерных обществах» является специальным по отношению к Гражданскому кодексу, что обеспечивает этому закону вполне понятный приоритет по сравнению с Гражданским кодексом РФ в случае выявления противоречий.

¹ Ионцев М.Г. Акционерные общества. – 4-е изд., перераб. И доп.- М.: Ось-89, 2011. – С. 38.

Подзаконные нормативные акты играют значительную роль в регулировании акционерных отношений. К их числу относятся: указы Президента РФ, постановления правительства РФ, нормативные правовые акты министерств, ведомств иных федеральных органов исполнительной власти, среди которых особенно выделяются бывшая Федеральная служба по финансовым рынкам, бывшее Министерство имущественных отношений, сейчас - Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом, Министерство финансов, Министерство экономического развития и торговли, Министерство юстиции, федеральный антимонопольный орган.

Подзаконные нормативные акты могут быть общего и специального характера. Подзаконные акты общего характера устанавливают одинаковые для всех акционерных обществ правила (постановление ФКЦБ РФ, которая упразднена с 13 марта 2004 года, «Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг» от 2 октября 1997 года № 27), в то время как акты специального характера регулируют особенности, свойственные отдельным акционерным обществам.

Отдельно стоит остановиться на подзаконных нормативных актах, принятых до введения в действие Гражданского кодекса РФ. На практике эти акты создают наибольшие сложности, так как они применяются до сих пор в части, не противоречащей Гражданскому кодексу РФ.

По мнению ученого Ионцева М.Г., именно упомянутые подзаконные акты создают наибольшее число проблем, особенно в тех случаях, когда дело доходит до судебных разбирательств.

Правовые обычаи (обычаи делового оборота), т.е. правила, во-первых, достаточно сложившиеся и определенные в своем содержании, во-вторых, широко применяемые и не имеющие узкоспециального характера, в-третьих, сфера их применения ограничивается предпринимательскими отношениями, в-четвертых, не предусмотренные действующим законодательством.

На основании анализа содержания ст. ст. 5 и 6 Гражданского кодекса РФ можно сделать вывод, что правовые обычаи применяются там и тогда, где обнаруживаются пробелы законодательства, не восполненные соглашением сторон.

По мере совершенствования законодательства ряд обычаев делового оборота получает закрепление в нормативных актах. Так неписанное ранее правило о том, что общее собрание акционеров ведет председатель совета директоров, нашло свое отражение в п. 2 ст. 67 Федерального закона «Об акционерных обществах».

Вопрос о том, являются ли источниками законодательства об акционерных обществах акты судебной и арбитражной практики, является предметом многочисленных дискуссий. М.Г. Ионцев придерживается позиции, согласно которой указанные акты с таковыми (источниками) не относятся, хотя и признает их более чем существенную роль в восполнении пробелов в действующем законодательстве.

Кроме того, одним из оснований для обращения в Высший арбитражный суд РФ за пересмотром дела в порядке надзора является нарушение обжалуемым судебным актом единства правоприменительной практики.

Суды очень часто руководствуются в своей правоприменительной деятельности разъяснениями вышестоящих инстанций и, вынося решения по конкретным делам, порой даже в тексте самого решения дают ссылку на соответствующий документ. Да и участники судебных разбирательств довольно активно ссылаются на решения и постановления, вынесенные по аналогичным делам.

Восполнение пробелов действующего законодательства, а также однозначное истолкование его посредством обобщения судебной практики получило дальнейшее развитие в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2008 года № 14. В этом постановлении отмечается, что в соответствии с п. 1 ст. 311 АПК РФ может быть пересмотрен по вновь открывшимся обстоятельствам также судебный акт, оспариваемый заявителем в порядке надзора и основанный на положениях законодательства, практика, применения которых после его принятия определена Высшим арбитражным судом Российской Федерации или в постановлении Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации, в том числе принятого по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора.

Локальные акты акционерных обществ - в появлении данных актов, которые, впрочем, весьма условно можно отнести к источникам права, регулирующим акционерные отношения, в полной мере проявляется метод гражданско-правового регулирования, для которого характерны: автономия воли участников, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, возможность выбора между различными вариантами поведения.

По мнению ученого И.Г. Ионцева, локальные акты акционерных обществ разумно разделить на 2 группы: внутренние акты и санкционированные государством уставы и иные документы (санкционирование проявляется в государственной регистрации и в утверждении, например, уставов акционерных обществ, создаваемых при приватизации государственных унитарных предприятий).

В числе внутренних актов необходимо выделить различные положения, а именно: о распределении и использовании прибыли, о ценных бумагах общества, о реестре акционеров общества, об общем собрании общества и т.п.

Локальные акты общества очень часто помогают выйти из правового тупика. Кроме того, внутренние положения, к разработке которых обычно относятся крайне формально, способны также оказать неоценимую помощь во время корпоративного конфликта. Дело в том, что эти положения можно включать практически любые процедурные и иные нормы, не противоречащие действующему законодательству и уставу общества. В ряде случаев в них находят свое разрешение некоторые диспозитивные нормы Федерального закона «Об акционерных обществах». Например, в споре о том, стоит ли проводить

повторное внеочередное общее собрание акционеров взамен несостоявшегося, соответствующее положение способно поставить жирную точку.

В литературе к числу источников «акционерного права» некоторые авторы относят еще и договоры. Такая позиция представляется спорной, поскольку, хотя учредители и заключают между собой письменный договор о создании общества, являющийся по своей правовой природе договором простого товарищества, но такой договор порождает юридические последствия лишь для определенного круга лиц - учредителей общества. Кроме того, в соответствии с п. 6 постановления Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 18 ноября 2003 года № 19 договор о создании акционерного общества не является учредительным документом последнего, что еще больше сужает сферу его применения. В то же время между основным и дочерним обществами может быть заключен договор, позволяющий основному обществу давать дочернему обязательные для последнего указания.

Изучение иностранной корпоративной практики показывает, что в различных юрисдикциях широкое распространение получили соглашения акционеров. Данные соглашения служат одновременно нескольким целям.

Во-первых, при помощи соглашений акционеров осуществляется реализация совместных их интересов. Во-вторых, эти соглашения могут устанавливать взаимные права и обязанности акционеров, не предусмотренные и в то же время не противоречащие действующему законодательству, включая возможность консолидированного голосования по определенным вопросам повестки дня общего собрания. В-третьих, такие соглашения могут устанавливать определенный порядок продажи пакетов акций.

Таким образом, Конституция РФ, закладывает необходимые предпосылки для создания и функционирования акционерного общества, а также для эффективной защиты его прав как полноправного субъекта предпринимательской деятельности; нормы международного права как элемент законодательства РФ об акционерных обществах обычно применяются к акционерным обществам с участием иностранных инвестиций, имеют приоритет перед законодательством РФ в случае коллизии, а также применение норм международного права к акционерным отношениям является очень большой редкостью; Федеральные законы являются основным элементом законодательства РФ об акционерных обществах; подзаконные нормативные акты играют значительную роль в регулировании акционерных отношений; правовые обычаи (обычаи делового оборота), т.е. правила, применяются там и тогда, где обнаруживаются пробелы законодательства, не восполненные соглашением сторон; локальные акты акционерных обществ которые можно подразделить на внутренние акты и санкционированные государством уставы и иные документы; акты судебной и арбитражной практики, как элементы законодательства РФ об акционерных обществах являются предметом многочисленных дискуссий, они играют более чем существенную роль в восполнении пробелов в действующем законодательстве; в литературе к числу источников «акционерного права» некоторые авторы относят еще и договоры, эта позиция является спорной; также широкое распространение получили соглашения акционеров как элементы законодательства РФ об акционерных обществах.

Способы защиты субъективных гражданских прав от посягательств: гражданско-правовой аспект

У.Ш.Джалилова

Различные основания возникновения правоотношений по защите субъективных гражданских прав обуславливают и различное содержание этих правоотношений, в частности права управомоченных лиц. Возможности защиты вещных прав отличаются от обязательственных, на что влияют вид и степень нарушения субъективного права, правовой статус нарушителя, например, в зависимости от того, является ли он субъектом предпринимательской деятельности [1, с.9-13].

Защита гражданских прав осуществляется различными способами.

Среди них:

1) признание права – установление судом наличия (принадлежности) субъективного гражданского правомочия (права собственности, права авторства и т.п.);

2) реституция – восстановление положения, существовавшего до нарушения права, - известный со времён римского права возврат субъектов правоотношений в первоначальное положение (*restitutio in integrum*) и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (чаще всего состоит в запрете осуществления определённой деятельности);

3) признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий её недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки;

4) признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления (применяется, как правило, при нарушении гражданских прав, вытекающих из административных, налоговых, таможенных и иных публичных отношений, в отношении как ненормативных, так и нормативных актов, противоречащих актам большей правовой силы);

5) самозащита права, т.е. самостоятельные действия субъекта, чьи права ущемлены (например, удержание, одностороннее приостановление исполнения обязательств, отказ от договора, принятия исполненного и т.п.); при этом способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения; разновидностью являются необходимая оборона и действия в условиях крайней необходимости;

6) присуждение к исполнению обязанности в натуре - понуждение лица выполнить действия, которые он должен совершить в силу взятого на себя обязательства;

7) возмещение убытков.

8) взыскание неустойки (штрафа, пени).

10) прекращение или изменение правоотношения (как правило, по инициативе одной из сторон правоотношения при существенном нарушении обязательств другой стороной или по иным основаниям, предусмотренным законом или договором);

11) неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону, что соответствует конституционной обязанности суда при установлении несоответствия акта государственного или иного органа закону принимать решение в соответствии с законом;

12) иные способы, предусмотренные законом (например, опровержение порочащих или недостоверных сведений и т.п.).[2,с.46]

Закон не запрещает применять несколько способов защиты гражданских прав одновременно.

Основным органом, призванным осуществлять защиту гражданских прав, является суд. В предусмотренных законом случаях меры по защите могут приниматься и в административном порядке, однако такие решения могут быть обжалованы в суде.

Способы защиты зависят от сущности нарушения субъективного гражданского права или интереса, в частности: нарушено право либо интерес; имело ли место нарушение (непризнание, оспаривание) или угроза нарушения права или интереса; возможно (или целесообразно) ли восстанавливать право, или устранять преграды в его осуществлении, или компенсировать результаты нарушения; следует ли применять комплексный подход для защиты права и т.д. Зачастую вообще не идет речи о вариантах защиты, например, если вещь уничтожена, то восстановление права на нее невозможно.

Представляется не вполне точным сведение способов защиты к устранению препятствий в осуществлении субъективного права, ибо складываются многочисленные ситуации, когда уже бессмысленно надеяться на осуществление права.

Одним из важных аспектов права на защиту является принуждение, применяемое к правонарушителю, поскольку управомоченному лицу предоставляется возможность применения для защиты своего права и интереса мер охранительного характера, связанных с правовым воздействием на правонарушителя.

Поэтому право на защиту включает различные возможности управомоченного лица, предусмотренные ст. 12 - 16.1 ГК РФ, которыми охватывается применение самим лицом различных средств принудительного воздействия на правонарушителя, юридических мер оперативного воздействия на правонарушителя, а также возможность обратиться в компетентный орган с требованием побуждения обязанного лица к определенному поведению.[3,с.274-277]

Юрисдикционные способы защиты связаны с определенной процедурой их применения, которая при судебной защите порождает процессуальные правоотношения. Последние возникают уже на основании соответствующих норм процессуального законодательства, что и отличает правосудие от иной юрисдикционной деятельности. При этом возникает необходимость проследить соотношение соответствующих норм ГК РФ с нормами процессуального права.

Следует отметить, что термин «закон» в аспекте положений ст. 12 ГК РФ означает нормативно-правовые акты, имеющие силу закона РФ. Поэтому подзаконным нормативно-правовым актом способ защиты устанавливаться не может.

Относительно исчерпывающего характера перечня способов защиты существуют три основных подхода, которые сформировались по этому поводу в судебной практике[4,с.69]. Следует поддержать тот из них, согласно которому перечень способов защиты не носит исчерпывающего характера. Устанавливая перечень способов защиты гражданских прав и интересов, законодатель стремился сформулировать не четкую, завершённую юридическую конструкцию, а скорее наиболее распространенные модельные механизмы защиты. Такая позиция вполне адекватна подходам, применяемым в гражданско-правовых актах, где фактически отсутствуют случаи замкнутого круга средств и механизмов, ими регулируемых. Перечень договоров, например, в ГК РФ также приведен далеко не исчерпывающий. Поэтому, следуя логике законодателя, заложенной в ГК РФ доктрине и общим принципам гражданского законодательства, перечень способов защиты гражданских прав и интересов также не может быть исчерпывающим.

К тому же утверждение об исчерпывающем характере этого перечня не согласуется с требованиями ст. 45, 46 Конституции РФ, которые гарантируют каждому право любыми не запрещенными законом способами защищать свои права от нарушений и противоправных посягательств.

Правоприменительная практика избрания лицом иного способа защиты, по сравнению с предусмотренными в ст. 12 ГК РФ, складывалась по-разному. Длительное время суды (как общие, так и специализированные) достаточно однозначно считали, что суд может защитить право лишь способом, предусмотренным законом. В настоящее время эта позиция с вступлением в силу последних изменений в ГК РФ изменилась[5,с.38].

До последнего времени господствующей в судебной практике была позиция, согласно которой перечень способов защиты субъективных гражданских прав, предусмотренных в приведенных нормах права, не является исчерпывающим только при наличии в законе нормы, в которой бы содержался другой способ защиты. При этом такое указание может носить косвенный характер, исходить из содержания той или иной нормы. При отсутствии определенного способа защиты в перечне, определенном общими нормами, он может быть установлен посредством обращения к специальным нормам ГК РФ и другим источникам. При отсутствии в специальных нормах указания на способы защиты прав допускается косвенная ссылка на тот или иной способ защиты, следующий из этих норм. И лишь при их отсутствии

актуализируется вопрос о самостоятельном определении или выборе управомоченным лицом способа защиты своего права[6,с.28-34].

В последнее время ситуация с перечнем способов защиты принципиально изменилась. Так, если суды апелляционной и кассационной инстанций исходили из того, что ст. 12 ГК РФ не предусмотрено такого способа защиты гражданских прав, который избрали истцы, и именно на этом основании отменяли решения суда первой инстанции об удовлетворении иска, то Верховный Суд РФ высказал иную позицию на основании ст. 45, 46 Конституции РФ и ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которым каждый человек имеет право на эффективное средство правовой защиты, не запрещенное законом.

Из этого следует и пересмотр различных способов защиты, которые в одних случаях применялись, а в других – отвергались судом. Наиболее распространенным среди них является признание договора незаключенным, обязательства - неисполненным или, наоборот, – исполненным. Теперь для рассмотрения этих исков судами, очевидно, не будет препятствий, хотя следует отметить, что и ранее, т.е. до изменения Верховным Судом РФ своей позиции относительно исчерпывающего характера перечней способов защиты гражданских прав, основания для рассмотрения этих исков существовали. Так, можно было подвести указанные иски к такому способу, как признание права лица, что может пониматься достаточно широко – и как права не пребывать в отношениях, порожденных сделкой. Что касается признания обязательства исполненным, то это – признание права, порожденное таким исполнением. Поэтому аналогичные аргументы об отсутствии права, порожденного договором, если его считать незаключенным, как раз и не противоречат этому способу защиты.

Таким образом, целесообразно сделать заключение, что способы защиты субъективных гражданских прав и интересов являются крайне востребованной юридической категорией, остро востребованной в сложившейся правоприменительной практике.

Список литературы

1. Желонкин С.С. К вопросу о разграничении недействительных сделок на ничтожные и оспоримые в Гражданском кодексе Российской Федерации // Юрист. 2014. N 11.
2. Желонкин С.С. Недействительность антисоциальных сделок: Моногр. М.: Инфра-М, 2016.
3. Желонкин С.С. Отдельные вопросы учения Г.Ф. Шершеневича о недействительности сделок в современных условиях модернизации частного права // Научные воззрения профессора Г.Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права (к 150-летию со дня рождения). М.: Статут, 2014.
4. Молчанов А.А., Шуваев А.В., Куртяк И.В. Защита неимущественных прав полиции. СПб., 2015.
5. Практика применения Гражданского кодекса РФ, части первой / А.Б. Бабаев, Р.С. Бевзенко, В.А. Белов, Ю.А. Тарасенко; Под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2009.
6. Шуваев А.В., Пархоменко И.К., Попова Е.С. Актуальные проблемы обеспечения доказательств в гражданском процессе // Вопр. совр. юриспруденции. 2016. N 61.

Некоторые аспекты реализации военных реформ Имамата

П.М.Лахитова

Ведя тяжелую и неравную борьбу с царизмом, Шамиль понимал, что без четкой организации вооруженных сил на регулярной основе и крепкой материальной базе ничего не сможет добиться, и он по мере распространения шариата и укрепления его положения начал создавать регулярную армию. Материальной базой для этого вначале служило конфискованное имущество феодальной знати и военная добыча, а впоследствии это стало делом государственной важности.

Масштабные военные реформы заняли центральное место в методической, творческой и правовой преобразовательной деятельности Шамиля. Эти реформы должны были превратить армию Имамата в боеспособную настоящую организацию со структурой, соответствующей современным требованиям военного искусства. Правовым аспектам военной реформы Шамиля восхищались его современники и, более того, он получал комплименты от офицеров высшего ранга официальных властей. Армия Имамата – высокая мобильная сила всегда была готова к сражению. Организация массового отпора империи, наряду с ликвидацией власти феодальной верхушки, которую проводило руководство Имамата, и объясняет активную поддержку народом мероприятий, проводимых Шамилем. Возглавив борьбу, Шамиль предложил горским обществам наилучшие «формы консолидации народных устремлений, политической, военной и идейной организации масс, которые позволили сплотить разрозненные, разноязычные общества в единый военно-политический организм»[1].

В отличие от своих предшественников, которые ограничивались эпизодическим набором военных сил, Шамиль в конце 30-х годов XIX века заложил фундамент регулярной армии. Ему удалось продемонстрировать всему миру силу воинов, воодушевленных идеей освобождения и веры. Особую заботу и внимание Шамиля вызывали военное устройство и вооружение горцев. Благодаря его неутомимой деятельности при ограниченных средствах и ресурсах в Имамате была создана армия и образована экономическая база, способная в течение 25 лет отражать натиск регулярных войск официальных властей.

Создавая свою армию, Шамиль перенимал все лучшее, что находил в организации имперских войск и управлении ими, и она состояла из трех родов войск: пехоты, конницы и артиллерии, которая и была характерной структурой для постоянной армии. Кроме того, имелись еще временно мобилизуемые ополченцы, игравшие немаловажную роль в боевых действиях горцев. Большой гордостью Шамиля была

конница – основное ядро армии. Хотя Шамиль и придавал большое значение кавалерии, известно, что коневодство широко в регионе не было распространено, и поэтому кавалеристами могли быть главным образом зажиточные уздены. Горские конники были искусными и виртуозными наездниками, отлично владели оружием. Лучшими войсками конников с вооружением и одеждой была признана конница Гази-Магомедов.

Пехота комплектовалась из аулчан по призыву Шамиля от 15 до 50-летнего возраста. Пехотинцы были организованы в 1000, 500, 100, 50 и 10 бойцов[2]. Командирами тысячи и пятисот назначались наибы, которые назывались генералами, полковниками, капитанами. Генералами в армии Имамата являлись Ахверды-Магома, Шуаиб-мулла, Улубей ауховский, Абакар-кадий и Кибит-Магома; полковниками – Абдурахман-Дибир и Омар Ункратлинский, а капитанами – все остальные наибы[3]. Чины имели свои знаки отличия. Высший командный состав, представленный наибами, был неоднородным. Шамиль, сохранив общинно-родовое деление страны, фактически не имея выбора, был вынужден назначить часть набоев в командующий состав, а другая часть набоев была выдвинута благодаря своим личным качествам и самой жизнью, которой приходилось командовать полиэтническими подразделениями. Высокий нравственный уровень и боеспособность армии Имамата были результатом воспитательной работы в войсках и значимости оборонительного характера борьбы.

Одну из основополагающих ролей в воспитании солдат Имамата играло духовенство в лице Шамиля и его учителей[4]. Именно их деятельностью и объясняется бесстрашие мюридов.

В историко-правовой литературе встречаются разные данные о численности вооруженных сил Шамиля. А.Х.Рамазанов без ссылки и уточненных данных отмечает, что в лучшие годы армия Шамиля достигала 60000 человек[5]. При этом автор не приводит данных о постоянном войске Шамиля и об ополчении. Р.М.Магомедов отмечает, что «в отдельных кампаниях против завоевателей число участвовавших в войне горцев доходило до 30-40 тысяч. Численность же постоянных войск Шамиля, находившихся на содержании населения, не превышала 15-20 тысяч»[6]. Последний, исходя из показаний Хаджи-Мурата графу Воронцову и других сведений, дает, на наш взгляд, более достоверные данные.

Горцы, находившиеся на службе у Шамиля и его набоев, назывались муртазагетами. Учреждение муртазагетов давало возможность имаму решить сразу несколько военных и правовых проблем: оно снабжало его большой силой, всегда готовой бороться против колонизаторов и местных феодалов без всякого ущерба для казны, создавало большую общественный слой, заинтересованный в продолжении его правления. Набор в постоянное войско осуществлялся посредством разверстки – по 1 всаднику от каждых 10 дворов. Так, например, по свидетельству официальных источников, мичиковцы могли «...поставить до 2000 вооруженных людей, ауховцы до 1500, Большая Чечня 2500 и Малая Чечня до 4000...»[7]. В муртазагеты отбирались физически подготовленные и мужественные люди, готовые пожертвовать жизнью за независимость горцев. За преданную службу в армии муртазагеты пользовались большим уважением односельчан. Они заботились о семьях муртазагетов, помогали им пахать, сеять и убирать урожай, заготавливать сено, пасти скот и т.д.

Создание частей муртазагетов[8] удачно разрешало двойную задачу: во-первых, они благодаря своим боевым качествам могли противостоять не только имперской армии, но и внутренним врагам. Во-вторых, они образовали большую группу привилегированного и заинтересованного в сохранении имамского режима населения. «Во время войны, – пишет Прушановский, – они составляют самую надежную и лучшую часть сборищ горцев. Держатся с отчаянной решительностью, соблюдают отличную подчиненность. Малое число их опаснее, чем целое скопище горцев». Генерал М.С.Воронцов после взятия Салты в сентябре 1847 г., отмечая мужество защищавших его в течение 2,5 месяцев горцев, в своих мемуарах писал: «В долголетнем опыте мне редко случалось видеть неприятеля более упорного и стойкого, как гарнизон укрепления Салты, который составлен, был из лучших и храбрейших людей Дагестана. Упрямые сопротивления этого гарнизона превосходят все, что европейской войне может быть известно»[9].

В историко-правовой литературе, да и в источниках, прослеживается мысль о том, что муртазагеты являются, чуть ли не основой постоянной армии. В правовом отношении это мнение ошибочное. Если взять во внимание мнение представителей официальных властей, то мы узнаем, что роль, отведенная муртазагетам, была сугубо официальная, т.е. караульная служба, охрана границ, личная охрана имама и т.д.[10]

В каждом войске Шамиля было заложено стремление к славе, к получению наград, и они проявляли усердие, чтобы их получить, жертвуя своей жизнью. Так, например, по сведениям местных источников, «из жителей андийских сел каждый раз в бою погибало от 10 до 20 воинов... Такое же количество жителей погибало из Гумбета, Аварии, Унцукуля... Согратль и Чох. В Чечне храбростью известны жители Кихи, Мартана и Шубута... Такие же храбрые жители обществ Ичкерия, Нахбак, Аух...»[11]. (Относительно «Нахбак» и «Аух» в «Книге воспоминаний...» даются не точные данные о месте их расположения. Они находятся в Дагестане, ныне – Казбековский район РД).

Для поощрения особо отличившихся набоев, командиров и рядовых горцев Шамиль ввел порядок награждения их знаками отличия и чинами разных степеней, закрепленные и определенные низамами. Были и другие виды поощрения, в частности оружием, лошадьми, деньгами, знаменами и т.д. Кроме того, наиболее влиятельные наибы тоже имели свои награды, которыми награждали своих подчиненных. Такие награды давали, например, Даниял-бек и Талгик. Так, на медали Талхика было написано: «Проявившему храбрость и мужество в войске Талхика».

Ордена, медали и другие знаки отличия различались по статусу и достоинству, их насчитывалось около 150 видов. Они делались в основном из серебра и имели соответствующие их статусу и достоинству надписи: «Обладатель храбрости и великодушия», «Знак храбреца», «Кто думает о последствиях, тот не храбрец», «Это храбрец, который не убегает от сражений и живет среди опасностей»[12] и т.д. и в правовом отношении владельцы знаков в правовой иерархии возвышались. В казне Шамиля, как утверждает эпистолярный материал, были круглые ордена из золота и серебра, генеральские и полковничьи эполеты, а также оружие, печати, браслеты[13].

«Давно уже до меня доходили слухи, – писал генерал Граббе, – что Шамиль для поощрения набов, отличившихся в скопищах своих, раздает им знаки отличия вроде наших орденов, и старается вводить некоторую правильность между своими полчищами»[14]. Генералу Российской империи было трудно признаться, что и у «диких» горцев может быть высокоорганизованная армия с крепкой дисциплиной, единоначалием, знаками отличия и хорошо продуманной структурой комплектования подразделений на уровне лучших традиций армий европейских стран. Для Граббе это были «скопища», «полчища». Между тем эти «скопища», «полчища» в 1842 году в лесах Ичкерии и в целом ряде сражений 1843 года проучили Граббе, Клюки-фон-Клюгенау, Нейгардта, Бакунина и других, показали высокий уровень организованности и образцы тактики ведения боя.

Если воин погибал в бою, его тело не обмыли и не служили над ним погребальную молитву, хоронили его в его запачканной кровью одежде, предварительно очистив его от прочих нечистот. Этот способ захоронения, в отличие от кончины в своей постели, являлся нормой шариата. Разница этих двух способов погребения состоит в том, что Аллах Всевышний желает встретить павшего за веру махида в Судный день (йавм ал-кийама) в том виде, в каком он скончался. Этим он оказывал ему честь[15].

Войска Шамиля расквартировывались в аулах по подразделениям по принципу поселения. Как уже было отмечено, во главе этих подразделений стояли наибы – пятисотенные, сотники и т.д.[16] Все наибы на правом плече носили эполеты; пятисотенные на груди носили медали с надписью, обозначающей военное звание: «Начальник пятисот человек такого-то устраиваемого войска»[17]. За особые заслуги и мужество пятисотенные и сотенные командиры получали шашки, кисти для шашек с надписью: «Нет храбрее такого-то, нет сабли его острее». Этот знак отличия давал право на получение жалованья по три рубля серебром в месяц[18] и т.д.

В армии Шамиля поддерживались строгая дисциплина и жесткий порядок, базировавшиеся на своеобразной присяге – публичной клятве на Коране. Нарушение клятвы считалось тягчайшим преступлением. Наряду с поощрениями в армии Имамата практиковались и наказания. Командиры несли большую ответственность и, естественно, наказывались строже рядовых. Наиболее практиковавшимися видами наказания были понижение в должности, публичный выговор, арест от 10 до 30 суток, удары плетью от 15 до 39 раз, а измена и шпионаж наказывались смертью.

Шамиль прекрасно вооружил свою армию. Владея секретами получения стали хорошего качества, горские мастера изготовляли холодное оружие высокого класса, научились делать нарезное огнестрельное оружие. В Имамате было налажено производство пороха с помощью Джафара, потребности в котором возросли в связи с созданием артиллерии. Она была создана на базе трофейных орудий, а затем было налажено собственное производство пушек с помощью перешедших на сторону Шамиля царских офицеров и нижних чинов.

В армии Шамиля использовались трофейные оружие и боеприпасы, нехватку в которых он испытывал постоянно[19]. В артиллерии Шамиля было более ста пушек, из которых около 30 были трофейными. Собственные пушки делались меньшего калибра, были более удобными, мобильными и точными по сравнению с трофейными. Литьем пушек и изготовлением огнестрельного оружия занимались искусные мастера из Кубачи, Харбука, Кумуха, Унцукуля. В Ведено был организован завод по производству пушек и другого огнестрельного оружия[20]. В Имамате изготовлением холодного и огнестрельного оружия занимались при помощи перешедших на сторону горцев солдат царской армии. Впервые в истории Дагестана были отлиты пушки и ядра к ним, налажено также изготовление пуль[21]. Непосредственный участник борьбы утверждает, что «свинец... (Горцы. – Автор.) доставили тайно из русских крепостей... контрабандно...»[22]. Большой спрос на оружие стимулировал производство, уровень которого постоянно повышался.

В Имамате появились военные предприятия, принадлежащие государству. В Ведено, по сведениям Граббе, были «...люди, которые делают порох»[23], а в 1840 году он же рапортовал в Петербург о наличии в горах производства пушек, организации и введении в действующую армию нового рода войск – артиллерии. Шамиль организовал учебу артиллеристов, а также разработал особую инструкцию по артиллерии. Результаты им затеянного были настолько велики, что это искусство было взято на вооружение царской армией. Горцы, по сведениям М.Гаммера, получали исключительно хорошие комплименты от русских за то, как они использовали артиллерию, за ее меткость и, особенно за быстроту маневров[24]. Интенсивные усилия царских войск захватить орудия имама в сражениях заканчивались неудачей. Причиной того, что горцы не так часто использовали артиллерию, как это можно было бы ожидать, была в монополии Шамиля над этим оружием. По утверждению представителя официальных властей, только некоторые из его заместителей, обычно мудирь, покупали одну или две пушки артиллерии[25]. Во главе артиллерии стоял известный сподвижник Шамиля Яхья-Хаджи.

Впервые в истории гор Шамиль приступил к серьезной разработке недр Дагестана и Чечни, изготовлению пороха из добываемой в горах серы, выплавке железной и медной руды для отливки

артиллерийских орудий и другого оружия. Значительную помощь Шамилю в изготовлении вооружения оказывали «русские перебежчики-солдаты и офицеры, которых у Шамиля было много и он очень ценил их»[26]. Способности беглых и пленных Шамиль проверял сам и определял: «... кого кузнецом, кого артиллеристом. Более... надежным доверял заведование заводами (пороховыми), конями, ремонтом конницы и т.п.»[27].

В Имамате была поставлена на довольно-таки высокий уровень работа разведки и контрразведки. В обязанности отдела разведки входили не только сбор информации о продвижении отряда неприятеля, выяснение всего необходимого о нем, но и проведение диверсионных мероприятий в глубоком тылу врага. Официальные источники, отдавая должное контрразведке Шамиля, отмечают, что «...чрезвычайно трудно иметь положительные сведения, даже и хорошие лазутчики не могут верно ничего узнать»[28], этим Шамиль вносил путаницу в ряды противников.

Шамиль придавал большое значение оперативной связи, благодаря которой он был в состоянии регулировать и командовать своей армией. Связь поддерживалась через гонцов – оповестителей письменными обращениями.

Шамиль также придавал значение медицине. Благодаря его стараниям в горах был открыт стационар. Дагестанские знахари хорошо знали принципы и метод использования отваров из трав, ягод, грязе-водолечение, массаж, мумие, прижигание, кровопускание, иглоукальвание[29]. Н.И.Пирогов, побывавший в Дагестане отметил, что местные хакимы действительно имеют «...большую наглядность и опытность в лечении огнестрельных ран. Искусство лечения наружных повреждений у кавказских племен есть чисто наследственное и переходящее от отца к сыну»[30], а профессор Л.А.Огонесян писал, что «хирургия кавказской народной медицины стояла почти на уровне научной медицины. Они производили даже такие операции, как трепанация черепа»[31]. Знахари Дагестана лечили не только у себя на родине, но и в Чечне, Осетии и в других областях.

Таким образом, взяв в основу правовой принцип формирования и осуществление военных реформ Царской России, а потом и Российской империи, можно найти параллели этого принципа и в Имамате. Так, например, Шамиль осуществил военные реформы, позволившие ему создать армию, которая по своей организационной структуре, дисциплине, мобильности, храбрости не уступала армиям передовых стран Европы. Военное устройство армии Шамиля вызывало восхищение современников. Русский офицер, принимавший участие в церемонии обмена грузинских князей на сына Шамиля Джамалутдина, писал: «Среди горцев господствовал строгий порядок и в целом они имели сходство с нашей кавалерией: они были расставлены по отделениям, с интервалами, в две шеренги; каждое отделение имело свое знамя; начальники стояли перед фронтом и держали ружья, как мюриды... На правом фланге я видел две пушки, снятые с передков; позади их – арбы со снарядами»[32].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Магомедов Р.М. На весах истории // Дагестанская правда. – 1988. – 17 ноября. – С.3

[2] Рамазанов А.Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. – Махачкала, 1996. – С.19; Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – С.311.

[3] Прушановский К.И. Исторические записки. – Л.12; См.: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сборник документальных материалов // Под ред. Ш.В.Цагарейшвили. – Тбилиси: Изд-во МВД Грузии, 1953. - С. 212.

[4] См.: Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Мухаммад Ярагский – идейный вождь освободительной борьбы народов Кавказа. – Махачкала, 1996.

[5] См.: Рамазанов А.Х. Указ. работа. – С.19; Его же. Военное искусство Шамиля. – Махачкала, 1999. – С.10.

[6] См.: Магомедов Р.М. Указ. работа.-С.98.

[7] См.: ДГСВК. – С.404; Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. – Кн.1. / Под ред. Г.Л.Бондаревского, Г.Н.Колбая. – М., 1998. – С. 586.

[8] См.: История народов Северного Кавказа. – С.153.

[9] Каспари А.А. Покоренный Кавказ. – СПб., 1904. – С.489-490.

[10] См.: ДГСВК. – С.381 – 386; Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. – С.472; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – Т.1. – Ч.1. – С.488-489.

[11] Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Памятники письменности Дагестана. Абдурахман из Газикумуха: Книга воспоминаний Сайида Абдурахмана сына устада шейха тарикада Джамалутдина ал-Хусейни о делах жителей Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1997. – С.111.

[12] См.: Шамиль – ставленник. – С.218; Книга воспоминаний. – С.110; Рамазанов А.Х. Указ. работа. – С.20.

[13] См.: Книга воспоминаний. – С.97; См.: ДГСВК. – С.405, 417.

[14] ЦГВИА. - Ф.ВУА. - Д.6468. - Л.3.

[15] См.: Книга воспоминаний. – С. 112.

[16] Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С.125

[17] Опись знаков отличия, данная чеченскому старшине Оздемиру // ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6468. – Л.5.

- [18] Там же.
- [19] См.: АКАК. – Т.Х. – С.527.
- [20] Магомедов Р.М. Указ. работа. – С.103.
- [21] АКАК. – Т. XII. – С. 1399; ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6528. – Л.55; Елецкий О. Указ. соч. – С.68.
- [22] См.: Книга воспоминаний. – 109.
- [23] См.: Там же. – С.100 – 109; Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Указ. работа. – С.12.
- [24] Гаммер М. Шамиль – правитель государства и его дипломатия. – Махачкала, 1997. – С.16.
- [25] Ржевуский А.А. 1845 год на Кавказе // КС. – Т. VI. – С. 448.
- [26] См.: Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. – СПб., 1856.
- [27] Шульгин С.Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. – Тифлиси, 1910.– С.30.
- [28] ДГСВК. – С.386.
- [29] См.: Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Указ. работа. – С. 13-14.
- [30] Пирогов Н.И. Отчёт о путешествии по Кавказу. – М., 1952 - С. 69
- [31] Огонесян Л.А. Истории медицины в Армении с древнейших времён до наших дней. – Ч. III. – Ереван, 1946. – С. 188.
- [32] Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. – СПб., 1856. – С. 19.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.Берже. – Т.Х, XII. – Тифлис, 1866-1904.
2. ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6528, Д.6468.
3. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – 786с.
4. Описание знаков отличия, данная чеченскому старшине Оздемиру // ЦГВИА. - Ф.ВУА. - Д.6468. - Л.5.
5. Ржевуский А.А. 1845 год на Кавказе // КС. – Т. VI.
6. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сборник документальных материалов / Под ред. Ш.В.Цагарейшвили. – Тбилиси: Изд-во МВД Грузии, 1953. – 562с.
7. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 184с.
8. Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (в 1854-1855гг.) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного ген.-м. кн. Орбелиани и подполк. кн. Чавчавадзе, основанная на показаниях лиц, участвовавших в событии. – СПб., 1856 – 2с.
9. Гаммер М. Шамиль – правитель государства и его дипломатия: Статьи. – Махачкала, 1997. – 104с.
10. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 512с.
11. Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. – Кн.1. / Под ред. Г.Л.Бондаревского, Г.Н.Колбая. – М., 1998. – 725с.
12. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. (Очерк Кавказа и народов его населяющих). – Т.1. – СПб., 1871.
13. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917). – М.: Наука, 1988. – 660с.
14. Каспари А.А. Покоренный Кавказ. – СПб., 1904. – 460с.
15. Магомедов Р.М. На весах истории // Дагестанская правда. – 1988. – 17 ноября. – С.3
16. Огонесян Л.А. Истории медицины в Армении с древнейших времён до наших дней. – Ч. III. – Ереван, 1946.
17. Пирогов Н.И. Отчёт о путешествии по Кавказу. – М., 1952.
18. Прушановский К.И. Исторические записки. – Л.12.
19. Рамазанов А.Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. – Махачкала, 1996. – 56с.
20. Рамазанов А.Х. Военное искусство Шамиля.-Махачкала, 1999.
21. Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Мухаммед Ярагский – идейный вождь освободительной борьбы народов Кавказа. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1998. – 64с.
22. Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Памятники письменности Дагестана. Абдурахман из Газикумуха: Книга воспоминаний Сайида Абдурахмана сына устада шейха тарикада Джамалуддина ал-Хусейни о делах жителей Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1997. – 868с.
23. Шульгин С.Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. – Тифлиси, 1910.
24. Юров А. 1840, 1841, 1842 гг. на Кавказе // КС. – Т.Х. – Тифлиси, 1886. – С.225-405.

Политико-правовые мероприятия Российской империи в отношении сельских обществ Северо-Восточного Кавказа

Б.М.Магомедов

Дипломатические отношения в период Имамата занимают одно из центральных мест в политике военного командования официальных властей с населением «непокорных» районов Дагестана и Чечни, которые нашли свое отражение на страницах политической истории и развития государственно-правовых отношений народов населявших Имамат, сопредельных сторон и Российской империи в силу внутренних и внешних обстоятельств. Отметим, что организация и проведение дипломатических переговоров с

населением сельских обществ исследуемого региона – одно из важнейших направлений политики имперской власти с целью скорейшего достижения перевеса в решении вопросов победного конца.

Сельские общества, по природе своей представляли собой отдельные «государства» и приобщение их вместе одним разом к порядкам Российской империи было делом немислимым, поскольку сама природа управления требовала необходимости произвести методическую политику по их приобщению с каждым по отдельности. Они, как правило, носили кратковременный характер по причине того, что имперские власти односторонним порядком и без всяких объяснений на то нарушали их. Один из официальных источников подтверждает обратное. Так, например, «...многие из них покорствуя, только по необходимости, установленным над ними властями, при первом удобном случае выходят из повиновения»¹. По своей природе и по своему характеру народ больше привержен своей преданностью и «...влиянием умного и дальновидного Шамиля»².

Горцы не знали и не могли даже представить себе «превосходство русских порядков над...»³ над ними, поскольку не имели представления численного и территориального превосходства Российской империи. По Н.П.Раевскому, имперские войска «мстили целым племенам за вину нескольких лиц»⁴. Колониальная политика представителей официальных властей приобретает «новые, более жесткие формы, чем те, которые были известны кавказским народам в предыдущем столетии»⁵, чем и объясняется рост антиколониальной борьбы горских народов⁶. Политика проводимая отдельными чиновниками и офицерами в отношении жителей сельских обществ были выражены в их произволу, злоупотреблениям и взяточничеству, а это придавал широкомасштабный характер борьбе⁷.

Официальные власти совершенствовали основные направления своей политики в отношении обществ и, этом старались учесть особенности народов населяющих районов, с учетом опыта правоотношений населяющих как между народами внутри местностей, так и межрайонными и, особенности хозяйственной деятельности. Притом была исследована специфика традиционных культурных и хозяйственных связей населения народов, проживающих в различных географических зонах Северо-Восточного Кавказа. Сложность заключалась в том, что складывающихся русско-дагестанских отношениях вносили полиэтничность местного населения, разделенного не только природой, но и многочисленными языковыми и другими особенностями. При этом отметим, что отношения эти ухудшились в связи с обременительной для местного населения фискальной политикой официальных властей. В подтверждении последнего приведем мнения весьма осведомленных исследователей в этой области, так, например, по мнению В.Г.Гаджиева, акушинцы вносили ежегодно в пользу казны государства 2 тыс. овец и 2 тыс. руб.; с Каракайтага – по 2 сабы пшеницы и по 3 сабы ячменя с каждого семейства; с Рутульских обществ по 500 руб.; с Сюргинского – 400, с Кубачинского – 400 червонцев⁸. А.П.Ермолов указывал, что Аслан-хан по бедности его владения не мог выплатить наложенную на его владение дань даже при «...всей благонамеренности вернейшего из владетелей»⁹. Некоторые регионы игнорировали требование официальных властей, ссылаясь на несостоятельность выплачивать наложенную на них дань, жалуясь на исключительную бедность и т.д.¹⁰ С 1823 по 1829 гг. недоимки жителей с рутульских обществ составили 2103 руб., с Сюргинского общества – 2165 руб.¹¹

Официальные власти перепробовали предостаточное количество методов принуждения жителей сельских обществ к внесению установленных им пошлин, даже и, силой оружия. Власти также пытались пробовать и иные средства для достижения своих «благих» целей. Так, генерал Граббе (1828) предлагал правительству арестовать стада рутульцев и кубачинцев, пасшиеся на зимних пастбищах, и тем «...понудить их к взносу казенных податей, или же пополнить таковые продажей самого скота...»¹².

Не имея возможности взыскать растущие недоимки с местного населения, официальные власти освобождали их от податей. Так, Акуша-Дарго были освобождены от выплаты подати в 3 тыс. руб. сер. за то, что в 1826 г. они не присоединились к антирусской коалиции в ходе войны России с Персией в Закавказье¹³.

¹ Сборник императорского русского исторического общества. – Т. 98. – СПб., 1898. – 313. (Далее. – СИРИО.); АКАК. – Т. 7. – 517.

² РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 6471. – Ч. 3. – Л. 22 (об.).

³ Покровский М.Н. Дипломатия и война царской России в XIX столетии. – М.: Изд-во «Красная новь», 1923. – 205.

⁴ Цит. по: Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М.: Наука, 1965. – 214.

⁵ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. – М., 1958. – 181.

⁶ Фадеев А.В. Антиколониальное движение народов Северного Кавказа. // Преподавание истории в школе. – 1957. – № 6. – 37.

⁷ См.: Зиссерман. 25 лет на Кавказе. – Т. I. – СПб., 1879. – 14; Гржегоржевский И. Очерк военных действий и событий на Кавказе. Ф.К. Клюки-фон-Клюгенау. 1818-1850 // Русская старина. – 1876. – Т. XVI. – 354; Закс А.Б. Ташев-Хаджи сподвижник Шамиля. – Грозный, 1992. – 20; Покровский М.Н. Указ. работа. – 186-187; Сумбат-заде С.М. Кубинское восстание. – Баку, 1961. – 48, 72, 115; История СССР. – Т. IV. – М., 1967. – 428-429; Гаджиев В.Г. Указ. работа. – 219.

⁸ Гаджиев В.Г. Указ. работа. – 213.

⁹ АКАК. – Т. 6. – Ч. 2. – 40-41.

¹⁰ Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества... – 93.

¹¹ АКАК. – Т. 7. – 512.

¹² Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. – М.-Л., 1949. – 15; АКАК. – Т. VII. – 510.

¹³ РГВИА. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 139. – Л. 6 (об.); АКАК. – Т. 7. – 512.

Не желание покорности со стороны горцев объясняется тем фактом, что новые власти принуждали первых к несению разного рода повинностей¹. Ермолов, например, принудил жителей некоторых сел содержать определенное число всадников для несения караульной службы на местах дислокации Гребенского казачьего полка, вплоть до конвоирования «военных лиц». Официальный источник (1837) подтверждает о тяготах сопряженных «...не только в материальном, но и моральном отношениях»².

В начале 40-х годов XIX века с целью придания иного характера своим политическим действиям, представители официальных властей вынуждены были идти на определенные уступки. В феврале 1842 года военный министр Чернышев сообщал генералу Головину Е., что «...в видах обороны своих жилищ, горцы обязаны... будут необходимыми, поставкой рабочих, приготовления строительных материалов, и выставкой подвод, но не иначе как за установленную плату»³. Проделав этот осторожный политический шаг, имперские власти в том же году проявили решительные и безотлагательные «...меры к улучшению благосостояния...»⁴ горцев, установив им «достаточную» плату за эти услуги правительству.

Одной из мер политического и экономического склонения горцев на сторону официальных властей являлось взыскание так называемых «штрафных денег» с обществ, участвовавших в антиколониальной борьбе, что было затруднительным делом.

На 1 января 1832 г. генералом Вельяминовым с салатавских и ауховских обществ было собрано штрафных и податных денег за полгода 1232 руб. сер., принято в залог оружия на 211 руб. сер., вместо штрафных денег получено скота для содержания войск на 1183 руб. сер.⁵. В том же году после гибели имама Гази-Магомедом имперское правительство принудило им подвластные общества исследуемого региона выплатить подать в 1 руб. сер. с каждого дыма и штраф по 5 руб. сер. в виде скота⁶. В период экспедиции зимней компании 1840 года, с целью насаждения имперских порядков, генерал Пулло взыскал с населения более 100000 руб. сер. и 1500 руб. асс. штрафных денег⁷.

Торговые и хозяйственные взаимоотношения выступали в качестве одной из особенностей политико-правовой программы официальных властей в отношении непокорных⁸, с целью постепенного развития «...административных мер, клонящихся к введению... торговых и промышленных...»⁹ Привлечение населения к указанной деятельности выступает как надежный гарант отвлечения их от участия антиколониальной войне, а мнение Меддокса – «...воспретить ...носить оружие...»¹⁰ при этом превзошло все ожидания. Именно его идея и положило начало политики обезоруживанию горцев на уровне правительства¹¹.

Для управления обществами представители официальных властей привлекали наиболее влиятельные лица из числа местного населения, но видя в этом свою бесперспективность первые сменили свой первоначальный вариант. Им не нравилось быть беспредметными наблюдателями переговорных процессов и занимать выжидательную позицию¹². Более того, представители официальных властей сами стали диктовать условия как переговоров, так процесса реализации их. По сведениям официальных источников А.П.Ермолов делает следующее заключение: «...посредниках нет нужды и... Довольно одному мне знать, что я имею дело со злодеями»¹³ и «...никто из местных влиятельных лиц не будет допущен к посредничеству»¹⁴. С течением времени о переговорах вообще и речи не было, а управляли горскими обществами через посредников, с учетом собственного опыта в отношениях с местным населением. При этом для обеспечения и закрепления условий выполнения своих намерений практиковалась выдача горцами аманатов из «лучших фамилий» на определенный или на не определенный срок, срок в случае отказа некоторая часть населения могла быть отправлена «...на поселение в Россию...»¹⁵, а за нарушение присяги – аманатов «...отправляли на службу в Финляндский корпус или в Сибирь, на поселение»¹⁶.

¹ Гаджиев В.Г. Указ. работа. – 213.

² АКАК. – Т. 8. – 728.

³ РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 6467. – Л. 49; Ф. 13454. – Оп. 9. – Д. 1. – Л. 1.

⁴ АКАК. – Т. 9. – 351.

⁵ Там же. – Т. 8. – 567.

⁶ Там же. – 681.

⁷ РГВИА. – Ф. 482. – Д. 63. – Л. 8, 116 (об.); РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 6164; Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. – Кн.1. / Под ред. Г.Л.Бондаревского, Г.Н.Колбая. – М., 1998. – 466.

⁸ МИДЧ. – 176. Документальная история. – 466.

⁹ Левое крыло Кавказской линии, Терская область, Прикаспийский край (Дагестанская область) Лезгинская кордонная линия // Сборник документов. – Без выходных данных. – 51-53. (Далее. – «Левое крыло»).

¹⁰ АКАК. Т. 7. – С. 517.

¹¹ РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 6395. – Л. 5 (об.), 9 (об.); Н.Ш. Генерал Вельяминов. – 142-143; Письма Кастильона Г. к Гизо (от 24 апреля 1844 года-4 марта 1846 г.) // Историк-марксист. – № 5. – 1936. – 115; Романовский. Указ. соч. – 249; Эсадзе С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. – Тифлис, 1909. – 109-110; Игнатович. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского Его императорского высочества Великого князя Николая Михайловича полка во время Кавказской войны (1845-1861 гг.). – Тифлис, 1897. – 1.

¹² См.: РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 6244. – Ч. 1. – Л. 12-12 (об.).

¹³ АКАК. – Т. 6. – Ч. II. – 499.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Документальная история. – 283.

¹⁶ Там же. – 291; МИДЧ. – 258.

В одной из Прокламации (1826) А.П.Ермолов утвердительно заявил, что он вменял в обязанность «русских начальников», управляющих мирными... и допускать к ним родственников для свиданий...»¹ как гарант обеспечения своего владычества. В период его наместничества политика по отношению к местному населению была более чем жесткой (1817-1820). С другой стороны он вынужден был, проводить и гибкую политику. А.П.Ермолов склонен был не решать зреющие в недрах горского общества социальные и политические конфликты, а «загонять» их вглубь горных районов, слабо контролируемые официальными властями. В этом за процессы, которые там происходили, он ответственности особо не нес. Своими не позволительными действиями он способствовал росту социально-политического напряжения в горных районах Северо-Восточного Кавказа.

А.П.Ермолов был одним представителей высшего эталона власти офицерского состава в исследуемом регионе, который ввел в качестве правила обязанность в отношении мирных обществ самостоятельно преследовать «непокорных горцев» совершавших нападение на кордонную линию. Так, например, он установил, что в случае взятия горцами в плен и присутствия варианта перебежничества, «непокорные», обязаны выдать за перебежчика «...по два человека в солдаты и деревня обязана отыскать и возвратить пленных. Если не отыщет, то будет предана огню»².

Политико-правовой аспект деятельности Ермолова в отношении горцев намеренно подчеркивает его предвзятый и необъяснимый характер и свое отношение к последним. Так, например, он заявил, что, «я не употреблю слабых мер, которые обращались нам во вред и приучил (Горцев. – Автор.) к неповиновению и утвердил дух мятежный»³.

Войдя в жизнь и быт горцев, официальные власти вынуждены были менять тактику своих действий, которая заключалась в требовании выдачи «неприятельных лиц» и их высылкой. По мнению правительства, указанное мероприятие по отношению к горцам больше подходило во взаимоотношениях с ними.

Проводя повсеместно на Северо-Восточном Кавказе экономический и политико-правовой курс изоляции горцев, имперские власти запрещали населению мирных обществ вступать в торговые отношения с народами, не состоящими в российском подданстве⁴. Такая раскладка вещей было продиктовано как главное условие мира⁵. Эти мероприятия вызывали протесты и непослушание новым властям со стороны горцев, в ответ на что вынужден был не без известный генерал Вельяминов 10 декабря 1821 года предписать князю Эростову, наказать дидойцев, нарушивших «клятву», данную в сентябре (1821 года. – Автор.)⁶. Для ликвидации протеста со стороны местного населения представители официальных властей вынуждены были потребовать от первых беспрекословного подчинения властям в лице местных воинских начальников или их приспешников из числа местных фамилий, которые взяли проимперскую ориентацию⁷.

«Временное положение», предложенное Паскевичем-Эриванским чеченцам, содержало всего четыре пункта и одно требование. Последнее заключалось в том, что чеченцы, в залог своей покорности имперским властям, обязывались доставить в кр. Грозную аманатов – по одному от каждого «старшинства». До их прибытия туда старшина того или иного общества по собственному согласию должен был оставаться в качестве аманата в крепости, как залог покорности или исполнения основ выполнения «Временного положения»⁸.

Правовые мероприятия взаимоотношений имперских властей с горцами показывает, что их «мирные» соглашения не имели ни какого значения и не соблюдались имперскими властями. Генерал Пулло – начальник Левого фланга Кавказской линии (1834) отметил, что только кумыки на Левом фланге были покорными и еще несколько аулов между реками Сунжею и Терекком, хотя, по его сведениям, мирными считались и многие другие общества⁹, что, по его мнению, приносила больше вреда, нежели пользы.

Таким образом приведение в покорность население исследуемого региона посредством насаждения здесь имперских порядков рассматривалось, как средство изоляции борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа от влияния иностранных держав, которые стремились использовать их мероприятия в свою пользу¹⁰. Опасаясь этого имперские власти вынуждены принять в 1836 году «Условия, предписываемые покоряющимся горцам»¹¹, по которым горцам вменялось в обязанность выдать по одному «хорошему» ружью с каждых 10 сакель в виде «залога покорности» и при этом власти демонстрировали значимость жизни жителей подвластных имперской администрации. Здесь же предписывалось – выдача всех русских пленных солдат и перебежчиков и наказание за несоблюдение горцами основ предусмотренных в «Условиях...».

¹ КС. – Т. X. Тифлис, 1886. – 223-224; Документальная история. – 284.

² Документальная история. – 501.

³ Письмо А.П. Ермолова к гр. Аракчееву 26 января 1817 г., по устройству Кавказского края. // Сборник исторических материалов. – Вып. I. – СПб., 1876. – 408-409.

⁴ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. (Очерк Кавказа и народов его населяющих). – Т.1. – СПб., 1871. – Т. 6. – С. 382-383.

⁵ См.: Документальная история. – 359.

⁶ Документальная история. – 359.

⁷ ЦГА РД. – Ф. 133. – Оп. 4. – Д. 7. – Л. 21; ДГСВК. – 102, 150-151. Документальная история. – 504-505.

⁸ См.: РГВИА. – Ф.ВУА. – Д. 6244. – Ч. I. – Л. 13.

⁹ ЦГА РД. – Ф. 133. – Оп. 4. – Д. 7. – Л. 4.

¹⁰ См.: АКАК. – Т. 8. – 359.

¹¹ ЦГА РД. – Ф. 133. – Оп. 4. – Д. 7. – Л. 21; КС. – Т. IX. – 15-16; ДГСВК. – 150-151.

В последнее время в СМИ и даже в некоторых учебных пособиях по отечественной истории, говоря о событиях первой половины XIX века на Северо-Восточном Кавказе, предпринимаются попытки реабилитировать агрессивную, захватническую политику официальных властей в этом регионе, объясняя все «темнотой», отсталостью горцев, их «пристрастием» к грабегам и разбоям. И в этом плане, на мой взгляд, встала необходимость показать истинные цели официальных властей в северокавказском регионе и опровергнуть мнение о том, что горцы восстали против царизма, недовольные запретом совершать набеги на соседние территории.

В начале XIX века перед царизмом встала задача покорения горцев Северо-Восточного Кавказа, т.к. «Кавказские горы отделяют южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мигрелии, Имеретии и Гурии, отторгнутых москвитянами от мусульман»¹. Единственная военная дорога, заслуживающая это название, шла от Моздока к Тифлису через Дарьяльское ущелье. То есть одна из задач покорения горцев Дагестана, как признался командир отдельного грузинского корпуса генерал Ермолов в рапорте Александру I, состояла в «...учреждении сообщения с богатейшею Кубинскою провинциею и оттуда в Грузию, к которой доселе один путь через горы, каждый год несколько времени, а иногда весьма долго пересекаемый»². Овладение этим регионом имело важное военно-стратегическое значение, т.к. с «...кавказского перешейка царизм мог достать всюду, куда ему нужно»³.

К этой главной причине можно добавить и то, что развивающиеся капиталистические, буржуазные отношения в государства Российского, требовали, новые рынки сбыта продукции и источники сырья. Генерал-адъютант Чернышев отмечал, что цель покорения рассматриваемого региона заключалась «...в приобретении границ безопасных со стороны азиатских наших соседей, с тем и средства больше развитию народной торговли и промышленности»⁴.

Таким образом, занятие Дагестана было вызвано «...великими государственными потребностями»⁵. Причем, по словам Н.Дубровина, план «...усмирения кавказских племен основан (Был. – Автор.) на той главной мысли, что ...единственным средством достижения этой главной цели, признана, как то иначе и быть не могло, сила оружия»⁶. Вследствие этого, царские войска подвергали свободолюбивых горцев жесточайшим репрессиям. Аулы разрушались, посевы уничтожались, земли и скот отбирались у горцев. Опираясь на штыки царских войск, местные феодалы еще больше усилили свою власть над подданными. В этой связи нельзя не согласиться с Р.М.Магомедовым и Х.Х.Рамазановым в том, что главной причиной выступления горцев против официальных властей явились, нестерпимый колониальный и феодальный гнет⁷. Горцы были поставлены перед выбором: «или покорность без условий, или конечное разорение»⁸. Еще в сентябре 1829 г. император Николай I поставил перед кавказским командованием задачу: осуществить «славное» дело – «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Планы официальных властей на Северо-Восточном Кавказе столкнулись с закономерным протестом местного населения, который в конце 20-х г. XIX в. приобрел массовый, организованный характер.

Но царские генералы, а вслед за ними и представители буржуазно-дворянской историографии (Н.Дубровин, А.Ермолов, Р.Фадеев, А.Зиссерман, Я.Костенецкий, Н.Грабовский, Е.Вердеревский и др.) старались скрыть истинные мотивы борьбы горцев. В этих целях были придуманы несколько взаимосвязанных установок и «концепций», суть которых сводилась к тому, что горцы, якобы, были отсталыми, дикими племенами, разбойниками, главным занятием и источником существования которых были набеги на соседние грузинские и русские территории. Официальным властям ничего не оставалось, кроме как усмирить их, «...невежественных и жаждущих крови изуверов»⁹, для которых и «...добро надо делать насилеи»¹⁰.

Наиболее ярко эта концепция проявилась в работе Р.А.Фадеева, который называет кавказских горцев «полудикими», «хищниками» и т.д. Он пытается доказать, что разбой, грабег был «главным ремеслом горцев», дома привыкших к «тупоумной» праздности и спускавшихся на равнину «только для грабежа и убийства»¹¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-2-е изд. Т.9. – С. 533.

² Рапорт командира отдельного Грузинского корпуса ген. Ермолова Александру I о мерах покорения горцев Северного Кавказа // Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в.: Сб. док. Махачкала, 1959. – С. 25. (Далее. – ДГСВК.).

³ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. – С. 4

⁴ Из отношения генерал-адъютанта Чернышева командиру отдельного кавказского корпуса о замечаниях Николая I по поводу завоевания Кавказа от 11 января 1832 г. // ЦГА РД. Ф.133. Оп.4. Д.2. Л. 2.

⁵ Рапорт командира отдельного Грузинского корпуса ген. Ермолова Александру I о мерах покорения горцев Северного Кавказа // ДГСВК. – С. 4.

⁶ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн.1. СПб., 1871. – С. 228.

⁷ Одвижении горцев под руководством Шамиля // Материалы сессии Даг. ФАН СССР 4-7 октября 1956 г. Махачкала, 1957. – С. 135, 184.

⁸ Воззвание ген. Головина к ахтынцам, рутульцам и алтынаринцам с требованием покориться от 26 мая 1839 г. // ДГСВК. – С. 197.

⁹ Вердеревский Е.А. Шамиль в Париже и Шамиль поближе. Тифлис, 1855. – С. 23.

¹⁰ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. – С. 228.

¹¹ Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. – С. 21, 25.

Автор прямо пишет, что, защищая свою независимость, горцы защищали только право грабить подгорный край. Для него горец, борющийся за свою землю, и зверь – одно и то же. «Чтобы очистить Закавказье от лезгинских шаек, надобно было, в продолжение 15 лет истреблять их, как истребляют хищных зверей» – пишет Р.Фадеев.¹

Другой царский идеолог, представитель дворянской историографии Н.Дубровин в работе «История войны и владычества русских на Кавказе» тоже пишет, что горцы «...в сущности были хищники и разбойники»². Он оправдывал войну царизма против горцев Северо-Восточного Кавказа, как войну против дикарей, грабителей и разбойников, которых необходимо обуздать для их же пользы.

О том, что горцы якобы фанатично сражались с царскими войсками ради грабежа, а не ради свободы, писали и другие военнотружущие, участвовавшие в карательных экспедициях войск Российской империи. Так, Я.Костенецкий (участник аварской экспедиции 1837 года) пишет, что горцы «всегда готовы собраться к битве по первому призыву, и хотя уверены вперед, что их разобьют, но страсть к войне и грабежу, всегда господствовавшая у праздных народов, преодолевают предположение опасности»³. Но с другой стороны, он же, говоря о мотивах участия офицеров и солдат в аварском походе, признается, что «нас (Солдат. – Автор.) утешала неприятельская добыча...»⁴.

Хотя, в целом, идеологи официальных властей единодушны были во мнении, что горцы воевали не во имя свободы и независимости, а ради грабежа, все же отдельные историки и военнотружущие более объективно рассматривали причины борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50 гг. XIX века.

Так, В.В.Огарков пишет о набегах царских войск: «Аулы разорялись (Войсками Российской империи. – Автор.), стада угонялись, жатва уничтожалась русскими, и бедные, оборванные горцы, выгнанные из своих жилищ, шли в Закавказье или в Турцию, или погибали по дороге»⁵. Действительно, завоевательная политика официальных властей привела к тому, что в общей сложности кавказских горцев (адыгов, абхазов, убыхов, абазин, чеченцев, ингушей, аварцев, лезгин, осетин, карачаевцев, балкарцев) выселилось по разным данным, от 1800000 до 3097949 человек.⁶

В целом, в дореволюционной историографии господствовала концепция «горской экспансии».

Октябрьская революция внесла позитивные коррективы в оценку событий первой половины XIX в. на Северо-Восточном Кавказе. В работах М.Н.Покровского и его последователей концепция «горской экспансии» была подвергнута уничтожающей критике.⁷ Но следует заметить, что за 70 лет Советской власти несколько раз предпринимались попытки реанимации указанной концепции. Это, конечно же, диктовалось не научными соображениями, а давлением идеологических, партийных догм на историческую науку.

Хотя еще в 1931 г. Н.А.Скачко в работе «Дагестан» отмечал, что Кавказская война велась со стороны горцев для сохранения «набегового хозяйства»⁸, все же первая серьезная попытка восстановления дореволюционной концепции «горской экспансии» в советской историографии была предпринята в 40-х гг. XX века. Это было связано с тем, что в этот период И.В.Сталин ставит задачу обоснования идей державности и реабилитации агрессивной внешней политики царизма⁹. Как справедливо заметил А.М.Халилов, всегда находятся люди, умеющие «...держать нос по ветру, почувствовать настроение «сильных мира сего» и выдать соответствующую продукцию»¹⁰. И вот, в 1947 г. на заседании сектора истории народов СССР Института истории АН СССР выступает Х.Г.Аджемян с докладом «Об исторической сущности Кавказского мюридизма», в котором основными чертами, присущими горцам считает первобытность, отсутствие каких бы то ни было культурных навыков, пристрастие к разбоям и грабежам и т.д. Основной вывод докладчика сводился к тому, что горцы боролись за свою «волчью» свободу, свободу отсталости, «темноты» и «азиатчины»¹¹.

Но доклад Аджемяна был подвергнут резкой критике. Профессор М.В.Нечкина справедливо заметила, что Х.Г.Аджемян, называя себя провозвестником новых идей, восстанавливает старые взгляды царских генералов¹². На самом деле, чем отличается характеристика горцев, данная им, от характеристики, данной царским генералом Головиным, считавшим, что «...невежественные, грубые, полудикие лезгины, издревле привыкшие к жизни буйной, хищнической, неохотно с ней расстаются...»¹³? В целом, данная попытка реанимации рассматриваемой концепции окончилась неудачей. Н.М.Дружинин подводя итоги дискуссии, отметил, что «...остается в силе наша прежняя точка зрения»¹⁴.

Но в период застоя в советской исторической науке наблюдаются определенные негативные явления. В работах И.П.Петрушевского, Д.Мегреладзе и В.Н.Гамрекели, вышедших в начале 70-х годов XX века

¹ Там же. – С. 18.

² Дубровин Н.Ф. Указ. соч. – С. 370-371.

³ Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 г. // Современник. Т. 23. Отд. II. Ч.1. 1851. – С. 77.

⁴ Там же. – С. 82

⁵ Огарков В. В. Воронцовы, их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892. – С. 92.

⁶ Аболтин В. А. Национальный состав Турции // Новый Восток. – М.,1925. – № 1(7). – С. 21; Гожба Р. От Кубани до Нила // Родина. 1994. – № 3-4. – С. 133.

⁷ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – М.,1923. – С. 195.

⁸ См.: Скачко А. Дагестан. – М.,1931. – С. 31-32.

⁹ См.: Сталин И.В. О статье Ф.Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. – № 9.

¹⁰ Халилов А.М. Шамиль в истории и памяти народа // Советский Дагестан. 1988. – № 5. – С. 36.

¹¹ Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. – № 1. – С. 134.

¹² Там же. – С. 137.

¹³ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.Х. – С. 227.

¹⁴ Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. – № 1. – С. 137.

опять говорится об экспансии горцев. Последний, в частности, отметил, что походы, совершаемые феодалными владетелями, являлись результатом социально-экономической отсталости горцев. Более того, он определяет эти походы как экспансия.¹

Дальнейшему развитию подобных идей способствовала прокатившаяся в этот период волна юбилейных праздников, посвященных «добровольным вхождениям» республик Северного Кавказа в состав России. Проблема народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни не согласовывалась с теорией «добровольных вхождений». Это привело к тому, что была предпринята очередная попытка реанимации концепции «горской экспансии». В работе В.Б.Виноградова и С.Ц.Умарова «Вместе – к великой цели» Кавказская война сводится к «горской экспансии», т.е. к «грабительским набегам... друг на друга и на российские поселения и города Терека»². Все рекорды побил М.М.Блиев в статье «Кавказская война: социальные истоки, сущность», опубликованной по словам В.Г.Гаджиева «...без какого-либо обсуждения по прямому указанию сверху»³. Набеги горцев, по словам М.Блиева, были вызваны к жизни тем, что «феодализирующая общинная знать... стремилась также за пределами общины найти новые источники обогащения»⁴. Отсюда он выводит и причины столкновения горцев с официальными властями. «Уже в XVIII в. политика России в Закавказье, постепенно лишавшая горцев традиционных объектов экспансии, – пишет он, – приходила в столкновение с интересами организаторов и участников набегов. Со временем участников экспансии все больше стали привлекать русские города»⁵. Он считал Кавказскую войну завершающим этапом системы экспансии горцев на территории Закавказья и Российской империи.

Заметим, что в 1967 г. М.Блиев утверждал, что, «...рассматривая движения горского крестьянства первой половины XIX в., мы должны учитывать, что они были вызваны колониальной политикой правительства и были направлены против осуществления планов покорения горцев»⁶. Более того, автор утверждает, что набеги способствовали возникновению государственности у горцев, обосновывая это тем, что «война, представлявшая собой доходную статью, требовала от имама налаженной военной организации, способной обеспечить всех участников своей долей добычи»⁷. Но Имамат возник не в результате классового расслоения общества или разложения родовых отношений, а в результате ликвидации и на месте феодальной государственности. Деятельность Имамата была направлена не на грабеж соседей, а на защиту от царских завоевателей и на борьбу с местными феодалами, которые прислуживали последним.

Итак, М.М.Блиев, искажая факты в угоду политическим амбициям, развивает монархическую концепцию «горской экспансии». Но в период перестройки его взгляды были подвергнуты резкой критике и восстановлена объективная оценка причин борьбы горцев⁸.

Несмотря на это, и не по сей день, продолжают политические игры вокруг рассматриваемой проблемы. В связи с развернувшимися в Чечне событиями, в отдельных работах предпринимаются попытки доказать, что народы Северного Кавказа издревле жили тем, что совершали разбои, грабежи и брали заложников и восстали против официальных властей, недовольные запретом совершать набеги, брать заложников, налогами, трудовой повинностью и др.⁹

В конце, в противовес концепции «горской экспансии» отметим, что основными занятиями горцев были сугубо мирные занятия – хлебопашество и скотоводство. Причем, в горной зоне Дагестана наблюдалось оптимальное использование каждого клочка земли. Относительно этого в свое время М.З.Кипиани писал, что горцы «...с помощью кирки и лопаты разрывали каменные пласты, выбирали из недр земли камни, чтобы образовать почву, годную под хлебопашество»¹⁰. Официальные источники признают, что ведущей отраслью в нагорном Дагестане было также скотоводство, от которого горцы получали «...одежду, пищу и в некоторых местах отопление»¹¹. Кроме того, горцы занимались промыслами и торговлей.¹²

На наш взгляд, говорит о набеге, как о хозяйственной деятельности горцев, исходя из отдельных единичных случаев, имевших место, представляется неверным, т.к. набеги совершались и со стороны Грузии и царских войск. Так, по словам Н.Волконского в Тушетии жил один из организаторов набегов на Дагестан по имени Шате, который «...держал в страхе лезгинские аулы и его именем горянки пугали

¹ Гамрекели В. Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Тбилиси, 1972. – С. 138.

² Виноградов В. Б., Умаров С.Ц. Вместе – к великой цели. Грозный, 1983. – С. 9.

³ Гаджиев В. Г. Actis testantibus // Тарих. 1997. – № 4. – С. 77.

⁴ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. – № 2. – С. 58.

⁵ Там же. – С. 59.

⁶ Яндаров Я.З. О концептуальных особенностях освещения народно-освободительных движений горских народов XVIII-XIX вв. в историографии 80-х гг. // Народно-Освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX века // Всесоюз. науч. конф. 20-22 июня 1989 г.: Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989. – С. 58.

⁷ Блиев М.М. Указ. соч. – С. 70.

⁸ См.: Халилов А.М. Шамиль в истории и памяти народа // Советский Дагестан. 1988. – № 5. – С. 36-37; Ортобаев Б.Х., Тотоев Ф.В. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. – № 4. – С. 80.

⁹ Короленков К.В., Гуленков К.Л. Готовимся к экзамену по истории России. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001. – С. 155.

¹⁰ Кипиани М.З. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ, 1899. – С. 27.

¹¹ ЦГВИА. Ф.ВУА. Д.6528. Ч.1. Л.114.

¹² Там же. Л. 8; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-нач. XIX вв. Махачкала, 1957. – С. 41; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. – С. 50.

детей»¹. Кроме того, по словам полковника Казбека, все экспедиции войск Российской империи, совершенные до 1839 г. можно считать набегами².

К тому же встает закономерный вопрос о том, почему русские солдаты и казаки переходили на сторону восставших горцев, если они были такими «разбойниками» и «извергами»? Один из казаков-перебежчиков отмечал: «Привык дышать свободой, потому ушел в горы и теперь живу ладно»³. А разжалованный в рядовые офицер Российской империи говорил: «Я шел в бой за дело, которое было, мне совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, я всегда восторгался их героическим сопротивлением»⁴.

Таким образом, концепция (если ее так можно назвать) «горской экспансии» была выдумана официальными властями для прикрытия, для оправдания своей захватнической политики на Северо-Восточном Кавказе и ничего общего с исторической действительностью не имеет.

Политика официальных властей в отношении мусульманского духовенства

Б.М.Магомедов

Одной из основных политических и правовых причин созревания условий для антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX века – ущемление имперскими властями религиозных чувств и убеждений горцев-мусульман. Ислам стал для жителей Дагестана и Чечни неотъемлемой частью их духовной жизни, и малейшее ущемление религиозных убеждений воспринималось ими как величайшее оскорбление¹.

Официальные власти для реализации, своей политики, ставили перед собой перспективу – добиться не просто покорения Дагестана и Чечни, но и полного искоренения мусульманской религии и христианизации горцев². Правоверным чинили всяческие препятствия в исполнении религиозных обрядов, особенно в совершении хаджа и т.д. В предписании генерала Вельяминова мусульманам Кавказа перечислялись меры по предотвращению поездок на поклонение в Мекку. В документах того времени есть сведения о том, что «мусульмане в течение... 1822 года не ходили на поклонение в Мекку, под опасением за неисполнение сего (Имеется в виду предписание ген. Вельяминова. – Автор.) конфискации в казну всего принадлежащего им имущества и отсылки самих семейств в Россию»³.

Такого рода предписания имперских властей на Кавказе местным населением расценивались, как стремление колонизаторов уничтожить мусульманскую религию и вызывали большое недовольство. Из эпистолярного материала мы узнаем, что «эти неверные – русские (Христиане. – Автор.) окружили ныне уже нас, дагестанцев и, причем со всех сторон, держат нас как бы в осаде. Мы же сидим теперь и боимся, что распространятся они и по всем тем землям, которые населяют мусульмане – дагестанцы»⁴. Преследование ислама, всевозможные препятствия в отправлении религиозных обрядов привели к тому, что большая часть мусульманского духовенства была настроена против представителей царской администрации на местах⁵.

В возникновении и развитии народно-освободительной борьбы, что и продиктовало необходимость возникновения Имамата, значительная роль принадлежит и учению мюридизма, которое выступает как резонанс общественно-политической и правовой мысли в регионе. При этом совершенствовались общественные отношения в горском обществе, наблюдается поиск новых политико-правовых методов разрешения вопросов взаимоотношений с Российской Империей.

Одним из ярких и ревностных представителей воплощения в жизнь основ, предусмотренных Кораном, вне всякого сомнения, был Мухаммед аль-Яраги, по его мнению, извращение мусульманской религии началось сразу же после смерти пророка и его праведных халифов. Один из его оппонентов Мирза-Али Ахтынский считал, что основные положения ислама должны быть приспособлены к условиям проживания того или иного народа, а также ко времени, в котором он находится. Его предположению придерживались Саид Араканский, Юсуф аль-Яхави, Гаджи-Юсуф Эфенди Аксаевский и др.

По объявлении Гази-Мухаммедом о своем избрании имамом Дагестана, Магомед-Кади из Хунзаха заявил, что религиозным главой мусульман может быть исключительно турецкий султан. Этому же мнению придерживались кадий села Эндери Мама-кади, Дженгутаевский кади Аюб, Хаджи-Абдула-Кари из аула Кая, Юсупа-Кади из Аксая и др. Они утверждали, что мероприятия подводимые имамом противоречат основам шариата и, более того – в обязанность мусульман не входит подчиняться Гази-Магомеду⁶. По мнению последнего, турецкий султан не мог вследствие своей географической отдаленности одинаково охватить всех мусульман своим политическим и религиозным влиянием.

¹ Волконский Н. Лезгинская экспедиция // КС. Т.1. – С. 388.

² См.: Казбек. Куринцы в Чечне и Дагестане. 1834-1861 гг. Тифлис, 1885.

³ Магомедов Р.М. Легенды и факты. Махачкала, 1969. – С. 122.

⁴ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. – М.,1961. – С. 156.

⁵ См.: Магомедов М.Б. Кавказская война 20-50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты: Дис. ... докт. ист. наук. – Махачкала, 2004. – 47-48.

⁶ Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительных движений. – Алма-Ата, 1975. – 77.

³ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – 41.

⁴ Айтберов Т.М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII-XIX вв. – Ч. II. – Махачкала, 1999. – 15.

⁵ Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М., 1960. – 306.

⁶ ЦГА РД. – Ф. 133. – Оп. 2. – Д. 4. – Л. 11.

Религиозные наставники представляли регион как наиболее грамотная и передовая часть населения, которая выступает в качестве носителя основ духовенства вообще и они представляли интересы шариата, но в то же время решительно выступали против деспотизма и необузданности местной феодальной знати. В историко-правовой литературе сохранились источники, которые подтверждают вышесказанное. Более чем известны факты неблагоприятного обращения к своим подданным феодальных владетелей. Если этот вопрос продолжит в русле правового аспекта, получается, что и сам Шамиль «...обязан повиноваться поставленному судьбою выше него, (И, в то же время. – Автор.) повиноваться узденю равному себе нельзя»¹.

Авторитет мусульманского духовенства среди населения исследуемого региона выступает под носителями его основ в лице – кадий, мулл, ахундов, сейидов, улемов и т.д., которые в определенной степени «...лично предводительствовали шайками бунтовщиков»².

Таким образом, мы склонны сделать вывод о том, что представители официальных властей, рассматривая в качестве главного источника антиколониальной борьбы горцев учение мюридизма, считали для себя необходимым провести подрывную деятельность его идеологии изнутри «с тем..., чтобы каждое (Новшество. – Автор.) муллово, представляло явные выгоды народу»³. Указанный политико-правовые деяния должны были вменены в обязанность непосредственно силами «...оппозиционно настроенного в отношении Шамиля духовенства... и... известных религиозных деятелей из внутренних мусульманских областей России»⁴. В этой связи отметим не мало важный политический аспект, а именно – усилия Шамиля как частного человека остались бы тщетными, если бы его религиозный фанатизм не имел большого влияния на умы населения подвластной ему территории, а религиозный фактор внес свои корректировки в этой области.

Отметим, что подобного рода деятельность имперских властей в отношении мусульманского духовенства представлялась более значимой, поскольку первые были возможности применения иного политико-правового рычага в отношении населения союзов сельских обществ Дагестана и Чечни. Этот процесс был, мыслим посредством перспективной политики, посредством которой можно было «...постепенно уничтожить совершенно воззвания мюридов и достигнуть того, что народ потеряет к сим мюридам и вообще к духовной власти Шамиля уважение и доверие»⁵. Указанная политика в правовом смысле нашла свое отражение в жизни. Так, например, имперским властям удалось привлечь к сотрудничеству некоторых ученых-алимов, таких как Абдул-Кадыра, Юсупа-Кади, Шамиля-Хаджи и др. Планы имперских властей в этом направлении оказались, некоторой степени тщетными, поскольку им не удалось достичь определенных успехов по той причине, что оппозиция Шамилю не имела особого авторитета.

Правовые и политические аспекты по реализации основ дискриминации религиозных чувств мусульман со стороны официальных властей наблюдались еще с начала 30-х годов XX века, а именно при деятельности имама Гази-Магомеда. Так, например, ген.-адъютант Панкратьев (1830) отметил, что Гази-Магомед, провозглашая джихад и проповедуя шариат, ввергает дагестанские народы в гибельную для них войну с превосходящими силами противника, а «мы благоприятствуем всем верам и исповеданиям, даже поощряем народы к исполнению своих обрядов, – отмечает Панкратьев, – ибо все мы веруем в того же единого бога»⁶. Он же в следующем году составил несколько прокламаций, примерно такого же содержания⁷ и, более того, установил вознаграждение за голову Гази-Магомеда в 1200 руб. серебром⁸. В этих мероприятиях наблюдаются попытки имперских властей учреждения на Кавказе системы административного управления духовными делами мусульман и, при этом были разработаны правила для службы и возможности иметь деятельный надзор за поведением духовенства и влияние на его дух.

Созданный специальный Комитет должен был собрать сведения: об обычаях мусульман руководствуясь «Положением о мусульманском духовном правлении в Закавказском крае»⁹, где не бралось во внимание факт наличия в исследуемом регионе сунитского и шиитского направления в исламе. По мнению Розена основы, предусмотренные в «Положении» должны были «...ослаблять, нежели увеличивать» присутствие и наличие ислама в регионе. Видя правовое решение данного вопроса, он предложил правительству «приучить духовенство к порядку... для принятия... полного устройства»¹⁰, при этом определялся принцип беспощинности в отношении местного духовенства в его деяниях¹¹. Указанный «Проект» был пересмотрен специальной комиссией (1838) под непосредственным руководством бароном Ганном для реализации основ предначертанных и предусмотренных изначальным вариантом для его

¹ Там же. – Л. 20.

² Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60 гг. XIX в. Феодальные отношения и колониальный режим 1827-1843 гг.: Сб. док. // Под ред. И.П.Петрушевского. – Ч. I. – М.-Л., 1936. – 292.

³ Там же. – 292.

⁴ РГВИА. – Ф.ВУА. – Д. 6418 (ч. I). – Л. 9 (об.)-16 (об.); АКАК. – Т. 9. – 326; ДГСВК. – 167.

⁵ ДГСВК. – 347; Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. – Кн. I. / Под ред. Г.Л.Бондаревского, Г.Н.Колбая. – М., 1998. – 567.

⁶ ДГСВК. – 99-100.

⁷ КС. – Т. 32. – Ч. 1. – Тифлис, 1912. – 53-56; АКАК. – Т. 8. – 537-538.

⁸ ДГСВК. – 100; АКАК. – Т. 8. – 535.

⁹ АКАК. – Т. 9. – 130.

¹⁰ Там же. – 127.

¹¹ Там же.

претворения в жизнь. По «Проекту» и одобренным императором мнению Совета предполагалось – «внушить им (Представителям мусульманского духовенства. – Автор.), что правительство посягает на независимость их религии»¹.

В процессе разработки проектов относительно устройства духовного управления в регионе наиболее значимое место занимал вопрос о муфтия мусульман «Омаровой секты», поскольку этот наиболее важный, по мнению официальных властей вопрос, выступает на политической и правовой арене как не последнее звено в этой цепи. 12 октября 1833 года барон Розен сообщал статскому советнику Блудову о некоторых трудностях, которые возникли перед ним при в процессе поиска лица, который мог бы достойно занять эту должность². Отметим, что мнение имперских властей было обозначено в одностороннем порядке на отрекшего от идей мюридизма муфтия и дагестанского алима Саида Араканского. Официальные власти остановили свое внимание на должность муфтии казанского ахунда и старшего мухтасена Нур-Мухаммед-Ибрагима Кузяшева, но он, ссылаясь на недомогание, отказался. Тогда имперские власти обратили внимание на Соборного имама и мударриса Мухаммеда Тадж-ад-Дина Мустафина и, его кандидатура с молчаливого его согласия была одобрена.

В продолжение основ «Проекта» вышла в свет, так называемая «Записка» (1839) статского советника Легкобытова – «Изложение оснований, принятых для составления положения о мухаммеданском духовенстве в Закавказском крае». «Записка» по своему назначению преследует цель выступить в качестве средства, которая следит, проверяет и направляет действия духовенства с тем, чтобы сделать духовенство своим орудием противоборства. Правовые мышления Легкобытова, в какой-то степени имели под собой почву, если учесть не односторонний характер «Изложений». По его мнению, мусульманское духовенство, реализовывая свои политические и правовые основы должно было выступить в качестве вспомогательное средство для реализации будущих планов России в исследуемом регионе. Синтез интересов мусульманского духовенства с представителями официальных властей был сопряжен в соглашении первых в неизбежности в нарушении основ «Изложений» вторыми³.

«Записки» определяли меры, на основании которых должны были способствовать принципы подчинения духовенства региона, политическим интересам Российской империи. По мнению Легкобытова, религиозная власть в Дагестане должна была сохранить влияние духовенства, а усилия имперских властей должны были бы направлены на установление правил, которые обеспечили бы законную деятельность шариатских судов и его системы. Для этого определялись следующие мероприятия:

– назначение на духовные должности исключительно по распоряжению духовного управления лиц «из людей достойных, надежных;

– образование и воспитание духовенства в духе, согласном с интересами правительства; запрещение «самовольных» поездок различных духовных лиц в Персию и Турцию для образования и получения «степеней духовных»;

– «приведение в известность сборов с народа в пользу духовенства, мечетских имуществ и постепенное устройство заведывания ими»;

– сбор сведений о регистрации числа родившихся и умерших, а также количестве заключенных и расторгнутых браков⁴.

Шамиль, в начальный период своего апогея (1841) организовал общий сбор религиозных деятелей Дагестана и Чечни, на котором было принято решение, позволявшее правоверным мусульманам грабить единоверцев, покорившихся царизму. Головин, по этому поводу отметил, что – это является доказательством относительной «...власти сего человека (Шамиля. – Автор.) над его единоверными (И он владеет над умами. – Автор.) горцев»⁵.

Бенкендорф (1841) предложил вниманию Чернышева А.И. и Николая I служебные записки, составленные Юрьевым, основы которых имел в виду в свое время еще Паскевич-Эриванский⁶. Отметим, что Чернышев А.И. и Николая I одобрительно отозвались относительно мнения о необходимости прикомандировать в Дагестан из России, а именно из Казани, Астрахани и других городов мусульманских ученых, благонадежных мулл, эфендиев и ученых-алимов, с целью уличения Шамиля в ложном им толковании Корана и представить свои соображения по этому вопросу⁷. При этом, подчеркивая значимость данного политико-правового мероприятия, официальные источники отмечают о желательности присутствия представителей духовенства из Бухары, которые должны были проповедать, что Коран запрещает восставать против законных представителей власти, и «...повелевает покориться власти сильного...»⁸. Юрьев, например, предлагал использовать услуги мусульманских особ из внутренних провинций России, которыми легче было управлять и направлять их деятельность в нужном имперским властям русле.

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. – 126.

⁴ Там же.

⁵ РГВИА. – Ф.ВУА. – Д. 6448. – Ч. I. – Л. 14 (об.)-15; Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 10.

⁶ См.: АКАК. – Т. 7. – 312-318.

⁷ См.: Рук. фонд ИАЭ ДНЦ РАН. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 7-11.

⁸ РГВИА. – Ф.ВУА. – Д. 6448. – Ч. I. – Л. 9 (об.)-10 (об.).

Со многими положениями «Записок об устройстве мусульманского духовенства за Кавказом»¹ Легкобытова перекликаются выводы и предложения относительно устройства духовного управления мусульманами Кавказа, представленные на рассмотрение военного командования (1841).

Видя бесперспективность своих действий, имперские власти решили открыть новые мечети. Эту затею, как бесперспективную, первым заметил Воронцов. По этому поводу он отметил «...гибельность последствий»² данного мероприятия. Строительство мечетей и открытие медресе для воспитания подрастающего поколения имели решающее значение в правовом отношении имперских в преобладании реализации своей политики в соперничестве с Шамилем. Об этом свидетельствует официальная докладная записка правового характера Воронцова Чернышеву (1850)³, где отмечается реализации в Тифлисе училищ «Алиевой и Омаровой сект». Отметим, что они во многом способствовали в распространении опыта основ политико-правовых мероприятий в этом направлении во всем Кавказском крае⁴, которое в качестве меры, направленная на сближение мусульманского духовенства с российским правительством⁵. Наместник Кавказа, министр внутренних дел и министр народного просвещения об устройстве в Закавказском крае ратовали об открытии особых мусульманских училищ, видя в этом особый смысл как полезное «...для края»⁶.

Конечным результатом данной политико-правового вопроса виделось воззрение представителей официальных властей – возможное обращение части мусульманского населения в православное христианство.

Если обратить внимание на хронологию событий, с учетом историко-правового процесса становления и развития мероприятий имперских властей в отношении вопроса обращения мусульман христианство, то мы наблюдаем следующую картину. Истоки подобного рода воззрений исходят корнями к 1744 году. Указ 1762 года предусматривал горцам, принявшим христианство выдача специального денежного пособия, а силами Коллегии иностранных дел (1764) учреждена Моздокская русская школа для преподавания «закона христианского и российской грамоты»⁷ новообращенным. С 3 апреля 1831 года по повелению военного министра Российской империи предписывалось Паскевичу относительно льгот, предоставляемых лицам принявшим христианство. Розен (1833) выходит с ходатайством на Чернышева – выплачивать владельцам Кавказской области определенные денежные суммы в случае принятия «евангелического вероисповедания» зависимыми от них людьми⁸.

Проявляя особую заботу проблеме «обращения» имперские власти на уровне высшего эшелона власти издавали различного рода Указы, которые впоследствии вменялись в обязанность. Так, например, Комитет Министров Российской империи 15 октября 1835 года обнародовал специальное Положение «О магометанах, желающих принять христианскую веру Римско-католического исповедания»⁹; Правительствующий Сенат издал Указ 28 октября 1835 года «О разрешении впредь строить деревянные церкви повсеместно»¹⁰ и Именной Указ 24 января 1836 года «О выдаче денежного награждения кантонистом магометанского или языческого исповеданий, принявшим христианскую веру»¹¹. Сенатский Указ 30 марта 1848 года предписывает принявшим Святое Крещение льготы с «наделением... землею»¹². По окончании войны в исследуемом регионе (1860) утвержден Устав «Общества восстановления Православного Христианства на Кавказе»¹³, с целью – «восстановление Православного христианства в кавказских племенах»¹⁴.

И так смеем сделать однозначный вывод, что имперские власти видели свой успех в дискредитации религиозных чувств мусульман и, к этому они шли методично, долго и упорно с целью проведения агитации против мюридизма. Социально-правовой аспект данного мероприятия следует видеть религиозной войне

¹ АКАК. – Т. 9. – 130-134.

² Там же. – Т. 10. – 228.

³ Там же. – 127-128.

⁴ Там же. – 127.

⁵ См.: Именной Указ «О воспитании юношей из уроженцев Закавказского края», от 17 сентября 1844 г. // ПСЗ. – Собр. II. – Т. XIX. – Отд. II. – 1844. СПб., 1845. – № 18226; Именной Указ «О постоянном воспитывании в Санкт-Петербургском Технологическом Институте и в Ремесленном Учебном Заведении Московского Воспитательного Дома по два Закавказских уроженца», от 8 марта 1848 г. // ПСЗ. – Собр. II. – Отд. I. – Т. XXIII. – 1848. – СПб., 1849. – № 22066.

⁶ См.: Положение Кавказского Комитета «Об устройстве в Закавказском крае Мусульманских училищ», от 27 июля 1850 г. // ПСЗ. – Собр. II. – Т. XXV. – Отд. I. – 1850. – СПб., 1851. – № 24359.

⁷ Мартиросиан Г.К. История Ингушетии: Материалы. – Орджоникидзе, 1933. – 43.

⁸ АКАК. – Т. 8. – 631.

⁹ ПСЗ. – Собр. II. – Т. X. – Отд. II. – 1835. – СПб., 1836. – № 8480.

¹⁰ Там же. – № 8517.

¹¹ Там же. – Т. XI. – Отд. I. – 1836. – СПб., 1837; См.: Именной Указ «О денежном награждении нижних воинских чинов из магометан, принявших Православную веру», от 16 июня 1851 г. // ПСЗ. – Собр. II. – Т. XXVI. – Отд. II. – 1851. – СПб., 1852. – № 25314.

¹² Сенатский Указ «О правилах поселения в Закавказском крае магометан, воспринявших Святое Крещение», от 30 марта 1848 г. // ПСЗ. – Собр. II. – Отд. II. – Т. XXIII. – 1848. – СПб., 1849. – № 22149.

¹³ Устав Общества восстановления Православного Христианства на Кавказе. 9 июня 1860 г. // ПСЗ. – Собр. II. – Т. XXXV. – Отд. I. – 1860. – СПб., 1862. – № 35897.

¹⁴ Устав Общества восстановления Православного Христианства на Кавказе. 9 июня 1860 г. // ПСЗ. – Собр. II. – Т. XXXV. – Отд. I. – 1860. – СПб., 1862. – № 35897. – § 1.

имперских властей в регионе. Поддерживая строительство мечетей, они в тоже время ограничивали политическую, правовую и судебную власть мусульманского духовенства.

Таким образом, к концу 20-х-начале 30-х годов XIX века на Северо-Восточном Кавказе сложились политико-правовые и религиозные предпосылки для возникновения народно-освободительной борьбы, соответственно, что и продиктовала необходимость возникновению Имамата.

Становление и развитие института адвокатуры государства Российской до начала XX века

М.Б.Магомедов

М.М.Мусаев

Изучение досоветского этапа истории адвокатуры позволяет выявить много общих черт, присущих адвокатуры как государственному институту, увидеть преемственность в ее развитии.

Судебное представительство известно на Руси с давних времен. Русская Правда, не упоминает о судебном представительстве, соответственно, в процессе господствовал принцип личной явки. Впервые упоминается о судебном представительстве в законодательных сборниках XV века. В одном из наиболее древних памятников русского законодательства – Псковской судной грамоте устанавливаются ограничения судебной защиты: приглашать поверенных могли не все, а только женщины, дети монахини и социально не защищенные. Однако принцип личной явки в суд еще долго продолжал господствовать. Напротив, Новгородская Судная Грамота всем позволяет иметь поверенных.

Первоначально основной формой судебного представительства было родственное представительство. Но одновременно с ним начинают выступать и наемные поверенные. Институт профессиональных поверенных и развился из наемных поверенных. В позднейших памятниках постоянно упоминается о наемных поверенных. Но по мере того, как судопроизводство стало распадаться на две формы: состязательную и следственную, роль поверенных меняется. Оставаясь в полной силе для состязательного процесса, судебное представительство не допускалось в следственном. Розыскной процесс характеризовался совмещением функций суда, обвинения и защиты. «Один и тот же орган производил расследование по делу, собирал доказательства как уличающие, так и оправдывающие подсудимого, решал вопрос о его виновности. Состязательность сторон совершенно отсутствовала»¹. Господство следственного процесса делало фигуру адвоката практически ненужной.

Со времен Петра Великого розыск становится господствующей формой и вплоть до 1864 г. применяется как в уголовных, так и в гражданских делах.

Участие поверенного выражалось только в том, что они могли быть уполномочиваемы совершать вместо подсудимых «руководство под записками» в маловажных делах, оканчивавшихся в первой инстанции.

«Петр Великий упрекал их в том, что они «своими непотребными пространными приводами судью более утруждают и дело к вящему пространству, нежели скорому приводят окончанию» и назвал их «ябедниками, составщиками воров и душевредцов»².

Российское законодательство вплоть до издания Свода законов Российской империи от 14 мая 1832 г. не содержит в себе ничего относящегося к организации института поверенных. Впервые Свод законов, предоставив право всякому, «кто может по закону быть истцом и ответчиком, производить тяжбу и иск через поверенного» и определив, что «поверенный, действуя в суде вместо верителя, представляет его лицо», точно обозначил круг лиц, которым запрещалось заниматься судебным представительством. Но на этом и оканчиваются постановления Свода Законов относительно судебного представительства. Никаких положительных требований, вроде образовательного и нравственного ценза, к поверенным не предъявлялось; никакой внутренней организации их установлено не было. До издания Судебных Уставов 1864 года судебное представительство продолжало оставаться абсолютно свободной профессией.

Законом Российской империи был создан институт присяжных стряпчих. «Это была попытка отчасти упорядочить деятельность судебных представителей в коммерческих судах»³. Присяжные стряпчие находились в полной зависимости от судей, права и возможности их были ограничены. Они отбирались по строжайшему принципу избирательности, с предъявлением аттестатов об образовании, послужных списков, свидетельств о званиях и т.д. «Коммерческие суды дореформенной России стали уже тогда состязательными, сравнительно объективными государственными структурами, где судьи вынуждены были считаться с законом, правилами и обычаями делового оборота и принимать грамотные и обоснованные судебные решения»⁴. Во всех же остальных судах России положение оставалось прежним.

В 50-е годы XIX века необходимость судебной реформы делалась все более очевидной. Органической ее частью должен был стать институт адвокатуры, по сути дела еще неизвестный русскому судопроизводству.

Законом от 20 ноября 1864 г. об учреждении Судебных установлений в России была создан институт присяжных поверенных. Идея введения в России профессиональной так называемой присяжной адвокатуры связывалась составителями Судебных уставов 1864 года с состязательным порядком процесса. «В российских условиях того времени введение адвокатуры было большим шагом вперед, обеспечивая

¹ Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России 60-80 годы XIX века. – М., 1987. – С. 12-13.

² Васильковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893 // СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

³ Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России 60-80 годы XIX века. – М., 1987. – С. 14.

⁴ Демидова Л.А. Адвокатура в России: Учебник для вузов. 2005 // СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

возможность гласной защиты обвиняемых и известного контроля над «закулисными» воздействиями на органы следствия и суда»¹.

«Институт присяжных поверенных создавался в качестве особой корпорации, состоявшей при судебных палатах. Но она не входила в состав суда, а пользовалась самоуправлением, хотя и под контролем судебной власти.² В каждом округе судебной палаты, если в нем насчитывалось не менее 20 поверенных, учреждался совет присяжных поверенных, число членов которого по решению общего собрания должно было быть не менее 5 и не более 15 человек.

Деятельность совета присяжных детально регламентировалась. «Он ведал приемом новых адвокатов и контролировал всю деятельность сословия присяжных поверенных, а за нарушение норм адвокатской профессии наказывал провинившихся разными мерами – от выговора до исключения из адвокатуры и предания уголовному суду»³. Этот орган совмещал обязанности административного и судебного характера.

Законом был определен порядок поступления в адвокатуру. Право на получение звания присяжного поверенного имели только те лица, которые соответствовали установленным в законе условиям. Они фактически совпадают с требованиями, предъявляющимися к судьям. По ст. 354 Учреждения судебных установлений «присяжными поверенными могли быть лица, достигшие 25-летнего возраста, имеющие высшее юридическое образование и пять лет судебной практики в качестве чиновника судебного ведомства или помощника присяжного поверенного»⁴.

Для лиц нехристианских вероисповеданий поступление в адвокатуру обусловлено рядом дополнительных условий, значительно ограничивающих эти возможности.

Назначенный для производства дела советом присяжный поверенный не мог отказаться от исполнения данного ему поручения, не предоставив достаточно уважительных для этого причин (ст. 394 УСС). Присяжным поверенным запрещалось: покупать или каким-либо иным способом приобретать права своих доверителей по тяжбам (ст. 400 УСС); вести дела в качестве поверенного против своих близких родственников (ст. 401 УСС); быть поверенным обоих тяжущихся или переходить от одной стороны к другой в одном и том же процессе (ст. 402 УСС); оглашать тайны своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случае устранения от него и даже после окончания дела (ст. 403 УСС). Присяжные поверенные могли принимать на себя ведение уголовных и гражданских дел. В уголовных делах присяжные поверенные принимают на себя защиту подсудимых или по соглашению с ними, или по назначению председателя суда (ст. 393 УСС). Участие присяжных поверенных в процессе не считается обязательным: каждый тяжущийся может вести свои дела лично во всех судебных учреждениях (ст. 386 УСС)⁵.

В случае переезда в другой город присяжный поверенный должен был с согласия своих доверителей передать находящиеся у него дела другому присяжному поверенному.

Присяжные поверенные не считались государственными служащими, поэтому на них не распространялось чиновничество, они не имели права на служебные отличия. Присяжные поверенные – это установленные в государственных интересах лица свободной профессии. «Они были независимы от суда в своих действиях по ведению уголовных и гражданских дел, подчинялись только для них предусмотренному особому дисциплинарному порядку, при нарушении которого наступала определенная ответственность»⁶. Ответственность присяжных поверенных могла быть уголовной, дисциплинарной и гражданской.

Наряду с присяжными поверенными ведением гражданских и уголовных дел занимались частные поверенные. Возникла необходимость законодательной регламентации их деятельности. 6 июня 1874 года был издан закон, учредивший наряду с присяжной адвокатурой институт частных поверенных. Для того чтобы стать частным поверенным и получить право на участие в производстве гражданских дел, как в мировых, так и в общих судебных установлениях, необходимо было получить особое свидетельство, выдававшееся теми судами, в округе которых частный поверенный осуществлял ходатайство по делам.

«Частные поверенные получили право ходатайствовать по судебным делам, но, как правило, малой значимости, к участию в политических процессах они не допускались»⁷. Качество их работы значительно уступало качеству профессиональных присяжных поверенных, так как требования, предъявляемые законом к частным поверенным, были заниженными. Частными поверенными могли быть лица, получившие высшее юридическое образование или удостоверившие суд в своих познаниях. При этом закон не устанавливал, в чем заключалось такое удостоверение. Они не были объединены в какую-либо организацию, в которой они могли бы повышать свой профессиональный уровень, которой бы защищала, охраняла и направляла их

¹ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. – С. 772.

² Конин В.В. Судебная реформа: присяжные заседатели и присяжные поверенные //Администратор суда. 2008. – № 4 СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

³ Глушаченко С.Б., Тотоев Р.Р. Адвокатура в российской империи в аспекте судебного реформирования 1864 г. // История государства и права. – № 13. 2008. – С. 13.

⁴ Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа. См. Учреждение судебных установлений. Том 8. – М., 1991. – С. 71.

⁵ Там же.

⁶ История российской адвокатуры: краткий обзор (Редакционный материал) // Адвокат. 2006. – № 9. СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

⁷ Анохина С.В. Адвокатура в России во второй половине 19 в. // Право и политика. – № 9. 2007. – С. 104.

деятельность. Дисциплинарную ответственность частные поверенные несли перед теми судами, при которых они состояли. Организация данного института была крайне несовершенной.

«Вводя институт частных поверенных из-за недостатка присяжных, законодатели имели в виду ведение ими только гражданских дел. Но частные поверенные, пользуясь предоставленным им ст. 565 Устава уголовного судопроизводства правом, очень быстро сориентировались в ситуации и стали активно вести уголовные дела»¹.

Уставы 1864 года не уделила должного внимания вопросу о помощниках присяжных поверенных. Упомянув только вскользь о том, что занимаясь в течение пяти лет судебной практикой под руководством поверенных в качестве помощников, они могли впоследствии стать присяжными поверенными, оно более не останавливается на них. Закон 1874 г. уравнивал помощников присяжных поверенных с частными поверенными и позволил им получать из судов свидетельства и заниматься самостоятельной судебной практикой на правах частных поверенных. «Вследствие этого, положение помощников приобрело двойственный характер: с одной стороны, они «стажеры», кандидаты в адвокатуру, занимающиеся практикой под руководством присяжных поверенных, а с другой стороны, в качестве частных поверенных, настоящие адвокаты, имеющие право самостоятельно вести дела»².

Процессуальные права и обязанности адвоката различались в зависимости от периодов процесса. Участие защитника в стадии предварительного расследования не допускалось. Знакомиться с делом адвокат мог только перед самым началом судебного разбирательства, уже после составления обвинительного акта. «В течении всего времени до судебного заседания функции защитника сводились к ознакомлению с делом и предъявлению суду ходатайств в интересах подсудимого»³. Только на судебном следствии обвинение и защита являлись процессуально равными сторонами. При производстве судебного следствия присяжный поверенный допрашивал свидетелей, представлял новые доказательства, заявлял необходимые по делу ходатайства, выступал в прениях.

К концу 80-х годов XIX века из судебных уставов 1864 года были исключены многие демократические институты, изменено судопроизводство по государственным преступлениям, резко сокращен круг дел, рассматриваемых судом присяжных. Устройство адвокатуры также претерпело большие изменения. С начала 70-х годов XIX века адвокатура стала подвергаться гонениям и ограничениям со стороны властей, начали вводиться изменения в законодательство, касающиеся адвокатуры. Так в 1875 году в процессе создания новых судебных органов было приостановлено учреждение советов присяжных поверенных там, где они еще не были образованы. Сословные учреждения успели образоваться только в трех округах: петербургском, московском и харьковском. В 1889 году в рамках судебной контрреформы было приостановлено создание отделений присяжных поверенных. В местностях, где не было советов присяжных поверенных, контроль за деятельностью последних возлагался на судебные органы.

«В 1890 г. была образована и начала действовать правительственная Комиссия «для пересмотра существующих о поверенных по судебным делам узаконений», которая составила проект изменений в правилах Судебных уставов о поверенных, что явилось серьезным шагом в осуществлении судебной контрреформы»⁴.

Царизм приложил немалые усилия к тому, чтобы еще сильнее ущемить права присяжных поверенных и свести на нет их способность к проявлению демократических настроений.

«С ходом дальнейшего развития капитализма в России основная масса адвокатов все более превращается в юрисконсультов и поверенных, служащих интересам банков, железных дорог, акционерных обществ и помещиков-промышленников»⁵. Это определяло политическое лицо большинства адвокатов в конце XIX столетия и начале XX века.

Таким образом, в результате судебной реформы 1864 года впервые в отечественной истории права учреждается профессиональная адвокатура как самостоятельное звено судебной системы, ставшей неотъемлемой частью нового судопроизводства.

Задуманная на высоком уровне система адвокатуры быстро деформировалась. Проведение судебных контрреформ существенным образом изменяло положение адвокатуры, искажало принципы ее организации.

Несмотря на деформацию, значение судебных уставов трудно переоценить. Многие из закрепленных в них положений имели весьма прогрессивное значение, нашли свое отражение и в современном законодательстве.

Некоторые вопросы деятельности органов прокуратуры в период Великой Отечественной войны: специфика деятельности

М.Б.Магомедов

Определяя деятельность военных прокуроров и военных следователей, следует отметить, что правовой режим, существовавший тогда в стране, и требования, предъявлявшиеся к ним высшими органами государственной власти были продиктованы условиями боевой обстановки и обусловила расширение полномочий органов прокуратуры, повлекла существенные организационные изменения в них самих,

¹ История российской адвокатуры: краткий обзор (Редакционный материал) // Адвокат. 2006. – № 9. СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

² Васильковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893 // СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

³ Анохина С.В. Адвокатура в России во второй половине 19 в. // Право и политика. – № 9. 2007. – С. 102.

⁴ Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России 60-80 годы XIX века. – М., 1987. – С. 5.

⁵ Там же. – С. 115.

использованием новых форм и методов деятельности. Все усилия военных прокуроров снизу доверху были нацелены на обеспечение законности в войсках, оказание максимальной помощи командованию в укреплении воинской дисциплины среди военнослужащих, пресечение любых правонарушений, от кого бы они ни исходили.

Несколько иными являются отношения к органам прокуратуры, поскольку прокурор обязан следить за установлением действительно единообразного понимания законности¹.

Организационные органы военной прокуратуры возглавляли Главная военная прокуратура, военная прокуратура Красной Армии и Главная прокуратура Военно-Морского Флота, существовавшие отдельно. Далее в действующей армии функционировали военные прокуратуры фронтов, флотов, армий, флотилий, корпусов и дивизий. Кроме того, были созданы военная прокуратура железнодорожных войск и военная прокуратура войск НКВД, которые были подчинены Главной военной прокуратуре и имели свою структуру применительно к организации обслуживаемых ими войск. Каждая военная прокуратура фронтов, армий и корпусов функционировала на своем уровне, осуществляя контроль и надзор в нижестоящих военных прокураторах, давали задания по различным вопросам прокурорской деятельности, а при необходимости оказывали им методическую помощь. Наиболее действенной формой руководства подчиненными в то время признавалось направление работников вышестоящих органов нижестоящим. В ходе таких выездов устранялись выявленные недостатки, причем инспектирующий, как правило, находился на месте до тех пор, пока не исправлял положение дел. Кроме того, прокуратуры этих звеньев осуществляли надзорные функции в войсках непосредственно фронтового, армейского или корпусного подчинения.

Согласно постановлениям СНК СССР от 24 июня 1941 года «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» в местностях, находящихся на военном положении, в каждом районе стали срочно формироваться истребительные батальоны численностью 100-200 человек².

Это было первое правительственное решение, определившее правовое положение новых чрезвычайных военных формирований, создание которых возлагалось на НКВД. 25 июня 1941 года создан Штаб истребительных батальонов НКВД СССР во главе с генерал-майором Петровым Г.А., а при НКВД союзных и автономных республик, в управлениях НКВД краев и областей, оперативные штабы³. Они были организованы для борьбы с вражескими парашютными десантами и диверсантами, охраны важнейших объектов народного хозяйства, для помощи милиции в охране общественного порядка.

6 июля 1941 года Президиум Верховного Совета СССР в целях пресечения провокаторской деятельности фашистских лазутчиков издал Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» лица, виновные в совершении этого преступления, подлежали суду военного трибунала⁴.

7 июля 1941 года НКВД СССР принял директиву, требующая от личного состава органов милиции в любое время и в любой обстановке быть готовым к самостоятельному, или совместно с подразделениями Красной Армии выполнению боевых задач по ликвидации диверсионных групп, парашютных десантов и регулярных частей противника, особенно в зоне военных действий. Эта директива лишь один из многих документов, конкретизировавших деятельность милиции в военный период, которые издал Наркомат внутренних дел СССР, основываясь на правовые акты, принятые в первые месяцы войны⁵.

Военным трибуналам предоставлялось право рассматривать дела через 24 часа после вручения обвиняемому копии обвинительного заключения, без участия народных заседателей и адвоката⁶. Приговоры приводились в исполнение немедленно, кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора. Однако о каждом приговоре к высшей мере наказания (расстрелу) военный трибунал, вынесший его, был обязан немедленно сообщать по телеграфу председателю Военной коллегии и Главному военному прокурору. В случае отсутствия в течение 72 часов ответа о приостановлении приговора он приводился в исполнение⁷.

В июле-сентябре 1941 года Президиум Верховного Совета СССР упростил эту процедуру и предоставил право командирам и комиссарам корпусов и дивизий в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий утверждать приговоры военных трибуналов «к высшей мере наказания, с немедленным приведением приговоров в исполнение». Согласно Указу «О военном положении», военные власти могли издавать обязательные для всего населения постановления, устанавливая за их неисполнение наказания в административном порядке - в виде лишения свободы сроком до 6 месяцев или штрафа до 3 тысяч рублей. Они были в праве отдавать распоряжения местным органам власти, государственным и общественным учреждениям, организациям, а также требовать от них безусловного и немедленного их исполнения.

В ноябре 1941 года совместным приказом НКЮ СССР и Прокурора СССР было установлено, что во всех случаях, когда постановлениями Правительства СССР предусмотрена ответственность, зато или иное

¹ Азовкин И.А. Местные Советы в системе органов власти. – М., 1971. – 41.

² См.: СССР в Великой Отечественной войне. 1941-45 гг.: Хроника. – М., 1970. – С.17; Великая Отечественная война, 1941-1945: Словарь-справочник / Под ред. – М. М.Кирияна. – М., 1985. – 195.

³ См.: «Этот день мы приближали как могли...» // Милиция. – 1994. – № 5. – 7.

⁴ См.: Известия. – 1941. – 8 июля.

⁵ См.: История советской милиции. – Т. 2. – 56-57; Советская милиция: история и современность. – 1917-1987. – 160.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

преступление «по законам военного времени», необходимо передавать дела об указанных преступлениях на рассмотрение военных трибуналов с применением порядка рассмотрения дел, установленного «Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий».

Президиум Верховного Совета СССР 26 декабря 1941 года отнес к подсудности военных трибуналов дела о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий военной промышленности. В связи с введением военного положения на транспорте дела обо всех преступлениях, совершенных на транспорте, стали также рассматриваться специальными военными трибуналами.

Деятельность органов милиции в местностях, объявленных на военном положении, находилась под руководством военных властей, а где военное положение не было введено, находилось под руководством местных Советов и вышестоящих органов милиции.

Если же складывалась максимально сложная обстановка, которая могла привести к тяжким последствиям, в целях обеспечения чрезвычайно строго порядка, предельной дисциплины и организованности на территориях, которым непосредственно угрожало вторжение гитлеровских захватчиков, вводилось осадное положение¹. Как и для всего советского народа, для сотрудников милиции началась «четырёхлетняя страда Великой Отечественной войны»². В военное время число задач решаемых органами милиции, сильно возросло.

В ее функциональные обязанности стали входить: очистка режимных городов и оборонительно-хозяйственных объектов от преступных элементов; борьба с дезертирством и с лицами, уклоняющимися от призыва и военной службы; с мародерством, паникерами, распространителями различных провокационных слухов; оказания помощи транспортным органам НКВД в выявлении среди пассажиров на транспорте вражеских агентов, провокаторов и других враждебных элементов; борьба на железнодорожном и водном транспорте с хищениями эвакуируемых и военных грузов; разгрузка железнодорожного и водного транспорта от тех пассажиров, передвижение которых не вызывалось необходимостью; обеспечение организованной эвакуации населения, промышленных предприятий, различных хозяйственных грузов; оказание помощи гражданам СССР в установлении связи с их родными; выявление безнадзорных детей, оставшихся без родителей в связи с войной, размещение их в детских приемниках; розыск лиц, дезертирующих с предприятий военной промышленности; наблюдение за выполнением обязательных постановлений и распоряжений военных властей в местностях, объявленных на военном положении; охрана безопасности и общественного порядка в условиях воздушной и химической тревоги³.

В первые дни войны около одной трети территории СССР, где проживало 70 миллионов человек, было оккупировано⁴. Естественно, что такое положение вызвало миграцию населения. Еще в последние предвоенные годы правительство готовило резервную промышленную базу на Востоке страны. Именно на Урал и в Сибирь в первые дни войны из центральных районов были эвакуированы сотни промышленных предприятий вместе с обслуживающим персоналом, специалистами. Но не только технические специалисты и рабочие прибыли на Средний Урал. Сюда же потянулись и беженцы из разных регионов страны, занятых врагом, которые в силу разных причин не были призваны в действующую армию. Среди них были люди разных профессий: ученые, артисты, музыканты. Немало среди них было и юристов, в том числе и адвокатов. Значительная часть из них была людьми преклонного возраста, или не отвечающими медицинским критериям годности для службы в армии.

В годы войны в юридических консультациях в основном работали женщины, инвалиды. Многие из них, как подтверждает статистика тех лет, не имели юридического образования. Вопрос о подготовке кадров был одним из острых. С этой целью открывались различные краткосрочные курсы⁵. Существовала и еще одна форма повышения квалификации - прикрепление к более опытным.

Помимо непосредственной адвокатской деятельности эти люди в годы войны выполняли общественную работу вместе со всем партийным активом, являлись бойцами истребительных батальонов, рыли окопы, боролись со снежными заносами на транспорте, помотали в госпиталях.

Вместе с тем надо отметить, что чрезвычайная обстановка войны еще более укоренила мнение, что адвокатура - это организация государственная, и ею надо управлять, используя рычаги партийного и государственного руководства.

Великая Отечественная война изменила и лицо среднеуральской адвокатуры - Свердловской областной коллегии адвокатов. В 1941 году в Свердловской области действовали 82 юридические консультации⁶, в которых работал 151 адвокат⁷. Сам город Свердловск имел 16 консультаций⁸. 36 человек

¹ См.: Артаманов Д.Н. Институт военного положения по советскому праву. - М., 1953. - 55, 63.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. - М., 1969. - 222.

³ См.: Там же. - 223; Малик А.И. Из истории Советской милиции: Рукопись. - 81-82; Биленко С.В. Из истории советской милиции в годы Великой Отечественной войны. - 9-10; Советская милиция: история и современность. 1917-1987. - 160; Щелоков Н.А. Советская милиция. - М., 1971. - 16.

⁴ Соколов Б.В. Оккупация. - М., 2002. - 1.

⁵ Адвокатская практика // Страницы истории. - 2003. - № 3. - 47.

⁶ Адвокатская практика // Страницы истории. - 2003. - № 3. - 47.

⁷ Там же.

⁸ Там же. - 45.

из 151 адвоката¹ имели высшее юридическое образование. Здесь работали достаточно высоко-профессиональные адвокаты, такие, как Белковский, Браславский, Гликман, Осипов, Пуртов и другие².

В годы войны 105 адвокатов Свердловской области³ ушли на фронт. Семьям призванных в армию адвокатов была оказана материальная помощь, списаны взятые ранее ссуды. Кто же заменил ушедших на фронт адвокатов? Как уже отмечалось выше, эвакуированные на Урал, среди которых были и адвокаты. Естественно, большинство вновь принятых адвокатов президиум коллегии направил в районы Свердловской области, где в юристах всегда существовала острая нужда⁴.

Среди адвокатов-беженцев имелись кандидаты, и даже доктора юридических наук. Привыкание к новым условиям происходило трудно. Особенно сложно было наладить работу адвокату там, где раньше никогда не оказывались адвокатские услуги населению. Клиентуры было недостаточно для обеспечения заработка, и президиум коллегии решил давать дотации адвокатам некоторых районов, подняв им заработок до стопки народного судьи⁵.

Как и все эвакуированные в восточные районы страны, адвокаты испытывали трудности с жильем, одеждой для себя и семьи, с продовольствием. Некоторые из них, пытаясь выжить в столь экстраординарных условиях, переходили на работу в качестве юрисконсультов на заводы и фабрики.

Низовым и основным звеном органов военной прокуратуры в действующей армии были военные прокуратуры дивизий, отдельных бригад и гарнизонов тыловых частей прифронтовой полосы. На них легла основная тяжесть работы по обеспечению законности в войсках. На начало войны штат этих военных прокуратур составляли четыре офицера. В 1942 году ввиду недостатка кадров ее штат был сокращен до двух человек. Технических работников и транспорта не было. В ходе боевых операций военный прокурор, как правило, находился в управлении дивизии, а следователь – в полку, который решал наиболее ответственную задачу. Они в период боя посещали медицинские учреждения, находящиеся в расположении дивизии.

Ведение боевых действий наложило отпечаток на те основные направления прокурорского надзора, который характеризовался многосторонностью, динамичностью и осуществлялся в тесном взаимодействии с военным командованием и политорганами с учетом обстановки на фронте. В основах организации деятельности военных прокуроров и следователей было положено Временное наставление по работе военных прокуроров.

Деятельность органов прокуратуры осуществлялась при значительном расширении полномочий командования, включая внесудебное направление военнослужащих за совершение преступлений в штрафные роты вместо отбывания уголовного наказания, право утверждения приговоров военных трибуналов соответствующим командованием, производство органами дознания предварительного расследования по ряду преступлений в полном объеме. Главное внимание военные прокуроры и следователи уделяли борьбе с агентурой противника, с правонарушениями, посягающими на боевую мощь Вооруженных Сил СССР, пресечению трусости и паникёрства, дезертирства, членовредительства, получившими распространение в армии и на флоте.

Одновременно были значительно расширены пределы прокурорского надзора за исполнением законов, в связи с чем на военные прокуратуры были возложены многие несвойственные им функции. Они стали осуществлять надзор не только за исполнением законов, но фактически контролировали выполнение всеми должностными лицами и красноармейцами постановлений Государственного Комитета Оборона, приказов Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР и народного комиссара обороны, а также военного командования на местах, включая решения военных советов фронтов.

В поле зрения военных прокуроров находились такие вопросы, как: исполнение боевых приказов, осуществление боевых операций, своевременное снабжение войск вооружением, боеприпасами, продовольствием и обмундированием, сбережение военной техники и другого военного имущества, строительство оборонительных рубежей, материально-бытовое обеспечение войск, эвакуация мирного населения из прифронтовой зоны, учет безвозвратных потерь, правильное расходование продовольственных лимитов, состояние подъездных дорог в полосе действий обслуживаемых войск и многое другое.

Например, когда в стране образовалась острая нехватка ящиков для снарядов, так называемой укупорки, вследствие того, что в войсках они после стрельбы не возвращались на заводы, на военных прокуроров была возложена задача осуществлять контроль их сбором на боевых позициях.

Характерный пример деятельности военного прокурора – работа по обеспечению боеприпасами войск Сталинградского фронта. В период оборонительных боев в Сталинграде военной прокуратурой фронта были выявлены факты несвоевременной доставки боеприпасов. В ходе проверки установили, что это обусловлено, наряду с объективными причинами, ненадлежащей работой железнодорожного транспорта, в результате чего грузы скапливались на станциях и уничтожались авиацией противника. Военный прокурор фронта внес в адрес военного совета представление с анализом выявленных недостатков и их причин, предложил меры по их устранению. Конкретные виновники были привлечены к уголовной ответственности. В результате состояние дел с доставкой боеприпасов в Сталинград значительно улучшилось. Подобным образом решались и многие другие вопросы⁶.

¹ Там же.

² Там же.

³ Смирнов В.Н., Усманов Р.Р. История адвокатуры Среднего Урала. – Екатеринбург, 1999. – 173.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – 174.

⁶ Голяков И.Т. Советское право в период ВОВ. – Выпуск 1-2. – М., 1948. – 30.

С началом войны Главная военная прокуратура выступила с предложением об освобождении от отбывания наказания военнослужащих в дисциплинарных батальонах, осужденных за различные преступления, и по решению Совета Министров свыше 13 тысяч советских граждан стали полноправными защитниками страны¹.

Наряду с уголовным преследованием лиц, совершивших преступления, военные прокуроры не оставляли без внимания и другие отрасли прокурорского надзора – общий надзор, надзор за исполнением законов в военных трибуналах. Органы военной прокуратуры занимались и разъяснением законодательства. При этом примечательно, что вся повседневная работа осуществлялась на основании планов с учетом характера боевых действий - обороны, наступления, на территории СССР, за границей и т.д.

Вся деятельность военных прокуроров и следователей в центре и на местах осуществлялась с учетом состояния преступности среди военнослужащих, на структуру и динамику которой определяющее влияние оказывали результаты боевых действий. На первоначальном этапе войны наиболее часто встречались дезертирство, членовредительство, случаи трусости и паникерства, а также распространения пораженческих взглядов, рассматриваемых, в то время как преступления и отнесенных к так называемым контрреволюционным преступлениям. С наступлением перелома в войне структура и динамика преступности изменилась: меньше стало фактов трусости, паникерства, дезертирства, оставления боевых позиций без приказа. В то же время был отмечен рост мародерства и преступлений, совершенных в отношении местного населения. Именно по инициативе военных прокуроров были введены красноармейские книжки, что в значительной степени предупреждало дезертирство и сократило случаи незаконного привлечения военнослужащих к уголовной ответственности за уклонения от военной службы, а также позволило улучшить учет личного состава в частях.

В годы войны боевая обстановка требовала быстрого реагирования на любой факт правонарушения среди военнослужащих. В этих условиях были резко сокращены сроки производства по уголовным делам, которые составляли от одного до трех дней, включая и их судебное рассмотрение, а подчас и приведение приговора в исполнение. При этом в ходе расследования не снижались требования по соблюдению норм уголовно-процессуального законодательства. Военные следователи при производстве следствия помимо допросов и истребования документов назначали экспертизы, проводили эксперименты, осматривали место происшествия с участием понятых, принимали меры к возмещению причиненного государству материального ущерба и выполняли другие процессуальные действия.

В связи с введением военного положения на транспорте вся транспортная юстиция СССР была преобразована в военную, а в составе Верховного суда СССР дополнительно сформированы Военно-железнодорожная и Военно-транспортная коллегии, на которые стали замыкаться военные трибуналы железнодорожного, морского и речного транспорта.

Систему военных трибуналов, осуществлявших правосудие в период Великой Отечественной войны, составляли: 1) военные трибуналы Красной армии и Военно-морского флота; 2) военные трибуналы НКВД; 3) военные трибуналы железнодорожного и водного транспорта; 4) военные трибуналы, созданные на базе местных народных судов в силу чрезвычайной обстановки военного времени; 5) военно-полевые суды, образованные при дивизиях действующей армии по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» от 19 апреля 1943 года. Были созданы военно-полевые суды, которые действовали в составе председателя военного трибунала дивизии, начальника дивизионного отдела контрразведки «СМЕРШ», заместителя командира дивизии по политчасти и прокурора дивизии. Все приговоры военно-полевых судов утверждались командиром дивизии и немедленно приводились в исполнение.

В силу требования приказа Наркома обороны СССР № 357 были значительно расширены полномочия органов дознания, в посредственность которых были переданы такие преступления, как побег с поля боя, дезертирство, промотание военного имущества, преступные нарушения уставных правил караульной службы. Нередко они расследовали в полном объеме должностные и хозяйственные преступления. Военные прокуроры в целях обеспечения действенного надзора за расследованием дел этими органами непосредственно участвовали в допросах, решали вопросы о даче санкции на арест обвиняемых, выполняли другие процессуальные действия, что было дополнительной гарантией обеспечения законности в ходе следствия.

Судебное рассмотрение уголовных дел также не оставалось без внимания военных прокуроров. От них в то время требовалось осуществлять постоянный надзор за рассмотрением дел в трибуналах. С этой целью военные прокуроры принимали участие в подготовительных и судебных заседаниях по всем делам. Участие прокурора в подготовительном заседании по делу давало ему возможность проверить следственное производство с точки зрения полноты доказательств и качества следствия.

Военные прокуроры осуществляли надзор и за законностью при исполнении приговоров и других судебных решений, чтобы своевременно исполнялись приговоры в части применения лишения свободы либо направления осужденного, взамен этого наказания, в штрафную роту, в части расстрела и принятия мер по возмещению государству причиненного преступлением ущерба, лишения льгот членов семьи осужденных.

¹ Там же. – 34.

Подвиги работников военных прокуроров были по достоинству отмечены наградами. Орденами и медалями награждено: 1807 военных прокуроров и следователей (Орденами Ленина – 47, Красного знамени – 198, Отечественной войны первой степени – 252)¹.

Сейчас обращаясь к героическому прошлому, можно с полной уверенностью утверждать, что органы военной прокуратуры в те годы полностью подтвердили свое предназначение как органа обеспечения правопорядка среди военнослужащих. Оправдали себя структура, используемые формы и методы деятельности. Владение прокурорами и следователями основ ведения боевых действий, знание и понимание боевой обстановки и нахождение непосредственно в боевых порядках части и соединений стало определяющим в повышении действенности прокурорского надзора, залогом успешного решения задач по пресечению правонарушений. Являясь военнослужащими, они были вместе с войсками на поле боя, знали изнутри жизнь и быт бойцов и командиров, специфику воинской службы, что способствовало укреплению воинской дисциплины среди военнослужащих.

В послевоенное время усилия органов прокуратуры понадобилось направить на укрепление законности в сфере экономики. Потребовалось перестроить рассчитанную на военное время деятельность органов прокуратуры так, чтобы обеспечить соблюдение законности в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте. На первый план выдвигались задачи сохранить социалистическую собственность, обеспечить режим экономии народных ресурсов.

Таким образом, учитывая важное государственное и политическое значение деятельности органов прокуратуры и в целях повышения престижа, авторитета и влияния органов прокуратуры на обеспечение законности в государстве, Верховный Совет СССР 19 марта 1946 г. принимает Закон СССР «О присвоении Прокурору СССР наименования Генерального прокурора СССР»².

По окончании войны работниками Прокуратуры Союза ССР, прокуратур РСФСР, УССР и БССР была проведена огромная по своим масштабам работа по разоблачению немецко-фашистских захватчиков и их пособников, установлению совершенных ими злодеяний на оккупированных территориях Союза ССР. Высококвалифицированные прокуроры и следователи принимали активное участие в судебном процессе над главными военными преступниками, проходившем в Нюрнберге в период с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Главным обвинителем от СССР выступал Р.А.Руденко, занимавший в то время пост Прокурора Украины (с 1953 – Генеральный прокурор СССР).

На Нюрнбергском процессе была выявлена и продемонстрирована звериная сущность фашизма. Главные военные преступники понесли заслуженное наказание. Законный, обоснованный и справедливый приговор в Нюрнберге и поныне служит грозным предостережением для любых агрессоров.

Война явилась серьезным испытанием для всей советской страны, в том числе и для адвокатуры. Так же как и другие тыловые организации, адвокаты вносили посильную материальную помощь в борьбе с врагом. Выделяли деньги в помощь детям фронтовиков, подписывались на военный заем и, вещевую лотерею. На средства адвокатов страны была построена танковая колонна «Советский адвокат», которая громила врага на западе, а затем в августе 1945 года – на востоке страны. Дважды Герой Советского Союза гвардии генерал-полковник Кравченко, в чьем подчинении была танковая колонна, благодарил адвокатов за материальную помощь в постройке танков, которые участвовали в разгроме японских войск в Манчжурии³.

Далеко не все адвокаты вернулись с кровопролитной войны, многие из них награждены посмертно. Все меньше остается адвокатов - участников Великой Отечественной войны. Подавляющее большинство из них уже давно на заслуженном отдыхе, а некоторых нет в живых.

Поэтому обращение к малоизученным страницам истории советской адвокатуры периода Великой Отечественной войны - это не только дань уважения, но и память о тех, кто ковал Победу в 1941-1945 гг.

Великая Отечественная война диктовала необходимость перестройки органов следствия, прокуратуры и суда с тем, чтобы обеспечить максимальную оперативность в борьбе с преступностью, установление твердой дисциплины и правопорядка, как в тылу, так и на фронте при соблюдении принципа социалистической законности.

Все больше времени отделяет нас от того победного дня, который завершил самую тяжелую и кровопролитную в истории человечества войну, принесшую невиданные испытания нашему народу. Все меньше остается в живых тех, кто защищал тогда Отечество, чьи успехи в боевых действиях определили победу над фашистской Германией. Сегодня, отдавая дань памяти всем, кому обязаны своей жизнью и свободой, мы должны вспомнить и тех, кто обеспечивал правопорядок на фронтах, на флотах и в тылу.

Характер проблемы преподавания истории отечественного государства и права в высшей школе

М.Б.Магомедов

История отечественного государства и права есть закономерная смена типов и форм государства, правовых систем на территории нашей великой Родины.

Как историко-правовая дисциплина, история государства и права есть часть истории человечества, которая тесно связана с историей народного хозяйства, культуры и других отраслей человеческой деятельности, но в то же время сохраняющая относительную самостоятельность и обладающая объектом исследования. История отечественного государства и права вместе с тем наука юридическая, одна из

¹ См.: Вестник Московского Университета // Научный журнал. – 1998. – № 1.

² Ведомости Верховного Совета СССР. – 1943. – № 3.

³ Адвокатская практика // Страницы истории. – 2003. – № 3. – 48.

фундаментальных правовых дисциплин. В таком качестве она охватывает развитие всех аспектов эволюции государства: его государственный механизм, форму государственного единства и пр.

Историко-правовая наука абстрагируется от догосударственной эпохи развития человечества, ее интересуется лишь тот момент, когда начинается формирование государственности у народов нашей страны.

История отечественного государства и права изучает политические и правовые институты вплоть до сегодняшнего дня и здесь органически стыкуется с действующим правом и имеет непосредственную междисциплинарную связь историей государства и права зарубежных стран, историей политических и правовых учений и с др. Она, следовательно, занимается не только правом ушедшим, но и живущим, растущими его отраслями и институтами. Историю государства и права интересуют конкретные политические и правовые явления, но, прежде всего она исследует фактический материал для установления межотраслевых закономерностей, для показа общих поступательных, прогрессивных тенденций развития государства и права.

В этом большое сходство истории отечественного государства и права с теорией государства и права. Разница же состоит в том, что если теория государства и права изучает преимущественно общие закономерности развития государства и права различных народов и общественно-экономических формаций, то история отечественного государства и права занимается конкретными государствами и правовыми системами, существовавшими и существующими на территории нашей страны, их особенностями и характерными чертами.

Возникновению тех или иных политических или правовых учреждений обычно предшествуют соответствующие идеи. Однако наука истории государства и права не занимается изучением таких идей, имея в виду, что их развитие является предметом самостоятельной науки – истории политических и правовых учений.

Изучение прошлого страны имеет большое политическое значение. Историческая и историко-правовая дисциплины, изучая и обобщая опыт прошлого, помогает познать и использовать закономерности общественного развития, избежать повторения ошибок и опирается на общие объективные законы развития природы и общества. В последнее время в науке возникло мнение, восходящее к некоторым западным воззрениям, о том, что история вообще и история отечественного государства и права в частности не подчиняется объективным законам. Вместе с тем высказывается мысль и об отсутствии единой прогрессивной линии в развитии общества, государства и права. Якобы прогресс свойствен только развитию материальной культуры, техники и т.п. Думается, что с этим вряд ли можно согласиться. Очевидные факты показывают, что государства и правовые системы возникают и умирают отнюдь не случайно, а подчиняются определенным объективным факторам. Отсюда всегда можно проследить соответствующие тенденции, определенную линию развития.

Вряд ли можно сомневаться и в наличии общего прогресса в развитии государства и права. От деспотических форм государства, от примитивных форм демократии человечество приходит к более совершенным, развитым и гуманным институтам. Отрицание закономерности развития общества, государства и права приводит к отрицанию истории как науки.

Если мы говорим о закономерностях развития государства и права, то неизбежно сталкиваемся с проблемой движущих сил этого процесса. Долгое время в нашей исторической науке чрезмерное внимание уделялось такому фактору, как классовая борьба. Теперь появилась другая крайность: некоторые авторы считают, что этот фактор следует исключить из числа тех, которые воздействуют на исторический процесс. Думается, что и здесь истина лежит посередине. Вряд ли можно отрицать значение для истории государства и права таких острых форм классовой борьбы, как крестьянские войны, революции. Да и другие формы порой давали заметный исторический эффект.

Историко-правовая наука использует различные методы – как общеполитические, так и свои специфические. К первым относится диалектический метод, метод материалистической диалектики. Что же касается вторых, то, прежде всего, следует отметить хронологический метод. История есть движение явлений во времени, поэтому историческая наука немыслима без хронологии, познать ее закономерности невозможно без сравнения, сопоставления фактов и явлений. Такое сравнение следует проводить не только во времени: от периода к периоду, но и в пространстве, сопоставляя развитие государства и права одного народа с развитием политико-правовых систем других народов. Следовательно, историко-правовой науке свойствен и сравнительный метод исследования. Наконец, историко-правовые явления следует рассматривать не изолированно, а в системе. Значит, необходимо применение системного метода анализа.

Хотя история есть непрерывное движение, изучать ее сплошным нераздельным потоком невозможно. Научный анализ и обобщение требуют членения исторического материала на хронологические отрезки, периоды. Поскольку развитие государства и права зависит, прежде всего, от экономического базиса, то и периодизация истории государства и права соответствует периодам развития производственных отношений. Основным общественно-экономическим формациям (кроме первобытнообщинного строя) соответствуют определенные типы государства и права.

В современной науке высказывается критическое мнение о формационном делении истории человечества, а следовательно, и о типологии государств. Эта точка зрения заслуживает внимания, однако безоговорочно с ней согласиться тоже трудно. Государство и право часто совмещают в себе черты разных типов, но преобладают обычно черты какого-то одного, исключая, конечно, переходные эпохи. Крупное, формационное деление исторического процесса предполагает более дробную периодизацию. Историко-

правовая наука должна давать читателю правдивые сведения. Правдивость историко-правового материала совершенно необходима для его практического использования, а если мы будем пользоваться недостоверными сведениями о прошлом, то сделаем недостоверный прогноз и на будущее.

Наряду с тенденцией к восстановлению историко-правовой справедливости наблюдается и прямо противоположная ей. Под видом восстановления истины допускается новая фальсификация истории. Это особенно касается истории национальной государственности, национальных отношений в нашей стране.

Следует отметить одну характерную особенность историко-правовых наук, как и всех общественных наук. В отличие от наук естественных и технических в обществоведении не все проблемы решаются однозначно. Многое здесь зависит от социальной принадлежности, социальной ориентации исследователя. Порой одни и те же факты разными авторами трактуются по-разному. Крупнейший дворянский историк Н.М.Карамзин, научная добросовестность которого не вызывает сомнений, был убежденным сторонником самодержавия и крепостничества, в силу чего строил свои выводы, исходя из этих основополагающих посылок. Славянофилы XIX в. идеализировали допетровскую Русь и своеобразие развития России. Наоборот, западники подчеркивали отсталость России, необходимость развития ее в духе европейских цивилизаций. Все они были убеждены в своей правоте, в правомерности делаемых ими выводов.

Историко-правовые науки изучаются на первом курсе юридических вузов параллельно с другими историческими и юридическими науками. Это требует изложения материала с учетом преподаваемого по другим дисциплинам, при этом необходимо учесть и междисциплинарную связь. История отечественного государства и права стыкуется с историей государства и права зарубежных стран. Некоторые институты, родившиеся за пределами нашей страны и перенесенные затем в правовые системы наших народов, специально изучаются в курсе зарубежной истории и поэтому не дублируются в курсе отечественной истории. Как учебная дисциплина, история отечественного государства и права распадается на две части. Первая из них посвящена дооктябрьскому периоду, вторая – послеоктябрьскому.

Зачатки формирования гражданского общества в Имамате

**М.Б.Магомедов
М.М.Мусаев**

Предпосылкой и фактором формирования политико-правовой системы Имамата, как государства демократического типа, является наличие гражданского общества, характеризует значимость всю совокупность разнообразных форм социальной активности населения. Понятие «гражданское общество» в условиях Имамата – это состояние общественных связей и отношений, что является качественным показателем гражданской самодеятельности горцев, как основным критерием разделения функций государства и общества в социальной сфере.

Опыт первых лет борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века показал ее руководителям необходимость искоренения адатов из общественной жизни горцев как препятствующих в их антифеодальной и антиколониальной борьбе и консолидации освободительных сил, как не соответствующих раскрепощению и охране прав и интересов личности.

На смену правовых основ взаимоотношений – адатам предводители борьбы вводили в обиход горцев новые нормы шариата, которые, по мнению руководителей, должны были лечь в основе реализации гражданского общества. Надо полагать, что руководители Имамата настаивали не просто на внешнем их применении, а на искреннем следовании нормам высшего человеческого поведения и в решении дел по истинному шариату. Успехи Шамиля на военной и государственно-правовой ниве объясняются настойчивостью, с которой он распространял шариат и утверждал его среди горцев на прочных основаниях. Так, например, по мнению Нейгардта, человека, которого вряд ли можно подозревать в симпатии к горцам, мы узнаем, что в процессе размежевания, а именно «со времени разделения Чечни на участки, Шамилем введено там правильное законодательство. Адат, как обычай, потворствующий слабостию своих постановлений страстям полудикого народа, уничтожен; вместо него введен шариат; и для разбирательства дел по шариату при каждом наибе находится ныне постоянно по одному кадию; в настоящее время в Чечне убийства, воровство, насилие и другого рода преступления сильно преследуются, и Шамилем приняты самые строгие меры к искоренению из нравов чеченцев зверского обычая кровомщения»[1].

Внедрение правовых основ шариата было первой целью сторонников имама, к утверждению которых которого среди горцев Шамиль относился с гражданских позиций творчески. Преследуя с такой настойчивостью адат, он осознавал, что в учении шариата заключается также много всякого рода противоречий, способных обратиться в источник зла, чуть ли не сильнее в сравнении с тем, какое может породить адат. Дело в том, что почти каждое постановление шариата имеет свои собственные толкования, «несколько своих собственных дорог»[2]. Некоторые из этих постановлений, написанные более 1000 лет назад, не вполне соответствовали быту горцев и переживаемым ими историческим условиям. В процессе восстановления шариата Шамиль предполагал следующее обстоятельство, а именно, что шариат принадлежал к фундаменталистическому толкованию накшбандийского тариката, далее – в этом же Шамиль рассматривал противоположность и для искоренения адатов и, наконец, он иногда предопределял мусульманский образ жизни. Шариат, по мнению самого имама, имел свои пробелы и неясные или спорные выдержки, которые требовали правовые интерполяции, интерпретации и соответственно выбора между конфликтующими точками зрения.

Понимая все это, Шамиль ясно видел, что при механическом перенесении шариата на регулирование общественных отношений среди горцев эффективность его применения представляется очень

сомнительной. С одной стороны, при сохранении нескольких толкований положений шариата, по части его правовых аспектов, мусульманское духовенство будет блуждать, не находя наиболее верного. С другой, характер горцев давал право ожидать всяких злоупотреблений при малейшем послаблении закона, при намеке на самоуправство или насилие, а такие тенденции в шариате встречаются нередко. Правовой характер гражданского общества, его соответствие высшим требованиям справедливости и свободы является первой важнейшей качественной характеристикой такого общества. Эта особенность гражданского общества воплощается в нормативных требованиях, заложенных в содержании категорий справедливости и свободы. Свобода и справедливость представляют собой в условиях гражданского общества социальный фактор, нормирующий деятельность горцев, которые как члены гражданского общества, обретают свободу в результате своей способности подчиняться нормативным требованиям свободы как познанной необходимости. С учетом всего этого Шамиль дополнил и изменил некоторые положения шариата, сообразно действительных, как ему казалось, потребностей страны и имам ставил вопрос о более глубоком толковании норм и правовых основ шариата, применительно к ситуации Имамата.

Все, что таким образом было составлено, в горах называли «низамом», применяя этот термин к реформам Шамиля по всем отраслям управления. Поэтому низамы «регламентировали всю административную, военную и бытовую жизнь горцев»[3]. Сам Шамиль утверждал, что низам – это собрание различных правительственных мер, касающихся только безопасности страны, благополучия народонаселения и усиления средств к сопротивлению внутренним и внешним врагам. Эти правила не имеют ничего общего с шариатом, которому они служат лишь дополнением. Однако в состав низамов вошли еще и другие правительственные меры, касающиеся не только судебной части и общественной жизни горцев, но и их домашнего быта, а потому стоит только вникнуть в смысл этих закономерностей, чтобы удостовериться, против каких именно положений шариата они направлены.

Исследуя сущность низамов, как основ законодательства, следует отметить их антиэксплуатационный характер и социальный аспект, а в последнем вырисовывается и иерархия. Реальная свобода горцев становится возможной в обществе подлинной демократии, где не государство, политическая власть господствует над обществом и его членами, а общество имеет безусловное первенство по отношению к государству. Гражданское общество употребляется как в широком, так и в узком значениях. В широком смысле гражданское общество включает всю непосредственно не охватываемую государством, его структурами часть общества, т.е. то, до чего «не доходят руки» государства. В условиях Имамата характерным принципом всей государственно-правовой политики Шамиля являлась гласность. В своей деятельности он опирался на поддержку широких слоев населения и, поэтому его политика объективно не могла быть оторванной от интересов народа и скрытой от них. Шамиль не боялся разоблачения перед народом порочной практики управления им же назначенных наибов. Принцип гласности был характерен для процесса судопроизводства, введенного Шамилем.

Гражданское общество в условиях Имамата имеет сложную структуру, включает хозяйственные, экономические, семейно-родственные, этнические, религиозные и правовые отношения, мораль и т.д. В гражданском обществе в отличие от государственных структур преобладают не вертикальные (подчиненности), а горизонтальные связи – отношения конкуренции и солидарности между юридически свободными и равноправными партнерами. Судебное производство исполняли при всем народе. Тут же приводились в исполнение решения и приговоры суда. Гласность в судопроизводстве исключала волокитство дел в судах и вносила большой воспитательный заряд в правовое воспитание населения.

Военная, административная и духовная власть главы Имамата была ограничена главным советом и съездом наибов и алимов, которые не всегда беспрекословно и целиком соглашались с указаниями имама. Если можно назвать Имамат монархией, то эта монархия была чрезвычайно своеобразна, где основные политические вопросы решались съездом, а законодательство и управление – Диван-Ханом. Общее развитие правовой системы Имамата усматривается из перечня законопроектов и других вопросов, обсуждавшихся и утвержденных на съезде народных правителей в 1847 году в Андии, где, в частности, отмечено: «... 6. Чтобы нам (Подданным Имамата. – Автор.) не выходить из пути людей добродетельных; 7. Чтобы оставить взаимную зависть, притеснения, и быть рукою (помощью) один другого; 8. Чтобы второй не повторил того, что сделал первый и чтобы приемник был с предшественником в тех же отношениях, в коих был до смены его; 9. Чтобы взвешивать все, дабы еще более не сбиться с прежнего пути как в сей, так и в будущей жизни»[4].

В своих низамах Шамиль старался претворить на практике провозглашенный им лозунг равенства всех членов общества перед Аллахом и законом. Низамы наделили членов общества равными правами и возложили на них одинаковые обязанности.

Важнейшей предпосылкой формирования гражданского общества являются ликвидация сословных привилегий и возрастание значения человеческой личности, человека. Политическим фундаментом гражданского общества служит правовое государство, которое обеспечивает права и свободы личности. Хотя все три имама (Гази-Магомед, Гамзат-Бек и Шамиль) ориентировались на социальные приоритеты на подвластной им территории, но отклонения определенного порядка появились и в правотворческой деятельности имама. Так, Шамиль при общей прогрессивной политике в отношении женщин, в судопроизводстве показания двух женщин – свидетельниц приравнивалось к одному мужскому. Хотя гражданское общество складывается из множественности межличностных отношений и социальных сил, которые объединяют составляющих данное общество мужчин и женщин без непосредственного вмешательства и помощи государства, род потомков пророка Мухаммеда – корейшитов в Дагестане

сохранил все свои привилегии, установленные шариатом в виде доли от военной добычи, хотя род этот в военных действиях участия не принимал. Неравное отношение закона к различным категориям населения продемонстрировал низам Шамиля «О наказанияхъ, коимъ подвернаются сотенные начальники, десятские и рядовые», принятый в 1847 году на съезде в Анди. В этом низаме определены различные наказания для наибо, низших начальников и рядовых за одни и те же проступки и преступления. Данный низам знает только три вида наказания: понижение в должности, арест до 21 дня и наказание ударами палок до 39 раз.

Перечисленные виды наказания могли применяться как в отдельности, так и вместе в соответствии с указаниями низама при определенных составах преступления. При определении видов наказания за различные преступления законодатель руководствовался принципами гуманизации наказания и эффективности его для перевоспитания преступника. Так, например, низамы не предусматривает наказание членовредительства по шариату за воровство и заменяет его арестом и штрафом в доход казны за каждую ночь ареста. Аресту и штрафу подвергались также за уклонение от воинской повинности и умышленное прикосновение к женщине. При определении наказания низамы предусматривали также характеристику личности преступника. При отрицательной характеристике и при совершении повторного воровства или в рецидиве, преступника казнили, а при положительной – другие виды наказания, а казнили только после совершения третьего воровства. Более того, при квалификации вида преступления учитывались такие признаки преступления, как повторность, соучастие и умысел. При отмене членовредительства и введении штрафа как вида наказания законодатель руководствуется намерениями сократить число калек в государстве и пополнить казну поступлениями от штрафов[5].

Низамы предусматривали при определении наказания и отягчающие обстоятельства. Например, за ослушание и неповиновение старшему по положению в походе назначалась смертная казнь, а в мирных обстоятельствах – тюремное заключение или телесное наказание.

Наказания могли назначать наиб и его командиры сотен, за исключением назначения смертной казни, определение которой законодатель отводит исключительно за имамом, что и служило дополнительной гарантией справедливости наказания. Смертная казнь, кроме как неисправимым преступникам, назначалась еще и за совершение особо тяжких государственных преступлений: измены, шпионажа, прелюбодеяния и других. Смертная казнь в Имамате была предусмотрена двух видов:

1. «почетная» когда виновный становился на колени, молился, потом сам раскрывал рубашку и после молитвы наклонял голову, которую ударом секиры палач отсекал;

2. «снимальная», когда голова снималась на плахе[6].

Относительно смертной казни в Имамате Шамиль отмечал, что «хотя и привыкли горцы к зрелищу смерти, идя навстречу ей в сражениях или встречая ее каждый день неожиданным образом в своих беспрестанных ссорах, где иногда косою взгляд порождает смерть; но собственно казнь производит на них впечатление тяжелое, а вид отрубленной головы знакомого или незнакомого человека, воображение ожидания последней минуты, не оставляющей уже никаких надежд, и мысленное приближение этого состояния лично к себе, все это представляет единственное и самое верное средство для образумления горцев»[7].

Творческий подход Шамиля наблюдается в искоренении обычая кровной мести – настоящего «стихийного» бедствия в общественной жизни горцев, из-за которого веками продолжалась кровная вражда между родами, уносившая много жизней. Для искоренения обычая кровомщения, законодатель определил наказывать за оскорбление арестом и денежным штрафом вместо самосуда и убийства оскорбителя, в связи, с чем и вспыхивала кровная вражда. Законодатель уравнивает шансы всех категорий населения в защиту своей чести и достоинства. С этой целью «...судебные власти предпринимали меры для розыска преступника»[8], совершившего убийство. Хотя адаты и предполагали, что «если до 40-ка дней родственники похищенной убьют похитителя, то убийство не преследуется...»[9], дополнительно к этому, низамы всячески старались регулировать это обстоятельство, хотя практика показывала обратное.

Положения низама о запрете кровомщения тому, кто, защищая свою семью или имущество, а также честь и достоинство, нанес увечье или смерть другому лицу, в качестве альтернативы определяли денежное возмещение родственникам убитого. В случае мести виновный подвергался преследованию государством и наказанию, а потерпевший получал защиту со стороны государства. Низам о запрете кровомщения ставил вне закона практиковавшиеся до этого случаи самосуда среди горцев в конфликтных ситуациях, что становилось причиной возникновения кровной вражды между родами.

За менее опасные преступления и проступки также подвергали наказаниям. Шамиль впоследствии признавался, что за многие преступления он применил бы ссылку, но в условиях Имамата некуда былосылать.

Убийцы, грабители и другие, общественно опасные лица всенародно подвергались смертной казни.

Издав низамы, Шамиль наказал населению неукоснительно следовать им: «Я долженъ привести этотъ низамъ въ исполненіе безъ всякаго послабленія и лени, – и нетъ по сему низаму пощады, заступничества и состраданія для техъ, кои впадутъ въ пучину этихъ наказаній»[10]. «Мы согласны, – ответили наибы, по ССКГ, – во всемъ и все написанное обязываемся приводить въ исполненіе... Да поможетъ намъ аллахъ привести въ действіе шаріат и предписанія...»[11].

Многих современников событий на Кавказе восхищала та ревностная последовательность и решительность, с которой Шамиль боролся за искоренение преступности в горах.

По свидетельству официальных источников, после 1859 г. в каждом селении Дагестана были избраны лица, в обязанности которых входил «...разбор дел по адату, и от шамилевского шариата оставалось только

одно воспоминание в названии во времени его власти временем шариата, для отличия от прежнего времени, называемого временем адата»[12].

Несмотря на то, что сам Шамиль порой допускал некоторые отклонения от шариата для облегчения народу исполнения его постановлений и стремился к уничтожению суда по адатам, который жестоко, в основном смертью наказывал провинившихся, однако конечной цели он не достиг. И все же кратковременное «...господство достаточно было шариату для того, чтобы существенно повлиять на юридические воззрения дагестанских горцев»[13].

Таким образом, главная цель в формировании и реализации основ гражданского общества в Имамате заключается в удовлетворении материальных и духовных потребностей горцев, в создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека на основе шариата продиктованных условиями войны. Имамат в этом случае неизбежно приобретает характер социального государства, основанный на экономической организации гражданского общества. Структурный элемент – это его социальная организация, как важное направление социальной политики. И, наконец, элемент гражданского общества Имамата – его общественно-политическая организация, направленная на удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей горцев.

Примечания:

[1] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – С. 403. (Далее. – ДГСВК.); Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. – Кн.1. / Под ред. Г.Л.Бондаревского, Г.Н.Колбая. – М., 1998. – С. 585-586. (Далее. – Документальная история).

[2] ВС. – Т. XIV. – С. 331.

[3] Шарафутдинов Р.Ш. Еще один низам Шамиля. Письменные памятники Востока // Ежегодник. – 1975. – С. 170.

[4] ССКГ. – Вып. III. – Тифлиς, 1870. – С. 15.

[5] См.: ДГСВК. – С. 404-405; ССКГ. – Т. III.-Тифлиς. 1870. – С. 12-13; Документальная история. – С. 587-588.

[6] См.: ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д. 6512. – Л. 3-74; Хашаев Х.М. Указ. работа. – С. 52.

[7] АКАК. – Т. XII. – С. 1405.

[8] См.: Галицын Г.С. Адаты Дагестанской области и Закавказского округа. Судостроительство и судопроизводство. – Тифлиς, 1899. – С. 600.

[9] Руновский А. Записки о Шамиле. – М., 1989. – С. 16.

[10] ССКГ. – Вып. III. – Тифлиς, 1870. – С. 13.

[11] Там же. – С. 14.

[12] ССКГ. – Вып. I. – Тифлиς, 1868. – С. 7.

[13] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. – Т. 1. – М., 1890. – С. 234.

Становления института прокуратуры государства Российского

М.Б.Магомедов

М.М.Мусаев

Отметим, что отечественная прокуратура, пережив смену эпох и династий, испытал на себе влияние разных политических режимов, служит державным оплотом порядка и законности нашего Многонационального общества.

История запечатлела неоднозначное восприятие прокуратуры, ибо она по изначальному замыслу ее творца – Петра I – была призвана служить зорким «оком государевым» в изобличении казнокрадства и мздоимства, сепаратизма и вседозволенности вельможной и чиновничьей знати, оберегая единство и безопасность страны. Именно служением интересам отечества, строгим надзором за законностью, российская прокуратура снискала себе, не смотря на зигзаги истории, знавшей и нелицеприятные страницы, традиционное общественное признание. Она служила и служит надзорным щитом государства против любых злоупотреблений и нарушений законности от кого бы они ни исходили.

На фоне этой исторической истины, странными, если не сказать кощунственными, выглядят потуги некоторых не в меру «демократических» историков и политологов приписать родословную отечественной прокуратуры советскому периоду, превратив ее в синоним произвола и беззакония сталинских репрессий.

Столь разительные разночтения во взглядах на природу и социальное призвание прокуратуры – явление не случайное. Оно указывает на постоянный не ослабевающий интерес общества к одному из важнейших звеньев правозащитной системы, которое находится в эпицентре противоборствующих политических сил.

В историко-правовом аспекте возникновение и развитие прокурорской надзорной системы, а также – разные точки зрения на социальную ценность и функциональные полномочия этого института. На переломном этапе нынешних радикальных преобразований, когда кризисное российское общество находится в поиске подходящих моделей государственных структур, часто с оглядкой на западный мир, юристы с все большим интересом обращают внимание на многовековую историю петровского творения – прокуратуру. При этом они отмечают поразительное сходство противоречивой ситуации времен петровских и нынешних. Как и в тот переломный для Отечества период, прокуратура сейчас подвергается суровому

испытанию – от попыток растворения ее независимой централизованной сущности в контрольно-ведомственных паллиативах, до прямого демонтажа державного «ока государева».

Преобразования страны, которая, по выражению Пушкина, сроднившись с Западом и сохранив свою самобытность, «..вошла в Европу, как спущенный корабль», Петр I прежде всего выстраивал стержневые фундаментальные опоры державности, которые бы объединяли, скрепляли все российские земли под эгидой короны на основе единства воли и твердых правил управления. С прокуратурой великий реформатор связывал не просто появление удобной и целесообразной управленческой структуры, но рождение цементирующей силы государства, которая стала бы оплотом единства законности и правопорядка на просторах Империи, чистоты и совести властных чинов в центре и на местах.

Уже изначально он замыслил прокуратуру как особый институт контроля за деятельностью чиновников всех мастей, отнюдь не чуждых казнокрадства и мздоимства, пресечения безнаказанного своеволия столичных и местных правителей.

Опираясь на документальные свидетельства, известный российский историк В.О.Ключевский писал, что Петр I немало размышлял над будущим прокурорской власти, лично составлял варианты законопроектов. Его особо занимала мысль об устройстве такого надзорного органа, который не спасовал бы перед вельможными чинами и «сиятельствами» в том числе и перед Сенатом, который сам являлся высшим органом управления и контроля в России. «Сей чин (по мысли Петра I), яко око наше и стряпчий о делах государственных»¹. Понадобились три его Указа, чтобы российская надзорная власть обрела сравнительно завершенные очертания. Первый из них был принят 12 января 1722 г. – «О должности Сената». В нем говорилось: «Быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору, а также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортировать генерал-прокурору». А уже 18 января того же года выходит Указ «Об установлении должности прокуроров в надворных судах и о пределах компетенции надворных судов в делах по доносам фискальским и прочим людей». В апреле 1722 г. появляется еще один Указ «О должности генерал-прокурора» с подробной регламентацией его обязанностей и правомочий. По нему генерал-прокурор в плане надзора становился над Сенатом и напрямую выходил на Императора. В Указе подчеркивалось: «Генерал-прокурор повинен сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы сенат свою должность хранил и во всех делах... истинно, ревностно и порядочно без потеряния времени по регламентам и указам отправлял, а также смотреть, дабы Сенат в своем звании праведно и нелицемерно поступал»².

Можно полагать, что при обдумывании неординарного решения Петр находился в поисках полезного надзорного института. И без изучения опыта других стран, в первую очередь, примера Франции, возможно, здесь не обошлось. Но ни о каком копировании зарубежных моделей не могло быть и речи. Во Франции прокурор всецело подчинял свою деятельность охране королевской власти и чести, от имени последней он участвовал и в суде. В Российской империи же правомочия прокурора изначально выходят на контрольно-надзорные функции общегосударственного значения. Формирование службы надзора постепенно завершается системной централизованной самостоятельностью прокуроров с их подчинением генерал-прокурору. Иными словами, возник самобытный, влиятельный орган государства с уникальными функциями надзора, служители которого не только опротестовали незаконные распоряжения и действия любых учреждений и чинов, но и доносили высочайшей власти о замеченных злоупотреблениях.

В последующий послепетровский период государства Российского, не смотря на перипетии истории и некоторые изменения в статусе прокуратуры, ее надзорная роль сохраняется, а в царствование Екатерины II даже заметно возрастает. В частности, учреждение государства Российского в 1775 г. губерний и создание соответствующих губернских прокуратур, а также прокурорских должностей при судах существенно укрепляет надзор за законностью деятельности местных властей и в судопроизводстве.

Вопреки расхожему мнению о стремлении демократически настроенного Александра II к свертыванию прокурорского надзора в связи с судебной реформой 60-х годов XIX века, сошлемся на авторитет утвержденных им же 29 сентября 1862 г. «Основных положений преобразования Судебной части государства Российского»³.

В этом определяющем акте в духе петровских предначертаний четко обозначалось главное назначение прокуратуры – наблюдение за точным и единообразным исполнением законов в Российской империи. Ей вменялось в обязанность «обнаруживать и преследовать всякие нарушения законного порядка и требовать его восстановления», формулировать «предложения суду предварительными заключениями в случаях, предусмотренных гражданским и уголовным судопроизводством». Прокуроры были призваны осуществлять надзор за производством следствий, поддерживать обвинение в суде. Как участники судопроизводства, прокуроры наделялись особыми полномочиями, включая права принесения протеста в судах первой инстанции. Сохранялась и функция надзора за местами лишения свободы.

Но в контексте продолжающихся разночтений нынешнего статуса прокуратуры, полезно хотя бы в ретроспективе понять идеологию либеральной александровской реформы применительно к месту и роли прокурорской системы в государственной «Табели о рангах», согласно которому, что генерал-прокурор и губернские прокуроры назначались и освобождались рескриптом Императора. Все иные прокуроры были подвластны генерал-прокурору. И хотя авторы Судебных уставов 1864 г. скорректировали диапазон прокурорского надзора делами «судебного ведомства» усилением публичности обвинения, контроля за

¹ Российское законодательство X-XX в. Т. 4. / Отв. ред. А.Г.Маньков. – М., 1986. – С. 184.

² Там же.

³ См.: Судебные уставы Императора Александра II. СПб., 1883.

следствием и дознанием, на практике власти вынуждены были найти эквивалент «общенадзорной» функции, сделав прокуроров полноправными членами губернских административных комитетов (т. е. властных контрольно-надзорных органов). Эта компенсация прокурорских правомочий нашла свое выражение в законодательстве о прокурорах в виде завуалированной формулировки: «Некоторые же другие обязанности, сверх того налагаемые на сии лица, определены в основных Уставах и положениях о принадлежности»¹. Более того, уже после введения Судебных уставов прокуроры продолжали осуществлять «общенадзорные» функции за рамками судопроизводства по целому ряду направлений административно-управленческой деятельности. Ссылка на совмещение постов генерал-прокурора и министра юстиции одним лицом, которое якобы ставит под сомнение автономность и независимость прокурорской системы, несостоятельна. Хотя бы потому, что Основные положения прямо указывали, что «причастность» и правомочия министра юстиции к содержательной надзорной стороне прокурорской деятельности ограничивается лишь организационно-ресурсным обеспечением.

Таким образом, приписываемое большевикам «отцовство» российской прокуратуры страдает явным преувеличением. Напротив, большевистская власть целых пять лет после Октябрьской революции тщетно пыталась обойтись без прокуратуры, полагаясь на различные структуры «революционного» народного обвинения и, все же была вынуждена обратиться к петровскому детищу, модернизировав его в интересах «диктатуры пролетариата».

Столь подробный экскурс в историю нам понадобился для того, чтобы, во-первых, развеять спекулятивные утверждения ортодоксальных «реформаторов» о тоталитарной природе прокуратуры, а с другой стороны – призвать своих коллег-юристов, в том числе вступающую в профессиональную жизнь молодую когорту, трезво поразмыслить над уникальностью феномена и долговития российской прокуратуры, объективно оценить ее достоинства и слабости и по возможности, коллективно спрогнозировать ближайшее будущее прокуратуры.

Как известно, прокуратура сегодня переживает не лучшие времена. И хотя принятый в 1995 г. и дополненный недавно Федеральный Закон «О прокуратуре Российской Федерации», явился крупным шагом в стабилизации системы, оформлении ее государственно-правового статуса, внеся определенность в ее надзорные правомочия, было бы преждевременно говорить о завершенности конституционного положения прокурорской системы в иерархии разделенных властей. Незавершенная не только в силу динамичности преобразовательных процессов и сопутствующих им законодательных затворов, но и из-за сохраняющихся в обществе, а вернее в его влиятельных политических и экономических кругах, существенных различий относительно роли и места прокуратуры в государственном механизме контроля и правоохраны.

Уже с самого начала перестройки, прокуратура, будучи по Конституции независимым органом, становилась заложницей политических разборок и давлений, цель которых в конечном счете заключалась в подчинении ее определенным силам. Сеем утверждать, что десятилетние зигзаги в статусе прокуратуры, «кнуты» и «пряники» при оценке ее деятельности бывшим президентом Б.Ельциным, персональные перетасовки в прокурорских верхах – звенья цепи заготовленного политического ошейника.

Все периоды исторических подъемов государства Российского, сопряженные, скажем, с византийскими или европейскими заимствованиями, проходили на твердом фундаменте самобытности народа, у которого совесть и справедливость как бы генетически шли впереди права. Да и сами культурные заимствования пропускались через сито отечественной ментальности, трансформируясь в российские самобытные институты, как, возможно, это было и с петровской прокуратурой. Речь идет не о табу на все «ненашенское», что само по себе в XXI интеграционном веке было бы абсурдом, а о принципиальном выборе пути общественного развития, оптимальных институциональных механизмов, адекватных труднейшему этапу преобразований. Чтобы правовые новеллы приносили пользу государству Российского и были понятны народу, важно не просто увидеть заманчивый зарубежный правовой аналог, а вникнуть в «технологию» его функционирования на родине, выяснить современное восприятие его специалистами, общественностью.

Настойчивое лоббирование дорогостоящего суда присяжных государства Российского при неразвитости и нищенской обеспеченности всей судебной системы, далеко не однозначно воспринимается у нас, общественностью ведущих западных стран, где число рассмотренных дел с участием присяжных не превышает 2-5 %². Или, рекламируя совершенство американской правоохранительной системы и ратуя за ее восприятие, ее российские сторонники почему-то обходят стороной функционирование этой системы в кризисных ситуациях, что было бы куда логичнее при заимствовании опыта для нынешней «всецело» кризисной государства Российского³.

В главных выводах документа, подчеркивается, что «изменение статуса, структур, задач и форм работы прокуратуры должно осуществляться гармонично в соответствии с изменениями судебных и правовых систем, частью которых она является, имея в виду, что главной целью при этом является создание подлинных гарантий для обеспечения законности и правопорядка, а также осуществление эффективной защиты прав и свобод человека и гражданского общества»⁴.

¹ Российское законодательство X-XX веков. Т.8 / Отв. ред. В.В.Виленский. – М., 1991. – С. 99.

² Прокуратура в правовом государстве. Многосторонняя встреча, организованная Советом Европы совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. – М., 1997. – С. 40, 41.

³ Там же. – С. 44, 45.

⁴ Прокуратура в правовом государстве. – С. 157, 158.

Государство Российское должно делать реформационные шаги основательно, без спешки, поэтапно исходя из сложных и противоречивых реалий экономической и социальной жизни, отечественных духовно-нравственных традиций, специфики и издержек преобразований.

Из долгой истории нашей прокуратуры известно, что в результате торопливости, заманчивости некоторых нововведений были не только обретения, но и потери. Так, характеризуя последствия в целом прогрессивной судебной реформы 1864 г., но неоправданно сужившей диапазон прокурорского надзора, выдающийся русский юрист А.Ф.Кони писал: «Должность эта (Губернского прокурора. – Автор.), составляя наследие петровских времен и одно из лучших украшений екатерининских учреждений, имела огромное значение в нашем дореформенном строе... В торопливом осуществлении страстного желания поскорее расчистить для новых насаждений место, поросшее бурьяном, полусгнившими деревьями, был срублен дуб, стоявший на страже леса»¹.

Верховенствующее положение Конституции Российской Федерации, как принцип конституционного строя федеративного государства, во многих случаях не выдерживается. В конституциях республик и в уставах многих краев и областей имеются явные противоречия с требованиями федеральной Конституции в таких, например, принципиальных вопросах, как правовой статус республик, гражданство и др.

Негативное влияние на конституционную законность все еще продолжают оказывать ранее заключенные с нарушением Конституции и до сих пор не отмененные договоры Федерации и ее субъектов о разграничении предметов ведения и полномочий.

В качестве конкретных путей усиления позиций системы прокурорского надзора предлагается: придание Закону о прокуратуре Российской Федерации статуса конституционного, внесение в него изменений и дополнений, направленных на усиление независимости прокуратуры, недопустимости вмешательства в ее надзорную и иную деятельность; осуществление надзора за законностью правовых актов, издаваемых Правительством РФ; наделение Генеральной прокуратуры правом законодательной инициативы, установление порядка, при котором надзор за законностью всех правовых актов осуществляется независимо от поступления соответствующей информации о нарушениях; в законе целесообразно определить формы взаимодействия прокуратуры с Уполномоченным по правам человека, предусмотреть более весомую роль прокурора в гражданском и арбитражном процессах, а также в надзоре за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность².

Не смотря на критический фон исследований, характерной особенностью этих концептуальных работ является их взвешенность и аргументированность, жизнеутверждающие выводы и позиции.

Убедительно обосновывается несостоятельность основного тезиса оппонентов прокуратуры – ее «посягательств» на функции судебной власти. Оппоненты упорно не хотят замечать изменившиеся законы о правосудии и прокуратуре, которые по новому определили роль и место суда и прокуратуры: прокурор не надзирает за судом, а лишь участвует в правосудии, его предложения суду не обязательны, тогда как решения и выводы суда подлежат при всех условиях обязательному исполнению прокурором.

Не обходится стороной и излюбленный тезис оппонентов, противопоставляющий прокурора суду, и с его помощью проводится линия на ограничение полномочий прокурора в судопроизводстве. Приведенными выше обобщенными данными по опротестованию прокуратурой судебных решений ученые показывают не только правомерность, но и крайнюю необходимость использования защиты законности, прав человека при нынешней гипертрофированной независимости судей от всякого внешнего контроля.

Эффективность управления обществом, реформируемым на базе законности, определяется тем, насколько государством учитываются объективные закономерности общественного развития и насколько само законодательство адекватно отражает потребности и возможности общества; выдерживается иерархия правовой системы при верховенстве конституции и закона; обеспечиваются взаимосвязь и взаимоподчиненность всех элементов правовой системы, издание уполномоченными правотворческими органами актов в строгом соответствии с их конституционной компетенцией; гарантируется исполнение всеми ветвями власти требований конституции, законов и других нормативно-правовых актов; соблюдается правомерность установления льгот и преимуществ должностных лиц; обеспечивается функционирование механизма судебной, прокурорской и иной правовой защиты личности, государственных и общественных организаций от правонарушений и препятствий в реализации своих конституционных прав и свобод. Каждый из критериев, характеризующий определенный срез законности, в совокупности образует единство общей оценки ее состояния.

Идеи и принципы законности как универсальной ценности правового демократического государства, не нашли должного отражения в основном законе страны – Конституции РФ. Парадоксально, но в этом главном документе, определяющем жизнь общества, не оказалось места для раскрытия роли законности, основных принципов и механизмов ее утверждения в условиях федеративного устройства страны. Во всем тексте Конституции заметна печать незадачливого реформаторства, видимо, относившего законность к рудиментам прошлого режима, подменены ее цементирующей роли оторванными от жизни чужеродными формально-нормотивистскими схемами. А если обойдена вниманием законность, как опорный хребет формирования правового государства, то, естественно, следуя этой логике, можно было ограничиться столь

¹ Цит. по: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Под сенью русского орла. Российские прокуроры второй половины XIX – начала XX в. – М., 1996. – С. 38.

² См.: Аналитический доклад / Под ред. А. Я. Сухарева. – М. : НИИ проблем законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2000.

скупой формулировкой статуса специального органа ее защиты и утверждения – прокуратуры – как это видно из Конституции РФ (ст. 129).

Таким образом, не секрет, что на ослаблении режима законности в переходный период с самого начала сказались теоретические взгляды и позиции, противопоставляющие понятия права и закона, объективно умаляющие значение законодательных актов, как «неустойчивых» и преходящих в условиях реформ в отличие от «вечных» и естественных правовых постулатов, вобравших в себя исторический опыт человечества.

На старте перестройки и в последующие годы серьезный ущерб законности был нанесен и пропагандой, внедрением в жизнедеятельность общества нового принципа правового поведения: «разрешено все, что не запрещено законом». Его разрушительная сила особенно стала ощутимой в период радикальных экономических реформ, перехода к рыночным отношениям при отсутствии должного законодательного обеспечения, новой системы права. В условиях динамизма социально-экономических и общественных процессов и явного отставания правового регулирования, провозглашенный принцип привел на практике к осложнению криминальной ситуации, разрушению общественной морали как средства регулирования человеческих отношений.

Требуется также научное осмысление и обоснование трансформации, содержательного отличия господствовавшей в прошлом «социалистической» законности от принципа законности правового государства. Переход от одного понятия законности к другому – это не формальная смена терминов, а кардинальная переориентация приоритетов в предметах правозащиты.

Если фундаментальной основой «социалистической законности» были интересы государства, стоявшего над личностью и обществом, то в условиях конституционного провозглашения примата прав и свобод личности, интересов гражданского общества, должны меняться не только приоритеты как принципы, но и цели, задачи законности, механизм их реализации. А это требует солидного научного обеспечения. В частности, смена правозащитных приоритетов не должна вести, как это доминирует в теоретических работах и практической политике, к противопоставлению личности, общества и государства. Важно видеть в праве и законности равнодействующую общего интереса, обеспечивающую в конечном счете реальную гарантию прав и свобод человека и гражданина. Правовое государство, как главный гарант законности, должно быть и самым чувствительным индикатором отношения населения к проводимым в стране социально-правовым мероприятиям, предупреждать появление в массовом правосознании феномена «нелегитимности» самих законов, как не отвечающих их социальным ожиданиям.

На завершающем этапе формирования нормативно-правовой базы реформ на передний план в механизме упрочения законности выдвигается проблема правоприменения, исполнения законов. Поэтому новый уровень контрольно-надзорной деятельности государства следует подкрепить действенной системой внешнего контроля со стороны гражданского общества, стимулирования законопослушного поведения должностных лиц и граждан. Важное значение имели бы практические шаги по созданию системы юридического просвещения, формированию общественного сознания, ориентированного на социальную, правовую стабильность, утверждение авторитета закона, в том числе путем позитивной информации о потенциальных возможностях правопорядка и законности в обеспечении демократических прав и свобод личности.

Дореволюционные и советские авторы о борьбе горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века

**М.Б.Магомедов
П.М.Лахитова
Б.М.Магомедов**

Из всех веков мировой истории, предшествовавших XXI веку, XIX век по своему значению занимает исключительное место. XIX век, – отмечают Лависа Э., Рамбо А., – век формирования... величайшей прогрессивной исторической силы... призванный создать новый общественный строй, ...за идеалы которого боролись и отдавали свою жизнь передовые люди XIX века».¹

В жизни России середина XIX в. события на Кавказе – значительное явление, поскольку «Кавказская война покрыла неуязвимой славой обе воюющие стороны».² И соответственно «история Южной России и Кавказа была объектом тогдашних международных отношений, но сам, испытав на себе разнообразные чуждые влияния находила свою печать на ход событий»³ и посему «история Кавказа – это история многочисленных и кровопролитных войн».⁴ А Дагестан вписался в XIX век своей ожесточенной борьбой против колонизаторов официальных властей и местных эксплуататоров и значительными социально-политическими и культурными преобразованиями.

В прошлом столетии Северный Кавказ полыхал войною «...более пятидесяти лет... относительная тишина древняя земля не знала еще минимум лет пять»⁵ и «...здесь (В Дагестане. – Авторы.) всякий

¹ Лависса Э., Рамбо. А. История XIX века. – Т. I. – М., 1938. – 4.

² Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие // В кн.: «Сабля рая» (Горское оружие в Кавказской войне). – Грозный, 1992. – 3.

³ Успенский Ф.И. Византийский современник. – Т. XXIV. – М., 1926. – 62.

⁴ Трунов Д.И. Свет из России. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. – 62.

⁵ Зуйкина Е. «В наших специфических условиях» // Родина. – 1994. – № 4. – 136.

переходъ изъ аула в ауль, отъ общества въ общество – своего рода подвигъ, рискъ и во всякомъ случаѣ большой трудъ».¹

Рассматривая основные военные сражения в Дагестане в период Кавказской войны 20-50 годы XIX века («имя Шамиля – вождя национально-освободительного движения горцев Кавказа в сороковых годах... (XIX века. – Авторы.), как громкое эхо, разнеслось по Востоку и Европе и создало почву для возникновения множества толков и легенд»² и облик которого только сейчас «...предстает перед нами во весь рост, очищенный от всех искажающих наслоений и такой, каким знал его народ»,³ – отмечает «Историк века – Расул Магомедов»,⁴ а «история – это зеркало в котором отражается не только прошлое, но и настоящее».⁵

Эта тема интересна тем, что борьба горцев охватывает значительный период времени, а также носила многонациональный характер, имела широкую социальную базу, обширную географию. Возникнув как антифеодальное движение, оно переросло в национально-освободительную борьбу горцев.

В дореволюционной исторической и художественной литературе, которая стала появляться еще в ходе военных действий на Кавказе, отрицался его народный освободительный характер. Этой точки зрения, в силу своей определенности, придерживались и непосредственные участники событий первой половины XIX века. Однако из некоторых дореволюционных авторов можно встретить и высказывания о том, что борьба горцев имела большое значение и находила поддержку тех кавказских народов, которые находились в сфере управления официальных властей.

В силу своей специфики исследуемой темы, нами использованы материалы, которые в той или иной степени связаны с военными действиями на Кавказе 20-50-х годов XIX века. Богатый фактический материал содержится в Кавказских сборниках,⁶ где помещены работы непосредственных участников и очевидцев военных событий. Здесь следует особо выделить сборник статей «Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 годы в связи с мюридизмом»⁷, где дан обширный фактический материал о возникновении мюридизма в Дагестане. Помимо этого в КС собран большой материал, касающийся начального этапа борьбы горцев, в особенности даются сведения характеризующие деятельность Имама Гази-Магомеда.

А.Юров⁸ оставил после себя немало письменных сведений по Кавказской войне, ограниченные периодом со второй половины 30-х до середины 40-х годов XIX века. Сведения о деятельности посланников Шамиля среди горцев Западного Кавказа отражены в работах Ржевуского А.⁹ и Жербиной Ф.А.,¹⁰ где авторы дают характеристику деятельности наиболее известных Шамиля. Определенные сведения по данной проблеме содержатся в работах Фадеева Р.А.¹¹ и Эсардзе С.¹² Исторические данные по данной проблеме даются в работах Служивого (Дубенский Д.Н.)¹³ (Дубенский Д.Н.: Инициалы Служивого – Дубенский Д.Н. восстановлен в процессе исследования Магомедовым М.Б.¹⁴), Неверовского О.П.,¹⁵ Руновского А.,¹⁶ Шульгина С.Н.,¹⁷ Рамановского Д.И.,¹⁸ Дубровина Н.,¹⁹ Зиссермана А.П.,¹ Гринегорского И.,² Потто В.А.,³

¹ Воронцовъ Н. Изъ путешествія по Дагестану // Сборникъ сведений о кавказскихъ горцах. – Вып.3. – Тифлисъ, 1870. – 18. (Далее. – ССКГ.).

² Магомедов Р.М. Шамиль в Отечественной истории. – Махачкала, 1990. – 3.

³ Магомедов Р.М. Имам Шамиль. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1941. – 4.

⁴ Магомедов А.А. Дагестан на пороге XXI века: Волны времени и контуры грядущего. (Теоретические аспекты и практические). – Махачкала: Изд. «Юпитер», 1996. – 3.

⁵ Комаров В.М. Непримируемое противостояние. – М.: «Педагогика», 1988. – 151.

⁶ Кавказский сборник. – Т. 1-21. – Тифлис, 1879-1900. (Далее. – КС.).

⁷ Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // КС. – Т. 10. – Тифлис, 1887. – 1-122; Т. 11. – Тифлис, 1877. – 1-185; Т. 12. – Тифлис, 1888. – 1-126; Т. 13. – Тифлис, 1889. – 159-334; Т. 14. – Тифлис, 1890. – 81-211; Т. 15. – Тифлис, 1891. – 506-507; Т. 16. – Тифлис, 1895. – 405-480; Т. 17. – Тифлис, 1896. – 97-141; Т. 18. – Тифлис, 1897. – 288-351; Т. 20. – Тифлис, 1899. – 97-141 (В т. 10-14 автор Волконский Н.А.; в Т. 15-17 автор Фон Климан Ф.; в Т. 18, 20 автор Кублицкий П.).

⁸ Юров А.Н. 1843 год на Кавказе // КС. – Т. 6. – Тифлис, 1882. – 1-220; Его же. 1844 год на Кавказе. – Т. 7. – Тифлис, 1883. – 157-318; Его же. Три года на Кавказе 1837-1839. – Т. 8. – Тифлис, 1884. – 1-240; Т.9. – Тифлис, 1885. – 1-156; Его же 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. – Т. 10.-Тифлис, 1886. – С.225-404; Т. 11. – Тифлис, 1887. – С.187-302; Т. 12. – Тифлис, 1888. – 217-344; Т.13. – Тифлис, 1889. – 335-425; Т. 14. – Тифлис, 1890. – 303-444.

⁹ Ржевуский А. 1845 год на Кавказе // КС. – Т. 6. – Тифлис, 1882. – 221-292.

¹⁰ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2. – Екатеринодар, 1913.

¹¹ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны // Собр. соч. – Т. 1. – Ч. 1. – СПб., 1889. – 110-131.

¹² Эсардзе С. Историческая записка управления Кавказом. – Т. 1-2. – Тифлис, 1907; Его же Штурм Гуниба и пленение Шамиля. – Тифлис, 1909.

¹³ Служивый (Дубенский Д.Н.). Очерки покорения Кавказа. – СПб., 1904.

¹⁴ См.: Магомедов М.Б. Кавказская война 20-50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты: Дисс. ... докт. ист. наук. – Махачкала, 2004. – 398 с.

¹⁵ Неверовский О.П. О начале беспокоейств в северном и среднем Дагестане. – СПб., 1847; Его же. Об истреблении Аварских ханов 1834 г. – СПб., 1848.

¹⁶ Руновский А. Записки о Шамиле. – СПб., 1860. (Репринтное воспроизведение издания. – Л., 1989.); Руновский А. Записки о Шамиле. – М., 1989; Его же. Шамиль. Биографический очерк // Кавказский календарь на 1861 г. – Тифлис, 1860. – 1-75 и др. (Далее. – КК.).

¹⁷ Шульгин С.И. Рассказы очевидца о Шамиле и его современниках // Сборник материалов для описания местностей и племен на Кавказе. – Вып. 2. – Тифлисъ, 1903. – 10-24. (Далее. – СМОМПК.).

¹⁸ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: Публичные лекции. – СПб., 1860.

¹⁹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. – Т.1-6. – СПб., 1871-1888; Его же. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней. – Т. IV. – СПб., 1892.

где можно найти немало интересного материала, которые показывают различные формы поддержки борьбы горцев со стороны народов Кавказа, находившихся в сфере влияния горской администрации. Несомненно, большую помощь в раскрытии и для разработки темы представляют труды известных русских писателей, поэтов, прогрессивных деятелей и революционеров-демократов, написанные ими на основе фактического материала. Сосланные представители русской интеллигенции на Кавказ в своих работах отразили ту действительность, которая имела место на самом деле, поскольку декабристы были посылаемы по Паскевичу туда, «...где предвиделось наиболее опасности...»⁴ в результате чего многие декабристы были убиты. Граф Чернышев предписывал относительно декабристов: «...не употреблять ни в полках, ни в линейных батальонах к должностям: адъютантским, казначейским, квартирмейстерским и вообще не фронтным»⁵, или, говоря другими словами их, посылали под пули горцев. Руководствуясь вышеизложенным видом, что у них была реальная возможность воочию столкнуться с действительностью.

В частности Герцен А.И.⁶ отмечал в своем обращении к угнетённым народам: «По счастью Зимний дворец, не вся Россия, и дальше не весь Петербург... Другая Россия вне дворца, вне табели о рамках. Другая Пассия приветствует вас, свих братьев, протягивает вам руку; не смешивайте же её с руками всех этих квартальных пропагандистов, агитаторов с «Анной на шее»⁷. Пример Кавказа убедительно свидетельствует о том, что «... история многолетних взаимоотношений России с нерусскими народами важна и для познания происходящих и ныне событий и прогнозирования их будущей направленности».⁸ Долгим и «...не простым был исторический путь дагестановедения⁹ и в связи с этим на передний план ведётся Чернышевский Н.Г.,¹⁰ у которого «интерес... к Дагестану... не был случаен»¹¹ и, тем более, что он «...в вопросах военно-исторических обладал большей эрудицией»¹². Относительно войны он выразился, что она является «...язвой которая истощала Россию».¹³ Следует выделить Добролюбова Н.А.,¹⁴ о котором Кружков сказал, что он «выступает не как мирный революционер – просветитель, а как продленный революционер»¹⁵ показывает большую осведомленность в вопросах военных событий на Кавказе.

Интернационалистические позиции Герцена, Чернышевского, Добролюбова и других виднейших деятелей, их борьба «...против национального угнетения и неравноправия за предоставление всем народам Пассии права на свободное национальное самоопределение... народов... Кавказа...»¹⁶ разменивался между сторонниками соглашения с царским самодержавием и сторонниками решительной борьбы против царизма. Пушкин, для которого «слог восточный был образцом...»¹⁷, отдавая дань извинения гордым сыном Кавказа сказал:

«Котляровский бой Кавказа,
куда не мчался ты грозой
Твой ход, как черная зараза
Губил, уничтожил племена».¹⁸

«Пушкин и Кавказ – тема особая, – отмечает Гамзатов Г.Г., так как Пушкин специально занимался Кавказом, но в тоже время, универсальная, ибо Пушкина нельзя воспринимать в целом вне Кавказа, минуя Кавказ»¹⁹, поскольку Пушкин выбрал «...Богатые впечатления юной природы Кавказа...»²⁰ подтверждение этому служит отрывок его письма, где говорится, что «Сходнее нам в Азии писать по okazji»²¹ т.е. «...взаимодействия души и тела... с ссылкой на прямое вмешательство бега...»²² постепенно

¹ Зиссерман А.П. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). – Ч. 1-2. – СПб., 1879; Его же. Фельдмаршал кн. А.И.Бяратинский. – Т. 3. – М., 1888-1891.

² Гржегорский И. Очерк военных действий и событий на Кавказе Клюки-фон В.К.Клюгенау // Военный сборник. – 1876. – Т. 15. – № 1-3. – № 6. (Далее. – ВС.).

³ Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях // Собр. соч. – В. 5 т. – Т.2. – СПб., 1885.

⁴ Коршинов Н.С. Декабрист В.Д.Сухаруков на Кавказе // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных сообщений. – Вып. VII. – Махачкала, 1876. – Л., 1976. – 118.

⁵ ЦГВИА. – Ф. 395. – Оп. 274. – Д. 75. – Л. 3.

⁶ Герцен А.И. Полн. собр. соч. – Т. X.

⁷ Там же. – 48.

⁸ Гаджиев В.Г. Кавказ и Россия // Тарих. – 1994. – № 1. – 12.

⁹ Гюлмагомедов А. Русскому дагестановедению – 200 лет // Дагестанская правда. – 1994. – № 12 (20950-20951). – 2.

¹⁰ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. – Т. XIV.

¹¹ Ханмурзаев Г. Дагестанская тема в русской литературе второй половины XIX века. (Проблема характера). – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1982.

¹² Макаев Н.Г. Чернышевский – редактор «Военного сборника». – М., 1950. – 43.

¹³ Чернышевский Н.Г. Письма // Полн. собр. соч. – Т. XIV. – 381.

¹⁴ Добролюбов Н.А. Собр. соч. – Т. V. – М., 1961.

¹⁵ Кружков В.С. Мировоззрение Н.А.Добролюбова. – М.: ГИХЛ, 1950. – 166.

¹⁶ Истории философии в СССР // Под рук. Евграфова В.Е. – В 5 т. – М.: Изд. «Наука», 1968. – 21.

¹⁷ Пушкин – П.А.Вяземскому // Переписка А.С.Пушкина. – В 2-х т. – Т. 1. – М.: Худ. лит., 1982. – 199.

¹⁸ Пушкин А.С. Соч. – Т. VIII. – 445.

¹⁹ Гамзатов Г.Г. Дагестан: Историко-литературный процесс: Вопросы истории, теории, методологии. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – С.247.

²⁰ Флринский С.М. Русская литература. – М.: Изд. «Просвещение», 1969. – 109.

²¹ Пушкин – П.А. Вяземскому // Переписка А.С.Пушкина. – В 2-х т. – Т. 1. – М.: Худ. лит., 1982. – Сноска 2 к стр.163.

²² Розенталь М.М. Философский словарь. – М.: Политиздат, 1975. – 293.

овладевая «...конкретным представлением о человеке как о характере».¹ Однако следует отметить, что при беседе с профессором Халиловым А.М., их Пушкин рассматривает с отрицательной стороны, взяв за основу выдержку из поэмы «Кавказский пленник», а именно, последний имел не осторожность выразить следующее:

«...Смирись, Кавказ: идёт Ермолов!
И смолкнул рыжий крик войны,
Всё русскому мечу подвластно».²

Учитывая это обстоятельство, мы склонны проявлять солидарность с Халиловым. Критикуя произвол представителей официальных властей, близкий друг Пушкина «...слава наших дней»,³ Раевский в своём донесении отметил, что «...я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и поэтому вынужден покинуть этот край».⁴ Лермонтов М.Ю.,⁵ с восхищением о котором высказался Шамиль, а именно: «я о нём (Лермонтов. – Авторы.) слышал, он писал описывал Кавказ»,⁶ относился к горцам с уважением и посвятил немало стихотворений и поэм о Кавказе, истекавшей кровью. В своей работе «Кавказ» говоря о том, что «...здесь гибли горцы... гибли сыны русского народа...»,⁷ Лермонтов писал еще в 1830 году, что

«Кавказ! Далёкая страна!
Жилище вольности простой
И ты несчастьями полна
и окровавлена войной...»⁸
«И скорбит о том, что»⁹
«Свободе прежде милый край
Прелестно гибнет для неё».¹⁰

Даже «кавказская ссылка Лермонтова была сокращена хлопотами бабушки и влиятельных знакомых»¹¹ и уезжая он унёс с собой не тронутые тайны «богатых откровений» с Востока «...где он провёл чуть ли не большую часть времени, начиная с 1837 года»¹².

Грибоедов А.С.¹³ «...был одним из первых русских писателей, с любовью относящийся...»¹⁴ к Кавказу. Говоря о интеллектуале его Пушкин отметил, что «Грибоедов очень умен».¹⁵ Грибоедов питал симпатии к горцам и приветствовал их борьбу за свою независимость, называя их: «...вольным и благородным народом...»¹⁶ и осуждал политику официальных властей на Кавказе. Он, пытаясь облегчить участь горцев, советовал Паскевичу: «не навязывайте здешнему народу... (Противоречащих. – Авторы.) его нравам и обычаям законов...»¹⁷ и исключить насилие. При непосредственном вмешательстве Грибоедова, Ермоловым в крепости Грозном 21 января 1819 года «...возмутителям... (Была. – Авторы.) дарована пощада...».¹⁸

Толстой Л.Н.¹⁹ руководствуясь «...классовым сознанием»²⁰ – оставил после себя для потомков образ одного из первых набивов Шамиля Хаджи-Мурата в одноименной повести, будучи участником «...восточной войны, в 1853 году, ...в штабе князя Горчакова».²¹ В «Хаджи-Мурате»²², где этнографический материал используется Толстым с целью показа реальной обстановки, в которой разворачиваются действия и с целью характеристики и раскрытия образов горцев. Тем самым, по мнению Фета А.А. он ставил нам «...кавказские песни».²³ Для того, чтобы этот «...мощный голос прозвучал»,¹ Толстой побывал «...в Кизляре с 10 по 17

¹ Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. – М.: Худ. лит., 1965. – 322.

² Пушкин А.С. Стихотворения. Поэмы. – М.: «Современник», 1974. – 201.

³ Пушкин – В.А.Жуковскому // Переписка А.С.Пушкина. – В 2-х т. – Т. 1. – М.: Худ. лит., 1982. – 87.

⁴ Экштут С. Николай Раевский // Родина. – 1990. – № 3-4. – 40.

⁵ Лермонтов М.Ю. Кавказу // Дагестан. – 200.

⁶ Захарин И.Н. (Якушин). Кавказ и его герои. – СПб., 1902. – 451.

⁷ Трунов Д.И. Свет из России. – Махачкала: Дагкнигиздат, 1950. – 100.

⁸ Лермонтов М.Ю. Кавказу. Дагестан в русской литературе. Дореволюционный период. – Махачкала, 1960. – 200; Лермонтов М.Ю. Избр. соч. – М.: Худ. лит., 1987. – 30-31.

⁹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М.: Изд. «Наука», 1960. – 240.

¹⁰ Лермонтов М.Ю. Избр. соч. – 30-31.

¹¹ Сылкова Н.Г. Литература: Справочник. – М.: ЦГНМГУ, 1995. – 243.

¹² Куликов В.И. Отечественные записи и литература 40-х годов XIX в. – М.: Изд. МГУ, 1958. – 42.

¹³ Грибоедов А.С. Соч. / Под ред. Орлова В. – М., 1945.

¹⁴ Хачапуридзе Г. К вопросу о культурных связях России и Грузии в первой половине XIX в. // Вопросы истории. – 1946. – № 5-6. – 81.

¹⁵ Пушкин – П.А. Вяземскому // Переписка А.С.Пушкина... – С.195.

¹⁶ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М.: Изд. «Наука», 1965. – 237.

¹⁷ Тресков И. Творческое содружество. – Нальчик, 1956. – 40.

¹⁸ Грибоедов А.С. Письмо к издателю «Сына Отечества» из Тифлиса // Дагестан в русской литературе: Сост. Долгат У., Кирдан Б. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. – 50.

¹⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – Т. 59. – М., 1935.

²⁰ Хасбулатов Х. Как «выпрямляли» А.Тахо-Годи // Дагестанская правда от 30 июня 1994 г. – 3; Магомедов А.М. Алибек Тахо-Годи. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1993. – 359.

²¹ Острагорский В. Двадцать биографий образцовых русских писателей. – М.: «Народное образование», 1995. – 134.

²² Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. – М., 1953; ... – Махачкала, 1969; ... – М.: «Худ. лит.»; 1985.

²³ Фет А.А. Графу Л.Н.Толстому // Русская поэзия XIX – начало XX века. – М.: Худ. лит., 1987. – 400; Его же. // В кн.: «Как слово наше отзовется» «Избр. лирика». – М.: Изд. «Правда», 1986. – 613-614; Сухова Н.П. Мастера русской лирики. – М.: Просвещение, 1982. – С.70; Тихонов Н. Сыны Дагестана. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. – С.100.

сентября 1852 года...»², а «в конце октября 1853 года... в Хасавюрте среди офицеров Кабардинского полка»³, а сама повесть «...была написана менее чем месяц»⁴.

Оставил после себя «Письма из Дагестана» Бестужев-Марлинский А.А.⁵ («...прозванный в Дербенте Искендер-беком»⁶), в которых раскрывает действительность событий с сохранением фактов и имён. Автор проявляется на страницах своих работ как человек относящийся с уважением к обитателям Кавказа. Не безызвестный Васильев сообщает, что Бестужев-Марлинский в своих «Письмах из Дагестана» даёт точные описания характеру борьбы горцев Дагестана и Чечни»⁷. Справедливости ради считаем своим долгом отметить и аморальную сторону Бестужева-Марлинского. По его признанию он «рискуя жизнью... пробирался в гаремы дербентских мусульман»⁸. Тем не менее каким бы он не был, его творчество «...способствовало ознакомлению... читателя с жизнью, битом дагестанских народов»⁹, а сами «...рассказы о Кавказе, о диких горцах, – отмечает Белинский В.П., – и отношениях к ним наших войск (Войск официальных властей. – Авторы.) ...мы читаем... с повести Марлинского»¹⁰. Белинский В.Г. отмечал, что «страшное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и постулатом их музыки, поэтического их родиною!»¹¹. Будущее Кавказа видел Лорер Н.И. говоря, что «...когда-то эти больные места путём просвещения, цивилизации сделать образованного человека».¹² По официальным источникам «Горцы вообще обладают замечательными природными умственными способностями»¹³, а «дети горцев, – по Костемеровскому, – особенно любят арифметику, занимаются письмом и еще более пляскою и песней»¹⁴. Это и не удивительно, если из всех «...кавказских языков 44, то 29 из них приходится на долю Дагестана»¹⁵, то, на наш взгляд, каждый народ должен иметь своих ярких представителей. Как в продолжении этой мысли, Пирогов побывавший в Дагестане отметил, что местные хакиды действительно имеют «...большую наглядность и опытность в лечении огнестрельных ран. Искусство лечения наружных повреждений у кавказских племён есть чисто наследственное и переходящее от отца к сыну»¹⁶. И не зря «Николай Иванович Пирогов сохранился в памяти горцев как чудесный русский доктор» ...его любили народ и он проявлял к народу душевное внимание»¹⁷. А профессор Л.А.Огонесян писал, что «хирургия кавказской народной медицины стояла почти на уровне научной медицины. Они производили даже такие операции, как трепанация черепа»¹⁸. Знахари Дагестана лечили не только у себя на родине, но и в Чечне, Осетии и в других областях «...неизменно пользуясь популярностью среди населения»¹⁹, а «...гнилость и бессилие крепостной России»²⁰ далее и советского периода правления преподнесли это с неверной стороны.

На наш взгляд, большой интерес представляет вопрос о том, как относились к борьбе горцев Кавказа К.Маркс и Ф.Энгельс,²¹ которые были современниками и внимательно следили за ходом борьбы горцев. Отношение Маркса и Энгельса к борьбе горцев Кавказа в XIX в. однозначно. В работах Маркса и Энгельса мы находили ответ, прежде всего на следующие вопросы: Характер и особенности борьбы горцев, борьба горцев и внешняя политика официальных властей, деятельность Шамиля, внутрироссийское значение борьбы горцев. Маркс и Энгельс утверждали, что борьба горцев это «настоящая война, в которой участвует сам народ». Она была одной из форм «оборонительной горной войны», принесшей горцам наибольшую славу в борьбе против захватнической политики царской России»²². Они рассматривали борьбу горцев как силу, способную ослабить позиции Российской империи и внутри и на международной арене. Маркс отмечал, что усиление массовых антикрепостнических крестьянских восстаний свидетельствует о проявлении революционной Российской империи, являющиеся потенциальным союзником революционному движению внутри государства Российского, так и в Европе: «Движение горцев

¹ Апухтих А.М. Графу Л.Н. Толстому // Русские поэты XIX века: Вторая половина. – М.: Просвещение, 1989. – 449.

² Н.Н.Толстой – Толстому / Переписка Л.Н.Толстого с сестрой и братьями. – М.: Худ. Лит., 1990. – Сноска 2 к стр. 124.

³ Трунов Д.И. Свет из России. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. – 102-103.

⁴ Так же. – 105.

⁵ Бестужев-Марлинский А.А. Соч. – В 2-х т. – Т. 1-2. – М., 1958.

⁶ Трунов Д.И. Свет из России. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. – 76.

⁷ Васильев В. Бестужев-Марлинский на Кавказе. – Краснодар, 1939. – 42.

⁸ Сахаров В. Гвардейский Прометей, или Кавказ А.А.Бестужева-Марлинского // Родина. – 1994. – № 3-4. – 107.

⁹ Гасанов М.Р. У истоков братства: Некоторые вопросы развития дагестано-грузинских отношений. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986. – 20.

¹⁰ Белинский В.П. Полн. собр. соч. – Т. 3. – М.: Изд. АН СССР, 1954. – 188.

¹¹ Белинский В.П. Собр. соч. – В 3-х т. – Т. 1. – М., 1948. – 692.

¹² Лорер Н.И. Записки декабриста. – М., 1931. – 214.

¹³ Львов Н. Домашняя и семейная жизнь Дагестанских горцев аварского племени // ССКГ. – Вып. 3. – Тифлиси, 1870. – 18.

¹⁴ Ганиев Б. С милого Севера в сторону южную... // Дагестанская правда. – 1992. – № 134 (486). – 3.

¹⁵ Трунов Д.И. Свет из России. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. – 132.

¹⁶ Пирогов Н.И. Отчёт о путешествии по Кавказу. – М., 1952. – 69.

¹⁷ Аскерханов Р.П. Развитие хирургии в Дагестане от Н.И.Пирогова до наших дней. – Махачкала, 1979. – 21.

¹⁸ Огонесян Л.А. Истории медицины в Армении с древнейших времён до наших дней. – Ч. III. – Ереван, 1946. – 188.

¹⁹ Аликишиев Р.Ш. Очерки из истории здравоохранения Дагестана. – М., 1958. – 20-21.

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т.20. – 173.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 2, 7, 9, 10, 11, 12, 17, 19, 21, 22, 28, 36, 37, 44.

²² Рамазанов Х.Х. Шигабуудинов М.Ш. Шихсайдов А.Р. Борьба горцев Дагестана и Чечни за независимость: Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-е годы XIX в. – Махачкала, 1990. – 24-25.

подтачивало устои царизма и тем самым вносило лепту в борьбу угнетенных масс России за освобождение».¹

Ф.Энгельс, выделяя борьбу горцев, подчеркивает, что борьбу на Кавказе «...из войн этого типа принесла жителям гор наибольшую славу»,² где «...горцы были легче и подвижнее».³ Мужественная борьба горских народов имела огромное значение для всего Кавказского региона, она была созвучна национально-освободительным движениям народов нашей страны, революционным движениям Европы и Востока, вызывала восхищение прогрессивных деятелей не только государства Российского, но и других сторон.

Сомнительным является на наш взгляд то, что комментируя войны, имевшие в государстве Российского длинные во времени 1,5-2 года, Ленин В.И. уделял большое внимание им, а Кавказскую войну, также на территории Российской империи, обошел стороной, более того – вниманием, что, на наш взгляд, не делает ему чести. Относительно Ленин-Кавказ точно выразился Никифоров В.И., а именно: «В.И.Ленин, имевший в конце XIX – начале XX веков, дополнительные источники, целиком... и никогда не поддерживал теорию азиатского способа производства»⁴.

Среди всех источников наиболее ценным является памятник истории Дагестана данного периода «Хроника Мухамеда Тахира Ал-Карахи»⁵, современник большинства описанных им событий «Хроника, – отмечает Крачковский И.Ю., – является первостепенным источником для всего этого периода».⁶ Начиная свое повествование Мухамед Тахир Ал-Карахи оставил следующую запись: «Я, Магомет Тахир, в этой книге воспеваю неустрашимость горцев, верность их острых сабель и Газават, провозглашенный Имамом Шамилем»⁷. Его работа «Три имама»⁸, тоже является источником из местной мемуарной литературы о борьбе горцев, являясь продолжением о Кавказской войне.

Ценный памятник, посвященный освещению героической борьбы горцев Дагестана и Чечни с самодержавием официальных властей, является книга Гаджи-Али «Сказание очевидца о Шамиле».⁹ Гаджи-Али будучи главой контрразведки Шамиля и имея при этом доступ к секретной информации «...оставил в своем труде много ранее неизвестного читателям»¹⁰. Верующие мусульмане причисляли Гаджи-Али «...к лику святых и сделали его могилу местом Зиярата – паломничества»¹¹.

Будучи «одним из создателей русского востоковедения»¹² и пройдя сложный противоречивый путь развития: от монархических и либеральных иллюзий к демократическому, от идеализма к деизму»¹³, т.е. к признанию «существования бога»¹⁴ Казем-Бек М.¹⁵ в своем труде дает анализ истокам «...развития мюридизма, духовное влияние религиозных светил востока на становление имама Шамиля»¹⁶. Казем-Бек обладал большой эрудицией, был полиглотом¹⁷ и ученым. На начальной стадии своего становления Казем-Бек отрицал религию¹⁸ и допускает ошибку, «...ставя знак равенства между царизмом и русским народом».¹⁹ Казем-Бек, как то отмечает Гусейнов Г. «...выступал против невежества, отсталости, против фанатизма и суеверия»²⁰. В своей работе же «Мюридизм и Шамиль», Казем-Бек дает характеристику своего пути становления мюридизма и отношение к нему великих личностей, а также характеристику борьбы горцев»²¹.

После себя «Гомер XX века»²² – «Гасан-Эфенди Алкадари оставил «свой неизгладимый след в развитии исторической науки...»²³ в труде написанном «...не без таланта и содержит много ценных сведений, особенно по новой истории Дагестана»²⁴. Среди обширных областей знаний, «...изучением

¹ Там же. – 25.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 12. – 119.

³ Там же. – 119.

⁴ Никифоров В.Н. Проблема азиатского способа производства в советской историографии // Межвузовская научная конференция по вопросам истории Азии и Африки в советской историографии (20-22 декабря 1966 г.): Тезисы докладов. – Изд. МГУ, 1966. – 7.

⁵ Хроника Мухамеда Тахира Ал-Карахи. (О дагестанских войнах в период Шамиля): Перевод с арабского Барабанова А.М. – М.-Л., 1941. (Далее. – «Хроника»).

⁶ Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избр. произв. – Т. IV. – М.-Л., 1960. – 617.

⁷ ЦГА РД. – Ф. 133. – Оп. 2. – Ер. хр. 2. – Л. 5.

⁸ См.: Мухамед Тахир. Три имама. – Махачкала, 1927.

⁹ См.: Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала, 1990.

¹⁰ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала, 1990. – 2.

¹¹ Хайбулаев С. Страницы аварской литературы. – Махачкала, 1991. – С. 4.

¹² Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. – Л., 1925. – 283.

¹³ История философии в СССР // Кол. авт. под рук. Евграфова В.Е. – В 5 т. – Т. 3. – М.: Изд. «Наука», 1968. – 567.

¹⁴ Розенталь М.М. Философский словарь. – М.: Политиздат, 1975. – 102.

¹⁵ Казем-Бек М. Мюридизм и Шамиль. – Махачкала, 1990; Мазитова Н.А. Изучение Наследия А.К. Казем-Бека в Советской историографии // Межвузовская научная конференция по вопросам истории стран Азии и Африки в советской историографии (20-22 ноября 1966 г.): Тезисы докладов / Отв. ред. Стижина Э.П. – Изд. МГУ, 1966. – 57-58.

¹⁶ Казем-Бек М. Указ. раб. – 2.

¹⁷ Абдулаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX в. – М.: Изд. «Наука», гл. ред. вост. лит., 1968. – Сноска 1 к стр. 133.

¹⁸ Тарнау Н. Изложение начал мусульманского законовѣдения. – СПб., 1850. – Сноска 1 к стр. 7-8.

¹⁹ Казем-Бек М. Указ. раб. – Сноска 54 к стр. 56.

²⁰ Гусейнов Г. Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX в. – Баку, 1949. – 147.

²¹ См.: Абдулаев М. Казем-Бек – ученый и мыслитель. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963.

²² Абдулаев М.А. Мыслители Дагестана. – Махачкала, 1963. – 149.

²³ Юсуфов Ш. Из славного рода Алкадари // Дагестанская правда. – 1991. – № 150 (20252). – 3.

²⁴ Бартольд В.В. Дагестан // Сочинения. – Т. III. – М., 1965. – 418.

которых занимался Гасан Алкадари, особое место занимает его труд...» «Асари Дагестан»¹ – «... первый систематизированный труд по истории Дагестана»². Здесь автор конкретно не выступает против местных феодалов, но положительную сторону деятельности Шамиля он усматривает, главным образом, в борьбе с крупными феодалами. По Гасану А. в ней «...сделана попытка собрать воедино, согласовать и изложить в хронологической последовательности все исторические сведения, имеющиеся в арабской, турецкой и персидской литературе, а также все, что знал автор по народным преданиям»³. Он также является «...одним из видных, общественных деятелей и мыслителей, поэтом и известным просветителем Дагестана второй половины XIX века»⁴ и мы видим, что в конечном счете русские и дагестанские «...дореволюционные авторы сделали все же весьма значительный вклад...»⁵ в историю Дагестана.

Учитывая то обстоятельство, что в дореволюционных работах как русских, так и дагестанских историков характерной особенностью является односторонний подход к оценке событий и идеализации личностных характеристик и т.д., мы считаем для себя необходимым – критический подход к сравнительно-историческому анализу, на основании которых и сделаны выводы.

В советской исторической литературе, как и в дореволюционной литературе, имеются высказывания совершенно противоречивые, даны оценки и налицо отражены геометриально-противоположность оценок этих событий, которые менялись обычно «...столько раз, сколько менялась генеральная линия партии...»⁶.

Совершенно прав Понамарев Б.И., отмечая, что «Советский историк, изучая проблемы прошлого, в том числе и национальные движения, должен учитывать широкую историческую перспективу»⁷ и в этой связи «пионером» осветивший проблему Кавказской войны был Покровский М.Н.,⁸ который считает борьбу народов гор «следствием царской политики».⁹ Теоретические основы и выводы Покровского имели положительные значения для разработки истории народов Кавказа. Он был «...подвергнут (посмертно) резкой критике, взгляды его были расценены как, «вредные и антимарксистские».¹⁰ Объективное освещение получила борьба горцев в трудах советского «...крупного ученого-кавказоведа»¹¹ Магомедова Р.М.¹² В трудах последнего затрагиваются вопросы, непосредственно имеющие отношения как истории борьбы в целом, так и отдельным ее вопросам. Главная ценность его работ заключается в том, что в них автор показал народно-освободительный характер борьбы горцев.

Основное место и внимание в работах профессора Рамазанова Х.Х.¹³ уделяет колониальной политике государства Российского в Дагестане, а также вопросам по проблеме влияния борьбы народов Кавказа.

Весьма ценный материал по исследуемой проблеме содержится в работах Гаджиева В.Г.¹⁴ Основные его взгляды по проблеме борьбы горцев нашли отражение в докладе, сделанном им на научной сессии в Махачкале в 1956 году.

Представляет особый интерес работы Даниялова Г.-А.Д.¹⁵ в том плане, что в них автор основное внимание уделяет вопросам связанным социальной базой и характеру борьбы горцев.

Значительный материал по интересующим нас проблемам можно встретить в трудах Хашаева Х.М.¹⁶ В своих работах автор затрагивает вопросы содержащие интересные сведения, касающиеся отношения к борьбе горцев тех кавказских народов, которые находились непосредственно под управлением царизма. Здесь же приводится обширный материал, характеризующий социальную базу борьбы.

¹ Гасан Алкадари «Асари Дагестан». – Махачкала, 1929; ... 1994.

² Абдулаев М.А. Из истории научной и педагогической мысли досоветского Дагестана. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1986. – 159.

³ Гасан Алкадари. Асари Дагестан. – Махачкала, 1929. – 16.

⁴ Баймурзаев А.Б. Об истории общественной мысли Дагестана второй половины XIX века. – Махачкала, 1965. – 58.

⁵ Косвен М.О. Изучение социалистической культуры и быта народов Дагестана (предварительные итоги работ экспедиции института этнографии АН СССР) // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. – ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1954. – 3.

⁶ Омаров А.И. Идеология и история Кавказской войны: к вопросу о деятельности научной и творческой интеллигенции // Сборник статей студентов, аспирантов и преподавателей университета. – Махачкала: ДГУ, 1992. – 101.

⁷ Понамарев В.Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории // Вопросы истории. – 1963. – № 1. – 16.

⁸ См.: Покровский М.Н. Дипломатия и война царской России в XIX столетии. – М., 1924.

⁹ Там же. – 228.

¹⁰ Магомедов Р.М. Мат. сессии... 1989 г. – 10, 29.

¹¹ Шихсаидов А., Гасанов М. Вглядываясь в столетия // Дагестанская правда. – 1996. – № 21 (213346). – 2.

¹² Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Махачкала, 1939. ... 1991; Его же. Шамиль. – Махачкала, 1940; Его же. Общественно-экономический политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. – Махачкала, 1957; Его же. Шамиль в отечественной истории. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990 и др.

¹³ Рамазанов Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX века // В мат. сессии ... 1957; Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Шамиль. Исторический портрет. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1990 и др.

¹⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М.: Изд. «Наука», 1965; Гаджиев В.Г., Пикман А.П. Великие русские революционеры – демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1972; Гаджиев В.Г. Шамиль // Российский ежегодник. – Вып. 1. – М., 1989.

¹⁵ Даниялов Г.-А.Д. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966; Его же. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX-начале XX вв. – Махачкала: Изд. Даг. ФАН СССР, 1970.

¹⁶ Хашаев Х.М. Движущие силы юридика // В мат. сессии 1956 г.; Хашаев Х.-М., Косвен М.О. «История география и этнография Дагестана (XVIII-XIX вв.). – М., 1958; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана XIX веке. – М.: Изд. АН СССР, 1961.

Работая в этом плане вышли в свет работы и монографии Ибрагимбеили Х.-М.,¹ Бушуева С.К.,² Смирнова Н.А.,³ Фадеева А.В.,⁴ Пикмана А.М.⁵ и др. Ценнейшие сведения касающиеся данной проблемы в той или иной степени отражены в научных трудах Дагестанских ученых в «Учёных записках»⁶ и в «Вопросах истории и этнографии Дагестана»⁷.

Помимо этого имеется учебный материал и художественная литература относительно данной проблемы. К токовым относятся: «История Дагестана»,⁸ «История народов Северного Кавказа»,⁹ «Шамиль»,¹⁰ «Имам Шамиль»¹¹ и т.д.

Как видно из вышеизложенного, историческая наука добилась в правдивом освещении борьбы горцев Северо-восточного Кавказа. В таких условиях появляются отдельные труды, работы, в которых неправильно освещают многие проблемы данного периода. Эти авторы встали на путь отрицания подлинных достижений исторической науки игнорируя работы советских авторов-историков. Отдельные личности утверждали, что «...реакционное движение мюридов, поставивших своей целью уничтожения русских»¹² имеют право на историю. Историю борьбы горцев исказили «...феномен XX века...».¹³ В.Пикуль в своей книге «Миниатюры» (в гостях у Шамиля),¹⁴ допуская грубые, недостойные для советского писателя оскорбительные выпады в отношении руководителя борьбы горцев и членов его семьи, где «...он же испытывает добрых чувств к Шамилю.»¹⁵ В этой связи Г.Г.Гамзатов совершенно справедливо отмечает, что «Пикуль откровенен, но не до конца: добрых чувств он не питает, так же к тем народам, чьей исторической и духовной памяти это имя принадлежит»,¹⁶ но отметим, что, по мнению, Я.Иноглю «другого такого полководца, как великий Имам Шейх Шамиль в мире не было»¹⁷.

«Защищая кавказскую политику, – отмечает Отахиев Г.А., – российского самодержавия, как правило, они подходят односторонне к оценке событий и в большинстве случаев описали горцев Дагестана как хищников...», а выступающих против политики официальных властей, местных правителей, как «изменников», «предателей», «агентов» Ирана, Турции и т.д.»¹⁸

Неправильные взгляды, указанных выше авторов на широкий круг вопросов, связанных с причинами, характером борьбы горцев XIX века столетия, подвергнуты острой и справедливой критике в работах последователей: Абдулаева М.А.,¹⁹ Халикова А.М.,²⁰ Гамзатова Г.Г.²¹

Некоторые авторы, выпуская учебник для школ, к великому сожалению, и по ныне допускают грубые ошибки относительно нашей истории.²²

По поводу оценки борьбы горцев Дагестана и Чечни XIX столетия против колониальной политики царской России вплоть до настоящего времени среди исследователей ведутся ожесточенные споры. Только взвешенная, аргументированная оценка положительных и отрицательных моментов в борьбе горцев, анализ

¹ Ибрагимбеили Х.-М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. – М., 1971; Его же. Некоторые вопросы истории народно-освободительной борьбы горцев Северо-восточного Кавказа против царизма и передовая Россия (20-50-е гг. XIX) // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана: (Региональная научная конференция 26-27 ноября 1987 г. – Махачкала, 1987. – 7-11; Его же. Об извращении в освещении народно-освободительной борьбы горцев Северо-восточного Кавказа против царизма и местных феодалов // Народно-освободительное движение... – 17-20.

² Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1939; Его же. О кавказском мюридизме // Вопросы истории 1956. – № 12. – 72-79.

³ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. – М.: Соцэкгиз, 1958; Его же Мюридизм на Кавказе. – М., 1963.

⁴ Фадеев А.В. О внутренней социальной базе мюридического движения на Кавказе // Вопросы истории. – 1955. – № 6. – 67-76; Его же Россия и Кавказ в I-й трети XIX в. – М.: Изд. АН СССР, 1969.

⁵ Пикман А.М. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами // Вопросы истории. – 1956. – № 3. – 75-84.

⁶ Учёные записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР им. Г.Цадасы. – В 20 т. – Махачкала, 1957-1970.

⁷ Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сб. научных сообщений. – Вып. 1-7. – Махачкала, 1970-1976.

⁸ История Дагестана. – В 4-х т. – Т. 2. – М.: Наука, 1968.

⁹ История народов Северного Кавказа конец XVIII в. – 1917 г. – Т. 2. – М.: Наука, 1988.

¹⁰ Павленко П.А. Шамиль. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990.

¹¹ Ибрагимов М. Имам Шамиль. – М., 1991.

¹² Сумуев С.К. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20-70 гг. XIX в.). – М., 1955. – 8.

¹³ Асиятилов С.Х. Борьба горцев Дагестана и Чечни за свободу и независимость под руководством Шамиля в 20-50 годы XIX века. (Программа к спецкурсу). – Махачкала, 1989. – 11.

¹⁴ См.: Пикуль В. Миниатюры. – Л., 1983.

¹⁵ Там же. – 512.

¹⁶ Гамзатов Г.Г. Преодоление. Обновление. – Махачкала, 1986. – 37; Его же. Дагестан: историко-литературный процесс. Вопросы истории, теории, методологии. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. – С.300

¹⁷ Иноглю Я. Турецкий историк // Зов предков. – 1991. (Пробный номер). – 9.

¹⁸ Отахиев Г.А. К историографии вопроса «Дагестан в Кавказской политике Ирана, Турции в первой трети XIX века.» // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сборник научных сообщений. – Вып. 2. – Махачкала, 1970. – 70.

¹⁹ См.: Абдуллаев М.А. Указ. работа.

²⁰ См.: Халиков А.М. Указ. работа.

²¹ См.: Гамзатов Г.Г. Указ. работа.

²² См. Учебник дореволюционной России по истории // Отв. сост. Т.В.Естеферова. – М.: Просвещение, 1993; Беллярмишев И.Г. Экспериментальной курс всеобщей и русской истории. – СПб.: Н.Фену и К^о, 1882; Иловайский Д. Краткие очерки русской истории. – М.: «Просвещение», 1993. – 171; Зырянов П.Н. История России XIX век: Учебник для 9 класса. – М.: «Просвещение», 1994. – 58-60.

причин ее успехов на первом и втором этапах борьбы и поражения на третьем позволят правильно понять роль, место и последствия Кавказской войны в истории России и народов Северного Кавказа, извлечь из нее уроки практической политики для наших дней. А в настоящее время это обстоятельство еще более усугубляется предвзятостью отношений центра к национальным окраинам, а именно исследуемому региону. Понятие «дикий народ», «дикие народности» и «туземцы» заменяются в официальном обороте понятием, которое произносится во всеулышанье – «лицо» или «лица кавказской национальности».

Исследование при советской власти проводилось исключительно с марксистских позиций и партийной конъюнктуры или их оппонентами в лице зарубежных советологов с различных идеологических позиций, где рассматривали эту проблему в соответствии с собственным политическим и идеологическим видением места, роли и отношения к теме исследования в Советском Союзе. В этой связи здесь наиболее подходит метод объективности исторического исследования и научного историзма

Таким образом, в работах дореволюционных и советских авторов встречаются довольно-таки обширный материал, который во многом способствует объективному рассмотрению различных вопросов основных военных сражений в Дагестане в период Кавказской войны 20-50-е гг. XIX века, главное достоинство которых заключается в том, что в них использован большой документальный материал, который определенным образом способствовал раскрытию исследуемой темы.

Таким образом, актуальность проблемы исследования не вызывает сомнений. Ее многие конкретные аспекты, обозначенные выше, требуют всестороннего изучения и освещения.

Услуги как самостоятельный объект гражданско-правовая категория

Я.М. оглы Махаев

Рынок услуг в России – это один из динамично развивающихся секторов экономики. Однако правовое регулирование данной сферы, по мнению многих ученых и юристов-практиков, нуждается в совершенствовании. При этом, мнения о путях и способах высказываются прямо противоположные. Научный анализ имеющихся концепций и взглядов показал, что изначально нет единства взглядов на корневое понятие «услуга», которое в российском законодательстве имеет довольно размытые границы, а учеными практиками толкуется по-разному и обладает множеством смысловых оттенков. В связи с этим целесообразно обратиться к понятию услуги как предмету указанного вида договора.

Следует подчеркнуть, что выделение услуги в качестве самостоятельного объекта гражданских прав обусловлено специфическими признаками, формирующими понятие услуги, на которые обратили внимание еще юристы древнего мира. Так, в римском праве обязательство об оказании услуг именовалось *locatio-conductio operanum* и делилось на предоставление за плату физического труда и предоставление за плату духовной деятельности. В российской дореволюционной цивилистике выделение обязательств об оказании услуг по общему правилу не проводилось. Однако отдельные ученые все же придерживались позиции, что договоры об оказании услуг имеют право на существование. К примеру, виднейший юрист XIX в. Г. В. Шершеневич, давая классификацию договоров по их цели, выделял договоры о предоставлении пользования чужими услугами. К ним относил личный наем, возмездное оказание услуг, перевозку, доверенность, комиссию, поклажу, товарищество.¹

В юридической литературе советского периода большая группа ученых также обосновала необходимость выделения в системе гражданско-правовых обязательств особого, самостоятельного обязательства об оказании услуг. При этом отсутствовало единство мнений о правовой природе этих обязательств и их видах. Основываясь на материальном характере услуги, Е. Д. Шешенин сделал вывод, что предметом подрядных договоров являются результаты, воплощающиеся в товарах (вещах), а предметом договора, порождающих обязательства по оказанию услуг, – результаты деятельности, не существующие отдельно от исполнителей и не являющиеся вещами². Согласно другому мнению, в любом возмездном договоре можно усматривать услугу одного контрагента и вознаграждение за нее со стороны другого³. М. И. Брагинский предложил классификацию на договоры по производству работ и договоры услуг, относя к последнему виду поставки, снабжение энергией и газом и т. д.⁴ Высказывались мнения, что для выделения самостоятельного договора об оказании услуг нет оснований. В науке гражданского права продолжала существовать классификация обязательств, выделяющая обязательства о выполнении работ и обязательства об оказании услуг. Таким образом, обязательства об оказании услуг существовали как *de lege ferenda*.

Сложившаяся ситуация была обусловлена тем, что многие ученые и юристы-практики усматривали главное отличие услуги от работы в том, что услуга не имеет вещественного результата, обладает свойством неосвязаемости. Исследуя понятие услуги, юристы того времени подчеркивали, что услуга проявляется в определенном, как правило, ожидаемом эффекте, который воспринимается зачастую на уровне чувств. Тут же, вещь проявляется, писали они, другое ее свойство – трудность обособления и неотделимость от субъекта, ее оказывающего. Товар же, вещь или результат действий могут существовать отдельно от своего источника, то есть производителя, которым может быть человек или машина. Кстати, услуга также может быть оказана с помощью машины, то есть являться результатом функционирования механизма, однако и в

¹ Шершеневич Г. Ф. Учеб. Русского гражданского права (по изданию 1907 г.) М. 2007. – С. 316

² Шаблова Е. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг. Екатеринбург. 2007. – С. 21.

³ Куник Я. А. Кредитные и расчетные отношения в торговле. – М. 2008. – С. 14.

⁴ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. – М. 2007. – С. 897.

этом случае она все же неотделима от конкретного человека, создавшего данную машину и который в силу своей индивидуальности каждый раз (опосредованно) оказывает эксклюзивную услугу.

Наконец, с принятием части первой ГК РФ проявилась новая позиция законодателя о правовом регулировании такого юридического феномена, как услуга и соответственно ей регулирование отношений возмездного оказания услуг. Категория услуг получила правовое подтверждение в ст. 1, 2, 107, 128, 132, 138, 167, 397, 424, 426 ГК РФ. Основополагающей в данном ряду правовых норм следует признать ст. 128 ГК РФ, выделившую услугу в качестве объекта гражданских прав. Исходя из того, что законодатель в одном ряду объектов перечисляет вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информацию; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага, а также лексического толкования статьи можно прийти к выводу, что услуги образуют самостоятельную группу объектов гражданских прав наравне с имуществом, работами, информацией, нематериальными благами.

С введением в действие части второй ГК РФ услуга получила свое дальнейшее законодательное регулирование в главе 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг», содержание которой следует признать достижением российской цивилистической мысли. Само по себе признание услуги в качестве самостоятельного объекта гражданских прав следует считать позитивным, хотя вопросов осталось много, поскольку в ГК РФ определение услуги отсутствует, а содержащиеся в ряде принятых позже законодательных актов легальные разъяснения соответствующей правовой категории, как справедливо отмечает М. И. Брагинский, существенно различаются между собой.¹

Дело в том, что в отличие от обязательств по передаче имущества и обязательств о выполнении работ обязательства об оказании услуг общей части не имеют. Нормы главы 39 ГК РФ не могут претендовать на такую роль, поскольку регулируют достаточно четкий круг только фактических услуг (п. 2 ст. 779 ГК РФ). Иные законодательные акты, регулируют договоры тех или иных услуг, содержат модели отдельных типов (видов) договоров и соответственно им предопределяют унифицировать услуг, стирая тем самым их эксклюзивность.

Исходя из изложенного учеными того времени делаются общий вывод о том, что основным критерием отличия работы от услуги является овеществленный и отделимый от исполнителя результат. Этой точки зрения придерживаются М. В. Кротов, Е. Д. Шешенин, Д. В. Мурзин, О. С. Иоффе и др. Полезный результат услуги согласно этой позиции заключается в действиях по ее оказанию и неотделим от самой деятельности.

Иной точки зрения придерживается А. Ю. Кабалкин, который полагает, что категоричность, с которой главным признаком оказания услуг признается отсутствие вещественной формы, не отвечает существу упоминаемых в п. 2 ст. 779 ГК РФ отношений. Например, результатом оказания услуг брокера, коммерческого представителя, патентного поверенного, агента, адвоката могут быть вполне овеществленные, материальные предметы (ценные бумаги, патенты, объекты недвижимости), отделимые от услугодателей и существующие в качестве самостоятельных объектов гражданских прав. Поэтому признак материальности и отделимости результата работы исполнителя, присущий как подряду, так и некоторым отношениям по оказанию услуг, не является, по мнению А. Ю. Кабалкина универсальным для отграничения этих правовых типов.²

В ст. 779 ГК РФ словосочетание «оказание услуг» раскрывается как совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности. Кроме того, в п. 2 данной статьи содержится открытый перечень услуг, подпадающих под действие гл. 39 ГК РФ: услуги связи, медицинские, ветеринарные, аудиторские, консультационные, информационные услуги, услуги по обучению, туристическому обслуживанию.

В целом можно согласиться с утверждением М. Ю. Брагинского, что «после принятия ГК, выделившего договор возмездного оказания услуг, представление о его предмете в литературе в основном сохранилось в прежнем виде»³. И в учебной литературе, и в комментариях к ГК РФ в основном встречаются традиционные формулировки. М. В. Кротов полагает, что предметом обязательства по оказанию услуг являются «действия, результат которых не имеет овеществленного выражения и не может быть гарантирован»⁴. А. Е. Шерстобитов в качестве предмета называет «полученный заказчиком полезный эффект от совершения исполнителем определенных действий либо осуществления им определенной деятельности»⁵, при этом он особо подчеркивает нематериальный характер полезного эффекта. В. А. Кабатов как на общий признак, свойственный различного рода услугам, перечисленным в п. 2 ст. 779 ГК РФ, указывает на то, что «их предметом являются, как правило, соответствующие действия, а не их овеществленный результат»⁶.

В монографической литературе при формировании понятия «услуги» в качестве основного признака также указывается на нематериальность результата деятельности исполнителя при оказании услуг.

¹ Брагинский М. И. Договор подряда и подобные ему договоры. – М. 2008. – С. 226-227.

² Кабалкин А. Ю. Возмездное оказание услуг // Гражданское право. Учебник. Часть 2 / Под ред. А. Г. Калпина. – М. 2008. – С. 183.

³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. – М. 2009. – С. 212.

⁴ Гражданское право. Учебник / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М. 2008. Ч. II. – С. 539.

⁵ Гражданское право. Учебник: В 2 т. / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – М. 2008. Т. II, пт. 2. – С. 5.

⁶ Кабатов В. А. Возмездное оказание услуг // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель. 2009. – С. 393.

В связи с этим интерес представляют попытки Е. Г. Шабловой сформулировать доктринальное определение услуги. Сначала услугу она определяет как «способ удовлетворения индивидуальной потребности лица, который не связан с созданием (улучшением) вещи или объекта интеллектуальной собственности и достигается в результате деятельности, допускаемой действующим правом порядком на возмездных началах»¹. Впоследствии это определение уточняется: «Услуга – это способ удовлетворения индивидуальной потребности лица, который связан с нематериальным результатом деятельности исполнителя, допускаемой действующим правом порядком, на возмездных началах».

Предлагаемое понятие «услуги» охватывает слишком широкий круг явлений. Исходя из него, практически любой вид деятельности можно отнести к услугам, что соответствует экономической трактовке услуг как вида деятельности, не относящегося к промышленному производству и сельскому хозяйству. Однако при таком подходе большинство договорных обязательств можно отнести к обязательствам об оказании услуг. Так, передача вещи во временное пользование, несомненно, является способом удовлетворения потребности, результат деятельности арендодателя носит нематериальный характер, так как не связан с созданием (улучшением) вещи.

Следует также отметить, что сформулированное Е. Г. Шабловой понятие можно рассматривать лишь в качестве определения услуги как предмета договора возмездного оказания услуг, так как возмездный характер деятельности исполнителя присущ только этому договору. Для других договоров, которые в силу косвенного упоминания их в п. 2 ст. 779 ГК РФ также относятся господствующей доктриной к договорам оказания услуг, возмездность не является существенным признаком, в частности, для договора поручения.

Использует традиционный критерий для разграничения работ и услуг В. В. Кванина. Но она выделяет услуги в широком и узком смысле: «Под услугой в широком смысле следует понимать любую деятельность, не имеющую овеществленного результата (поручение, хранение, комиссия, перевозка, медицинские, образовательные услуги и др.). А в узком смысле слова под услугой следует понимать деятельность, которая непосредственно направлена не на вещь, а на личность услугополучателя»². Однако предлагаемый критерий не универсален, так как применим не ко всем видам услуг. Это признает и сама В. В. Кванина, относя к услугам те виды деятельности, которые, хотя и имеют определенный материальный результат, непосредственно направлены на личность услугополучателя (услуги парикмахеров, визажистов, врачей-косметологов и т. д.).

Вместе с тем использование в качестве ключевого признака услуг отсутствие овеществленного результата подвергается в правовой литературе и справедливой критике, которая основана на анализе п. 2 ст. 779 ГК РФ. А. Ю. Кабалкин отмечает, что «многие договоры оказания услуг связи заключаются по поводу отправления писем, бандеролей, посылок. Одним из условий договора туристического обслуживания чаще всего является предоставление определенных транспортных средств. Число таких примеров можно увеличивать за счет иных отношений, например таких, как оказание медицинских услуг по различным видам протезирования»³. Т. Л. Левшина также допускает возможность наличия у некоторых видов услуг материального результата. «Более того, – пишет она, – в рамках одного вида услуги осуществление деятельности или действий может иметь материальный результат, а может и не иметь. Так, медицинские услуги по оказанию стоматологической помощи могут иметь такой результат, а терапевтическое лечение – нет».

Следовательно, устоявшееся представление об услугах как деятельности, не имеющей овеществленного результата, не в полной мере соответствует действующему законодательству, что ставит исследователей перед необходимостью искать новые подходы к выявлению сущности услуг как объекта обязательства по оказанию услуг.

Т. Л. Левшина предлагает рассматривать услугу как совокупность деятельности и результата: «результату предшествует совершение действий, не имеющих материального воплощения и составляющих вместе с ним единое целое. Поэтому при оказании услуги «продается» не сам результат, а действия к нему приведшие»⁴. На неотделимость результата указывает и Ю. В. Романец: «Особенностью услуг, отличающей их от подряда, является то, что работа, выполняемая по договору возмездного оказания услуг, направлена на достижение результата, который неотделим от процесса работы»⁵.

Неотделимость результата от деятельности вряд ли можно рассматривать в качестве основного признака услуг. При выполнении работ по переработке или обработке вещи результат также не отделим от самой деятельности, но эти отношения регулируются договором подряда в силу прямого указания закона (п. 1 ст. 703 ГК РФ). В то же время при оказании ряда услуг результат, может быть отделим в той или иной форме. Например, при оказании аудиторских услуг аудитор обязан предоставить отчет, который может быть выполнен в письменной форме или на электронном носителе.

А. В. Трофименко предложил разграничивать работы и услуги «в зависимости от преобразования должником в ходе исполнения обязательства формы либо содержания материального или нематериального

¹ Шаблова Е. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг. Екатеринбург. 2008. – С. 13.

² Кванина В. В. Договор на оказание возмездных услуг. Учебное пособие. Челябинск. 2008. – С. 31.

³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй / Под ред. проф. Т. Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина. – М. . 2008. – С. 452.

⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. О. Н. Садиков. – М. . 2009. – С. 344.

⁵ Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. – М. 2006. – С. 369.

объекта». По его мнению, при выполнении работ материальный либо нематериальный объект или создается, или уничтожается, или преобразуется его содержание, а при оказании услуг он перемещается в пространстве (в частности, при его перевозке) или во времени (при его хранении), либо преобразуется форма указанного объекта, не затрагивая его содержания. Существенным недостатком предложенного критерия разграничения работ и услуг является его умозрительный характер. Выводы автора не подкреплены исследованием отдельных видов услуг (хотя бы наиболее распространенных), а также положений действующего российского законодательства об услугах, что снижает не только их практическую, но и теоретическую ценность.

О. М. Щуковская определяет услугу как «вид блага, служащий средством удовлетворения потребностей за счет осуществления деятельности (посредством совершения действий) одним субъектом, в полезных свойствах которой и состоит субъективный интерес другого субъекта и на которую у последнего возникает право требования»¹. Отнесение услуг к разряду благ не вызывает возражений, а вот указание на то, что оно служит средством удовлетворения потребностей излишне. В философии под благом понимают «предмет или явление, удовлетворяющие определенную человеческую потребность»², следовательно, удовлетворение потребности является свойством любого блага. Из приведенного определения можно сделать вывод, что автор рассматривает услугу исключительно как деятельность, не принимая во внимание ее результаты (материальные или нематериальные). В отношении ряда услуг можно утверждать, что субъективный интерес кредитора состоит не столько в полезных свойствах самой деятельности, сколько в ее результате. Например, заказчик при оказании ему аудиторских услуг заинтересован, прежде всего, в получении аудиторского заключения.

Так как содержание любого понятия составляет совокупность существенных признаков, выявление признаков услуг представляется чрезвычайно важной задачей. Именно по этому пути пошел Д. И. Степанов, выделив следующие признаки услуги:

- совокупность действий, последовательно сменяющих или дополняющих друг друга, составляет поведенческую характеристику услуги;
- услуга не имеет вещественного результата, как операция обладает свойством неосязаемости;
- трудность обособления и неотделимость от источника;
- услуга, оказываемая конкретным человеком или сообществом, индивидуализируется, становится в известной мере уникальной, эксклюзивной, хотя и продолжает относиться к конкретному виду деятельности;
- моментальная потребляемость услуги, то есть свойство синхронности оказания и получения услуги;
- неустойчивость качества услуг³.

Однако указанные признаки присущи услуге, прежде всего как экономической категории. Они и были сформулированы первоначально учеными-маркетологами. Использование данных признаков для характеристики услуги как гражданско-правовой категории представляется целесообразным только в том случае, если они порождают те или иные юридические последствия, присущие исключительно услуге.

Тем не менее, Д.И.Степанов исходя из выделенных признаков сформулировал следующее определение услуг: «Услуги – разновидность объектов гражданских правоотношений, выражающихся в виде определенной правомерной операции, то есть в виде ряда целесообразных действий исполнителя либо в деятельности, являющейся объектом обязательства, имеющей нематериальный эффект, неустойчивый вещественный результат либо овеществленный результат, связанный с другими договорными отношениями, и характеризующийся свойствами осуществимости, неотделимости от источника, моментальной потребляемости, неформализованности качества»⁴.

Данное понятие услуг довольно объемно по содержанию, но оно не позволяет с достаточной степенью определенности отграничить услуги от иных гражданско-правовых явлений, в частности, работ. Предлагаемый критерий разграничения работ и услуг – проведение необратимой спецификации материалов (нематериальной вещи) противоречит общепринятому в доктрине и закрепленному в законодательстве пониманию работы как деятельности по изготовлению или переработке (обработке) вещи. Наличие необратимой спецификации предполагается только при изготовлении вещи, а при переработке и, тем более, обработке вещи этого не требуется.

Сомнения в приемлемости данного критерия вызывают и попытки Д. И. Степанова на его основе разграничить деятельность по ремонту на работы и услуги. К работам он относит только ремонт зданий и помещений, а к услугам – деятельность по ремонту оборудования, бытовой техники, инструментов, ювелирных изделий. При этом автор приводит следующую аргументацию: «Фактически производство такого ремонта имеет материальный результат, формально это работа, но результат этот несовместим и несоизмерим с результатом спецификации, он зачастую столь незначителен, что с большим трудом можно говорить о переработке или обработке. При этом операции по ремонту бытовой техники и мелких бытовых приборов так часто возникают в хозяйственном обороте, что их вполне можно отнести к услугам. В таком случае эти операции могут иметь два режима правового регулирования: один – как работы, второй как услуги».

¹ Щуковская О. – М. Правовое регулирование деятельности по оказанию правовых услуг. СПб. 2007. – С. 16.

² Философский словарь / Под ред. О. Е. Грицанова. – М. . 2009. – С. 46.

³ Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав. – М. 2008. – С. 16-17.

⁴ Степанов Д. И. Указ. соч. – С. 190.

Последовательное применение Д. И. Степановым указанного критерия заставляет его прибегать и к иным оговоркам.

В частности, выделяя услуги-полуработы или «так называемые услуги», имеющие неустойчивый вещественный результат, он вынужден признать, что для них «является типичным отсутствие признака неосязаемости, а в некоторых случаях – моментальной потребляемости», хотя последний признак включен в понятие услуги в качестве универсального.

Услуги салонов красоты, парикмахерских, услуги по заморозке он также вынужден признать случайными исключениями и казуистикой¹.

Сложности, возникающие при применении данного критерия для разграничения работ и услуг, свидетельствуют о его недостаточной эффективности.

Таким образом, в цивилистической литературе не только не сформировалось единого общепризнанного понятия услуг, но и не была предложена такая концепция услуг, которая позволила бы раскрыть сущность данной гражданско-правовой категории и отграничить ее от иных правовых явлений, прежде всего, от работ.

Представляется, что сложность разработки понятия «услуги» заключается, в первую очередь, в отсутствии единого понимания экономической сущности данного явления.

Следовательно, вряд ли возможно выработать некое единое понятие, охватывающее оба этих значения услуг. Именно этим могут объясняться неудачи цивилистов при формировании понятия «услуги» как гражданско-правовой категории. Поэтому целесообразно разграничить правовые понятия услуг исходя из их экономического содержания.

Услуги как вид деятельности представляет собой группу общественных отношений, складывающихся в процессе удовлетворения потребностей участников имущественного оборота. Общественные отношения определенного вида в теории права, в том числе и гражданского, рассматриваются в качестве объекта правового регулирования. Соответственно, услуги как вид деятельности являются объектом правового регулирования.

Покушение на преступление: ответственность за приготовление.

А.М. кызы Махмудова

Проблема выделения стадий совершения преступления и их видов актуальна и относится к числу важных проблем уголовного права. Осуществление задач уголовного законодательства в соответствии с принципами уголовного права предполагает точное определение круга преступных деяний, применение наказания только к лицам, виновным, в совершении преступлений, и назначение наказания в зависимости от характера и степени реализации преступного умысла. Решение этих задач требует рассмотрения и разрешения ряда вопросов, связанных с неоконченной преступной деятельностью, проявляющихся в таких ее стадиях, как приготовление к преступлению, покушение на преступление.

В действующем уголовном законе выделяются стадии совершения преступления, под которыми понимаются различные этапы в развитии умышленного преступления, осуществляемого виновным лицом и прерванного по причинам, не зависящим от его воли.

Умышленная преступная деятельность включает в себя осознанную, целенаправленную деятельность лица, которая складывается из различных этапов. Осуществляя задуманное, виновный совершает определенные подготовительные действия, а затем совершает деяние, достигая при этом поставленной цели.

На практике возникают серьезные трудности при исследовании и разграничении стадий совершения преступления в силу того, что в уголовно-правовой литературе отсутствует единство взглядов по вопросу содержания понятия стадий, их количества и видов. Вместе с тем точное определение судом стадии совершения преступления имеет значение для правильной квалификации содеянного и индивидуализации наказания.

Как известно, общественную опасность как основной признак преступления, могут представлять не только оконченное преступление, но и действия, предшествующие его завершению, при совершении которых либо возникает угроза причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям, либо им причиняется частичный вред.

Анализ уголовных дел свидетельствует, что постоянно встречаются факты, когда в силу определенных причин задуманное лицом преступление осуществлено не до конца. Налицо неоконченные общественно-опасные деяния, которые по объективному признаку не доведены до конца, но которым надо дать правильную уголовно-правовую оценку для их квалификации, а также индивидуализации уголовной ответственности и назначения справедливого наказания. Такие этапы преступления, существенно различающиеся между собой по характеру общественно-опасных действий и степени их приближенности к преступному результату, признаются действующим законодательством противоправными и наказуемыми.

Одни учёные считают приготовление и покушение стадиями, этапами совершения преступления, либо стадиями развития преступной деятельности, другие относят приготовление и покушение к видам неоконченных преступлений, третьи отождествляют стадии преступления с видами неоконченных преступлений. Расхождение в теоретических взглядах в отношении неоконченных преступлений находит свое негативное отражение и в деятельности правоохранительных органов. В частности, при квалификации

¹ Степанов Д. И. Указ. соч. – С. 205.

деяния могут возникнуть затруднения в определении этапа развития преступного умысла, разграничения фактических признаков приготовления и покушения.

Таким образом, тема данного исследования является достаточно актуальной, поскольку общественную опасность как основной признак преступления могут представлять не только оконченное преступление, но и действия, предшествующие его завершению. При этом либо возникает угроза причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям (правам и свободам человека и гражданина, собственности, общественному порядку и безопасности, а также другим интересам общества и государства), либо им причиняется частичный вред.

Этим объясняется необходимость дальнейшего исследования сущности, признаков, видов стадий совершения преступления, а также практики применения соответствующих норм.

Проблемами приготовления и покушения на преступление занимались А.П. Куницын, Н.А. Неклюдов, А.Н. Орлов, С.В. Познышев, А.А. Чебышев-Дмитриев, Н.С. Таганцев и другие.¹ Они наметили подходы к определению понятия и признаков незавершенной преступной деятельности и ее законодательной регламентации. В дальнейшем, данные понятия разрабатывали А.В. Галахова, А.А. Герцензон, Н.Д. Дурманов, В.Д. Иванов, А.П. Козлов, Л.М. Колодкин, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Мальцев, А.В. Наумов, П.Н. Панченко, К.А. Панько, А.А. Пионтковский, Э.Ф. Побегайло и другие.

Преступное поведение, по своему содержанию отличается от не преступного. Цели, мотивы, принятие решения направлены на совершение общественно опасного деяния. Они формируют вину - умысел либо неосторожность, как внутреннее психическое отношение к общественно опасному деянию. В умышленных преступлениях появление намерения совершить преступление именуется формированием умысла. Обычно на этой стадии и начинаются приготовительные действия к совершению преступления. В соответствии с ч. 1. ст. 30 УК РФ приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам².

Так, приготовление к террористическому акту в аэропорту может выразиться в разработке плана преступления, в изучении системы охраны и сигнализации, выяснении времени прибытия работников аэропорта, прибытия рейсов, изучении времени наибольшего скопления людей ит.д. Приготовление к квартирной краже может состоять в изготовлении отмычек, выяснении времени отсутствия хозяев, договоренности о реализации похищенных ценностей и т.п.

Теоретический анализ и осмысление содержания конкретных стадий совершения преступлений являются чрезвычайно важными для практических работников. Точное определение судом стадии совершения преступления, если оно не было доведено до конца по причинам, не зависящим от виновного, имеет значение для правильной квалификации содеянного и, следовательно, для индивидуализации наказания. Определение судом вида стадии важно также для выявления признаков добровольного отказа от совершения преступления, при котором уголовная ответственность исключается.

При исследовании проблемы стадий совершения преступления возникают серьезные трудности. В уголовно-правовой литературе отсутствует единство взглядов по многим вопросам, в том числе о содержании понятия стадий, об их количестве и видах. В научных трудах нередко употребляются термины, имеющие неоднозначное толкование, которые следует понимать то в широком, то в узком смысле. Часто авторы ничем не аргументируют свои выводы.

Большинство ученых, анализируя содержание ст. 29 и 30 УК РФ, традиционно выделяют три стадии совершения преступления:

- а) приготовление к преступлению;
- б) покушение на преступление;
- в) оконченное преступление.

Процесс совершения преступления, который протекает во времени и пространстве, безусловно, есть явление в объективной действительности. Он представляет собой сложную психическую и физическую деятельность лица, которая проходит (или может проходить) в своем развитии определенные этапы.

Однако науке уголовного права известны и другие взгляды на проблему стадий совершения преступления. Авторы не ограничиваются толкованием содержания уголовно-правовых норм, а предлагают более широкий объем этого понятия. Понятие стадий развития преступления возникло в российской науке уголовного права еще в XIX в., и традиционно включало пять их видов:

- а) возникновение умысла;
- б) обнаружение умысла;
- в) приготовление к преступлению;
- г) покушение на преступление;
- д) оконченное преступление.

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. – М., 2012; Уголовное право. Общая часть: Учебник под ред. А.И. Рарога. – М., 2011. Иванов В.Д. Уголовное право: общая часть. Для студентов вузов. – М., 2012; Иногамова-Хегай Л.В. Российское уголовное право. Учебник. В 2-х томах. Том 1: Общая часть. – М., 2012.

² «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.02.2014). <http://base.consultant.ru/cons/cgi/.12.03.2014>.

В российской уголовно-правовой доктрине приготовление признавалось деянием, влекущим уголовную ответственность. Так, Н.С. Таганцев считал приготовлением «действия, когда виновный запасается известными средствами для выполнения задуманного, собирает необходимые для него сведения, ставит себя в такое положение, при котором появляется возможность действовать, и т.д. Случаи этого рода, во-первых, весьма нередко встречаются в судебной практике, а во-вторых, они иногда могут представлять весьма серьезную опасность для правоохранных интересов»¹.

Данная тенденция была продолжена некоторыми учеными в советский период. Так, профессор А. А. Герцезон с небольшими уточнениями называет тот же «набор» стадий:

- а) возникновение умысла (намерения);
- б) подготовка преступления;
- в) само преступное деяние;
- г) преступный результат.

Критерием такого разграничения, по его мнению, выступает степень осуществления преступного намерения. Несколько позднее профессор, учитывая практическое значение разграничения стадий, признает критерием разделения близость наступления общественно опасных последствий и предлагает несколько иную схему классификации, исключив преступный результат как самостоятельную стадию, «само преступное деяние» заменив термином «покушение» и признав обнаружение умысла отдельным элементом, т. е. повторил научную мысль русских ученых. Однако следует отметить ограничения, установленные А. А. Герцезоном, для применения данной схемы. Он полагает, что стадии совершения преступления присущи лишь умышленным деяниям с материальными составами, с чем, конечно, нельзя согласиться.

Например, преступление, предусмотренное ст. 205 УК РФ «Террористический акт» предусматривает в ч.1 ответственность за «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Данное преступление с формальным составом, то есть за угрозу выполнения указанных в диспозиции действий наступает уголовная ответственность. А, как известно, оно является сложным преступлением, предполагающим выполнение конкретных preparatory действий, как подготовка, приискание соучастников, приискание средств для осуществления взрыва как это наглядно видно на следующем примере. 24 января 2011 года в 16.32 в зале прилета международного терминала московского аэропорта «Домодедово» произошел взрыв. Взрывное устройство, начиненное металлическими поражающими элементами, привел в действие террорист-смертник, находившийся в толпе встречающих².

Профессор А. А. Пионтковский, критикуя позицию А. А. Герцезона, возражает против включения в число стадий совершения преступления возникновение умысла и предлагает свой перечень, считая первой, но ненаказуемой стадией обнаружение умысла. Профессор Н. Д. Дурманов не признает обнаружение умысла стадией совершения преступления, хотя бы и ненаказуемой. Логично рассуждая, заключает он, стадия обнаружения «голового» умысла не является продвижением на пути к достижению преступного результата, не представляет нового в сравнении с формированием умысла³. Данная позиция была поддержана другими учеными, исследовавшими проблему стадий совершения преступлений.

Все последующие публикации по данному вопросу, за редким исключением, содержали анализ трех стадий: приготовление к совершению преступления, покушение на совершение преступления, окончательное преступление, о чем уже было сказано выше.

Такой разброс мнений относительно количества стадий и их содержания можно объяснить тем, что авторы имеют в виду различные понятия: одно связано со стадиями развития преступной деятельности от возникновения умысла до его реализации (включительно), другое – с моментами, когда преступная деятельность лица была прервана по обстоятельствам, не зависящим от него, и преступление оказалось неоконченным.

Профессор Н. Д. Дурманов отмечал, что термин «стадии совершения преступления» имеет двойное значение и используется для:

- 1) установления этапов, которые проходят окончательные преступления;
- 2) определения особенностей привлечения к ответственности за преступное деяние в зависимости от этапа, на котором было прекращено совершение преступления⁴.

Данная позиция была поддержана Н. Ф. Кузнецовой, которая четко разграничила понятия стадий, выделив стадии совершения преступления и виды неоконченной преступной деятельности, и предложила другие наименования для определения стадий в первом значении:

- 1) формирование умысла (намерения совершить преступление);
- 2) подготовительные действия;
- 3) исполнение преступления (что, по ее мнению, соответствует покушению).
- 4) наступление общественно опасных последствий (соответствует стадии окончательного преступления).

¹ Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Гриф Верховного Суда. – М., 2013. <http://www.vuzlib.org/books/2331>. Дата обращения 12.03.2014.

² РИА Новости <http://ria.ru/spravka/20140124/990669937.html#ixzz2wit4PA1L>. 12.03.2014.

³ Уголовное право. Общая часть: Учебник под ред. А.И. Рапога. – М., 2012.

⁴ Ермакова Л.Д. // Уголовный процесс. – №9 сентябрь 2005 г. <http://www.ugpr.ru/arhiv/>. 12.03.2014.

Что касается понятия стадий во втором значении, то уточнение выразилось во введении признака прерванности. Приготовление, по ее мнению, – это прерванные подготовительные действия, а покушение – прерванное исполнение состава преступления. Формирование умысла во втором случае находится за рамками уголовно-правовых отношений. Оконченное преступление связано с наступлением общественно опасных последствий¹.

В принципе, почти все рассуждения Н. Ф. Кузнецовой представляются правильными, однако попытка ввести новые наименования стадий совершения преступлений не выглядит убедительной. Данные предложения больше походят на элементарные пояснения терминологии, используемой в законе: например, приготовление – это подготовительные действия.

Гораздо убедительнее выглядит признак прерванности как критерий разграничения двух понятий. «Прерванные этапы совершения преступления, – пишет Н. Ф. Кузнецова, – не могут по своей сути вести к оконченому преступлению. Стадии же, как этапы совершения преступления, исключают их прерванность». Данную точку зрения разделяет М. П. Редин. Упоминают о двойном подходе к изучению стадий совершения преступлений и другие авторы, но раскрывают понятие стадий только в рамках уголовно-правового института, считая приготовление, покушение и оконченое преступление уголовно – наказуемыми стадиями.

Процесс совершения преступления, который протекает во времени и пространстве, безусловно, есть явление в объективной действительности. Он представляет собой сложную психическую и физическую деятельность лица, которая проходит (или может проходить) в своем развитии определенные этапы. В обобщенной форме этот процесс профессор А. А. Герцензон определяет следующим образом: «В умышленном преступлении различаются намерения субъекта, его действия и наступление известного результата действия». В философии явление – это внешнее обнаружение сущности, форма ее проявления. Сущность и явление – категории материалистической диалектики, отражающие характеристики вещей, которые используются в процессе познания событий, происходящих в объективной действительности. Как представляется, А. П. Козлову не удалось избежать смешения двух значений термина «явление». Совершенно очевидно, что при исследовании стадий совершения преступления речь может идти только о понятиях, отражающих явления объективной действительности, как для первого, так и для второго значения. Различие заключается в том, что первое понятие отражает непрерывное развитие оконченого преступления, а второе – законодательное определение понятий прерванной преступной деятельности, используемое судом для квалификации и назначения наказания, если преступление не было окончено по причинам, не зависящим от виновного.

Закон раскрывает содержание понятий приготовления к преступлению и покушения на него. Однако имеющиеся определения не отражают сущности какого-либо иного явления, а характеризуют в законодательной форме две стадии, выделенные из процесса совершения преступления, как наиболее опасные для общества, если задуманное преступление не удалось довести до конца. На взгляд автора, совершенно очевидна неразрывная связь двух понятий: стадий совершения оконченого преступления (понятия стадий в первом значении) и стадий неоконченного преступления (понятия стадий во втором значении).

По мнению профессора А. П. Козлова, в ст. 29 и 30 УК РФ речь идет не о стадиях, а о видах неоконченного преступления². «Покушением признается пресеченное виновное исполнение преступления от его начала до частичного наступления результата включительно»³. Такая подмена понятий не выглядит логичной и убедительной. В самом деле, почему при оконченом преступлении наказуемым является весь процесс совершения преступления (при этом каждая предыдущая стадия поглощается последующей, и все они охватываются последней – стадией оконченого преступления; в некоторых же случаях стадия приготовления даже может быть признана самостоятельным преступлением, наказание за которое назначается по совокупности преступлений), а при неоконченном преступлении наказуемыми будут не те этапы, на которых преступление прервано, а что-то иное. Если исходить из того, что приготовление и покушение, о которых говорится в ст. 29 УК РФ, не являются частью процесса развития преступления, то совершенно очевидно, что они не могут быть стадиями этого процесса. Поэтому авторы и прибегают к другим наименованиям стадий преступления в первом значении, чтобы подчеркнуть самостоятельность этого явления.

Следует, конечно, учитывать, что первое понятие шире второго, оно включает не только приготовление и покушение, но и другие стадии. Оно является общим по отношению к особенному – характеристике уголовно наказуемых стадий, если преступление не доведено до конца по причинам, не зависящим от виновного. Таким образом, второе понятие является производным от первого и не может развиваться самостоятельно, по своим собственным законам.

В чем А. П. Козлов, бесспорно, прав, так это в признании необходимости самостоятельного изучения обоих понятий.

Первой стадией совершения оконченого преступления следует признать возникновение умысла (или намерения, как пишут некоторые авторы). Рассматривая преступление как разновидность поведения человека с присущими ей психофизическими свойствами, профессор Н. Ф. Кузнецова констатирует,

¹ Ермакова Л.Д. Указ. работа.

² Козлов А. П. Учение о стадиях совершения преступлений.- СПб.: Юридический центр пресс, 2002. – С.78.

³ Там же. – 279.

что физической активности в виде действия или воздержания от него «всегда предшествует процесс мотивации, определение цели (целеполагания) и принятие решения... Именно с появления намерения совершить преступление начинается антиобщественное поведение лица, возникает так называемый «голый умысел».

Формирование умысла признает первым этапом антиобщественного поведения лица профессор Б. В. Яцеленко. «Выполнению объективной стороны преступления, – пишет он, – предшествует сознательно волевой процесс моделирования лицом будущего преступного поведения, который именуется формированием умысла».

Поскольку речь идет об умышленном преступлении, т. е. о целенаправленной деятельности человека, совершенно очевидно, что такая деятельность немыслима без зарождения самой идеи, намерения совершить преступление, которое может включать в себя не только постановку цели, но и определение средств ее достижения, выбор способов совершения и сокрытия преступления.

Например, следует обратить внимание на определение понятия разбоя. Согласно ст. 162 УК РФ разбой есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Объективная сторона данного преступления характеризуется в законе как нападение, соединенное с насилием (способ совершения преступления) либо с угрозой насилия. По конструкции состав преступления усеченный (или формальный, как он определяется в большинстве учебников), поэтому преступление признается оконченным с момента выполнения действия указанным способом. Такая формулировка понятия разбоя исключает стадию покушения на совершение преступления, поскольку частично выполнить нападение нельзя, на что неоднократно обращал внимание Верховный Суд РФ в постановлениях от 22.03.66 № 31, от 05.09.86 № 11, от 27.12.2002 № 29: «Разбой считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия»¹.

Как видно из материалов следующего уголовного дела, рассмотренного Верховным Судом РД, Мусагаджиев Г.М. принимал участие в устойчивой вооруженной группе (банде) и совершаемых ею нападениях. Им также был совершен разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, организованной группой, с применением оружия, насилия и с угрозой применения насилия, в особо крупном размере при следующих обстоятельствах: в конце мая 2012 года Мусагаджиев Г.М. под воздействием переговоров к совершению открытого хищения чужого имущества, вступил в устойчивую, вооруженную группу (банду), в целях нападения на граждан и совершения преступлений на территории Республики Дагестан. Действуя согласованно, заранее распределив роли каждого, лица из банды разрабатывали планы совершения разбоев в отношении жителей, занимающихся перевозкой крупных денежных сумм наличными от Российско-Азербайджанской границы в г. Махачкалу, направленные на нападение в целях хищения их денежных средств, неправомерного завладения их автомобилями. Для осуществления запланированных разбоев, лица, состоящие в банде, разрабатывали преступный план, распределив роли, вместе с лицами привлекли необходимое количество сил и средств, а именно автомашины ВАЗ-21713 «Приора» черного цвета, ВАЗ-2114 серебристого цвета, камуфлированную одежду и форму сотрудников ДПС МВД РФ, матерчатые маски с прорезями для глаз, огнестрельное оружие – автоматы Калашникова, пистолеты неустановленного образца, боеприпасы к ним, которые хранили в неустановленных в ходе предварительного следствия местах или в местах своего проживания и в других съемных квартирах, неустановленных в ходе предварительного следствия.

Таким образом, были совершены все подготовительные действия, выразившиеся в приготовлении к преступлению, то есть приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления².

Действия преступников нельзя квалифицировать как оконченное преступление, поскольку они не были направлены непосредственно на объект: преступники не пытались взломать дверь, не применяли насилие к потерпевшему и не угрожали ему. Действия соучастников заключались в предварительном сговоре на совершение разбоя, в разработке конкретного плана, в распределении ролей между участниками группы, прибытии к месту преступления и попытке обманным путем проникнуть в квартиру, что создавало условия для совершения преступления. Такие действия могут быть признаны только приготовлением к преступлению. И в данном случае уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям.

Таким образом, стадии совершения преступления можно определить как этапы развития преступления, которые отличаются друг от друга по объективным признакам, т. е. по характеру совершаемых действий (бездействия), имеющих различную степень общественной опасности и свидетельствующих о степени реализации умысла виновного.

Конечно, при исследовании данной проблемы нужно исходить из двух значений понятия стадий совершения преступления и из их неразрывной связи. Первое понятие относится к стадиям развития оконченного преступления. Оно важно для учета степени общественной опасности разных этапов

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 N 29 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». (Дата обращения 12.03.2014).

² Дело № 2-69/2013. Архив Верховного Суда РД.

совершаемого преступления и определения момента, с которого преступление следует считать оконченным (в виде выполненного деяния или наступления общественно опасных последствий). Второе – для решения вопроса об установлении уголовной ответственности в тех случаях, когда преступная деятельность прервана на каком-то этапе по причинам, не зависящим от виновного, и совершенное лицом деяние не содержит всех признаков состава преступления. Первое понятие – теоретическое, но имеет большое уголовно-правовое значение как для законодателя при определении круга общественно опасных деяний, признаваемых преступлениями, так и для судов при рассмотрении конкретных уголовных дел.

Второе понятие стадий содержится в ст. 29 и 30 УК РФ (хотя без употребления этого термина). Приготовление и покушение как имеющие значительную общественную опасность и наиболее приближенные (в отличие от возникновения умысла и его обнаружения) к стадии оконченного преступления, определяются законом в качестве наказуемых стадий неоконченного преступления. Это понятие необходимо судам для правильной квалификации деяния, если нет признаков оконченного преступления, а противоправная деятельность была прервана по причинам, не зависящим от виновного. Поэтому использование термина «стадии совершения преступления» применительно к анализу содержания ст. 29 и 30 УК РФ представляется вполне обоснованным и правильным.

Выполнение требования закона о всестороннем, полном и объективном исследовании судом всех обстоятельств дела (ст. 73 УПК РФ)¹ включает установление не только признаков оконченного преступления, но и предварительной преступной деятельности, а также точное определение вида стадий неоконченного преступления, что будет способствовать реализации конституционного принципа законности и соблюдению прав и свобод человека и гражданина.

В действительности формирование умысла (злоумышление), не может быть предметом уголовно-правовых отношений. Общеизвестный принцип уголовного права гласит: «мысли ненаказуемы». Безднаказанность формирования умысла проистекает из международного и конституционного права свободы мыслей и убеждений. По тем же основаниям не имеет уголовно-правового значения обнаружение умысла в словах, письменно. В самом по себе обнаружении умысла не содержится никакой общественной опасности. Часто такое обнаружение даже мешает исполнению задуманного, ибо намерение «злоумышленника» становится достоянием третьих лиц.

Обнаружение умысла нельзя отождествлять с преступлениями типа «призывов», «пропаганды», клеветы. Каждое из этих преступлений посягает на свой объект - мир и безопасность человечества, конституционный строй, честь и достоинство личности. Если обнаружение умысла никакого ущерба правоохраняемым интересам не причиняет, то в случае с приведенными преступлениями такой ущерб налицо.

Таким образом, изложенное нами позволяет нам сделать ряд заключений:

- а) сформирование умысла на совершение преступления находится вне пределов уголовно-правовых отношений;
- б) обнаружение умысла не является стадией совершения преступления;
- в) обнаружение умысла нельзя смешивать с угрозой совершения преступления, подстрекательством к совершению преступления или призывами и иными «словесными» преступлениями, предусмотренными в уголовном законе.

Итак, стадии совершения преступления - это существенно различающиеся между собой этапы осуществления преступления, движимого прямым умыслом. Значение стадий совершения преступления заключается в квалификации преступления и определении его степени общественной опасности. Естественно, при этом учитывается выяснение того обстоятельства, покушением на какое преступление по степени тяжести, является то или иное деяние, поскольку от этого зависит назначение справедливого наказания.

Некоторые вопросы изменений в законодательстве в области предпринимательства

М.М.Мусаев

С 2015 года вступают в силу важные изменения в сфере административной ответственности за нарушения требований трудового законодательства. В первую очередь, срок давности привлечения к ответственности увеличивается в шесть раз - с 2 месяцев до 1 года с момента совершения (прекращения) нарушения. Максимальный размер штрафа за уклонение работодателя от заключения трудового договора в письменной форме возрастает в четыре раза: с 50 до 200 000 руб. Вводится ступенчатая система ответственности: в случае повторного нарушения размер санкций возрастает.

«Конечно, работодателям придется уделять более пристальное внимание вопросам соблюдения трудового законодательства, однако подобное резкое усиление ответственности может спровоцировать и уход части работодателей в тень», - считает Максим Гладких-Родионов генеральный директор аудиторской компании «Уверенность».

С 1 января вступает в силу другое важное изменение: заключение гражданско-правового договора будет считаться незаконным, если будет доказано, что он регулирует трудовые отношения. Сегодня за подмену трудовых отношений гражданско-правовыми в качестве меры дисциплинарной ответственности

¹ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 03.02.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.02.2014). <http://base.consultant.ru/cons/cgi/o> (дата обращения 20.03. 2014).

применяется только ст. 5.27 Кодекса об административных правонарушениях - нарушение законодательства о труде и об охране труда. С 1 января 2015 года данный состав будет выделен в отдельное правонарушение.

«Принимать решение о том, было ли допущено нарушение, то есть является ли договор фактически трудовым, будет не суд, как раньше, а сразу инспектор по труду, - поясняет Максим Гладких-Родионов. – Штраф составит до 200 000 руб. Нельзя не отметить высокий коррупционный риск такого нововведения».

Налоговая система

С нового года вступает в силу законопроект о региональных «налоговых каникулах» для индивидуальных предпринимателей. Законопроект разрешает регионам установить «налоговые каникулы» в виде нулевой ставки для впервые зарегистрированных ИП, перешедших в течение двух лет на упрощенную или патентную систему налогообложения.

«Давайте рассмотрим планируемые «налоговые каникулы»,

- Во-первых, льгота ограничена «регионами опережающего развития». Территории опережающего развития - зоны с льготными налоговыми условиями, упрощенными административными процедурами и рядом других привилегий.

- Во-вторых, предполагаются льготы по налогу на прибыль, налогу на имущество, земельному налогу и НДС. Затрудняюсь сказать, есть ли вообще в РФ индивидуальные предприниматели и малые предприятия, занятые добычей полезных ископаемых. Для кого эта льгота? Вновь созданное реальное предприятие не начинает получать прибыль сразу после регистрации в ИФНС, на это нужно время. Тем более для малого предприятия, для которого ограниченность ресурсов на старте просто не позволяет выходить на прибыль быстро. Сколько времени пройдет до получения столь значительной прибыли, чтобы льгота по налогу стала существенной, останется ли вообще у предприятия время, чтобы воспользоваться этой льготой. Что касается налога на имущество и земельного налога, то для малых предприятий, особенно недавно открытых, льготы по этим налогам, ввиду весьма скромной стоимости имущества и отсутствия у большинства предпринимателей права собственности на земельные участки, также не представляются существенными. Вопреки любым обещаниям налоговая нагрузка на бизнес растет и, думаю, будет продолжать расти».

Действительно, с 2015 года налоговое регулирование становится более строгим: во-первых, если компания опоздает со сдачей декларации больше, чем на 10 дней, налоговики смогут заблокировать ее расчетный счет. Во-вторых, если организация забудет отправить подтверждение о том, что получила электронные документы от налоговиков, операции по счету приостановят. Если же налоговая служба выявит несоответствия в отчетности, согласно новым правилам, она может провести осмотр помещения фирмы.

Блокировка счетов будет страшной только для реально работающей компании. Если говорить об «однодневках», то к моменту блокировки счет такой «фирмы» будет, скорее всего, уже пуст. А вот для настоящего малого предприятия блокировка счета может иметь фатальные последствия. Конечно, 10 дней - срок достаточно большой, но мало ли что может произойти: допустим, человек тяжело болен и физически не может отправить отчетность. Для малого предприятия такая ситуация вполне реальна, ведь зачастую там вообще умеет отправлять отчетность только один человек — бухгалтер, который часто работает по совместительству и руководитель общается с ним только в отчетный период. Или же бухгалтер оказался недобросовестным и «забыл» отправить декларацию. Сейчас и так штрафы за просроченные декларации велики, незачем ужесточать правила».

Проблемы преступления, связанные с незаконным оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств

М.М.Мусаев

Сегодня в Российской Федерации сложилась достаточно сложная обстановка, связанная с преступлениями в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. По мнению специалистов, в настоящее время в России у граждан на законных основаниях находится более 4 млн. единиц оружия; незаконно хранится, по самым приблизительным подсчетам, более 2,5 млн. единиц незарегистрированной огнестрельного оружия взрывчатых веществ и взрывных устройств¹.

Проанализированы основные проблемы незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств, дана критическая оценка изменениям, внесенным в уголовный закон, выработаны рекомендации направленные на совершенствование статей 222.1. и 223.1 УК РФ. Известное внимание уделено понятию «законный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств», исследованы, имеющиеся в научной литературе, основные точки зрения по этому вопросу и предложено принять единый нормативный акт, регулирующий данную сферу деятельности. Отмечается, что принятие единого Федерального закона «О незаконном обороте взрывчатых веществ и взрывных устройств» станет важнейшим средством в противодействии нарушениям в сфере оборота данных опасных предметов. Обосновывается высокая общественная опасность предмета рассматриваемых составов преступлений, даны рекомендации расширить перечень взрывных устройств за счет включения в их число боевых ручных гранат. Предложено повысить санкция ч.1. ст. 222.1 УК РФ до шести лет с целью включения его в разряд тяжких преступлений и исключения возможности применения чрезмерно мягкого наказания за его совершение. С учетом имеющейся практики назначения наказания за совершение преступлений в сфере незаконного оборота

¹ Аналитические материалы МВД РФ 2015.

оружия предлагается разъяснить судам недопустимость либерального отношения к лицам, совершившим преступления в сфере незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Настоящая статья посвящена анализу отдельных актуальных проблем, связанных с незаконным оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств. В свете дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за данные преступления Федеральным законом от 24.11.2014 № 370-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен новыми статьями 222¹ и 223¹, в которых установлены повышенные санкции за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств. Однако ряд вопросов, связанных с данной проблемой так и не получили своего разрешения и продолжают привлекать внимание ученых и практиков.

Целью настоящего исследования является критическая оценка составов преступлений, посвященных незаконному обороту взрывчатых веществ и взрывных устройств и разработка рекомендаций направленных на их дальнейшее совершенствование.

Реализация поставленной цели основана на анализе имеющихся научных исследований по данной проблеме, трудов авторов по смежным вопросам уголовного права, обобщении материалов судебной практики по Республике Дагестан, а также результатов авторских социологических опросов, проведенных среди сотрудников правоохранительной системы.

В рамках настоящей работы для изучения поставленных вопросов применялись различные методы исследования: формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, логический, опрос сотрудников правоохранительной системы (опрошено 130 человек).

В современных условиях российской действительности одной из главных проблем продолжают оставаться преступления, связанные с незаконным оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств, распространение которых значительно дестабилизирует оперативную обстановку в стране и угрожает в целом всему общественному правопорядку. По имеющимся официальным статистическим данным МВД РФ только в 2014 году с использованием оружия было совершено 7,2 тыс. преступлений (-4,6%), 207 из которых сопровождалось использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств. Безусловно, преступления, связанные с использованием боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, представляют особую угрозу для общества и государства, заключающуюся, прежде всего в том, что при ненадлежащем обращении с опасными предметами возникает объективная угроза для жизни и здоровья неопределенного числа лиц. Кроме того, данные преступления в своей основе стимулируют рост тяжких и особо тяжких преступлений, как правило, террористической и экстремистской направленности.

Особенно остро проблема незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств ощущается в Северокавказском федеральном округе (СКФО). В последние пять лет криминальные взрывы в республиках в составе СКФО стали одним из основных факторов, существенно осложняющих криминальную ситуацию в целом по всей России. Так, только с января по июнь 2011 года произошло 93 взрыва и теракта, в которых убито в общей сложности 42 человека, в том числе 6 силовиков, 12 участников вооруженного подполья и 24 мирных жителя. Ранено 94 человека, в том числе 63 силовика, 1 предполагаемый участник подполья и 30 мирных жителей. По имеющимся сведениям, с 2011 по ноябрь 2014 года в Северокавказском федеральном округе обнаружено и изъято 1 тонна 356 кг взрывчатых веществ, 2 тысячи 78 единиц взрывных устройств. По результатам опрошенных нами сотрудников правоохранительной системы прогнозируется дальнейшая тенденция увеличения количества изымаемых взрывчатых веществ и взрывных устройств изымаемых в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Очевидно, незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств продолжает оставаться наиболее серьезным фактором, ухудшающим криминогенную обстановку в Российской Федерации в целом, СКФО и, в частности, в Республике Дагестан, влечет рост организованной преступности, терроризма и представляет серьезную угрозу государственной, общественной и личной безопасности.

А между тем, проблемы уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств недостаточно разрешены, нуждаются в дальнейшем их исследовании и продолжают оставаться актуальными как в научном, так и практическом планах.

Анализ имеющихся научных работ, посвященных исследованию данных вопросов, а также материалов правоприменительной практики и официальных данных, приводимых в средствах массовой информации, позволил выделить ряд важных аспектов проблемы незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Прежде всего, необходимо определиться с самим понятием «незаконного оборота» взрывчатых веществ и взрывных устройств. По данному вопросу в юридической литературе встречаются различные по формулировке, но, по существу сходные по содержанию понятия. Так, под незаконным оборотом оружия предлагается понимать криминальное, связанное с совершением соответствующих преступлений, движение объектов оборота оружия в совокупности с отклонениями в сфере законного оборота оружия. Под незаконным оборотом можно рассматривать как чисто криминальное движение оружия, так и существенные нарушения правил законного оборота, которые приводят к выходу его из-под контроля и вовлечению в криминальную сферу. Как видно из приведенных определений, термин «незаконное» объединяет криминальный и околоскриминальный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств. Действительно, как показывает практика, основными каналами поступления взрывчатых веществ и средств инициирования в незаконный оборот по-прежнему остаются хищения и утраты из государственных военизированных организаций, на предприятиях-производителях и потребителях взрывчатых веществ, а также на предприятия, технические возможности которых позволяют незаконно изготавливать оружие, организациях,

производящих работы с применением взрывчатых веществ или их компонентов. В свете сказанного целесообразным представляется, прежде всего, принять меры, направленные на совершенствование норм, регламентирующих законный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств. А между тем, в Федеральном законе «Об оружии» отсутствуют положения, регулирующие законный оборот взрывных устройств и взрывчатых веществ. Отдельные нормы, связанные с урегулированием оборота взрывных устройств, содержатся в Постановлении Правительства Российской Федерации от 26 июня 2002 г. № 468 «Об утверждении положений о лицензировании деятельности в области взрывчатых материалов промышленного назначения». Пробельность данных норм и в значительной мере, их устаревший характер очевиден. Так, в настоящее время продолжает оставаться не урегулированным вопрос о порядке изъятия взрывчатых материалов в случае нарушения режимных правил. Достаточно острой проблемой стало сегодня обеспечение законности уничтожения списанного и изъятого из криминального оборота оружия. По результатам исследований в отдельных регионах Российской Федерации применительно к этой деятельности допускаются серьезные правонарушения и утечка, подлежащих уничтожению взрывчатых веществ и взрывных устройств.

В этой связи эффективность противодействия незаконному обороту взрывчатых веществ и взрывных устройств требует принятия единого законодательного акта, регламентирующего порядок их оборота. В этом направлении необходимо разработать и принять Федеральный закон «Об обороте взрывчатых веществ и взрывных устройств» (далее Закон), в нормах которого следует значительно усилить контроль за оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств с целью предотвращения их утечки в криминальный оборот. В содержательном плане в предлагаемом Законе необходимо зафиксировать перечень основных понятий, и определений, таких как: взрывчатые материалы промышленного назначения, оборот взрывчатых материалов, безопасность при обороте взрывчатых материалов промышленного назначения. В Законе следует также урегулировать: порядок лицензирования деятельности, связанной с оборотом взрывчатых материалов; предусмотреть меры контроля за оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств; регламентировать обязанности должностных лиц и граждан, осуществляющих деятельность, связанную с незаконным оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств; установить основания и порядок изъятия взрывчатых материалов, а также их уничтожения.

Думается, предлагаемый Закон станет действенной правовой базой предупреждения нарушений в сфере законного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств.

2) Вторая проблема, которая так и осталась недостаточно разрешенной, связана с необходимостью дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за незаконный оборот оружия по предмету посяательства. Разумеется, общественная опасность незаконного оборота взрывных устройств и взрывчатых веществ, по сравнению с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов, значительно выше. В юридической литературе прошлых лет исследователи неоднократно указывали на необходимость установления более строгих мер за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств. Так, И.И. Бикеев предлагал выделить незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств в специальных нормах УК и повысить пределы наказаний за их совершение. Аналогичную позицию обосновывал в свое время и один из авторов статьи в своем диссертационном исследовании предлагая ввести более строгую ответственность за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств. Д.Корецкий предлагал не просто выделить в отдельный состав, но, и ужесточить уголовную ответственность за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств до 15-20 лет лишения свободы.

С принятием Федерального закона от 24.11.2014 № 370-ФЗ складывается впечатление, что проблема самостоятельной уголовной оценки за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств решена. Однако, более глубокий и тщательный анализ ст. 222.1 и 222.1 показывает, что отдельные вопросы данной проблемы продолжают оставаться актуальными. Так, в частности, без внимания законодателя остался вопрос об ответственности за незаконный оборот боевых ручных гранат.

Ручные гранаты согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ отнесены к категории боеприпасов. А между тем ручные гранаты дистанционного действия Ф-1, предназначенные для поражения живой силы противника на расстоянии путем метания на дистанцию 35-45 метров могут использоваться нетипичным образом: «афганский тюльпан», «растяжка», что повышает эффективность Ф-1 при ведении боевых действий в горах. Например, сброшенная в ущелье такая нетипичная граната может пролететь более 45 метров, взрываясь только тогда, когда стакан разбивался о землю в непосредственной близости от противника.

В этой связи мы солидарны с авторами, которые полагают, что ручные гранаты не являются боеприпасом ни к одному оружию, и по своему действию и конструкции они больше подпадают под определение взрывного устройства. Взрывное устройство «представляет собой по сути дела боеприпас, применяемый в военном деле, но зачастую выполненный не в заводских условиях, а из подручных материалов каким-либо «специалистом». Представляется, что под взрывными устройствами следует понимать предметы, которые объединяют в единое функциональное целое взрывчатые вещества и средства взрывания, с закреплением такого их понимания в специальном нормативном акте.

Реализация сформулированных автором предложений требует внесения изменений в Постановление Пленума Верховного суда, где из п. 4 необходимо исключить из категории боеприпасов ручные гранаты, и указать их в числе взрывных устройств. Данные предложения поддержали более 78% опрошенных в исследовании респондентов-сотрудников правоохранительных структур.

3) Третья проблема, сохраняющая свою актуальность, связана с санкциями нововведенных статей 222.1, 223.1 УК и применением наказания их совершение. Несомненно, уголовное наказание является эффективным средством противодействия незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Однако, сравнительный анализ санкций ст.ст. 222.1 и 223.1 УК обнаруживает непоследовательность и нелогичность их построения. В частности, простой состав незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч.1. ст.222.1 УК) отнесен к категории средней тяжести, а аналогичный состав незаконного изготовления данных предметов образует категорию тяжких преступлений. Очевидно, такой подход связан с тем, что законодатель полагает незаконное изготовление взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч.1. ст.223.1 УК) более опасным. Правоприменительная практика также демонстрирует высокую общественную опасность незаконного изготовления взрывчатых веществ, особенно когда речь идет о создании подпольных цехов и мастерских в этих целях. Так, в ходе оперативно-розыскных мероприятий в селе Новый Параул Карабудахкентского района республики Дагестан обнаружена целая мастерская для изготовления взрывных устройств. В подвале частного домовладения находился укрепленный бункер, в котором укрывались преступники. В нём была оборудована мастерская для изготовления самодельных взрывных устройств. На месте спецоперации найдены шесть готовых бомб, 140 кг селитры, около 3 кг пластита и мешок алюминиевой пудры, восемь гранат, детали от гранатомета, огнестрельное оружие и порядка 6 тысяч патронов.

Вместе с тем, критерием общественной опасности применительно к незаконному обороту взрывчатых веществ и взрывных устройств является не характер совершенных действий, а предмет посягательства. В этой связи считаем не совсем оправданной санкцию ч.1. ст. 222.1 и предлагаем увеличить наказание в виде лишения свободы до шести лет, что позволит отнести данное преступление к категории тяжких преступлений.

Анализ имеющейся судебной практики применения уголовной ответственности по ст.222 УК РФ (до внесения изменений ФЗ от 24.11.2014 № 370-ФЗ) показывает, что в своей основе суды выносят приговора, не предусматривающие реальные сроки лишения свободы либо предусматривающие их в минимальных размерах. Так, из 580 лиц, осужденных в 2012-2013 гг. за совершение преступлений, предусмотренных ст. 222 УК РФ, наказания, связанные с реальным лишением свободы, назначено лишь 286 лицам.

А между тем, незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств не имеет никаких «оправдательных» мотивов и, как правило, свидетельствует о приговорении к особо тяжким преступлениям, в частности к терроризму. Если лицо, нарушающее правовой режим огнестрельного или холодного оружия, иногда руководствуется «оправдывающими» (хотя бы в моральном плане) мотивами: коллекционирование антиквариата и образцов, представляющих конструктивный или исторический интерес, цель самообороны, память об отце и т.д., то обладатели взрывчатки и взрывных устройств, практически всегда преследуют преступную цель. Взрывчатые вещества и взрывные устройства являются основным оружием террористов и позволяют совершать наиболее резонансные преступления, влекущие массовые жертвы. Так, 23 сентября 2013 года в 8 часов утра в селе Хучни Табасаранского района член бандгруппы Азим Мукайлов на автомашине ВАЗ протаранил ограждение и въехал во двор районного отдела полиции, после этого привел в действие взрывное устройство, установленное в автомашине, начиненное поражающими элементами. В результате взрыва один сотрудник миграционной службы и один полицейский погибли, 17 человек, из которых 14 сотрудников полиции с ранениями различной степени тяжести госпитализированы. Мощность взрывного устройства составляла более 50 кг в тротиловом эквиваленте.

Более того, в практике встречаются также случаи «откровенного либерализма», когда в отношении лиц, совершивших такие преступления, суды выносят оправдательные приговоры или амнистируют, после чего данные лица оказываются на свободе и возвращаются к преступной деятельности, совершая еще более тяжкие преступления.

Думается, проявление чрезмерного либерализма при назначении наказания по данной категории дел неоправданно, не соответствует современной криминологической ситуации, и препятствует целям общей и специальной превенции. Поэтому считаем важным включить в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснения о недопустимости назначения либеральных мер наказания по делам о незаконном обороте взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Изложенные соображения позволяют заключить, что нормы уголовного закона, предусматривающие ответственность за оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств, выступают надежным и эффективным инструментом противодействия преступности в целом, и в том числе ее составляющей преступности в сфере криминального оборота оружия. Поэтому изменения и дополнения в законодательстве должны учитывать потребности процесса противодействия преступности, в частности следует ужесточить санкции за совершение запрещенных действий с взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, расширить предмет преступления, за счет отнесения боевых ручных гранат к взрывным устройствам и т.д.

Результаты полученных исследований могут быть использованы в законопроектной работе по совершенствованию норм, устанавливающих ответственность за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств.

В обществе происходит постоянное взаимодействие людей друг с другом и с предметами природы. Оно становится все более интенсивным, а его результаты зачастую непредсказуемы. Нередки случаи, когда в ходе такого взаимодействия имущественным и личным нематериальным благам граждан, организаций и другим субъектам гражданского права наносится ущерб. Он может быть результатом случайного стечения обстоятельств и злого умысла, чьей-то оплошности и неподконтрольности сил природы. Возникает необходимость определить, кто будет нести последствия такого ущерба: тот, кто его понес, или то, кто его причинил, или какое-то третье лицо, которое не было ни причинителем, ни потерпевшим.

Чтобы обезопасить себя от возможным вредоносных последствий, граждане и организации прибегают к услугам страховщиков, перекладывая на них хотя бы в части тот вред, который может быть причинен наступлением страхового случая - пожара, смерти, ограбления, заболевания и т.д. Но даже и тогда, когда риск застрахован, возмещение, которое можно получить от страховщика, далеко не всегда покрывает весь причиненный ущерб. Не всегда можно положиться и на пенсионное обеспечение, которое, как правило, особенно в нынешних условиях не гарантирует полного возмещения вреда.

Таким образом, можно констатировать, что в случаях причинения вреда, кому бы вред ни был причинен и в чем бы он ни выражался, вредоносные последствия обычно не могут быть заглажены с помощью какого-то одного правового института (например, страхования или социального обеспечения). Для достижения максимального социального эффекта требуется взаимодействие самых различных правовых средств, в числе которых видное место принадлежит обязательствам из причинения вреда.

Обязательства из причинения вреда можно охарактеризовать следующими признаками.

Во-первых, сфера их действия простирается как на имущественные, так и на личные неимущественные отношения, хотя возмещение вреда и носит имущественный характер.

Во-вторых, они возникают в результате нарушения прав, носящих абсолютный характер, будь то имущественные права (право собственности, пожизненного наследуемого владения, оперативного управления и т. д.) или личные нематериальные блага (жизнь, здоровье, деловая репутация и т. д.).

В-третьих, обязательства, поскольку нарушено абсолютное право, носят внедоговорный характер хотя бы право и было нарушено лицом, с которым потерпевший находится (или находился) в договорных отношениях. Если вред жизни или здоровью гражданина причинен при исполнении им договорных или иных обязательств, то обязательство, которое возникает в данном случае вследствие причинения вреда в силу прямого указания закона (ст. 1084 ГК) носит внедоговорный характер.

В-четвертых, обязательство направлено на полное возмещение потерпевшему, насколько это возможно, причиненного вреда кому бы ни был причинен вред, в чем бы он ни выражался и каковы бы ни были способы (формы) возмещения вреда. При определенных обстоятельствах объем и размер возмещения вреда могут даже выйти за пределы полного возмещения вреда (например, п. 3 ст. 1085 ГК; ст.ст. 24 и 29 Правил возмещения работодателем вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей).

В-пятых, в случаях, предусмотренных законом, обязанность возмещения вреда может быть возложена не только на причинителя вреда, но и на иных лиц (например, на лицо, в интересах которого действовал причинитель). В результате причинения вреда возникает обязательство по его возмещению, элементами которого являются стороны (кредитор и должник), содержание (права и обязанности сторон) и предмет. Реализация обязанности по возмещению вреда, независимо от того, относится ли она к мерам гражданско-правовой ответственности или нет, происходит в рамках правоохранительного отношения. Поскольку в этом правоотношении определены как носитель права (кредитор), так и носитель обязанности (должник), оно носит относительный характер, хотя и возникает в результате нарушения абсолютного права. Кредитор в обязательстве из причинения вреда имеет право требовать возмещения, причиненного ему вреда, а должник обязан этот вред возместить.

Субъектный состав обязательств из причинения вреда в процессе их развития может претерпевать существенные изменения. В нем может произойти замена как должника, так и кредитора. В частности, такая замена имеет место при суброгации в регрессе. При суброгации к страховщику переходят права кредитора к должнику, ответственному за наступление страхового случая, т.е. страховщик, заступает место кредитора в обязательстве по возмещению вреда (полностью или в части). При регрессе должник в основном обязательстве становится в регрессном обязательстве кредитором. Например, при совместном причинении вреда сопричинители отвечают перед потерпевшим солидарно. Если же один из них возместит вред, то он становится кредитором по отношению к остальным сопричинителям, которые отвечают перед ним как долевые должники (п. 2 ст. 1081 ГК).

Замена кредитора и должника в обязательствах по возмещению вреда может иметь место и в других случаях, в том числе при наследственном правопреемстве. Так, если имуществу гражданина был причинен вред, причем как потерпевший, так и причинитель умерли, а вред остался невозмещенным, то в обязательстве по возмещению вреда место кредитора и должника заступают их наследники.

Замена должника в обязательствах по возмещению вреда происходит в случаях, предусмотренных абз. 2 п. 4 ст. 1073, п. 3 ст. 1074, п. 3 ст. 1076 ГК и в ряде других.

Известные коррективы в субъектный состав обязательств по возмещению вреда может внести и суд, а иногда от суда зависит, возникнет такое обязательство или нет (ч. 2 ст. 1067 ГК).

Особо следует сказать о случаях, когда в обязательствах по возмещению вреда задействованы юридические лица или иные коллективные образования. Они могут выступать в них и как причинители, и как потерпевшие. Деятельность указанных образований носит различный характер. Она может быть

оперативно-хозяйственной, социально-культурной и властной, обычной и связанной для окружающих с повышенной опасностью. Но какой бы деятельность организации ни была, она во всех случаях выражается в поведении (в форме действия или бездействия) ее работников, участников, членов, выполняющих возложенные на них трудовые (служебные, должностные), членские и иные обязанности. Если на указанных лиц возложена обязанность действовать, но они бездействовали (напри мер, не предприняли мер по предотвращению эксплуатации предприятия, причиняющего вред природной среде и здоровью граждан), то речь должна идти о бездействии самой организации со всеми вытекающими из этого последствиями.

Таким образом, для признания организации, обязанной к возмещению вреда, необходимо установить, что в действиях (бездействии) лиц, образующих ее людской субстрат, выражалась деятельность самой этой организации. За эти действия организация в силу ст.ст. 402 и 1068 ГК отвечает как за свои собственные действия. Лицо, причинившее вред, несет перед организацией при наличии предусмотренных законом условий ответственность за этот вред в порядке регресса. Если же в действии (бездействии) лица, причинившего вред, деятельность самой организации не выражалась, то обязанность по возмещению вреда возлагается на того, кто этот вред непосредственно причинил, на организацию она возложена быть не может.

Вред, причиненный актами власти (ст. 1069, 1070 ГК), в порядке регресса должен быть возмещен полностью или в части государственной или муниципальной казне лицом, причинившим вред, если будет доказана его вина. При этом в случаях, подпадающих под действие ст. 1070 ГК, вина должна быть установлена вступившим в законную силу приговором суда (п. 2 ст. 1070 и п. 3 ст. 1081 ГК).

Нередко обязательства по возмещению вреда возникают с множественностью лиц, которая может иметь место на стороне как должника, так и кредитора. Возможны обязательства и со смешанной множественностью. Чтобы определить, является ли обязательство долевым или солидарным, необходимо, помимо привлечения общих норм, относящихся к обязательствам с множественностью лиц, руководствоваться указаниями закона, специально рассчитанными на обязательства по возмещению вреда (п. 3 ст. 1079 и ст. 1080 ГК), а также положениями, выработанными судебной практикой. Так, судебной практикой выработано правовоположение, согласно которому если вред причинен несколькими несовершеннолетними, то организации и лица, на которые возлагается ответственность за этот вред, отвечают перед потерпевшим не солидарно, а в долевом отношении. Это положение применяется как в случаях, когда сами несовершеннолетние за причиненный вред не отвечают (п. 1-3 ст. 1073 ГК), так и в случаях, когда они сами отвечают за причиненный вред, но на лиц, указанных в п. 2 ст. 1074 ГК, возлагается субсидиарная (дополнительная) ответственность.

Наконец, предметом (объектом) обязательств по возмещению вреда являются действия должника, обеспечивающие наиболее полное, насколько это возможно, восстановление материальных и личных нематериальных благ кредитора, которым причинен вред.

С учетом сказанного обязательства из причинения вреда могут быть определены как внедоговорные обязательства, возникающие вследствие нарушения имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, носящих абсолютный характер, призванные обеспечить наиболее полное восстановление этих прав за счет причинителя вреда либо за счет иных лиц, на которых законом возложена обязанность возмещения вреда.

Гостиные дворы азербайджанских купцов XIX в. в Астрахани

Р.Н.Пирова

На протяжении столетий торговля России с азиатскими странами и территориями осуществлялась через Астрахань. Практически сразу, поле основания русской крепости в низовьях Волги в 1558 г., в город устремились купцы с Востока. Среди первых представителей азиатского купечества в регионе, мы с уверенностью можем назвать купцов персидских, в числе которых ведущую роль играли выходцы из закавказских провинций Персии – этнические азербайджанцы.

Но торговля через Астрахань (которая не имеет непосредственного выхода в Каспийское море) была сопряжена с некоторыми трудностями природно-географического и климатического характера. Порт, находившийся примерно в 150 км от моря, в устье Волги, был замерзающим. Навигация осуществлялась только в теплые месяцы (март-ноябрь). Кроме того, основные рынки сбыта азиатских и приобретения российских товаров находились в центральной России – столицах, Нижегородской ярмарке. В результате азиатские торговцы в течение нескольких месяцев в году жили в России, преимущественно в Астрахани, откуда выезжали на родину при первой возможности.

Еще в XVII в. в Астрахани стали строиться первые караван-сарай, получивших название астраханских гостиных дворов. В концеXVII- XVIII вв. такие дворы на свои собственные деньги строили купцы, в основном по этническому принципу. Так появились Русский, Армянский, Индийский, Персидский Гостиные дворы в пределах городской торговой части [11, с.58].

В начале XIX века Гостиные дворы, построенные на средства казны пришли в упадок, а принадлежавшие этническим общинам, выросли из размеров караван-сараяв и составили целые жилые слободы на окраине Астрахани – территорию астраханского городского общества татар Трех Дворов: Бухарского, Гилянского и Агрыжанского.

В выходившей при Казанском университете газете «Казанские известия» директор астраханской гимназии А.А. Храповицкий дал «Краткое описание города Астрахани», в котором перечислил

административные и общественные здания, храмы разных конфессий, магазины и мануфактуры и т.п. В числе городских зданий он упомянул 11 караван-сараев, принадлежавших персам-азербайджанцам [12].

К причинам, по которым азербайджанские купцы приступили к строительству частных Гостиных дворов, можно отнести тот факт, что для пребывания в казенных Гостиных дворах требовалась уплата значительной арендной платы. Кроме того, хранимые здесь товары могли быть легко конфискованы российскими властями, в случае каких-либо дипломатических осложнений с Персией (как было во время русско-иранской войны 1804-1813 гг.) [1].

Такая ситуация не устраивала торговавших в центре Астрахани азербайджанцев и они на свои средства начинают строить здания караван-сараев (частных Гостиных дворов) в центральных – 1 и 2 частях города. Очень быстро эти здания начинают приносить стабильный доход, число их увеличивается.

Постройка Гостиных дворов была выгодна азербайджанцам и в контексте неопределенности их подданных отношений. Очень часто купцы предпочитали числиться и в российском и в персидском подданстве одновременно, чтобы не уплачивать торговых пошлин в этих государствах при осуществлении внешней и внутренней торговли. Останавливаясь в Гостиных дворах своих земляков, купцы-азербайджанцы легко могли утаить и объемы производившейся ими торговли, что также способствовало уклонению от налогового обложения. [5, л.64].

Гостиные дворы персидско-азербайджанского купечества в первые десятилетия XIX в. становятся выгодными объектами вложения капитала. Поэтому астраханские купцы персидско-азербайджанского происхождения начинают строить и покупать частные гостиные дворы, причем предпочитали первый вариант.

Как правило, застройка велась в центральных 1 и 2 частях города. Участки земли здесь городские власти выделяли охотно. В губернском центре было много пустырей, захламленных пустующих участков, даже в центре и застройка этих площадей, не требующая вложений со стороны казны, приветствовалась. Кроме того, вновь выстроенная недвижимость, которая сдавалась внаем и под жилье и под лавки, обещала в будущем приносить доход в виде городских налогов. Учитывались и интересы русско-азиатской торговли, главными агентами которой в Астрахани выступали купцы Персии и Закавказья.

Первым собственным Гостиным двором в Астрахани, на основе разрешения Кавказского наместничества в 1792-1796 гг. выстроил купец Алиаскер Алиаскеров. На Первой Большой улице города купец построил большое (на два квартала) здание, включавшее, по сути два кирпичных двухэтажных отдельных дома [5, л.1]. В 1800 г. новый Гостиный двор принес своему хозяину доход в 1165 руб. В здании внаем сдавалось 16 лавок (в среднем за 40 руб. в год), 20 выходов, 10 квартир в нижнем и 32 – в верхнем этажах [6, л.1].

Участки также выкупались предпринимателями у местных жителей. Так, азербайджанец, ленкоранского происхождения Агамир Алиев, летом 1812 г. купил у местной купчихи М.М. Франгуловой место на Облупинской площади, на котором построил двухэтажный гостиный дом [4, л.1,6,9]. Летом 1827 г. выходец из Шемахи А.Г. Джафаров обратился в городскую думу за разрешением построить гостиный двор на месте, которое он купил в 1820 г. в 1 квартале, 2 части города Астрахани [7, л.1-3].

В 1828 г. по завещанию азербайджанца К. Мамедова два его сына стали владельцами каменного гостиного дома, выстроенного в начале 1820-х гг., во 2 части. Ежегодный доход с этой недвижимости составлял 1695 руб. [8, л.3-4].

Согласно ведомости астраханской Казенной Палаты в начале 1830-х гг., в Астрахани в центральных 1 и 2 участках, азербайджанские купцы владели 9 гостиными дворами: тавризмский персиянин Агамир Алиев (два больших двухэтажных дома на участках в 120 и 448 кв. саж., купленные в 1810-1812 гг. у армянских купцов); гилянский персиянин Джафар Керимов (двухэтажный каменный жилой корпус, каменные лавки и выходы на участке 378 кв.саж., выстроил и узаконил сам); сальянский персиянин Ага-Баба Яхьяев (3 каменных двухэтажных дома с лавками и выходами, два дома на участке 540 кв. саж, третий на участке 386 кв. саж., выстроил и узаконил сам); мизандоронский персиянин Ага Али Мамед Беков (два двухэтажных каменных жилых корпуса и каменный корпус лавок, на участке 1363 кв. саж., выстроил и узаконил сам до 1804 г. на участке, доставшемся ему по наследству от отца Мамед-Бека и по дарственной от Мирзы Казимова); тавризмский персиянин Усейн Мамед Асан Ага Усейнов (жилой двухэтажный каменный дом, на участке площадью 333 кв. саж., выстроил и узаконил сам до 1804 г.); мазендоронский персиянин, титулярный советник Мирза Абдул Визирев (двухэтажный деревянный дом на участке площадью 304 кв. саж., выстроен им самим до 1804 г.); ширванский персиянин Ага Раим Шафиев (каменный двухэтажный дом и корпус лавок на участке 232 кв. саж., куплен у купчихи Углевой в 1824 г.) [10, л.130-178].

В последующие десятилетия Гостиные дворы превратились в значительные коммерческие предприятия, став основой для формирования крупных купеческих капиталов. Во всяком случае, двум астраханским купцам первой гильдии азербайджанского происхождения – Аджии Усейнову и Мир Багирову удалось на основе этой недвижимости основать не только успешные купеческие фирмы, но и собственные династии.

Гостиные дворы азербайджанских купцов стали составной частью астраханской городской архитектуры, органично вписавшись в колорит города. Некоторые из них были снесены, другие значительно перестроены. До наших дней сохранились два здания Гостиных дворов.

В 1852 г. астраханский купец 1 гильдии Алиаскер Аджии Усейнов выкупил у русского чиновника К. Федорова дом с лавками, который затем значительно перестроил и увеличил в объеме. Этот Гостиный двор (усадебный) купца Аджии Усейнова находится на пересечении центральных улиц Красного Знамени, Кирова и Ленина. По сути дела, это три смежных дома, которые образовали два замкнутых внутренних двора с

галереями. На верхних этажах были квартиры, на нижних — магазины, мастерские, склады, конторы. Самый эффектный — западный объем с пилястрами и арочными окнами.

Еще один Гостиный двор купца А.А. Усейнова датируется 1852-1863 гг., видимо, в силу того, что в нем останавливалось большое число азербайджанских купцов из персидских провинций, получил название Персидского торгового подворья. Это каменное с двумя мезонинами двухэтажное здание. Снаружи это дом европейского типа, выстроенный в стиле позднего классицизма. А внутри — настоящий восточный караван-сарай с галереями и арочными перекрытиями. Он стоит на пересечении улиц Советской, Володарского и Чернышевского.

И усадьба А.А. Усейнова и Персидское торговое подворье и сегодня используются по первоначальному предназначению, то есть в них расположены жилые и торговые помещения. Персидское торговое подворье с 1974 г. является памятником архитектуры федерального значения.

Выводы: Азербайджанская торгово-экономическая элита начала XIX века смогла не только занять устойчивое положение в экономике Астраханского края, но и повлиять на его культурно-архитектурный облик. Гостиные дворы азербайджанских купцов органично вписались в архитектурный облик центральной части Астрахани. Кроме того, здания являются одним из свидетельств того, что город на протяжении столетий является регионом межэтнического успешного сотрудничества и взаимовлияния не только в экономической и политической, но и в культурной сферах.

Список литературы и источников:

1. Астраханский справочный листок. – 22 октября 1866 г. – № 178.
2. Государственный архив Астраханской области (Далее. – ГААО). Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 2825.
3. ГААО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 8341.
4. ГААО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 26877.
5. ГААО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 29503.
6. ГААО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 8341.
7. ГААО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 41459.
8. ГААО. – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 368.
9. ГААО. – Ф. 476. – Оп. 3. – Д. 473.
10. ГААО. – Ф. 687. – Оп. 2. – Д. 1052.
11. Гусарова Е.В. Астраханские находки: История, архитектура, градостроительство Астрахани XVII-XVIII вв. По документам из собраний Петербурга. – СПб.: Нестор-история, 2009. – 492 с.
12. Прикаспийская газета. – 24 марта 1901 г. – № 49.

Проблемы в развитии современной адвокатуры в России

Р.Н.Пирова

Сейчас Россия декларирует себя как демократическое и правовое государство, и институт адвокатуры в нашей стране достаточно хорошо развит и регламентирован законодательно. Важным фактором в совершенствовании теоретических познаний и высокого уровня правовой культуры является исследование истории и эволюции деятельности такого важного института, как адвокатура.

После февральской революции 1917 года в России началась подготовка нового закона об адвокатуре. С этого момента женщины имели право заниматься адвокатской деятельностью, это было прогрессивным шагом в развитии адвокатуры. Тем не менее, время правления Временного правительства было непродолжительным, после чего последовала диктатура пролетариата.

Декрет Совнаркома № 1 от 24 ноября 1917 г. «О суде» упразднил адвокатуру, прокуратуру, органы уголовного расследования и всю судебную систему царской России. При этом аннулированы и принципы преемственности, отлаженности системы процессуального, уголовного, гражданского законодательства, сложившаяся система судостроительства, принцип равноправия сторон в процессе и состязательности судебного процесса. 19 декабря этого же года издается Инструкция «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний». Народный комиссариат юстиции согласно Инструкции образовал при революционных трибуналах коллегии правозащитников, которые действовали наравне с общегражданскими обвинителями и защитниками. Коллегия принимала любых лиц, желающих помочь революционному правосудию и рекомендованных Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. [3, с.364]

Государство стало массово привлекать трудящихся к работе в суде. Обвиняемый имел право пригласить в качестве защитника любое лицо и было необязательно, чтобы он состоял в коллегии. Обвиняемый мог воспользоваться даже защитником, который мог быть одним из числа лиц, присутствующих в зале суда. Члены коллегии правозащитников выступали лишь по наиболее сложным уголовным делам, подсудным трибуналу. Впоследствии было издано Положение о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 года. В соответствии с ним стали учреждаться коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон в гражданском процессе.

Правозащитничество становилось общественной функцией, т.е. должно было защищать интересы трудового народа. Но становление адвокатуры шло тяжело, в принципе это можно объяснить становлением совершенно новой власти, остатками двух противоборствующих интересов. Уровень правовой культуры был низок, к тому же, защитники попали в зависимость от местных властей, которая получила большую силу в связи с принятием Декрета ВЦИК от 30 ноября 1918 г. Члены коллегии защитников признавались должностными лицами, их размер оклада устанавливался по смете Народного комиссариата юстиции.

На III Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в июле 1920 г. было высказано мнение, что идея создания коллегий не оправдывает себя на практике, защитники злоупотребляют доверием, лишь получая высокие гонорары. Это подтолкнуло В. И. Ленина написать в своей работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» следующее: «Мы разрушали в России, и правильно делали, что разрушали, буржуазную адвокатуру, но она возрождается у нас под прикрытием советских правозаступников». [1, с.368]

Коллегии впоследствии были уничтожены в соответствии с Положением о народном суде РСФСР 1920 г. Положение трактовало: обвинители должны были состоять при отделах юстиции, а за их назначение и отзыв отвечали губернские исполкомы. 26 мая 1922 г. было принято новое Положение о коллегии защитников, которые создавались при губернских судах.

Но, не смотря на Положение об адвокатуре, которое было принято некоторые работники советского аппарата всё же относились к институту правозащитников предвзято.

7 июня 1923 г. Постановлением ВЦИК Положение о коллегии защитников было внесено отдельной главой в начало Положения о судостроительстве.

ЦИК СССР 29 октября 1924 г. принимает Основы судостроительства СССР и Союзных республик. Основами предусматривалось самопополнение коллегий защитников под контролем губернских (областных) исполнительных комитетов. Общефедеративного положения издано не было и её деятельность регулировалась республиканским законодательством. Лишь 19 ноября 1926 года было принято Положение о судостроительстве РСФСР. Но отрицательное отношение к адвокатуре всё же имело место быть. Так А.Я. Вышинский приравнивал адвокатуру к контрреволюционному сословию. Также было и мнение, что адвокатура не нужна и при разрешении дела возможен односторонний подход, но это ошибочное мнение было отвергнуто. Много было вопросов, касающихся частной практики адвокатов. Положения об адвокатуре 1934 и 1937 гг. то предусматривали частную практику, то отменяли её. Данный вопрос окончательно был решён лишь с изданием Положения об адвокатуре СССР от 16 августа 1939 г.

С началом правления Н. С. Хрущева положение адвокатуры стало меняться. На шестой сессии Верховного Совета СССР, прошедшей в 1957 г., Н. С. Хрущев призвал адвокатов «помогать усиленно социалистической законности и отправлению правосудия». Защитнику уже довелось право представлять интересы инвалидов, несовершеннолетних, людей, не говорящих на языке судопроизводства на стадиях предварительного расследования.

Улучшилось юридическое образование, что стало результатом повышения статуса защитника в судопроизводстве.

Но всё же происходил процесс «огосударствления», который предполагал полное обезличивание адвокатской деятельности.

Процессы преобразования, произошедшие при Н.С. Хрущеве были эволюционного характера, но они не были уже настолько яркими при Л.И. Брежнев. Адвокаты также представляли собой свободный институт в отстаивании реформы правовой системы, при этом конечно же, имея уверенность, что они не будут подлежать казни, однако, в этой системе им не отводилось сколь-нибудь серьёзного места.

В конце 70-х годов правовое образование вопроса об адвокатуре продолжалось. В соответствии со ст. 161 Конституции СССР от 1977 г. адвокатура признавалась конституционным органом, в результате этого адвокатура окончательно стала причисляться к «государственному делу», потеряв свою полуавтономность и независимость профессии.

Но, несмотря на это, всё же не были введены такие главные определения как «адвокат» и «адвокатская деятельность». В результате к этому понятию применялось расширительное понятие, к ним приравнивались и частнопрактикующие юристы, и коммерческие фирмы и т.п. [2, с.99]

В целом подводя итог советской эпохи можно сделать вывод, что деятельность адвокатов контролировалась путем учета дел и следила за их поведением в зале суда, их численность строго учитывалась.

Многие из принципов получили дальнейшее развитие в нормах современного законодательства об адвокатуре.

В 80-е гг. XX в. началось появление большого количества кооперативов. Кооперативы затрагивали и юридическую сферу, в частности адвокатскую деятельность, но не были положительно восприняты общественностью.

В 90-е гг. проявились консерватизм и недалёковидность руководства адвокатуры. Кооперативы, которые были созданы на волне «демократии» не выдерживали, так как были неподготовлены или даже нечистоплотны на руку. Постепенно стали объединяться сильные и квалифицированные юристы, которые создавали кооперативы. Именно на этот период приходится своеобразная борьба, происходящая между Министерством юстиции РФ и адвокатурой, которая заключалась в предложении именно своего проекта закона об адвокатуре.

Закон об адвокатуре был принят лишь 1 июля 2002 г., который пришёл на смену ранее действовавшего Положения 1980 г.

Данный Закон предусматривал как и ранее за адвокатами обязанность бесплатно составлять заявления о назначении пенсий и пособий (презюмируется, что эта категория граждан является малообеспеченной и не в состоянии платить за оказание юридических услуг). Отличие заключается лишь в том, что в Положении об адвокатуре 1980 г. перечислялась категория лиц, которые могли претендовать на бесплатную юридическую помощь. [4, с.341]

Нынешний Закон об адвокатуре содержит условие, которое заключается в том, что среднедушевой доход граждан, имеющих право на бесплатную юридическую помощь, должен быть не менее прожиточного минимума. Также появилась и новая категория граждан, которая вправе претендовать на адвокатскую помощь, к ним относятся ветераны ВОВ и репрессированные граждане, но осталось в прошлом оказание бесплатной юридической помощи

депутатам местных законодательных органов, членам товарищеских судов и добровольной народной дружине. На сегодняшний момент это верно, ведь предоставление бесплатной адвокатской помощи депутатам сегодня даже невозможно представить.

Если обратиться к истории адвокатуры в нашей стране, то будет очевидно, что руководство адвокатским сообществом со стороны органов государственной власти было односторонним. В советский период нашей истории отношение государственной власти к деятельности адвокатуры чаще всего было негативное.

Современный период развития характеризуется следующими новеллами:

- законодательное закрепление понятий «адвокатская деятельность», «адвокатура»;
- гарантии независимости адвокатской деятельности;
- расширение профессиональных прав адвоката, организационных, материально-технических и финансовых условий для получения гражданами бесплатной юридической помощи.

Но есть и проблемы, затрагивающие адвокатуру на современном этапе. Во-первых, коммерциализация адвокатуры. С одной стороны адвокатуре запрещено вести предпринимательскую деятельность, а с другой - запрет на предпринимательство является нарушением Конституции РФ. Конечно же, если вывести адвокатуру из коммерческих отношений совсем, то появится масса упущений. В адвокатуру не будут вливаться средства, соответственно и не будут окупаться. Инвестиции для адвокатуры могут быть основным рычагом для развития деятельности, одним из факторов удержания в конкурентоспособной среде. Но также следует отметить, что с морально-этической стороны этого вопроса невозможно отдать адвокатуру полностью в «лапы» коммерции. Не стоит забывать и о том, что адвокаты оказывают и бесплатную помощь. Из этого можно сделать вывод, что в случае полной коммерциализации, адвокаты будут оказывать подобную помощь «спустя рукава». А помощь, оказываемая адвокатом, в первую очередь должна зависеть от его профессиональных навыков, а не от гонорара. Также следует создать муниципальные адвокатские образования и закрепить за ними обязанность по оказанию бесплатной помощи. Тем самым будет улучшена работа адвокатов, а граждане будут знать куда непосредственно им необходимо обращаться.

Также следует равномерно распределить предоставление бесплатной помощи гражданам между адвокатами. Но, конечно же, исходя из этого, адвокаты не должны становиться лакеями государства, стремящиеся угодить властям. Ведь, как известно, оборотной стороной лакейства является жестокость к бессильным, униженным, бесправным.

Список литературы:

1. Гаврилов С.О., Колмогоров С.А. Тенденции развития советской адвокатуры в послевоенный период // Современный ученый. 2017. № 5.
2. Новичихин М.С. Эволюция адвокатуры в России // В сборнике: Право: история, теория, практика Материалы III Международной научной конференции. 2015.
3. Павлов Е.В., Русскова А.А. История развития адвокатуры в России // В сборнике: Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения Сборник научных трудов по материалам всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Ответственный за выпуск: Т. Н. Потапова. 2017.
4. Соловьева Ю.И. Особенности правового статуса адвоката в советский период // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 11.

Торговля персидского купечества на восточном побережье Каспийского моря в первой половине XIX века и защита ее интересов

Р.Н.Пирова

Торгово-экономические связи туркмен Прикаспия с Россией по Каспийско-Волжскому пути имеют многовековую историю. В конце XVIII века этот торговый путь приобрел особое стратегическое и экономическое значение в планах Российской империи по продвижению на Восток, в Центральную Азию. А также в связи с необходимостью обеспечения молодой российской промышленности необходимым сырьем (хлопчатой бумагой и полуфабрикатами из нее, шерсти) с одной стороны и емким рынком сбыта для ее изделий, с другой [13, с.186].

Одним из факторов, сдерживавших развитие торгово-экономических связей прикаспийских туркмен с Россией в начале XIX века было то, что русские торговые суда нерегулярно посещали туркменское побережье – всего один-два раза в год. Привозимые на них товары, естественно, не могли удовлетворить потребностей местного населения.

Это обстоятельство, а также непостоянство торговли с Хивой и Ираном вынудили прикаспийских туркмен искать удобные внешние рынки для сбыта своей скотоводческой, ремесленной и рыбной продукции. В качестве такого рынка стала выступать Россия. Но и в вывозе своих товаров в Астрахань, прикаспийские туркмены также испытывали серьезные трудности [3, с.192].

Не имея в своем распоряжении достаточного количества торговых судов, туркмены вынуждены были обращаться к лицам, имевшим такую возможность. Главным средством перевозки стали суда астраханских персидских купцов, от которых туркмены были очень зависимы. Они вынуждены были постоянно ожидать прибытия судов из Астрахани. Таким образом отправка товаров была постоянно связана с длительным ожиданием попутных кораблей [2, с.24-25].

В начале XIX века ведущую роль в торговле с восточным берегом Каспия заняли астраханские купцы персидского происхождения [1, с.65].

Первые мероприятия по обеспечению безопасной торговли персиян относятся, как ни странно, к периоду русско-иранских войн, когда российские власти всерьез переживали за безопасность российского торгового флота на Каспии.

В 1804 г., после начала военных действий, русское командование предприняло меры по обеспечению обороны восточного побережья Каспийского моря. В октябре 1805 г. из Астрахани был послан военный инженер генерал-майор Фенкельзам, которому было поручено исследовать Тюб-Караганский залив Мангышлакский залив. В ходе этой экспедиции были намечены места для строительства в будущем русских укреплений. Была заложена временная станция для стоянки русских военных кораблей [5, л.11].

В октябре 1811 г. командующий эскадрой судов Каспийской флотилии капитан 1 ранга Ф.И. Веселаго доложил астраханскому губернатору, что отношения с Персией в условиях войны разорваны, но купцы продолжают торговлю между Астраханью и Энзилями. Без всякой «опаски» суда астраханских купцов идут к персидским берегам и обмениваются там товарами «не взирая ни на запрещения астраханского губернатора и портового начальства, ни на данные подписки, прямо рискуя своим капиталом и жизнью экипажа» [6, л.1-1об.].

В этой ситуации губернатор просит военных, в лице главнокомандующего российской армией А.П. Тормасова, отдать распоряжение о задержании всех торговых судов и конфискации груза, если они окажутся в поле зрения военных у берегов Персии.

Уже через две недели, военными у Энзелей был задержан торговый транспорт «Щеголь» астраханского армянина Береджанова, на котором перевозились товары персидских купцов. Все товары были конфискованы в пользу казны, как «примерное наказание, дабы прочие таковое непослушание не допускали». Генерал Тормасов распорядился трем военным кораблям производить ежедневное крейсерство у берегов Персии с целью недопущения торговли астраханскими и персидскими купцами [6, л.2].

Когда, в начале 1830-х гг., окончательно установился мир между Россией и Ираном, каспийская торговля вошла в самую успешную свою фазу. Но спокойствие в международных отношениях привело к активизации пиратских разбоев на море. Особенно большой опасности купеческие корабли подвергались у восточного побережья Каспийского моря, где туркмены и казахи часто нападали на коммерческие суда, перевозившие различные товары. Нападения туркмен и казахов сопровождалась «либо увозом в плен купцов с принадлежащими им судами или, по меньшей мере, грабежами» [6, л.2об.].

8 января 1830 г. купцы даже собрали специальное собрание, пригласив на него гражданского губернатора, главу таможенного ведомства и городского голову. В результате, комиссия составила прошение на имя императора. После получения Высочайшего одобрения было учреждено специальное крейсерство военных кораблей, для защиты торговых судов, перевозивших товары в восточной и юго-восточной части Каспия [7, л.30].

Но нападения на торговые суда продолжались. В октябре 1834 г. губернатор получил записку от начальника Астраханского таможенного округа. В ней сообщалось, что «обитающие на восточной стороне Каспийского моря Трухменском берегу народы, с давнего времени беспокоят своими набегами торговцев и рыбопромышленников». В течении немногих лет, последовавших вслед за окончанием русско-иранской войны 1826-1828 гг., жертвами нападений стали «может быть более тысячи человек либо убитых либо уведенных в плен» [8, л.11].

И были случаи, когда похищенные возвращались домой через 1-2 месяца [8, л.20].

Такое положение дел издавна беспокоило российские власти. Еще при Александре I, в 1803 г., вышел Указ, о крейсерстве военных кораблей. Ежегодно, по распоряжению командующего каспийской флотилией, три военных бота отправлялись «для предохранения купцов от неприязненного покушения».

Начальник Астраханского таможенного округа, не вдаваясь в подробные перечисления, сообщал губернатору, что только за один месяц – сентябрь 1834 года, было совершено три нападения на торговые суда и захвачены были 13 человек. Эти события показали, «до какой беспредельной степени дошла дерзкая отважность хищных разбойников, а с другой, сколь мало на них влияет крейсерство трех военных ботов и сколь не достало одних оных для ограждения от неприязненных набегов, ибо последние нападения произошли вообще у Четырехбугоринского маяка, то есть в пределах уже Астраханской губернии» [8, л.11].

Для властей стало очевидно, что несмотря на крейсерство трех военных кораблей, разбойники чувствуют себя весьма вольготно, не только в открытом море, но и вблизи российских берегов. Для обуздания разбоев предлагалось разрешить купцам и рыбопромышленникам создать свое крейсерство, вооружив пять специальных кораблей. Наряду с тремя военными ботами, эти пять кораблей, должны были осуществлять непрерывное крейсерство в течении всей навигации [8, л.12-12об.].

В 1836 г. иранское правительство обратилось к российским властям с просьбой прислать в Астрабадский залив, на востоке Каспийского моря, два военных судна, чтобы усмирить подвластных шаху и восставших туркмен в этом районе. Российское правительство охотно воспользовалось этим поводом, чтобы укрепить свои позиции в юго-восточной части Каспия. Крейсировать стали 5 кораблей [12, с.43]

В навигацию 1840 г. крейсерство стало постоянным: «Учредить у персидских и туркменских берегов Каспийского моря постоянное крейсерство из одного военного судна Каспийской флотилии, с тем, чтобы командир сего судна наблюдал за действиями рыбопромышленников и удерживал их от всего могущего подать повод к жалобам персидского правительства и нарушению существующих с ним дружественных сношений» [4, л.11].

В 1838 г. российские власти отправили через Астрахань в Астрабад партию товаров с суперкаргом Г. Эривандовым, желая выяснить насколько прибыльна эта торговля, то опасаясь вооруженного нападения, в

качестве сопровождения, на судно были откомандированы 12 переодетых уральских казаков с оружием [9, л.8]. В 1841-1842 гг. состоялась вторая экспедиция Эривандова [11, с.200].

Тем не менее, обе миссии потерпели неудачу.

В начале навигации 1843 г. вопрос о вооружении купеческих судов встал вновь. Российский посол в Иране граф Медем направил астраханскому военному губернатору Тимирязеву письмо, в котором просил проследить, должным ли образом вооружены купеческие суда, направлявшиеся к персидской провинции Мазендаран. Вопрос этот возник в связи с указом российского военно-морского министра, в котором предписывалось «непрерывно вооружать и снаряжать боеприпасами» все купеческие корабли, шедшие к персидским берегам. Как стало известно послу, правило это совсем не соблюдается, а корабли флотилии, вынужденные охранять восточное побережье Каспия, должную охрану обеспечить у берегов Персии не в состоянии. В итоге страдала вся русско-иранская торговля [10, л.1].

В сентябре 1843 г. губернатор запретил выпускать из астраханского порта торговые суда не оборудованные пушками либо каким другим снаряжением для обороны от пиратов: «...пока они не будут вполне вооружены и снабжены всеми огнестрельными снарядами» [10, л.17].

Но, когда эти сведения дошли до министра иностранных дел, тот посчитал, что такое распоряжение будет препятствовать нормальному ходу торговли через Астрахань с Персией. Вооружать или не вооружать торговые суда, направлявшиеся к Мазендаранским берегам, предлагалось решать самим купцам. К этому мнению присоединилось и министерство финансов, назвав проблему несущественной, не требующей такого пристального внимания главных ведомств страны. На основании этого начальник портовой таможни распорядился впредь «не задерживать отходящих к персидским берегам торговые суда, хотя бы и были оные без должного вооружения» [10, л.18].

В то же время, в 1842 г. в Астрабадском заливе, на острове Ашур-Аде. Царское правительство основало станцию и получило согласие от персидского шаха содержать здесь военную эскадру кораблей [12, с.43].

Более того, присутствие российских военных кораблей внезапно обеспокоило Великобританию, которая ревниво следила за успехами России в регионе, и в специальной ноте даже потребовала вывода русских кораблей из Астрабадского залива [12, с.43]. Но русские власти, руководствуясь своими экономическими интересами, пошли дальше и закрепили свое присутствие учреждением консульства в Астрабаде в 1846 г. Это содействовало развитию русско-иранской торговли и увеличению русского влияния в крае [12, с.43].

Персидское купечество, вне зависимости от отношений подданства получило не только гарантии и практическую помощь в обеспечении своей безопасности. В результате, к концу первой половины XIX века возросли объемы торговли с туркменскими племенами, а российская промышленность получила надежный рынок сбыта и сырья.

Список литературы:

1. Агаев Х.А. Взаимоотношения прикаспийских туркмен с Россией в XIX в. (до присоединения к России). – Ашхабад: Изд. АН Турк. ССР, 1965. – 104 с.
2. Аннанепесов М. Хозяйство туркмен в XVIII-XIX вв. – Ашхабад: Изд. Пед. ин-та, 1972. – 284 с.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). – Ф. Главный Архив 1-9. – 1840-1841. – Оп. 8. – Д. 7.
4. АПВ РИ. – Ф. Главный Архив 1-10. – Д. 1. – П. 1.
5. Государственный архив Астраханской области (ГАОО). – Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 48.
6. ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 20.
7. ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 159.
8. ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 294.
9. ГАОО. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 579.
10. Имашева М.М. Торговые экспедиции суперкарга Г.Эривандова рубежа 1830-1840 гг. и их влияние на развитие русско-иранских экономических связей // Астраханские краеведческие чтения. – Выпуск III. – Астрахань: Издательство О.Р. Сорокина, 2011. – С. 199-201.
11. Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во II четверти XIX в. и русская буржуазия. – М.-Л.: АН СССР, 1949. – 392 с.
12. Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра 1832-1838 гг. – М.: Наука, 1967. – 176 с.

Социально-экономическая благотворительная деятельность азербайджанского купечества в Астрахани во второй половине XIX- начале XX вв.

Р.Н.Пирова

Внешняя торговля России со странами Востока на Каспийском море через Астрахань начала развиваться сразу же после присоединения Астраханского ханства в 1550-е гг. Практически сразу одной из главных составляющих этой торговли стала торговля с Персией, в состав которой до начала XIX века входила территория Закавказья, в том числе и современный Азербайджан. В связи с этим в торговлю активно включаются купцы персидского происхождения, преимущественно этнические азербайджанцы: «...большинство торгового народонаселения Астрахани..., составляют Армяне, Татары-горожане и торговцы-Персияне»[1, с.2-3].

В самой Астрахани азербайджанско-персидские купцы (которых в официальном документообороте упорно продолжали именовать персами), уже в XVII веке основали постоянную торговую колонию –

Гилянский (Персидский) Гостиный двор [2, л.1]. В конце XVIII в. персидско-азербайджанские купцы постепенно вытесняют русских и армянских торговцев из внешнеторговых операций на Каспии и занимают доминирующие позиции в ней. Многие успешные купцы персияне оседают в Астрахани, принимают российское подданство и вступают в купеческие гильдии.

Тогда же (в конце XVIII – начале XIX вв.) российскому государству удалось, через законодательное включение мусульманского делового мира в общее социокультурное пространство российского предпринимательства, в значительной мере устранить складывавшиеся столетиями ограничения и замкнутость мусульманской общины. Мусульманское купечество получило право работать на выборных должностях в сословных организациях, органах местного самоуправления, приобретать почетные звания, удостаиваться государственных наград, т.е. органично интегрироваться в господствующее общество»[3, с.16-17]. Не замедлили этим воспользоваться и предприниматели персидского происхождения, осевшие в Астрахани. Со своей стороны, российское правительство

Персияне-предприниматели, осевшие в Астрахани, всегда были готовы поддержать русское правительство. В июне 1854 г. Император, по докладу Министра Внутренних дел и представления Астраханского Губернатора, объявил «Высочайшую Его Величества благодарность» за «безвозмездную перевозку из Астрахани на Северо-Восточный банк 6200 четвертей сухарей, заготовленных для войск, действующих в Азиатской Турции», 15 астраханским «промышленникам». Среди них значатся: московский 1 гильдии купец Аджи-Молла-Алескер Усейнов, астраханский 1 гильдии купец из персиян Аджи-Джават Шафеев, российскоподданный из дворян персиянин Мир-Амид-Хан-Мир Багиров, Бакинские персияне Абдул-Меджид Рамазанов, Сафар-Али Бабаев, Аджи-Усейн Рзаев[4].

А в 1857 г. Главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом, вследствие ходатайства Астраханского военного губернатора «соизволил назначить» золотую медаль, с надписью «за усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте, астраханскому временному, из Шемахинских граждан, 1 гильдии купцу Аджи-Молла-Аскер-Аджи Усейнову «за особенно полезные заслуги, оказанные им при транспортировке провианта из Астрахани по каспийскому морю для довольствия войск отдельного Кавказского корпуса в течение двух лет, по весьма выгодным для казны ценам и на тех условиях, какие требовали по видам операции»[5].

Крупнейшим Астраханским купцом на рубеже XIX-XX вв. был сначала временный (до 1891 года) а затем постоянный (до своей смерти) астраханский 1-й гильдии купец Аджи Али Акбер Усейнов (1851-1914 гг., в Астрахани проживал с 1864 г.[6, л.13об.-14]). Его отец Аджи-Молла-Алескер Усейнов появился в Астрахани в середине 1850-х гг. и долгое время значился сначала московским, а затем шемахинским купцом первой гильдии и оставил весьма заметный след в астраханском торговом мире.

Эти купцы стоят у истоков мусульманской благотворительности в Астрахани. В 1859 г. А.М.А. Усейнов принял участие в устройстве лотереи в пользу детских приютов. Он «пожертвовал шесть чайных ложечек серебряных, вызолоченных под чернь 84 пробы, столовую кабинетную лампу и шкатулку орехового дерева с раздельным дамским прибором. Также, другой азербайджанец, Мамед-Усейн Алиев передал для лотереи темнообразную чернильницу, стаканчик в оправе с подносилом накладного серебра и бронзовое порт-моне»[7].

На следующий, 1860 год, число «пожертвователей» из персиян-азербайджанцев увеличилось: «...Алиев Мамед-Усейн – одну пару шандалов накладного серебра; Усейнов Аджи Мола Али Аскер – полдюжины чайных серебряных с позолотой ложек 84 пробы и кофейник накладного серебра; Шафиев Аджи Керим – чернильницу с зеркалом, одну пару шандалов накладного серебра и бронзовый термометр; Алиев Аджи-Меджид – сахарницу, ложку накладного серебра, пепельницу»[8]. В 1862 г. Рамазанов Аджи-Меджид передал в лотерею «разливательный ковш-аплике, лампаду без стаканчика, аплике, с транспарантом, медный столовый подсвечник с транспарантом из разрозненных стекол»[9].

В 1867 г. на нужды Астраханской общественной библиотеки купец А.М.А. Усейнов пожертвовал 100 р., а в пользу лотереи сахарницу, сухарницу, молочник накладного серебра, два бронзовых подсвечника и две столовые лампы.[10] Пятеро персиян-предпринимателей в этом году отказали в пользу лотерей по паре серебряных подсвечников[11].

Персидские предприниматели при каждом удобном случае стремились продемонстрировать свою лояльность по отношению к существующему строю. В 1871 г. Астрахань посетил Император Александр II, и ему, осевшие в Астрахани персияне поднесли в дар древние персидские доспехи XV столетия[12]. В 1899 г. персидско-подданные жители (34 «выдающихся представителя торговли») Астрахани направили благодарственный адрес Астраханскому губернатору, за спасение от наводнения 5 и 6 части города, где проживало преимущественно мусульманское население[13]. Большое значение для города имела и общественная деятельность персиян в рассматриваемый период. Например, в учреждении ежегодной ярмарки в городе они приняли весьма активное участие.

26 ноября 1884 г. Астраханский Биржевой Комитет уведомил Астраханскую городскую думу, что Астраханское Биржевое общество постановило ходатайствовать перед Правительством Российской Империи о разрешении открывать ежегодно ярмарку в городе Астрахани «для обмена русских произведений на среднеазиатские». Для «личного объяснения с правительственными лицами» была выбрана «особая депутация» из членов Биржевого общества: Астраханские купцы Л.В. Макаров, П.П. Вейнер, А.Н. Бекун и «персидскоподданный персиянин», временный астраханский 2-й гильдии купец Аджи Ага Мулла Сафаралиев[14, л.1]. Городская Дума на своем заседании 4 декабря того же, 1884 г. присоединилась к

намерениям Биржевого комитета и рекомендовала в качестве депутатов в Санкт-Петербург, кроме вышеперечисленных, астраханских купцов А.А. Репина и А.А. Сапожникова.[14, л.6]

Но, А.А. Сапожников отказался по болезни, Л.В. Макаров отказался из-за занятости торговыми делами, А.А. Репин отказался телеграммой из Москвы, и, в результате, 19 февраля 1885 г. комиссия была утверждена в составе: коллежский ассессор П.П. Вейнер, гласный Астраханской Думы, купец 1 гильдии А.Н. Бекунов и астраханский временный 2 гильдии купец А.А. Сафаралиев[14, л.7-13об.].

Все члены Биржевого общества, и, конечно же, депутаты имели в Астрахани значительные коммерческие интересы. Но более всех, безусловно, в обмене азиатских товаров на российские, был заинтересован А.А. Сафаралиев. Богатые персы и азербайджанцы (которых также именовали персиянами) являлись главными поставщиками этих товаров в Россию.

На Астраханском рынке ежегодно сосредотачивались товары:

«а) Ввозимые из Персии: Большое количество хлопка, марены, шелка, орехового и пальмового дерева, овощей под общим названием «Бакалейных», а из Сифидуринских промыслов: рыба соленая и приготовленные из нее продукты;

б) Из-за Каспийского края России: шелка (Шамаханской губернии). Рыбы соленой и ее продуктов из Сальянских промыслов, фотогена и марены добываемых в Бакинской губернии;

в) Из всей территории Астраханской губернии и прикаспийского Края Ставропольской губернии: сырых произведений, как-то: кож, сала, шерсти и прочие (собираемые во множестве у кочевых народов), вина виноградного, под общим названием «чихиря», рыбы и из нее продукты, вылавливаемой в водах Каспийского моря, притоках Волги, Тереке с их промыслами, Урале – при впадении его в море, не говоря о соли»[15].

Вся эта масса товаров и «колонияльных произведений», как из пограничных областей России, так и из Персии («дружественного нам государства на востоке»)[15], с открытием навигации в огромных количествах морскими компанейскими пароходствами и частично каботажными судами, принадлежащим персидским и русским подданными до Астрахани, а отсюда уже развозились буксирными пароходствами по Волге, преимущественно на Нижегородскую ярмарку и в по пути лежащие города. А отсюда уже товары следовали до разных пунктов сбыта внутри России до разных пунктов сбыта и в обе столицы.

Показательно, в этом отношении, участие тех же «персидскоподданных» и «русскоподданных» персиян в Нижегородской ярмарке. По адрес-календарю ярмарки а 1891 год, следует, что все 11 арендованных здесь жителями Астрахани лавок принадлежали персам, которые торговали персидскими фруктами и «товаром». Значится среди арендаторов и астраханский купец А.А. Сафаралиев, проживавший в Астрахани в 5 участке на Персидской улице, в собственном доме[16, с.290]. В 1899 г. газета «Астраханские губернские ведомости», сообщала, что в Нижегородской ярмарке «одними из первых продавцов» были персияне из Астрахани и Баку. Персидские товары имели хороший сбыт, а на вырученные деньги персидские купцы приобретали, по - преимуществу мануфактурные товары[17].

Естественным представляется в этой связи желание астраханских купцов и торговцев сделать Астрахань местом непосредственного торгового обмена, а не только перевалочным пунктом, когда в самом городе оставались лишь незначительные объемы привезенных товаров, для обеспечения нужд местного населения. Учреждение ярмарки дало бы и дополнительный доход самой Астрахани, так как в казну города поступили бы пошлины за аренду торговых мест, а также за привоз и реализацию товара, сказалось бы на занятости местного населения. От открытия ярмарки «весьма много должны были выиграть домовладельцы, и вообще все промышленные заведения губернии, так как лица привозящие товар для сбыта и приезжающие за его покупкой, будут останавливаться, иногда продолжительное время, в городе и нанимать лавки, склады и разные помещения»[14, л.5-5об.]. Также новая ярмарка привлекла интерес крупных российских предпринимателей, доселе не осуществлявших здесь торговых операций.

Ярмарка Министерством Финансов была разрешена 27 февраля 1885 г., сроки ее устанавливались с 20 мая по 20 июня ежегодно. За успех предприятия Собрание гласных астраханской Городской Думы выразило благодарность депутатам Бекунову, Вейнеру и Сафаралиеву, а также персидскому консулу за его содействие по делу об открытии в Астрахани ярмарки. По вопросам определения места под ярмарку, организации строительства помещений, правил работы и «вообще подробных соображений об устройстве ярмарки», была создана комиссия из 13 человек. В число которых вошли А. Сафаралиев, А. Усейнов и А.Багиров. В августе 1885 г. комиссия была преобразована в ярмарочный комитет, в котором неизменно числился Сафаралиев [14, л.23-24, 50].

Были напечатаны объявления об учреждении и открытии Астраханской ярмарки в 1886 г., 50 экземпляров которых Сафаралиев лично распространил в Москве[14, л.67].

Примечательны и иные эпизоды общественного служения персиян-предпринимателей в Астрахани. Вторым Усейнов – Аджиджи Али Акпер был гласным Городской Думы в 1875-1892 гг. и 1897-1914 гг., членом Городской ревизионной и строительной комиссий без содержания [18, л.13об.-14].

16 января 1886 года на пятилетний срок (до 1891 г.) Император утвердил в звании Директоров Астраханского Губернского Попечительного о тюрьмах Комитета астраханских купцов Али-Акпер Аджиджи Усейнова и Аджиджи-Ага Хан Мир Багирова [19]. В том же 1886 г. гласный городской думы А.А.А. Усейнов был избран членом комиссии о рассмотрении проекта об устройстве выгребных ям и содержании дворов [20].

А.А. (Мир) Багиров, до своего разорения в 1897 г., также был достаточно заметной фигурой в Астраханской коммерции. Два четырехлетия подряд (с 1883 по 1891 гг.) он избирался гласным Астраханской Городской Думы по первому разряду[21, л.4-6].

Астраханские купцы персидского происхождения были достаточно образованы, хотя и получили только домашнее образование. Усейнов и Багиров уверенно расписывались по-русски, Сафаралиев на фарси [14, л.24]. Более того, они прекрасно осознали пользу образования, так, например, в 1900 г. А.А. Усейнов стал одним из соучредителей Астраханского отделения Санкт-Петербургского общества Востоковедения [22]. Усейнов одним из первых в Астрахани понял пользу рекламы в газетах. Он еще в 1867 г. поместил в газете «Восток» о сдаче в наем принадлежащей ему недвижимости - дома на Московской улице [23].

В 1887 г. А. Усейнов и А. Багиров были избраны гласными Астраханской Городской Думы на четырехлетний срок по первому разряду, т.е. в числе городских граждан, плативших самый высокий налог за недвижимость.

В деятельности Городской Думы, Усейнов принимал достаточно активное участие, неизменно интересуясь состоянием городских дел. В 1872-1873 гг., будучи выбран на первое четырехлетие, он постоянно посещал заседания Городской Думы[24, л. Л.66об.-69, 85об.-86, 220об.-221, 226об.-227]. С 1 января по 1 ноября 1890 г. состоялось 27 заседаний Астраханской Думы. Усейнов присутствовал на 11, а Багиров, только на одном[24, 69об.-70, 221об.-222.]. А на следующие четырелетия (1891-1895 гг.) по первому разряду был избран уже только А.А. Усейнов.

Правительство все же не оставило без внимания усердие Усейнова и Багирова в общественных делах. 22 декабря 1889 г. Император «всемлостивейше соизволил на награды за отлично-усердную службу и особые труды по тюремному ведомству и обществу попечительному о тюрьмах директоров Астраханского тюремного комитета: купца Ага-Хан-Мир Багирова – золотой медалью с надписью «за усердие», для ношения на шее на Станиславской ленте, и 2 гильдии купца Али-Акбер-Аджи Усейнова – серебряною медалью с надписью «за усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте»[26].

Для А.А. Багирова это была уже вторая награда, в 1875 г. персидский шах, в признании заслуг Багирова в деле укрепления русско-иранской торговли пожаловал ему Орден Льва и Солнца 2- степени, а Император Российский разрешил ему, как российскому подданному принять и носить эту награду[27].

По-прежнему состоя в должности директора Астраханского Губернского Попечительного о тюрьмах Комитета, А.А. Усейнов, в 1892 г. пожертвовал на нужды заключенных 80 рублей серебром [28]. А 25 октября 1894 г. получил «за благотворительную и общественную деятельность» золотую медаль с надписью «за усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте [29].

В 1897 г. А.А. Усейнов вошел в состав Комиссии для наблюдения за производством работ по углублению городских водовместителей [30]. В феврале 1904 г., после избрания на очередное четырехлетие, Усейнов был избран в члены строительной комиссии на новый срок. При голосовании он набрал 23 голоса за и 4 против, это стало одним из самых высоких результатов голосования [31], и в тоже время – признанием заслуг Усейнова перед городом его коллегами-гласными.

Таким образом, мы можем с уверенностью утверждать, что астраханское купечество персидско-азербайджанского происхождения в пореформенный период успешно интегрировались в общественные процессы региона, получив при этом соответствующее признание, как со стороны официальных властей, так и различных общественных институтов региона и страны. Общественная деятельность обозначенной этносоциальной группы нашла отражение практически во всех сферах: экономике и местном самоуправлении, благотворительности и общественного призрения и т.д.

Литература и источники

1. Бюллер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт. // Отечественные записки. – 1846. – Т. 47. – Отд. II.
2. Государственный архив Астраханской области (Далее. – ГААО). – Ф. 488. – Д. 315.
3. Салихов Р.Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX века. Казань, 2004. – 186 с.
4. Астраханские губернские ведомости. – 1854. - № 25.
5. Астраханские губернские ведомости. – 1857. – № 21.
6. ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.3171.
7. Астраханские губернские ведомости. – 1859. – № 18.
8. Астраханские губернские ведомости. – 1860. – № 14.
9. Астраханские губернские ведомости. – 1862. – № 41.
10. Астраханские губернские ведомости. – 1867. – № 13.
11. Астраханские губернские ведомости. – 1859. – № 44.
12. Астраханский справочный листок. – 1871. - № 144.
13. Астраханские губернские ведомости. – 1899. – № 262.
14. ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.6240. Л.1.
15. Астраханский справочный листок. – 1871. - № 68.
16. Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1891 г. Нижний Новгород, 1891. – 518 с.
17. Астраханские губернские ведомости. – 1899. – № 187.
18. ГААО. Ф.480. Оп.1. Д.3171.
19. Астраханские губернские ведомости. – 1886. – № 16.
20. Астраханские губернские ведомости. – 1886. – № 88.

21. ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.34274.
22. Астраханские губернские ведомости. – 1900. – № 221.
23. Восток. – 1867. – № 5.
24. ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.34507.
25. ГААО. Ф.94. Оп.1. Д.34507. Л.69об.-70, 221об.-222.
26. Астраханские губернские ведомости. – 1890. – № 91.
27. Астраханские губернские ведомости. – 1890. – № 88.
28. Астраханские губернские ведомости. – 1875. – № 67.
29. Астраханские губернские ведомости. – 1892. – № 26.
30. Астраханские губернские ведомости. – 1894. – № 95.
31. Астраханские губернские ведомости. – 1897. – № 123.

Влияние коррупции на общественную жизнь в Российской Федерации

Р.Н.Пирова

Коррупция в современной России в результате тотального распространения в обществе стала явлением, которое реально угрожает национальной безопасности. Псевдоученые, плеяда общественных и политических деятелей под лозунгами противодействия коррупции проложили себе путь во властные институты государства и успешно интегрировались там, став действенным звеном коррупционной системы.

Почти каждую неделю в России на разных уровнях проводят антикоррупционные форумы, научные конференции, круглые столы, участники которых призывают к принятию новых мер по противодействию этому явлению. К сожалению, эффективность этих мер пока очень низкая. Положительным сдвигом следует считать постепенное утверждение в обществе неприятия коррупции и других форм незаконного обогащения, осознание того, что это явление мешает дальнейшему развитию России.

Коррупцию исследуют преимущественно специалисты в области юриспруденции. Есть ряд научных работ политологов, экономистов, социологов, однако они фрагментарны и не отражают палитры политических, социальных, экономических и криминологических последствий влияния коррупционных процессов на уровень преступности в России [1, с.102].

Коррупция пока не стала объектом всестороннего исследования криминологической науки. Ученые анализируют очерченную проблему эпизодически, несмотря на то, что она дискредитирует властные институты, является существенным препятствием на пути становления России как правового государства.

Коррупция распространилась и в военной среде, что является недопустимым в напряженных геополитических условиях. Это явление также мешает проведению реформ в сфере экономики, государственного управления и тому подобное.

В нашей стране постепенно утверждается культура бедности, то есть культура выживания, при которой пассивность населения воспроизводит условия, исключая прогрессивное развитие, а страна погружается в стагнацию. Бедный человек не может соответствовать современным мировым стандартам, согласно которым каждый должен жить в соответствии с уровнем своих доходов. Указанные противоречия провоцируют конфликт личности, подталкивают к противоправному поведению, обогащению любой ценой, а коррупция представляется кратчайшим путем к достойной жизни.

Срабатывает такой принцип: если кому-то не хватает, он пытается отобрать это у другого. Однако это уже не насильственные формы преступности – распространенными стали манипуляции с государственным бюджетом, финансированием субсидий и других социальных выплат, контрабандой товаров, уклонением от налогов и тому подобное [3, с.218].

Реформаторские и антиреформаторские процессы, длящиеся в экономике, наряду с положительными результатами, неизбежно приводят к росту уровня преступности.

Свидетельством этого являются изменения, произошедшие в последние годы в структуре и динамике экономической преступности: она стала более организованной, профессиональной и вооруженной. Именно экономическая организованная преступность благодаря коррупции дискредитирует государственный аппарат, подрывает его авторитет, способствует сращиванию части его чиновников с криминальными структурами. Это дает ей возможность беспрепятственно проникать в политику и другие сферы деятельности государства с целью установления контроля над прибыльными отраслями экономики, а также финансировать незаконные вооруженные формирования.

Коррумпированная часть государственного аппарата «питает» и защищает как криминальный бизнес, так и незаконные действия бизнеса легального. Итак, теневая экономика стала материальным основанием, на котором формируется криминальная структура. В результате действия этих факторов в России только два процента уголовных производств завершаются судебными приговорами, а адвокаты и судьи, в отличие от следователей, прокуроров и детективов, ни так называемой люстрации не проходили.

В сфере противодействия коррупции появилась новая проблема, которую сразу взял на вооружение теневой сектор экономики. Речь идет о криптовалюте, курсы которой стремительно растут. Владельцы криптовалюта избегают налогообложения и, в случае широкого распространения криптовалюты в расчетах и других финансовых операциях, поставят под угрозу наполнение государственного бюджета. Итак, проблема криптовалюты требует дальнейшего правового регулирования, иначе она повысит уровень теневой экономики в России и станет мощным коррупционным механизмом [2, с.77].

Распространение коррупции в России вызывает несовершенство судебной и правоохранительной систем, отсутствие четкой государственной программы противодействия коррупции, в частности в

экономической сфере, низкий уровень доверия населения к судебным и правоохранительным органам. В то же время власть всегда стремится решать социально-экономические и политические проблемы путем внесения изменений в уголовное законодательство. Уголовный кодекс России становится средством политической борьбы, что недопустимо.

Учитывая указанные, задачи стратегии устойчивого экономического развития заключаются в создании механизмов устранения или снижения рисков внутренних и внешних угроз. В этом процессе важное место отведено криминологии, которая имеет возможность обосновать теоретические и правовые основы предотвращения коррупции в России.

Список литературы:

1. Гербеков И.И. Антикрупционная экспертиза как средство профилактики антикрупционных правонарушений: миф или реальность? // Право и государство: теория и практика. 2017. № 8 (152).
2. Кученёв А.В. Антикрупционной политики // Административное право и процесс. 2017. № 8.
3. Хардыбакина Е.А. Антикрупционная политика и антикрупционное законодательство в советский период времени // В сборнике: Молодежь России – основа стратегии развития общества. Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. 2018.

К вопросу о принятии конституции СССР 1936 года

**Р.М.Разаков
Н.Б.Насрудинов**

К началу 30-х гг. советское руководство столкнулось с острой дилеммой. С одной стороны, общество, уставшее от потрясений, требовало социального замирения. В свое время переход к НЭПу смягчил конфронтационность в экономике. Но он не смог ликвидировать в обществе атмосферу идеологию революционного натиска. В свое время именно это помогло Сталину одержать победу в «год великого перелома». Однако теперь пережитки революционной психологии разрушения угрожали стабильности любого политического режима, в том числе сталинского. С другой стороны, экономические проблемы, рожденные НЭПом, требовали нестандартных, радикальных реформ. Но это, в свою очередь, грозило возвратом к наиболее авторитарным методам военного коммунизма¹.

Закономерным продолжением материализации режима в годы «сталинского неонэпа» становится принятие решения внести изменения в действующую Конституцию СССР 1924 г. Современникам происходивших в 30-е гг. перемен трудно было сразу оценить их масштабы. Не случайно поэтому, когда вопрос о необходимости законодательного закрепления произошедших в обществе перемен обсуждался на Пленуме ЦК ВКП (б) 1 февраля 1935 г. первоначально было решено ограничиться лишь внесением некоторых изменений в текст действующей Конституции. Эта позиция и была оглашена Председателем Совета Народных Комиссаров на VII Всесоюзном съезде Советов, проходившем в Москве с 28 января по 6 февраля 1935 г. Съезд обязал ЦИК СССР избрать Конституционную комиссию и поручить ей выработать исправленный текст Конституции, который затем внести для утверждения².

5 декабря 1936 года состоялось заключительное заседание Чрезвычайного VIII съезда Советов Союза ССР. Съезд утвердил текст Конституции СССР сначала постатейно, а затем в целом, и поручил ЦИК СССР на основе новой Конституции разработать и утвердить Положение о выборах, а также установить сроки выборов в Верховный Совет СССР. В ознаменование принятия новой Конституции СССР съезд объявил 5 декабря всенародным праздником - Днем Конституции СССР.

Хотя в те годы Конституция 1936 года часто называлась «сталинской» над ней работали и оппозиционные Сталину политики. Так, важнейший блок по социальным вопросам, во многом ставший лицом новой Конституции, был подготовлен Николаем Бухариным. В результате такого широкого социального компромисса новая советская Конституция стала новой вехой в развитии советской демократии.

Прежде всего, по сравнению с нормами, сохранявшимися в советском законодательстве с революционной поры, новый основной закон серьезно расширил общедемократические права граждан. К прежнему набору традиционных прав и свобод, таких, как свобода совести, слова, собраний, союзов, добавляются новые. Важнейшим среди них можно назвать право на труд, на отдых, социальное обеспечение, образование и др. Впервые в практике российского законодательства конституционно признавались неприкосновенность личности³.

Далее, как подчеркивали советские историки в 70-е гг., в Конституции 1936 года по-новому трактовалось само понятие демократии. Если раньше советская демократия была демократией для трудящегося большинства, то теперь она стала демократией для всех граждан СССР. Это выразилось уже в выпадении из названия Советов их определения как Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Изменилось не только название Советов, но и их структура. Если раньше Советы избирались только на низовом уровне, и уже начиная с волости и района, созывались съезды Советов, то теперь

¹ Велеско В. Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голь. Политические портреты. – Минск, 1991.-С.216-218.

² Куликова Г.Б. Основной Закон государства победившего социализм. – М., 1986.-С.12-15.

³ Михайлова Н.В. История отечественного государства и права [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Михайлова Н.В., Курскова Г.Ю., Калина В.Ф. Электрон. текстовые данные. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.– 423 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/18184>.

выборными становились представительные органы власти любого уровня. Тем самым реализовывалась бухаринская идея приближения Советов к парламентско-муниципальным учреждениям западного типа. Тому же служило и то, что отныне Советы становились постоянными органами. Для созыва сессии теперь не нужно было каждый раз устраивать новые выборы - достаточно было созвать депутатов. С прежними корнями новые Советы связывало лишь сохранившееся право отзыва депутатов¹.

Конституция СССР 1936 года законодательно закрепила основные принципы и устои социалистического общества. Она провозгласила, что экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства².

Подчеркнув плановый характер социалистической экономики, Конституция установила, что народнохозяйственная жизнь страны определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня жизни трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

По Конституции 1936 года социальную структуру советского общества составляли два клана: рабочие и крестьяне. Это означало, что в отличие от предыдущей советской конституции Конституция 1936 года не содержала положение о политическом господстве одного класса - рабочего класса.

Свое выражение оно нашло уже в самом определении государства. «Союз Советских Социалистических Республик, - говорилось в ст. 1. - есть социалистическое государство рабочих и крестьян»³.

По Конституции 1936 года серьезной реформе подверглась избирательная система. По новой Конституции избирательное право становилось всеобщим. В небытие отходила практика прошлых лет, когда право выбирать и быть избранными лишались целые социальные группы.

Согласно ст.135 Конституции 1936 года, все граждане, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности имели право участвовать в выборах депутатов за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав. Вплоть до 1936 года сохранялось неравное представительство от жителей города и села. Реально один голос горожанина «весил» три голоса, поданных на выборах в деревне. Теперь избирательная система строилась по принципу «один человек - один голос», т.е. на основе равного избирательного права. Отменялись существовавшие долгие годы многоступенчатые выборы. Конституция 1936 года вводила прямые выборы во все звенья Советов - от сельсовета до Верховного Совета СССР. С принятием новой Конституции происходит полный отказ от производственных выборных кругов. Теперь выборы должны были проходить только в округах по месту жительства.

Наконец, важнейшим демократическим элементом новой избирательной системы, явилось тайное голосование, введенное Конституцией СССР 1936 года. Открытое голосование было заменено тайным по ст. 140 и 141 Конституции 1936 года⁴.

Если оставить на время вопрос о классовом характере этих нововведений, то смело можно утверждать, что они самым серьезным образом повлияли на развитие политической системы в СССР. Важно также иметь в виду, что именно эти преобразования помогли руководству страной решить одну из проблем - замирить вышедшее из берегов пост революционное общество.

В Конституции 1936 года были также установлены обязанности советских граждан. В частности, это были - соблюдать Конституцию СССР, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность⁵.

Большое политическое значение имела ст.126 Конституции СССР 1936 года, в которой впервые в истории Советской Конституции была законодательно зафиксирована руководящая роль Коммунистической партии Советского Союза.

Очень существенные и неоднозначные преобразования закрепляла Конституция 1936 года в области национально-государственного устройства Советского Союза, но о них подробно будет сказано ниже.

Такое важное в жизни общества событие, как принятие новой Конституции, не могло не вызвать самых различных откликов современников. Так, уже в день опубликования проекта Конституции в советской прессе, 12 июня 1936 года, Посольство США в Москве направило в Вашингтон телеграмму с изложением его важнейших положений. Западные дипломаты не могли не признать, что проект «данной Конституции создает впечатление наиболее либерально окрашенного документа».

Известный французский писатель – гуманист Р. Роллан шел в своих оценках еще дальше, полагая, что новая Конституция СССР – «это проведение в жизнь великих лозунгов, до сих пор являвшихся только мечтой человечества, – свободы, равенства и братства»⁶.

¹ Чураков Д. Указ. соч. – С. 76.

² Кола Д. Противоречие в Конституционной истории СССР // Полис. – 1998. – № 6. – С. 38-39.

³ Конституция СССР 1936 года. – М., 1969. – С. 6.

⁴ Кузнецов И.Н. История государства и права России (4-е издание) [Электронный ресурс]: Учебное пособие.– М.: Дашков и К, 2013. – 696 с. – Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/10927>.

⁵ Варламова Н.В. Конституционный процесс в России (1900-1993 гг.). – М., 1996. – С. 111.

⁶ Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Конституции СССР. – М., 1980. – С. 77.

Но в то же время мы не можем не видеть, что новая Конституция стала реальным и ощутимым шагом в сторону от великих лозунгов революции октября 1917 года. Конечно, для американских дипломатов и ориентирующихся на общечеловеческие ценности интеллигентов это было не принципиальным. Но для тех, для кого принципы Октября не были пустым звуком, отход от них представлялся предательством. Так, с резкой критикой выхолащивания роли и сути Советов выступил старый подпольщик, ученик Октябрьской революции А. Спундэ. В письме своей жене он осмелился поделить темы соображениями, о которых не решали говорить вслух: «большевики (правда, те же только по одному лишь названию), - писал он, - сначала надломил Советы, передав в 1934 году официальную власть из рук Советов в руки парткомов, а затем Конституцией 1936 года совсем убили Советскую власть, т.е. сами в области общеполитической опустили ниже лучших буржуазных государств, но для обмана оставили название Советов»¹.

Еще более непримиримо был настроен честолюбивый соперник Сталина - Троцкий. В выпущенной за рубежом на нескольких языках книге «Преданная революция» всемирный перманентный революционер уделил этой проблеме отдельную главу «СССР в зеркале новой Конституции». Помимо рассуждений о перерождении Советов, он указывал на то, что тайное голосование наиболее выгодно бюрократам. Он задавался вопросом: в капиталистическом обществе тайное голосование защищает эксплуататоров от террора людей труда, а от кого в таком случае «боится население социалистической страны и от чьих покушений требуется защищать его?». Не вызвала поддержки Троцкого и безальтернативность советских выборов, проводящихся под жестким надзором властей предрешающих.

Даже такой верный соратник Сталина, как Молотов не разделял всеобщих восторгов по поводу новой Конституции. Он подвергал сомнению ее основополагающий социальный принцип «от каждого по способности, каждому по труду». Предсовнарком не соглашался с тем, что этот лозунг и есть выражение всей сути социализма. Кроме того, он считал неоправданной схоластикой разрывать марксову формулу коммунизма и разменивать ее на потребность сиюминутной политической конъюнктуры. По свидетельству Ф. Чуева, он неоднократно критиковал эту «теоретическую ошибку Сталина заявляя, что в Конституции 1936 года «не ясно и непонятно записан принцип социализма». Молотов полагал, что влачащие полугодное существование рабочий и колхозник, вынужденные ради куска хлеба выполнять назначенные им нормы или минимум трудодней, вряд ли «трудятся по способностям». «Это приукрашивание того, что у нас есть — полагал он. Что же касается «каждому по труду», то и тут Молотов был бескомпромиссен. «Во всех книгах у нас - по труду, по труду, - говорил он. - Некоторые так понимают; если я работаю на фабрике, то по труду и получаю. А если ты начальство, то по труду норм тебе никто не устанавливает ... Благодаря безобразиям, которые существуют, под видом «по труду» получают люди совершенно недобросовестно работающие, и их у нас очень много»².

Следует подчеркнуть, что новая Конституция СССР 1936 года для современников казалась нерушимым и незыблемым для выполнения Законов, и большинство не предполагало, что оно может послужить своеобразной ширмой, прикрывающей тоталитарный режим демократическими и социалистическими одеждами.

Адаты в Дагестане

**Р.М.Разаков
Н.Б.Насрудинов**

Адат (араб. обычай) – обычное право у народов, исповедующих ислам. Оно возникает еще в недрах родового строя. На определенной ступени развития внутри родовой общины, как результат имущественной дифференциации, возникают новые отношения зависимости. Постепенно появляется богатая и влиятельная верхушка рода, интересы которой приходят в столкновение с началами родового демократизма, сохранившегося вследствие того, что родовая община и после возникновения частной собственности владеет на коллективных основаниях частью родовой земли.

«Эта борьба различных начал, – пишет М. О. Косвен, – сказывается еще в одной форме. Старики берут на себя функции толкования и применения обычаев, а вместе с тем и функции суда. В этой связи старые обычаи фиксируются, приводятся в известную систему, передаваясь из поколения в поколение. Так возникает обычное право, которое и несет на себе печать двойственности, свойственной родовому обществу на данном этапе его истории»³.

Обычай, как правило, поведения, был единственной нормой, регулировавшей отношения людей в первобытно-общинном строе. С разложением первобытнообщинного строя и с появлением классов обычай принял классовый характер. С этого времени обычаи претерпевают изменения и постепенно приспособляются к обслуживанию интересов господствующего класса. Обычаи эти приобретают правовой характер, т. е. их выполнение обеспечивается принуждением.

Возникновение органов публичной власти в низовых политических единицах, какими являются джамааты в Дагестане, было началом выработки правовых норм, составляемых в своей совокупности обычное право.

Обычное право являлось основным источником права в период формирования феодальных отношений. Длительное действие норм обычного права в Дагестане было обусловлено отсутствием

¹ Чураков Д. Указ. соч. – С. 76.

² Там же. – С. 77.

³ Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. – М., 1957. – С. 217.

политически централизованного государственного объединения и значительной административной и политической самостоятельностью сельских общин со своими установившимися обычаями, регулировавшими почти все стороны семейного и общественного быта горцев.

К обычному праву относятся адаты, рассматриваемые обществом как обязательные, невыполнение которых вызывает определенные репрессивные меры к нарушителям. Далеко не все дагестанские адаты носят проворой характер. Многие из них, относящиеся к области общественной нравственности, гостеприимству, семейным отношениям – суть моральной нормы, нарушение которых осуждается обществом, но не влечет за собой применение принудительных мер.

Адат в Дагестане, – как правильно отмечено проф. Ф. И. Леонтовичем, – имел тройное значение, во-первых, как обычай, живущий в народном предании, во-вторых, как способ разбирательства судебных дел и, в-третьих, как закон местный, действующий лишь в данной местности. Последнее значение имеет наибольшее распространение и в этом смысле рассматривается в настоящей работе.

Источники образования адатов были различны. Важную роль в формировании адатов играло третейство или маслагат (от араб. «маслахат» – общее благо, выгода, интересы сторон) по разбирательству различных правонарушений.

Маслагат настолько определяет начала дагестанского обычного права, что к разбирательству уголовных и гражданских дел приступали лишь после попыток примирения тяжущихся сторон.

Подчеркивая значение третейского решения (маслагата) в образовании адатов Н. А. Караулов писал, что «путем маслахата устанавливались взаимные отношения между владельцами и крестьянами. Маслахаты могут даже отменять старинные, освященные давностью адаты»¹.

Другим, не менее важным источником образования адатов являлись решения сельских сходов по самым разнообразным вопросам.

По коренному мусульманскому праву, – отмечает Ф. И. Леонтович, – каждое общество (джамаат) правоверных имеет свои сходы стариков и почетных жителей для совещаний об общественных делах, – на таких сходах при недостатке адатов по тому или другому вопросу, старики устанавливают мирский маслагат, обращающийся при дальнейшей практике в постоянный адат общины»².

Такая практика весьма характерна и для горцев Дагестана. Почти в каждом дагестанском ауле имелись специальные места сбора джамаата. Почетные лица, о которых упоминает Ф. И. Леонтович, это наиболее зажиточные представители сельской общины, которые оказывали решающее влияние на принятие решений по общественным делам. В дальнейшем при многократном применении решение схода, принятое по конкретному случаю, становилось адатом во всех аналогичных случаях.

Среди источников дагестанского обычного права следует отметить и соглашения между двумя или несколькими сельскими общинами об установлении единообразной ответственности их жителей за нарушение интересов договорившихся джамаатов в целом или отдельных лиц. «В эпоху борьбы патриархальных обществ, – писал исследователь осетинского обычного права В. Пфафф, – соседи, утомленные продолжительной враждой, иногда определяли раз навсегда, для разных правонарушений, известное возмездие. Подобные компромиссы – самый обильный источник обычного права»³.

Соглашения, как правило, заключались в письменном виде с указанием свидетелей. Срок их действия не ограничивался, лишь по мере необходимости по взаимному соглашению вносились дополнения и изменения. Соглашения подобного рода, вызванные к жизни стремлением избежать конфликты и вражду с соседями, получили в Дагестане повсеместное широкое распространение. Им принадлежит значительная роль в выработке норм адата и установлении определенного правопорядка во взаимоотношениях сельских общин.

Особое значение соглашения имели в «вольных» обществах Дагестана.

Отношения между сельскими общинами издавна строились на союзных началах. В одних случаях наиболее могущественный аул с добровольного согласия других соседних аулов брал на себя руководство всеми делами союза. В других это достигалось в результате насильственного подчинения слабых аулов сильным. Тогда между главным джамаатом и остальными устанавливались отношения покровительства и защиты с одной стороны, подчинения и платежей – с другой.

Очень ярко выступали эти отношения в Ахтынском «вольном» обществе. Жители всех 11 селений, входящих в Ахтынское общество, не имели права разбирать обоюдные претензии без ахтынских посредников.

По первому требованию ахтынцев жители селений были обязаны являться на помощь в случае войны.

Ахтынские аксакалы контролировали во всех селениях правильность исполнения закята.

Ахтынцы за кровь убитого платили 30 баранов, а с жителей подчиненных селений брали 600 голов овец.

Жители 11 селения отбывали так называемую пахту. Она заключалась в том, что жители селений 1 раз в год обязаны были принимать ахтынцев, угощать их лучшей пищей, кормить их лошадей и сверх того отдавать еще по одной овце. Ахтынцы обычно отправлялись в селения партиями от 100 до 500 человек и гостили в селении в течение суток⁴.

¹ Караулов Н. А. Основы мусульманского права // СМОМПК. Вып. 40. 1909. – С. 34.

² Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Вып. 1. – С. 11.

³ Пфафф В. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Вып. 1. – С.

⁴ Описание нравов, обычаев и образа правления Самурского округа до присоединения к России // Рук. фонд, д. 2493, лл. 2,14.

Насколько тягостным и обременительным был обычай пахты можно судить по тому, как он исполнялся в Рутульском обществе.

«Рутульцы, отправляясь для пахты в данное селение своего участка партиями от 100-300 человек, гостили по 3 суток и мало того, что требовали себе отборную пищу, но и принуждали кормить своих лошадей в 3 1/2 раза более, чем того требовали ахтынцы. Независимо от угощения, рутульцы брали при этом по 1 барану с каждого дыма того селения, куда приезжали для пахты»¹.

Рутульцы, кроме поборов при пахте, – отмечается далее, – брали еще в виде подати, по 1 барану в год с каждого дыма селений, отбывавших пахту.

Вместе с тем каждый джамаат вольного общества регулировал свои взаимоотношения с другими на основе специальных адатов, о соблюдении которых имела договоренность.

Материал дагестанского обычного права, как будет показано ниже, полностью подтверждает приведенное высказывание.

Адаты касались широкого круга вопросов: совместных выступлений в случае опасности, пользования пастбищами, горами, принятия ишклия, ответственности за те или иные преступления и т. д.

Приведем некоторые из них. «Жители селений Кахиб, Гууб, Баклял и Гандих согласились на единое положение. Если один среди них отделится без разрешения остальных, то за ним семь коров. Если один из кахибцев или гуубцев убьет одного из бакляльцев или хиндихцев, то за убийцей в пользу гостя убитого пятнадцать коров, пятнадцать коров в пользу селения убийцы и тринадцать коров в пользу наследников, а также наборот»².

В этом адате в качестве солидарного ответчика выступает весь джамаат. Коллективная ответственность всего джамаата, за действия одного из своих членов основывалась на том, что все члены джамаата обязаны были оберегать интересы своего аула, не считаясь с опасностями для жизни и имущества, и потому каждый из них имел право на защиту со стороны всего джамаата.

Общество сел. Обода обязывалось оказывать помощь тому, кто оказывался кровником, убив одного или нескольких человек из жителей Хиндаха. Из каждого двора кровнику выдавалось по одной мерке зерна. Если общество проявило незаботливость и уклонило от выдачи зерна, то в собственность кровнику должна быть передана гора, начиная с «Хуру-Чух» до «Глулукал»³.

Адат, принятый во второй половине XVII века, в 1665 году считает, что убийца должен подлежать обязательной мести. Уклоняющийся от мести убийца подвергался штрафу. «Жители селений Ансуб и Исиниб согласились не оставлять убийцу без отомщения. Если наследник убитого прощает убийцу за выкуп, то с него взыскивать тридцать коров, стоимость в пять овец каждая, а также сто овец с убийцы в пользу Нуцала, сына Умма-Нуцала. . . «⁴. Уставленный высокий штраф практически не допускал примирения за выкуп, и наследникам убитого оставалось только мстить убийце. Прощение за выкуп в то время считалось безнравственным и противоречащим интересам джамаата.

Селения Чох и Цудахар имели договоренность о неприменении ишклия в отношении друг друга. С нарушителя взыскивался штраф один бык. Также они обязались взаимно оказывать помощь в случае опасности. Даже между ними было установлено: «Если султан (бек) присвоил (захватил) имущество и на месте очутился один из жителей обоих селений и он не помешал ему посредством тревоги или другими путями, то он сам должен возместить нанесенный султаном ущерб. Если один из жителей обоих селений убил султана (бека), то оба селения должны выдать ему двадцать баранов»⁵.

Выполнение правовых норм внутри джамаата обеспечивалось сельской администрацией. Что же касается правовых норм, о соблюдении которых имела договоренность между несколькими аулами, то их исполнение не могло быть обеспечено центральной административной властью (это откосится и к феодальным владениям). Поэтому джамааты, заключавшие между собой соглашения, в качестве гарантии исполнения практиковали заклад каких-нибудь ценных предметов (в одном случае по два крымских ружья) или оговаривали в соглашениях, что в случае невыполнения определенная местность (гора, пастбище) перейдут в собственность другой стороне. Справедливые претензии лица другого джамаата должны были удовлетворяться администрацией джамаата, к которому принадлежат ответчик.

Горские адаты устанавливали различную ответственность почти по всем правонарушениям в зависимости от социальной принадлежности.

О бесправном положении рабов говорит следующий адат даргинцев: «За убийство кулла и каравашки дается вознаграждение владельцу и более никакому взысканию виновный не подвергается. За убийство куллом кого-либо взыскание делается с владельца и он же делается канлы родственников убитого. Но если владелец не согласится быть канлы, то должен освободить кулла из крепостной зависимости, и тогда кулл, сделавшись свободным (узденем), признается сам канлы»⁶. По адатам сс. Ругуджи и Согратль, сознавшийся в убийстве признавался виновным только в том случае, если он равного происхождения и имущественного положения с убитым⁷. Такой же адат существовал и у жителей Андийского округа.

¹ Там же.

² Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1658, с. 153.

³ Там же. Д. 1669, с. 167-168.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1658. – С. 166.

⁶ Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. 1899. – С. 88.

⁷ Там же. – С. 273.

Все претензии между куллами и каравашами одного владельца у даргинцев разбирались самим владельцем¹. Рабы не допускались свидетелям или присягателями ни по одному делу. Взыскание за ранение раба определялось, в отличие от общего правила, по шарияту.

В лакских адатах была установлена различная ответственность бека, узденя и раба за убийство. Убийца раба удалялся из места своего жительства на 40 дней, после этого он уплачивал хозяину раба определенную сумму и примирялся как с владельцами раба, так и его родственниками. А если раб убил бека или узденя, то он вместе со своим владельцем, удалялись канлы и подвергались мщению и ответственности по общим правилам кровной мести.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что обычное право Дагестана, несмотря на присущие ему партикуляризм и консерватизм, как следствие господства натурального хозяйства, отчетливо отражает уровень социально-экономического развития горских народов.

Обычное право, развиваясь в условиях сохранения пережитков общинного строя, в феодальной экономике сочетает в себе институты патриархально-родового строя с нормами, характерными для периода становления феодальных отношений. Нормы обычного права, определявшие правопорядок в обществе, выражали волю и верхушки и использовались ею для защиты и укрепления своего привилегированного положения.

Синдром «психического выгорания» педагогов

Д.Г.Сайбулаева

Психологическая служба образования на современном этапе направлена, главным образом, на обеспечение психического здоровья школьников, характеризуется детоцентрированностью. Психологическое благополучие педагогов занимает незначительное место в психологической практике. В то же время исследования показывают, что главным условием психического здоровья детей является психическое здоровье взрослых, т.е. родителей и педагогов. Как известно, именно в плоскости межличностных отношений взрослых и детей происходит становление личности ребенка. Если следовать данной логике, то основной задачей психологической службы является обеспечение психологического благополучия родителей и учителей, которое станет необходимым и достаточным условием психического развития детей.

При исследовании психологического благополучия педагогов особое значение приобретает изучение феномена эмоционального выгорания – психологического явления, оказывающего негативное воздействие на здоровье и эффективность деятельности специалистов, занятых в социальной сфере. Исследования педагогической деятельности показали, что она обладает рядом особенностей, позволяющих характеризовать ее как потенциально эмоциогенную. Высокая эмоциональная напряженность вызывается наличием большого числа факторов стресса, постоянно присутствующих в работе учителя. Это такие особенности деятельности, как высокий динамизм, нехватка времени, рабочие перегрузки, сложность возникающих педагогических ситуаций, социальная оценка, необходимость осуществления частых и интенсивных контактов, взаимодействие с различными социальными группами и т.д. Эмоциональные особенности педагогической деятельности могут способствовать возникновению и развитию синдрома «эмоционального выгорания» учителей [6,7].

В настоящее время в психологии под «психическим выгоранием» понимается состояние психического, эмоционального и умственного утомления, проявляющееся в профессиях социальной сферы. Согласно позиции К.Маслач этот синдром включает в себя три основные составляющие: эмоциональную истощенность, деперсонализацию (цинизм) и редукцию профессиональных достижений. Под «эмоциональным истощением» понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванное работой. «Деперсонализация» предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. В частности, в социальной сфере деперсонализация предполагает бесчувственное, негуманное отношение к клиентам, приходящим для лечения, консультации и получения других социальных услуг. «Редукция профессиональных достижений» проявляется в возникновении у работников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней. При этом исследования показывают, что ведущее место в проявлениях данного феномена занимает эмоциональная составляющая[2].

«Эмоциональное выгорание» рассматривается как долговременная стрессовая реакция или синдром, возникающий вследствие продолжительных профессиональных стрессов средней интенсивности. В связи с этим синдром «психического выгорания» обозначается исследователями понятием «профессиональное выгорание», что позволяет рассматривать это явление в аспекте личностной деформации профессионала под влиянием длительного профессионального стажа работы по одной той же специальности. Оно может выражаться в черствости к людям, жестокости, нежелании принять чужую боль на себя, отсутствии милосердия и гуманности, низкой коммуникабельности, грубости, злобе во взаимоотношениях с людьми; в работе это может проявляться в появлении чувства бесполезности выполняемой деятельности, в ощущении отсутствия перспективы дальнейшего профессионального роста, апатии, нежелании достигать более высоких результатов. Это отрицательно сказывается на исполнении профессиональной деятельности и в отношениях с сотрудниками и клиентами. Поэтому «эмоциональное выгорание» рассматривается как форма профессиональной деформации личности. Как и любая деформация, «эмоциональное выгорание» приводит

¹ Там же. – С. 69.

к негативным последствиям, поэтому всегда необходимо искать эффективные пути его профилактики и преодоления [1, 6].

Определение путей профилактики и преодоления синдрома «психического выгорания» основывается на источниках, вызывающих данное психологическое явление. Результаты многих исследований, в том числе авторского, позволяют выделить две группы факторов возникновения и развития синдрома «эмоционального выгорания»:

1. Социально-психологические, к которым относятся, прежде всего, личностные особенности педагога, психофизиологические, (возраст, пол, состояние здоровья), а также система отношений (с учениками, с коллегами, с руководством). Наиболее подвержены «эмоциональному выгоранию» педагоги с высоким уровнем тревожности, агрессивности, эмоциональной чувствительности, гуманизма, ориентированных на помощь другим. Установлена взаимосвязь «психического выгорания» как с высоким, так и низким уровнем проявления эмпатии, с рассогласованностью ценностной сферы, низким уровнем саморегуляции эмоциональной и поведенческой сферы.

2. Организационные факторы. Эти факторы включают в себя условия материальной среды, содержание работы и социально-психологические условия деятельности. Обнаружена связь «выгорания» с учебной нагрузкой, продолжительностью рабочего дня, перспективами роста, дидактическим оснащением школы, поведением «трудных» учащихся, необходимостью постоянного совершенствования своей деятельности и др. Наиболее значимой для педагогов является поддержка руководства, в особенности стимулирование согласно с затраченным трудом, что обозначается респондентами как справедливость.

Признаки профессионального выгорания учителей в ситуациях профессиональных нагрузок указывают на необходимость принятия мер ранней профилактики стресса и психического здоровья учителей и расширенной психологической подготовки будущих учителей. В соответствии с указанными факторами «эмоционального выгорания» следует определить два основных направления профилактики и преодоления синдрома «эмоционального выгорания»; во-первых, профилактика в сфере личностных свойств учителей и системы интерперсональных отношений, во-вторых, принятие предупредительных мер по оптимизации условий труда учителя [1, 3, 4].

Систему мер по профилактике личностной сферы учителя следует подразделить также на две группы. Первая группа имеет отношение к осуществлению психологической подготовки будущих учителей. Работу по предупреждению «психического выгорания» следует начать еще до поступления молодого человека в педагогический вуз, которая заключается в определении его профпригодности к данной деятельности и всестороннем ознакомлении со спецификой профессии педагога.

В период обучения в вузе работу по психологической подготовке необходимо продолжить по следующим направлениям. Во-первых, ознакомить студентов не только с теоретической психологией, но и навыками самопознания, самообразования, саморегуляции эмоциональных состояний и поведенческих реакций, межличностного взаимодействия, привлекать к участию в тренинговых группах, группах поддержки, групповых дискуссиях, обучать способам психологической помощи другим людям. В связи с этим возникает вопрос о введении в педагогических вузах курса практической психологии.

Особое внимание следует уделить поощрению самостоятельности и ответственности студента, инициативе, творческим проявлениям, самобытности мышления, стремления к самореализации. Это способствует росту его самоуважения, доверия к собственной состоятельности, уверенности в себе. Развитие подобных качеств значительно повышают сопротивляемость «психическому выгоранию».

Во-вторых, усилить работу по овладению этими навыками в период прохождения педагогической практики в школе, активно участвовать во всех делах школы с целью осознания и понимания трудностей своей будущей профессии. Подобные меры будут способствовать предотвращению эмоционального шока от расхождения их представлений о будущей профессии и реальной действительностью.

Вторая группа профилактических мероприятий имеет отношение к работающим учителям. Следует отметить, что эти меры имеют свою специфику для молодых учителей и для учителей с опытом работы. Однако в рамках данной работы освещение этой специфики не представляется возможным, поэтому представим наиболее общие рекомендации по предупреждению «психического выгорания».

Во-первых, необходимо постоянно совершенствовать умение регулировать свое психоэмоциональное состояние, организовать собственный труд. Этот момент должен присутствовать на всем протяжении профессиональной деятельности, так как играет главенствующую роль в преодолении синдрома «эмоционального выгорания». В практической психологии имеется достаточно широкий репертуар способов саморегуляции: аутотренинг, дыхательные и мышечные релаксационные техники, медитирование, методы отслеживания и отстранения с последующим анализом, дневниковый метод, ролевые игры, адекватных способов выражения эмоциональных состояний, применение навыков активного слушания и др.

Для профилактики «эмоционального выгорания» исследователи обнаружили эффективность групповых форм работы, в частности, баллинтовых групп, сущность которых состоит в обсуждении трудных ситуаций, которые возникают в процессе педагогической деятельности. Необходимо предоставить педагогу также весь спектр услуг индивидуального консультирования для решения проблем личностного и профессионального характера. Психопрофилактические мероприятия по оптимизации педагогической деятельности состоят, главным образом, в создании и поддержании благоприятного психологического климата, в обучении руководителей демократическим, коммуникативным стилям управления, признанию результатов работы, справедливому распределению моральных и материальных вознаграждений, максимальному обеспечению участия педагогов в принятии важных для школы и для них самих решений.

Наиболее важным аспектом профилактики и преодоления многообразных психологических проблем является установка на личностный рост человека, его возможности самостоятельного осуществления выбора, стремления к ответственности полноценному осмысленному функционированию, рост самоуважения, что является залогом психического здоровья самого педагога и окружающих его людей. Для этого необходимо реализовывать принципы человекоцентрированного подхода, в центре которой позитивное принятие уникальной личности другого человека, сопереживание ему, доверие к его смыслам и ценностям.

Литература

1. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении.- С-Пб., 1999. – 156 с.
2. Борисова М.В. Психологические детерминанты феномена эмоционального выгорания у педагогов // Вопросы психологии. 2005. № 2. с. 96-104.
3. Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя. М.: Сентябрь, 1998.
4. Реан А.А., Баранов А.А. Факторы стрессоустойчивости учителей // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 45-55.
5. Рогинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психол. журн. 2002. № 3. С.85-96.
6. Форманюк Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопросы психологии, 1994. № 6. С. 54-67.

Первоначальный этап планирования расследования преступлений

Т.Б. оглы Сулейманзаде

П.М.Лахитова

Грамотное планирование расследования по сложным уголовным делам на основе полной отработки следственных версий является одним из важнейших условий установления объективной истины. Хотя еще более полувека назад отмечалось, что ошибки и недочеты в работе следственных органов обуславливаются прежде всего бесплановостью расследования, с подобным состоянием дел можно встретиться и сейчас. И если в 30-е гг. XX века это объяснялось недостаточной теоретической подготовкой следственного аппарата, а также слабой разработанностью научных основ планирования расследования и версионного процесса, то теперь положение коренным образом изменилось. Теория сделала большой шаг вперед. Практика же порой не в полной мере использует достижения теории. Причина такого положения заключается в том, что до сих пор не изжита психологическая установка некоторой части следователей обходиться набросками, напоминающими конспективный план работы на день. Кроме того, молодые следователи из-за недостатка опыта не всегда умеют составить развернутый план расследования сложных - бесфигурантных либо многоэпизодных дел, что делает необходимой разработку алгоритмов и программ этой деятельности. Наконец, к планированию расследования нужно приступать сразу же, на первоначальном этапе работы по делу. Однако теоретические выкладки и рекомендации в данном аспекте нам неизвестны, хотя потребность в них давно констатирована.

Как справедливо считает Н.А.Селиванов, выделение комплекса первоначальных следственных действий «ориентирует следователя на использование максимума возможностей для обнаружения доказательств, имеющих на исключительно важном - первоначальном этапе расследования, и на создание надлежащей базы для тщательного, обоснованного планирования всего следственного производства по делу»¹. Это предполагает необходимость составления общего плана расследования первоначального этапа и отдельного плана по каждому первоначальному следственному действию в увязке с оперативно-розыскными мероприятиями. Таким образом, для обеспечения эффективности расследования планирование по возможности следует начинать практически сразу после возбуждения уголовного дела.

Бесспорно, что фрагментарный и проблематичный характер исходной информации о преступном событии, его субъекте, форме вины и других существенных обстоятельствах препятствует разработке подробного плана по делу в целом. На данном этапе это нереально и не диктуется необходимостью.

Поскольку мы понимаем первоначальный этап расследования как важнейший интервал следственной деятельности, конкретизируемый характером стоящих перед следователем на момент возбуждения уголовного дела целей и необходимый для решения ключевых (типичных) задач расследования: раскрытия неочевидных преступлений либо сбора необходимых доказательств по очевидным преступлениям, то после решения задач данного этапа планирование дальнейшей работы по делу большей сложности не представляет. Если преступление раскрыто, а доказательства виновности собраны, элемент творчества в дальнейшей следственной деятельности значительно уменьшается, а сама она (исключая разве составление обвинительного заключения. лежащее в пределах компетенции уголовного процесса, а не криминалистики) намного упрощается. В то же время важность грамотного планирования расследования на его первоначальном этапе становится еще более очевидной.

В этой связи важно подчеркнуть, что всякое пополнение знаний следователя о расследуемом преступлении, в особенности на первоначальном этапе, должно влечь немедленное уточнение пунктов составленного плана. Прав А.М.Ларин, говоря, что «планирование основывается на всестороннем учете фактических данных, которые в ходе расследования неуклонно пополняются, Уточняются, переосмысливаются. Соответственно пополняется, корректируется, изменяется и план. Поэтому процесс

¹ Селиванов Н.А. Криминалистика: система понятий. – М. Юрид лит., 1999. – С. 34.

планирования от принятия дела к производству и вплоть до составления обвинительного заключения непрерывен»¹.

Как считает Иванов Л.А., при планировании предстоящего расследования и выполнении отдельных следственных действий либо иных мероприятий следователь использует свои познания в конкретной следственной ситуации, оперируя двумя потоками информации.

Один - внешний - поступает при изучении обстановки и обстоятельств расследуемого преступления; второй – внутренний - это содержащиеся в памяти следователя знания, понятия, приобретенные в процессе обучения и практической работы².

Думается, что такое представление об информационной обеспеченности следователя неполно, поскольку при расследовании любого достаточно сложного уголовного дела в ходе сбора и проверки доказательств необходимо использовать специальные познания различных сведущих лиц, экспертов и др. При этом происходит приложение к конкретной следственной ситуации познаний и этих специалистов, т.е. интеграция знаний и представлений следователя со знаниями и представлениями других участвующих в расследовании лиц, порождающая новый уровень проникновения в механизм преступного события и его отдельные криминалистически значимые детали.

Данный поток информации имеет свою специфику, поскольку порожден не материальной обстановкой преступления и лицами, так или иначе причастными к нему (очевидцами, потерпевшими), а волей и сознанием субъектов, с которыми следователь взаимодействует. Их интересы направлены на достижение одной цели: раскрытие и всестороннее расследование преступления. Специальные познания особенно необходимы на первоначальном этапе, ибо индивидуальных знаний и возможностей следователя, как правило, недостаточно, чтобы без определенной помощи достичь успеха.

Научно-технический прогресс постоянно открывает все новые возможности использования достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве. Сейчас даже самых глубоких профессиональных знаний следователя может не хватить для успешного расследования. Путь к установлению истины по многим делам оказался бы намного длиннее, целый ряд преступлений не удалось бы раскрыть, если бы следователи не использовали при этом специальные знания, т.е. знания, которые приобретаются путем целенаправленной подготовки и опыта работы для определенного вида деятельности в рамках той или иной профессии, исключая в данном случае профессию самого следователя.

Таким образом, при составлении плана на первоначальном этапе расследования следователь обязан продумать, каких специалистов, как и когда привлечь, наметить мероприятия, в которых они будут участвовать. Желательно, чтобы использование специальных познаний на первоначальном этапе было достаточно широким и плановым. Кроме того, при планировании важно предусмотреть научно-техническое и организационное обеспечение эффективности первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Для этого в плане должен быть приведен не только перечень научно-технических средств, но и конкретные тактические приемы их использования.

На первоначальном этапе расследования нужно планомерно применять специальные познания в форме экспертиз. Однако именно на данном этапе далеко не всегда используются богатейшие возможности судебной экспертизы, в особенности имеющие диагностический характер. Экспертизы назначаются несвоевременно, в постановлениях предусматриваются не все вопросы, которые могут быть решены на базе имеющихся материалов, допускаются иные ошибки, снижающие эффективность следствия. Круг экспертиз, вопросы, которые требуется разрешить при их производстве, материалы, необходимые для исследования, - все должно найти отражение в плане первоначального этапа расследования. При этом следователю целесообразно проконсультироваться с экспертами, соотнести свои потребности по делу с возможностями экспертного учреждения, а когда они не совпадают, запланировать производство исследований в другом криминалистическом учреждении, обладающем более широкими возможностями вследствие обеспеченности совершенной аналитической техникой, высокой квалификации сотрудников и др.

Освоение криминалистами идей кибернетики привело к тому, что в последние годы взят на вооружение ряд кибернетических методов, довольно успешно используемых в раскрытии и расследовании преступлений. Следователи при решении многих криминалистических задач фактически пользуются отдельными рекомендациями теории информации, в особенности алгоритмического характера. Кибернетические идеи, разработанные применительно к задачам расследования, образуют базу для принятия следователем решений на основе так называемой безмашинной кибернетики посредством выработки схем типовых версий о способах совершения преступлений и типизированных действий следователя, направленных на их проверку. В алгоритмизации деятельности следователя важной является разработка систем типовых моделей расследования преступлений.

М.А.Евгеньев писал: «План расследования уголовного дела -это общая программа работы следователя по данному делу вообще и программа его действий на ближайшие дни в частности»³. На первый взгляд так оно и есть. В литературе можно встретить термин «типовой план» расследования, употребляемый как синоним термина «программа расследования» по делам определенной категории. При подобном подходе планирование расследования и его программирование должны обозначать одно и то же.

¹ Ларин А.М. От следственной версии к истине. – М., 2006. – С. 65.

² См.: Иванов Л.А. Программирование и творчество в деятельности следователя. – М., 1999.

³ Евгеньев М.А. Методика и техника расследования преступлений. – М., 2009. – С. 178.

В специальной литературе «программа понимается как систематизированный перечень методических рекомендаций по уяснению ситуации, определению цели и выбору средств решения некоторых типичных следственных задач»¹. Отмечается, что основу программы должны составлять методические предписания, свободные от информационного «шума»-полемики, объяснений, отступлений и облеченные в форму кратких и конкретных алгоритмов, систематизированных так, чтобы потребовался минимум усилий на отыскание необходимых сведений и уяснение связей между ними.

Возможность реализации новых принципов решения следственных задач, которые будут содействовать разгрузке памяти следователя от информации, не обязательной для успешной деятельности, ее целеустремленности на всех этапах расследования: способствовать решению относительно простых задач и облегчать планирование решения более сложных задач. Именно поэтому программирование, являющееся средством доведения методических знаний до следователя, должно способствовать тому, чтобы в тех случаях, когда есть готовые оптимальные решения, следователь не занимался изобретением уже изобретенного, а брал и использовал уже готовое.

Отметим, что содержащиеся в программе методические предписания - лишь предпосылка к деятельности, в то время как успех расследования достигается не столько их усвоением, сколько профессиональным использованием в условиях конкретной ситуации. Содержание программ обусловлено уровнем теоретических разработок. Так как теория пока не в состоянии дать конкретные предписания на все случаи, которые могут встретиться в следственной работе, самые сложные виды этой деятельности алгоритмизированы наиболее общо, значит, их использование требует от следователя значительных интеллектуальных усилий. Обеспечивая следователя всей методической информацией для быстрого решения простых задач, программирование вместе с тем должно предоставлять ему информацию и для решения творческих задач, т.е. помочь быстро и правильно сориентироваться при поиске нового оригинального решения.

Проследив историю попыток запрограммировать расследование от времен окончательной разработки римской семичленной формулы до наших дней, И.Е.Быховский подчеркивает, что раскрыть типичное преступление, пользуясь типовой программой, невозможно². Следовательно, любые системы типовых версий должны содержать указания на вероятностный характер аккумулированных данных, чтобы практические работники обрабатывали и другие версии, возникающие при расследовании конкретного преступления. Использование жестких программ, содержащих команды, исключает возможность учета особенностей личности и самого следователя, и обвиняемого, и других лиц, проходящих по делу.

И.Е.Быховский обоснованно заключает, что программа должна быть системой рекомендаций, а не приказов, рассчитанных на расследование не всего уголовного дела, а его определенного этапа. Она должна базироваться на материалах обобщения практики, стимулировать инициативу следователя на отыскание других, не предусмотренных авторами программы путей выяснения того или иного вопроса. «Идея программирования расследования не должна лишать следователя возможности поиска эвристических решений; следствие всегда было, есть и будет не только комплексом научных положений и рекомендаций, но искусством нахождения истины»³.

Таким образом, соотношение между планированием и программированием, по нашему мнению, таково. Программирование - один из ведущих методов планирования, поэтому программу можно рассматривать как предварительный план любого вида деятельности, в том числе и следственной. На основании программы, являющейся, так сказать, скелетом будущего плана работы по делу, следователь, сообразуясь со складывающейся следственной ситуацией и реальными возможностями, составляет подробный план.

Первоначальный этап расследования характеризуется наличием ряда проблемных ситуаций, разрешение которых программа не может детально предусмотреть. Она базируется на типичном, в то время как конкретное преступление и лицо, его совершившее, - индивидуальны. Специфика следственной деятельности заключается в том, что для раскрытия преступлений необходимо нетривиальное решение. Следователь в зависимости от ситуации вносит в программу расследования и свой опыт, учитывает наличные силы и средства. В результате программа становится гибким, динамичным планом первоначального этапа расследования.

Освоение следователями научных, наиболее рациональных приемов программирования своей деятельности чрезвычайно полезно в первую очередь для успешного планирования и проведения расследования на наиболее ответственном первоначальном этапе. Кроме того, умение программировать облегчает работу следователя с компьютером. В недалеком будущем обращение следователя в наиболее сложных случаях, в том числе и связанных с планированием, за помощью к компьютеру станет обычным делом. Развертываемые в настоящее время в правоохранительных органах информационно-поисковые и автоматизированные управляющие системы создают к тому реальные предпосылки.

Таким образом, планирование и программирование следственной деятельности по содержанию не совпадают - это категории разного порядка и неодинаковой природы. Думается, что следует продолжить разработку программ работы на первоначальном этапе расследования наиболее распространенных, тяжких и сложных для раскрытия преступлений. Наличие таких программ поможет следователям повысить качество

¹ См.: Мудьюгин Г.Н., Васильев А.Н., Якубович Н.А. Планирование расследования преступлений. - М., 1999.

² Быховский И.Е. Программированное расследование: возможности и перспективы. - М., 2008. - С. 188.

³ Там же.

планирования, что будет способствовать скорейшему отысканию истины по расследуемым уголовным делам.

Уклонение от ответственности за совершенное преступление

Х.Х. кызы Халумова

Проблема противодействия расследованию преступлений приобрела в последнее время особую актуальность и остроту. Противодействие расследованию преступлений есть совокупность умышленных противоправных и иных действий преступников, а также связанных с ними лиц, направленных на воспрепятствование установлению истины правоохранительными органами в их деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступных деяний. Данная деятельность приводит к существенному увеличению трудоемкости расследования и иным негативным последствиям, вплоть до прекращения или приостановления уголовных дел.

Основной целью противодействия является уклонение от ответственности за совершенное преступление. Более конкретные цели – сокрытие самого факта (события) разбойного преступления, отдельных его следов (как материальных, так и идеальных) и иных доказательств; виновности определенных лиц в совершении этого преступления; деталей обстановки, в которой совершалось преступление; добытых преступным путем денег, других ценностей и имущества¹.

Субъектами такого противодействия чаще всего являются сами преступники, совершившие разбойное нападение, а также родственники и близкие знакомые. Под воздействием указанных лиц противодействие расследованию корыстно-насильственных преступлений нередко оказывают потерпевшие и свидетели, на первый взгляд незаинтересованные в уклонении разбойника от ответственности. Большинство свидетелей и потерпевших, подвергнутых такому воздействию, в той или иной степени поддаются: совершают конкретные действия в пользу виновных или же имели твердую установку на их совершение.

Наиболее распространенные приемы противодействия расследованию разбойных нападений: 1) дача ложных показаний либо уклонение от дачи показаний; 2) воздействие на потерпевших, свидетелей, соучастников; 3) уничтожение следов разбоя или участия в нем; 4) маскировка, изменение признаков внешности; 5) инсценировки; 6) выдвижение и обоснование ложного алиби; 7) выезд из района совершения преступления в другую местность; 8) использование адвокатов не только для предусмотренной законом защиты, но и для создания препятствий расследованию; 9) симуляция психического расстройства.

Дача ложных показаний или уклонение от дачи показаний являются наиболее распространенными приемами противодействия расследованию. Не соответствующие истине показания обычно даются самими подозреваемыми (обвиняемыми) в совершении разбойного нападения, особенно на первоначальном этапе расследования. В дальнейшем под давлением улик они нередко меняются, и, тем не менее, ложь в таких показаниях остается часто и на стадии судебного разбирательства. Даже в случаях явок с повинной, стремясь внешне продемонстрировать чистосердечное раскаяние, явившиеся с повинной лица скрывают отягчающие обстоятельства, пытаются выгородить соучастников, взяв всю вину на себя, представить потерпевшего в невыгодном для него, свете и т.п.

Дача ложных показаний тесно связана с другими приемами противодействия расследованию разбойных нападений: воздействием на потерпевших и свидетелей, выдвижением ложного алиби, инсценировкой, сокрытием орудий преступления и похищенного имущества.

Ложные показания даются практически обо всех обстоятельствах, входящих в предмет доказывания: об обстоятельствах происшедшего события и особенно – механизме изъятия ценностей у потерпевшего; о факте своего пребывания на месте нападения; о месте своего нахождения в то время, когда совершено нападение; об обстоятельствах приобретения, хранения, использования изъятых оружия и других средств нападения; об отягчающих обстоятельствах, влияющих на степень и характер ответственности; об обстоятельствах, отрицательно характеризующих личность обвиняемого и др.

Широкое распространение по делам о разбойных нападениях получил такой прием противодействия расследованию, как воздействие преступников и связанных с ними лиц на потерпевших и свидетелей по делу. Такое воздействие может осуществляться путем подкупа, запугивания, применения насилия как физического, так и психологического. Эффективность такого воздействия заключается в том, что потерпевшие и свидетели испытывают страх перед преступниками, опасаются за жизнь и здоровье – свою и своих близких. В случае применения такого воздействия на субъектов расследования могут возникнуть следующие негативные последствия в виде дачи потерпевшими и свидетелями ложных показаний или изменения ранее данных показаний на допросах, уничтожение материальных следов разбоя и др.

Использование ложного алиби лицами, совершающими разбойные нападения в наше время также нашло широкое распространение. Деятельность по реализации ложного алиби образуют сменяющие друг друга подсистемы действий преступника и связанных с ним лиц: обоснование, выдвижение и отстаивание. При этом действия по обоснованию ложного алиби как элемент сокрытия могут предприниматься еще до совершения преступления, в процессе подготовки к нему.

Существуют закономерные связи использования ложного алиби с такими приемами противодействия, как воздействие на свидетелей и потерпевших, дача ложных показаний, фальсификация документов, следов и других вещественных доказательств.

¹ Карагодин В.Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию. – Казань, 2012. – 22.

При обосновании ложного алиби подчас используются такие способы полного или частичного обмана, которые выступают причиной искажений в восприятии, запоминании, воспроизведении информации о совместном местонахождении свидетеля и обвиняемого (подозреваемого) в совершении разбойного нападения во времени, а в последующем и судебных ошибок¹.

Противодействие расследованию разбойных нападений обладает рядом признаков, которыми чаще всего являются: 1) уклонение от участия в проведении следственных действий (освидетельствования, очной ставки и др.); 2) внезапное заявление подозреваемого (обвиняемого) о своем алиби; 3) признаки симуляции подозреваемым (обвиняемым) психического заболевания; 4) резкое изменение показаний потерпевших или важных свидетелей в пользу подозреваемого (обвиняемого); 5) спиленный или иным способом удаленный номер на брошенном или изъятом оружии заводского изготовления; перебитые номера на шасси и двигателе автомобиля, захваченного в результате разбойного нападения или использованного для его совершения; 6) нежелание представить вещественные доказательства, образцы для сравнительного исследования, иные предметы и документы, имеющие значение для расследования разбойного нападения.

Что касается деятельности по нейтрализации противодействия расследованию разбоев, то следует сказать, что направления деятельности следователя и принимаемые им конкретные меры по преодолению противодействия должны отвечать требованиям плановости, комплексности, индивидуальности и носить упреждающий характер.

Следует выделить два варианта действий по преодолению выявленного противодействия: пресечение оказываемого преступником воздействия на потерпевших, свидетелей, следователя, других участников расследования либо поиск и использование альтернативных источников доказательственной информации, нейтрализующих уже сработавшие приемы противодействия. Возможно и параллельное применение обоих вариантов нейтрализации.

В литературе справедливо отмечается, что легче предотвратить, упредить противодействие расследованию, чем потом преодолевать его последствия. Методы упреждения могут быть направлены как на подозреваемых (обвиняемых), так и на свидетелей, потерпевших, которые, по мнению следователя, возможно, подвергнутся воздействию либо по собственной инициативе могут по различным причинам попытаться помочь преступнику. К числу методов упреждения противодействия можно отнести приемы установления и поддержания психологического контакта с соответствующими участниками расследования разбойных нападений; оптимизацию фиксирования и сохранения получаемой от них информации, включая результаты следственных действий; методы обеспечения «функциональной» процессуальной деятельности потерпевших и свидетелей, включая подготовку их к возможному воздействию на них, обеспечение их безопасности и др.²

В отношении преступников наиболее эффективными методами упреждения будут их полное изобличение в совершении преступления и на этой основе (с учетом противодействия) – задержание и избрание меры пресечения в виде содержания под стражей.

По делам изучаемой категории преступлений обычно приходится применять не один какой-либо прием нейтрализации противодействия, а несколько, комплекс таких приемов. В таких случаях правомерно говорить о тактической операции по преодолению противодействия. Для дел о разбойных нападениях характерными являются, например, такие тактические операции, как проверка и разоблачение ложного алиби участников разбоя; разоблачение инсценировки разбойного нападения; доказывание симуляции психического заболевания; операция по розыску и задержанию скрывшегося обвиняемого.

В выявлении признаков и приемов, а также противодействие им кроме следственных действий и организационных мероприятий важную роль играют оперативно-розыскные меры, предусмотренные ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». С их помощью можно получить ориентирующие данные, например, о намерении подозреваемых (обвиняемых) в совершении разбойного нападения изменить показания; о встрече родственников или близких знакомых содержащихся под стражей лиц с потерпевшими, свидетелями по делу, о других фактах воздействия на последних; о подготовке ложного алиби; о готовящихся провокациях против следователя, судьи и др.

Еще одним важным тактическим приемом выявления и преодоления противодействия раскрытию и расследованию разбойных нападений преступлений является проверка (испытание) подозреваемого, а подчас и свидетеля на полиграфе³.

Таким образом, нарастание профессионализма преступников, совершающих разбойные нападения, обязывает следователя и оперативных работников умело использовать все процессуальные и криминалистические средства для своевременного упреждения, выявления, доказывания и нейтрализации всех приемов противодействия расследованию по конкретным уголовным делам, поэтому использование совокупности указанных выше методов, особенно при правильном их сочетании с использованием оперативно-розыскных возможностей, обеспечивает успешное разрешение ситуаций возникающих в связи с противодействием расследованию разбойных нападений.

¹ Лавров В.П. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений. Спецкурс лекций: Учебное пособие для вузов. – М., 2013. – 97.

² Бабаев Э.У. Предупреждение изменений показаний подследственным и свидетелем на предварительном расследовании. – М., 2011. – 46.

³ Волынский В.А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. – М., 2014. – 60.

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ

V Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
08 декабря 2018 года

1. **Абдулаева С.Р. кызы:** Республика Азербайджан.
2. **Абубакаров М.М. оглы:** Республика Азербайджан.
3. **Амирбекова Г.Г.:** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
4. **Бабаев Н.А.:** студент 4 курса юридического факультета «Дагестанский государственный университет народного хозяйства».
5. **Гасанова Ш.Ш. кызы:** доктор философии по праву Национальная академия Азербайджана.
6. **Гашимов Р.Р.:** кандидат исторических наук, доцент, заведующий юридическим отделением Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Дербенте.
7. **Гитинова М.М.:** декан юридического факультета и доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Учреждения высшего образования Институт фмнансов и права.
8. **Гогурчунов Б.И.:** директор, кандидат юридических наук, Профессиональной образовательной автономной некоммерческой организации «Республиканский многопрофильный медицинский колледж» (ПО АНО «РММК»); доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
9. **Гурбанов Р.И. оглы:** Республика Азербайджан.
10. **Джалилова У.Ш.:** студентка 4 курса юридического факультета «Дагестанский государственный университет народного хозяйства».
11. **Касумов Р.М.:** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой межфакультетских дисциплин, директор Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрте.
12. **Лахитова П.М.:** аспирантка кафедры государства и права юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
13. **Магомедов Б.М.:** аспирант кафедры государства и права юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
14. **Магомедов М.Б.:** доктор исторических наук, профессор, зеведующий экономико-правовым и педагогическим отделением Профессиональной образовательной автономной некоммерческой организации «Республиканский многопрофильный медицинский колледж» (ПО АНО «РММК»); профессор Института дополнительного образования ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
15. **Мамедзаде М.М оглы:** Республика Азербайджан.
16. **Махаев Я.М. оглы:** Республика Азербайджан.
17. **Махмудова А.М. кызы:** Республика Азербайджан.
18. **Мусаев М.М.:** кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин, заместитель директора Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрт.
19. **Насрудинов Н.Б.:** старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрте.
20. **Османов М.М.:** Директор Института дополнительного образования ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
21. **Пирова Р.Н.:** кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», г.Махачкала; доцент кафедры юридических и исторических дисциплин Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Кизляре.
22. **Разаков Р.Ч.-М.:** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрте.
23. **Сайбулаева Д.Г.:** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии психологического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
24. **Сулейманзаде Т.Б. оглы:** Республика Азербайджан.
25. **Халифаева А.К.:** доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
26. **Халумова Х.Х. кызы:** Республика Азербайджан.

Ответственные редакторы

Касумов Рамазан Магомедович
Магомедов Магомед Баширович
Гашимов Рамис Рамазанович
Мусаев Мирза Мусаевич
Османов Махач Магомедович
Разаков Руслан Чупан-Магомедович
Сайбулаева Джамиля Гаирхановна

Материалы

V Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
08 декабря 2018 года

Редактор
Р.М.Касумов
М.Б.Магомедов
М.М.Мусаев
М.М.Османов

Корректор Р.Ч.Разаков

Напечатано с готового оригинал-макета
Издательство ООО «Радуга-1»
Подписано к печати 12.12.2018 г.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. ед. 24. Тираж 500 экз. Заказ № 098
Телефон 8 928 511 12 01
Типография ООО «Радуга-1»